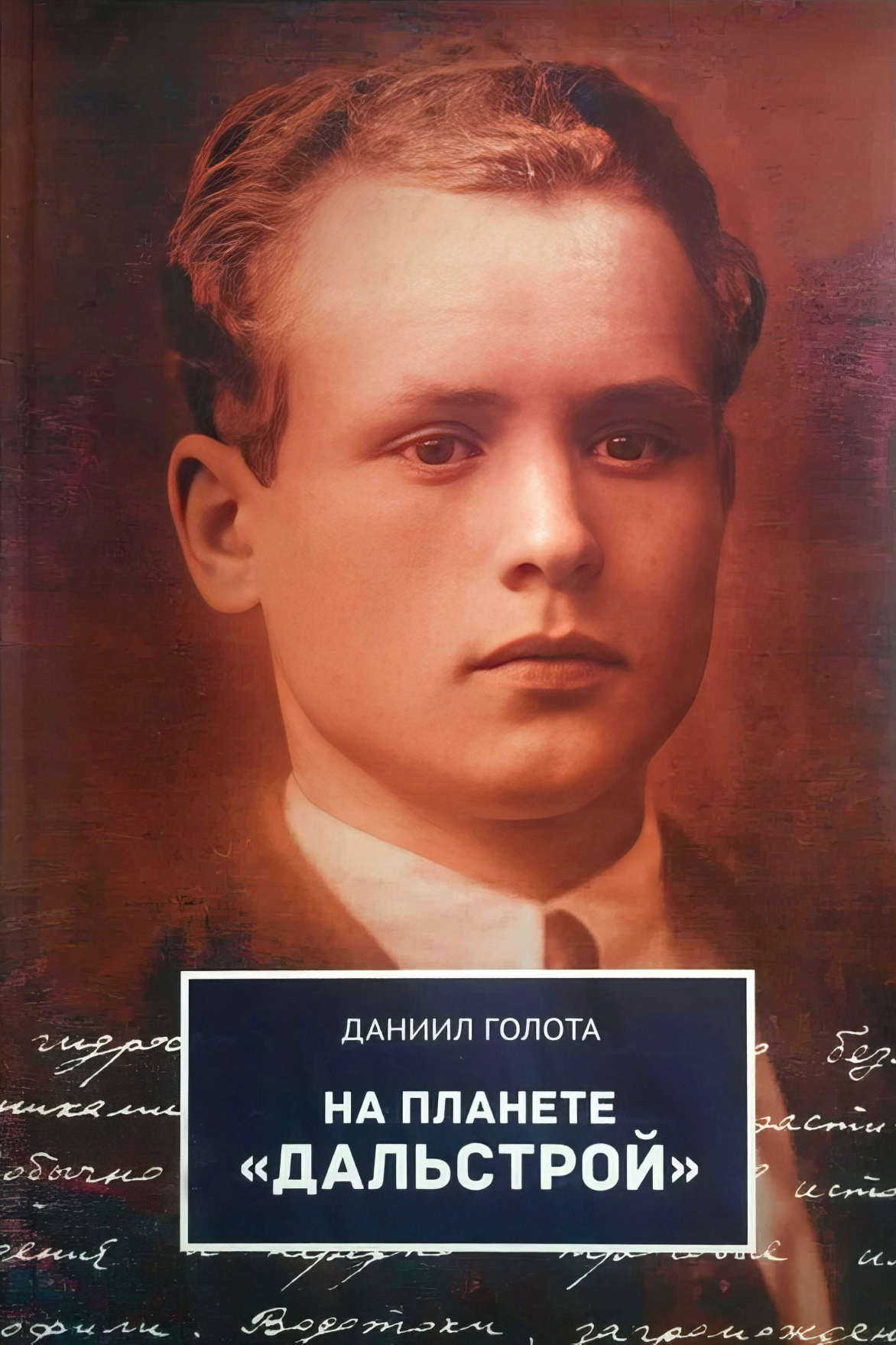


ДАНИИЛ ГОЛОТА

НА ПЛАНЕТЕ «ДАЛЬСТРОЙ»

85-летию организации
треста «Дальстрой»,
колымским геологам
XX–XXI веков посвящается

ББК 26.3г

Голота Д. С.

Г 61 На планете «Дальстрой» : (колым. хроника жизни очевидца. 1941–1956 гг. / Д. С. Голота; ред. П. Ю. Жданов. – Магадан : Охотник, 2016. – 349 с.

ISBN 978-5-906641-19-9

«На планете „Дальстрой“» Даниила Голоты – очередная книга из серии воспоминаний колымских геологов, начатой издательством «Неоконченным маршрутом» Виктора Володина и «Жизнью простого человека» Дмитрия Березского.

Выпускник Киевского университета, Д. С. Голота, прибывший по контракту в Дальстрой в 1941 году, рассказывает о работе приисковых геологов Чай-Урьинского геологоразведочного управления в годы войны, затем – геологов, занимающихся поиском золота, олова и урана на Колыме и Чукотке.

Автор повествует о жестких условиях труда и жизни вольнонаемных и зэков; о Магадане 40-х – середины 50-х годов прошлого века; учебном процессе в Магаданском горно-геологическом техникуме, в котором он преподавал несколько лет; о своей драматически сложившейся семейной жизни.

В книге представлены подлинные фотографии и карты, составленные автором.

Воспоминания рассчитаны на широкий круг читателей.

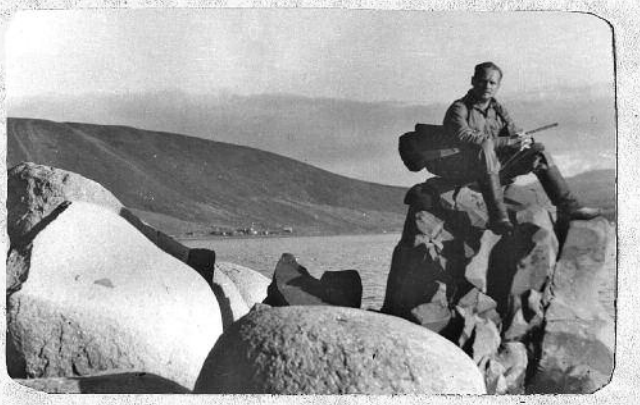
ББК 26.3г

Фото на следующей странице:
Д. С. Голота. Чукотка, Чаунская губа, мыс Шелагский. *1952 г.*

ISBN 978-5-906641-19-9

© Голота Д. С., наследники, 2016
© Издательство «Охотник», 2016

ДАНИИЛ ГОЛОТА



НА ПЛАНЕТЕ «ДАЛЬСТРОЙ»

Колымская
хроника жизни очевидца.
1941–1956 гг.

Магадан
Издательство «Охотник»
2016

ПОД ПСЕВДОНИМОМ ИВАН ОСТАШКО

«На приске работало более двух тысяч заключенных; в ту суровую зиму, когда морозы держались от -60 до -70 градусов, заключенные, бедные, гибли как мухи. Да и нам, „вольняшкам“, приходилось нелегко. В десятиметровой клетушке рубленого барака нас было трое – все молодые специалисты, прибывшие одним и тем же рейсом. Спали одетые – в теплом белье, ватных брюках, полушубках и валенках, в шапках-ушанках; стоявшая посреди комнатушки жестяная печка позволяла лишь кое-как вскипятить чайник. Ни дров, ни угля нам не давали; приходилось добывать за полпайки хлеба вязанку мерзлой ольхи или лиственницы, которую разносили заключенные после работы. Так что если на улице, за стенами, было шестьдесят градусов ниже нуля, то внутри – не выше минус сорока; к утру шапка примерзала к стенке, а голова покрывалась инеем…». Довольно красноречивая картина рисуется нам уже на первых страницах книги «На планете „Дальстрой“», написанной геологом Даниилом Сергеевичем Голотой и рассказывающей о событиях 40-х – середины 50-х годов прошлого века.

Старший техник-лейтенант Д. С. Голота (Иван Осташко). Начальник Центральной комплексной экспедиции в районе оловорудного и уранового комбината «Бутугычаг». *1949 г.*

В рукописи книга называлась «Планета „Дальстрой“». Предложенное издательством название более точно подходит к событиям, описываемым в книге: ведь читатель видит только часть жизни на этой «планете» и только часть этой огромной территории, существующей по «своим» особым законам. На Колыму, как уже несколько десятков лет обобщенно называют этот край, в то уже далекое время можно было попасть только пароходом. По праву ее можно было назвать «островом», недаром северяне называют все, что находится

В. А. Голота. Ведущий инженер Управления труда Министерства геологии СССР. *Зима 1975 г.*

за пределами Колымы, «материком». Этот остров огромен, он включает в себя и нынешнюю Магаданскую область, и Якутию, и Чукотку, и часть Хабаровского края, чем не планета?..

Название – это аллюзия автора, отправляющая читателя к строкам известной песни: «Колыма, Колыма – чудная планета, девять месяцев зима, остальное – лето». В словосочетании «чудная планета» содержится достаточная доля иронии, граничащей с сарказмом, подчеркивающей и удаленность от центральной части страны, и чудесность, чудность, которую в пору освоения территории следовало бы сразу же заключить в кавычки, настолько тяжелы были условия жизни всех без исключения работающих на приисках Дальстроя.

В книге Даниил Голота вывел себя под псевдонимом Иван Осташко, под вымышленными именами выведены и ближайшие родственники автора. Свои очерки, рассказы, стихи, публиковавшиеся в газете «Советская Колыма», а позднее и в литературном альманахе «На Севере Дальнем», он подписывал настоящим именем. У всех исторических персонажей, с кем свела его судьба на Колыме, в книге сохранены подлинные имена. Мы читаем о главном геологе Дальстроя В. А. Цареградском, профессоре-заключенном А. К. Болдыреве, геологах А. П. Васьковском, В. Н. Плиеве, Б. И. Вронском, Г. И. Каргаеве, Я. М. Арме, И. С. Лорви, Л. А. Сняткове, Е. К. Устиеве, Б. Н. Ерофееве, Х. И. Калугине, начальнике Дальстроя И. Ф. Никишове, начальнике Магаданского БЕРЛАГа А. Р. Гридасовой, замначальника Дальстроя М. А. Гаккаеве и многих других. Повествование от третьего лица позволило автору и дать оценку своей геологической деятельности, и рассказать о своей драматической личной жизни, которая в последние десятилетия для него обрела новый смысл благодаря женитьбе на Валентине Акимовне, сохранившей рукопись мужа

Рукописная страница Информационной записки о полевых работах 1947 г. к геологическому отчету Тумано-Вилигинской петрографической экспедиции. Автор Даниил Голота

формы почти отсутствуют. Но по более мелким ручьям и распадкам она очень скудная, а на склонах водоразделов и вовсе отсутствует. Подножные оленьи и конские корма имеются в достаточном количестве, но сенокосных угодий нет.

Животный мир представлен многочисленными видами грызунов, часто встречающимися бурыми медведями, снежными баранами и козами. Есть куропатки и водится много певчих птиц. В реках Виличе и Пропащей в июле и августе наблюдается обильный ход морской рыбы (лососевых), ловлей которой занимаются многочисленные промыслы.

Население коренное отсутствует. Но так как вдоль Вилиги проходит автотрасса, соединяющая бухту Пёструю Дресву с посёлком Омсукчан, то можно всегда встретить людей различных национальностей и профессий; на 11-м, 25-м и 37-м. км. автотрассы имеются также небольшие дорожные командировки.

Пути сообщения. Из Нагаево до бухты Пёстрая Дресва удобно добираться морским путём, а далее – по автотрассе, которая проходит через наш район работ. В пределах же последнего перевозить грузы можно только вьючным конным или оленьим транспортом и то – с большим трудом благодаря отсутствию троп и мягких перевалов.

III. Геологический очерк.

Вилигинский гранитоидный плутон, имеющий довольно сложные состав и структуру, окружен как осадочными, так и магматическими (порфиролитовыми) формациями мезозоя, причем те и другие, за некоторыми лишь исключениями, являются более древними по отношению к упомянутому плутону.

Триас и юра.

Осадочные породы, прилегающие в основном с запада и севера к выходам Вилигинского плутона, нами подробно не изучались, будучи хорошо исследованы геологом И.И. Тучковым (1945-46). Они представлены глинистыми и песчано-глинистыми сланцами верхнетриасового (норийского), а также нижне-, средне- и верхнеюрского возраста. Свиты этих пород вытянуты преимущественно в северо-западном направлении, причем наиболее древние

НКВД СССР

УСДС

3-15

ЛИЧНАЯ КАРТОЧКА

Личное дело № ~~15553~~ 15596 Архив № 1257

МАЙ 1944 — 1942 — ПЕРЕУЧЕТ

1. Фамилия Голота
имя Данил отчество Сергеевич
2. Год рождения 1916 место рождения УССР. Полт. обл, Золотоношск. р-н, х. Нова-Буда
3. Национальность Украинец.
4. Социальное происхождение из крестьян
5. Партийность без членский билет №
6. Принадлежность к ВЛКСМ Да членск. билет № 3297234
7. Член какого профсоюза Раб. высш. школы билет № 462706
8. Отношение к военной службе Допризывник
Военно-учетн. специальн. № Необучен.
9. Общее образование г. Донец. шахты Специальное образование Киевский университет геолог
Политическое образование нет.
10. Специальность геолог.
11. Общий стаж работы по найму 5 лет
12. Стаж работы по основной специальности 2 лет
13. Последнее место работы Ин-т Геологии АН УССР

14. Адрес последнего места работы I Кр... Короленко
15. Семейное положение женат.
16. Адрес семьи УССР, Киев. обл., г. Черкассы, с.х. Укр. Сад. Вин. трест
17. Кто из родственников находится на Колыме Нет.
18. Откуда прибыл Киева
19. Пароход Ф. Дзержинский рейс 5 дата 12.VIII.41.
20. Должность, на которую прибыл пр. геолог
21. На какой оклад 1100 р. Приказ 919. удостовер.
22. Паспорт выдан 7. отд. РКМ гор. Киева (кем)
серия III-КГ № 717246 дата выдачи 31.5.1941 г.
Срок 31.5.1946 г. 23. Был ли осужден нет (да, нет) ст.
Дата освобождения нет 19 г. справка №
24. Адрес постоянного местожительства УССР, Киевская обл., г. Черкассы, с-х. Укр. Садо-Вин. трест.

25. Назначение и перемещение по работе в Дальстрое

Приказ №	Год, м-ц, число Назнач.	Год, м-ц, число Уволн. перем.	Управление, отдел, предприятие	Должность	Разряд	Оклад
	19/VIII-41 г.		ЧГПУ пр. Шахт.	Прораб-геолог		
26	Переучет		г. ЧУГПУ			
24б	21/I-47		Трудас	ст. геолог НИО.		
VIII с/н	1/VII-48		1е управ. в распор.			
П/Я 14	Переучет 1952 г.		ПЕРЕУЧЕТ 1950 г.			

Сн. VIII 28/VIII ... отк. уз. комбинат

26. Отметки о взысканиях, премированиях и награждениях в Дальстрое

Приказ №	Дата	Управление, отдел, предприятие	Характеристика награждения и взыскания	Чек

27. Близкие родственники

Фамилия, имя, отчество	Степень родства	Местонахождение
Голота Сергей Игнат.	отец	УССР. Киевск.
Голота Ульяна Гаврил.	мать	обл. г. Черкассы
Герасименко Нина Ив.	жена	совхоз
Голота Сергей Данил.	сын	Укрсадовинтрест

28. Отметка об отпусках

Вид отпуска	Основание	Дата Начала	Дата Окончания
очеред. отпуск		9/VIII-46.	8/I-47
Отпуск III-51		(19/XI-51)	

29. Причина увольнения

Расчет произведен „ " 194

Удостоверение №

Дата заполнения карточки „8" августа 1941 г. [подпись] подпись заполнявшего

Подпись инспектора ОК

272×157 СЗ-40000

и сделала возможным появление книги на свет. В 2015 году книга на собственные средства В. А. Голоты тиражом 27 экземпляров и в совершенно ином виде вышла в Москве, и тем не менее она была удостоена престижной премии им. А. В. Сидоренко «За лучшую популяризацию профессии геолога».

В марте 1941 года, еще будучи студентом геологического факультета Киевского университета, Д. С. Голота подписал договор о работе в тресте «Дальстрой» и прибыл на Колыму, как записано в его учетной карточке, пятым рейсом грузопассажирского парохода «Феликс Дзержинский». Он работал геологом на прииске имени Чкалова на территории Чай-Урьинского горнопромышленного управления; затем – в составе геологических партий искал полезные ископаемые в верховьях Индигирки; в 1947 году возглавил тематическую Тумано-Вилигинскую партию. После работал старшим геологом в 5-м отделе геологоразведочного управления Дальстроя, а с 1948 года – в образованном на базе этого отдела I управлении, занимающимся поисками урана и тория. С 1949 года Д. С. Голота был назначен начальником Центральной комплексной экспедиции в районе оловорудного и уранового комбината «Бутугычаг», а с 1951 года занимался этой работой на Чукотке.

Параллельно Даниил Сергеевич преподавал в Магаданском горно-геологическом техникуме. Его студентом в это время был и отсидевший срок на Колыме Дмитрий Березский, автор «Жизни простого человека». В одном из писем Дмитрий Анастасович вспоминает Д. С. Голоту как очень хорошо знающего предмет и требовательного преподавателя.

Такова история описанной в книге жизни. Но как и книги В. Д. Володина, и Д. А. Березского, воспоминания Д. С. Голоты дают потомкам интереснейший фактический материал, правда, не лишенный местами романтического флера. Но в конкретике

Учетная карточка ГУ СДС НКВД СССР Даниила Голоты из личного дела № 15595, хранящаяся в Государственном архиве Магаданской области

описываемых событий эта романтизация, кстати, дающаяся, опять-таки, через повествование от третьего лица, позволяет достигнуть уровня некоего обобщения, эпичности, а через это – и вполне реального ощущения происходящего. В истории о поиске золота в верховьях Аян-Юряха в районе горы Харан он пишет: «*За лето, короткое северное лето, по скалам, осыпям, тайге и болотам пройдено больше тысячи верст. Пройдено в одиночку, с тяжелым грузом – в зной и ливень, в снег и туман, с туго затянутым, всегда голодным животом, потому что идет война, не достает ни продуктов, ни рабочих рук. И человек выбился из сил, отощал. Вместо тела – скелет, обтянутый кожей. На лице лишь нос да скулы торчат – сухие, почерневшие. Глаза впали глубоко-глубоко и чуть светятся, как вода в заброшенном степном колодце…*

Вот и сегодня прошел-проковылял он 22 километра по хмурым горам, в дожде и тумане, съев у ручья лишь кусочек хлеба с голубикой. Ноги уже не держат, сил нет… Человек опускается в изнеможении на холмик, сидит, сняв лямки с плеч, тяжело дышит.

До стоянки еще 3 километра – это недалеко…

Отдохнув немного и вытерев со лба холодную испарину, он берет за лямки рюкзак и, волоча его по земле, ползет к ближайшей лиственнице. Ползти тоже трудно, и человек все чаще останавливается, чтобы перевести дыхание… Возле деревца, полулежа, он слабыми, непослушными руками навьючивает на себя большой огрубелый рюкзак. Потом становится на колени и хватается иссохшими пальцами за сырой сучковатый ствол. Медленно, с трудным усилием, подтягивается вверх, напрягая все свои кости, еле разгибая колени».

Думаю, что всякий, даже не исходивший по колымским долинам и хребтам десятки километров, сможет представить и физическое, и психическое состояние геолога-поисковика.

К некоторым эпизодам, приведенным автором в книге «На планете „Дальстрой“», свидетелем которых он не являлся, а передал их со слов «очевидцев», следовало бы отнестись и с достаточной долей сомнения, например, к истории карьеры будущего начальника Магаданского БЕРЛАГа А. Р. Гридасовой, которую мы читаем в начале книги. Здесь надо принимать во внимание то, что 25-летний молодой человек, оказавшийся впервые на

Колыме, воспринимал любую информацию из уст «бывалых» как истину в последней инстанции. Но в любом случае она интересна, как и всякая легенда, которыми изобилует история нашего края.

Магаданский геолог И. Л. Жуланова в 2016 году на IX Диковских чтениях в СВКНИИ ДВО РАН в докладе, посвященном книгам В. Д. Володина и Д. А. Березского, сказала, что «*история геологической службы Дальстроя целенаправленно пока никем не исследовалась, хотя она… во многих аспектах весьма показательна. Подробные эмпирические данные (от ежегодного числа полевых партий до перечня горнодобывающих предприятий и динамики золотодобычи) содержатся в публикациях И. Д. Бацаева, где они тесно вписаны в контекст общего промышленного освоения Северо-Востока. И это естественно, поскольку все виды геологических работ – от поисков до добычи – в Дальстрое были тесно сближены, что прекрасно иллюстрируют обе книги*».

Несомненно, и книга Д. С. Голоты «На планете „Дальстрой“» вносит свой вклад в написание истории освоения Колымы; читателю она доставит особое удовольствие, путешественника же побудит побывать в тех местах, где работал автор книги, а публикуемые карты помогут это сделать…

Павел Жданов,
издатель

Заброска грузов оленьими обозами
на прииски Дальстроя.
Зима 1941 г.

ЛИХОЛЕТЬЕ

В ПРЕДДВЕРИИ

В Геологическом музее Киевского государственного университета на стене висела большая геологическая карта СССР, недавно выпущенная к XVII Международному геологическому конгрессу, который состоялся в 1937 году в Москве. Студент-выпускник геофака Иван Осташко, приступивший уже к курсовой работе, подолгу простаивал перед этой картой, внимательно всматриваясь в ту ее часть, что именовалась Крайним Северо-Востоком: здесь сплошь были «белые пятна» – почти не изученные районы. От Лены и кончая Чукоткой, от Охотского, Берингова и до морей Северного Ледовитого океана на огромной территории лишь изредка обозначались якутские, чукотские или эвенские населенные пункты; самым крупным среди них выступал новый город Магадан.

«Вот где простор для пытливой мысли исследователя! – думал Осташко. – А сколько здесь неоткрытых богатств, сколько геологических тайн хранит эта бескрайняя сибирская земля!»

И он твердо решил ехать туда на работу. Если… не помешает война. Она ведь уже стояла у порога его Родины.

Вторая мировая война шла второй год, охватив десятки стран Европы, Азии, Африки. Фашистская Германия полностью

Один из корпусов Киевского государственного университета. *1910-е гг.*

оккупировала Францию, Норвегию, Бельгию, Данию, непрерывно бомбила промышленные центры Англии. Между Германией, Италией и Японией был подписан Берлинский пакт, к которому присоединились Венгрия, Румыния, Словакия, Болгария; пали Греция и Югославия; шли бои в Северной Африке. Уже в декабре сорокового года немецкое правительство утвердило план войны против Советского Союза – план «Барбаросса». Германский фашизм рвался к мировому господству. Этому способствовала политика подачек и поощрений, проводимая в то время правительствами США, Англии и Франции по отношению к Германии. Только Советский Союз продолжал вести борьбу за мир, за пресечение фашистской агрессии.

Советская держава имела все необходимое для отражения готовившегося против нее нападения. В предвоенные пятилетки была осуществлена индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства, в результате чего создавались предпосылки для могучего подъема обороноспособности советского государства. Однако, как вскоре оказалось, Красная Армия накануне войны не была приведена в полную боевую готовность. Советские войска вовремя не заняли позиции на оборонительных рубежах вдоль западных границ – в организации обороны имели место серьезные недостатки. Между тем, фашистская Германия, захватившая к началу войны против СССР многие европейские страны, располагала огромными военно-экономическими ресурсами и крупными вооруженными силами. Она развернула у советских границ многочисленные армии, оснащенные хорошей военной техникой и современными средствами передвижения. Не ведя активных боев на западе, Германия смогла бросить против СССР почти все свои силы и силы своих союзников.

Все это заранее ставило войска Красной Армии в очень тяжелые условия вооруженной борьбы и предопределило большую опасность для социалистического Отечества.

Разумеется, Иван Осташко, как и почти все люди его страны, не мог знать истинного положения дел. Непоколебимой оставалась вера в то, что Советский Союз непобедим, что врагу никогда не удастся топтать его священную землю. И Осташко, заканчивая университет, надеялся вскоре осуществить задуманные желания.

1941

КИЕВ – КОЛЫМА – ЧАЙ-УРЬЯ

Дни пролетали быстро и незаметно: надо было и работу курсовую писать, и к выпускным экзаменам готовиться, так что ни на кино, ни на театры времени не оставалось. Новый год встретили скромно, в милой тесной компании. В комнате общежития собрались Иван с женой Улей да две ее подруги – Нюра Величко и Леночка Волкова. Выпили по рюмке ароматного ликера, купленного Иваном в гастрономе, пожелали друг другу успешного окончания вуза; в закусках недостатка не было.

Узнав, что жена Осташко ждет ребенка, поклонницы оставили его в покое.

...В марте прибыл в университет из Москвы представитель для вербовки геологов-выпускников на работу в Дальстрой НКВД – в районы Крайнего Северо-Востока, то есть как раз в те края, о которых мечтал Иван Осташко, простаивая у геологической карты Советского Союза. Отборочная комиссия заседала в кабинете ректора, выпускники-геологи находились в приемной в ожидании вызова. Две девушки, Таня «глаза-на-мокром-месте» и Надя Волошина, прослышав накануне, что будут «посылать на Колыму», где вечная мерзлота и нет ни овощей, ни фруктов, а обитают одни лишь каторжники, скоропалительно вышли замуж. Они показывали сокурсникам свои паспорта с отметкой о регистрации брака, будучи теперь уверенными, что на Колыму их не пошлют, ибо мужья работают в Киеве.

Комиссия, проводя собеседование, отбирала прежде всего желающих работать на Дальнем Севере, сугубо по принципу добровольности. Представителю из Москвы Монахову надо было завербовать десять человек, а желающих оказалось в полтора раза больше. Узнав об этом, Надя Волошина вспыхнула бело-красными пятнами, а Таня чуть не затопила слезами всю приемную! Дело в том, что вышли они замуж не по любви и без всякого на то желания, просто за знакомых воздыхателей.

После отборочной комиссии кандидатам-дальстроевцам пришлось пройти еще две: медицинскую, а также мандатную в Управ-

Д. С. Голота (Иван Осташко). 25 лет. Накануне отъезда на Колыму после окончания Киевского университета. *Июнь 1941 г.*

лении внутренних дел. В итоге в списке осталось 11 парней и 2 девушки – Нина Капустка и Тоня Стриж по кличке Солоха – эти как раз рассчитывали на замужество, пронюхав, что в Дальстрое женщины в большом дефиците.

Выпускные экзамены начались в мае; первыми, как полагалось, шли «Основы марксизма-ленинизма». Но сначала требовалось защитить курсовую работу. Иван Осташко скрупулезно трудился над ней, не укладываясь в расписание. Его работа называлась «Генезис Осиновского месторождения вольфрамита на Северном Алтае». Научным руководителем был назначен профессор минералогии Михаил Капитонович Шматько; курсовую работу Осташко представил профессору 14 мая.

В своем отзыве профессор Шматько писал: «Курсовая работа студента Осташко И. Ф. как по содержанию, так и по оформлению является образцовой… Работа служит ценным вкладом в литературу по вольфрамитам и заслуживает самой высокой оценки. Лично я оцениваю эту работу отметкой „отлично“».

Защита проходила блестяще, при полной аудитории. Осташко был на своем коньке и быстро, вразумительно отвечал на все вопросы, задаваемые членами факультетского ученого совета. По предложению его председателя Лукьяна Григорьевича Ткачука работа Ивана получила оценку «сверхотлично» и с представлением на премию.

Ульяна ходила на сносях. Чувствовала себя хорошо, была деятельна, собранна, без фокусов и капризов, неплохо защитила диплом.

Весна в этом году не баловала киевлян теплом – лишь к началу лета распустились деревья, зацвели каштаны. И воскресное утро 22 июня засияло в лучах благодатного солнца. Митя Залищук уселся на широком подоконнике, жмуря глаза; ребята просыпались, кто-то заправлял кровать, а кто-то собирался бриться. Где-то вдали слышался гул самолетов.

– Смотри, ребята, – вдруг оживился Митя, – здорово пуляют!

С 5-го этажа общежития, стоявшего на Владимирской горке,

отчетливо просматривались приднепровские районы города. В чистом голубом небе где-то над Арсеналом высоко летели два самолета, а вокруг них вспыхивали белые клубы от разрывов снарядов, напоминая раскрывающиеся коробочки хлопка. Вспышки ложились плотно, однако самолеты курс не меняли – они шли над Киевом по дуге от восточных мостов к западному все в том же сопровождении зениток.

– Это опять учения, – сказал Сеня Марич. – Стреляют холостыми, а то бы уже давно сбили.

Ребята с ним согласились.

Осташко спешил в библиотеку, ибо по воскресеньям бывали большие очереди, а ему надо было подготовиться к последнему экзамену – 26-го сдать физгеографию. К его удивлению, очереди не оказалось, вероятно, многие отправились на пляж. В читальном зале за соседним столом услышал разговор:

– У нас во дворе детского садика бомба разорвалась. Убило дворника, стоявшего у ворот.

– А дети?

– Там больше никого не было, сегодня же выходной.

– Откуда бомба?

– Да, говорят, самолет сбросил. На осколке немецкую свастику видели.

– Брешут, наверно…

Ивану что-то не работалось. Он просмотрел свежую газету – в 12 часов должно состояться торжественное открытие нового стадиона имени Хрущева; на торжествах будет присутствовать сам Никита Сергеевич, пройдут спортивные выступления, игры, веселые представления. Иван вернулся на трамвае к общежитию, взял белье и отправился в баню. Когда стоял под душем, вошел новый посетитель, упитанный мужчина средних лет, с шайкой в руке.

– Вы тут пока моетесь, а там война идет! – произнес он громко возбужденным голосом.

– Что? Какая война?

– Я вот полчаса как с поезда, приехал из Львова, – продолжал новенький. – Утром наш поезд немец обстрелял, с черным крестом. Пролетел прямо рядом, вдруг в соседнем купе окно – дзинь! Гляжу – человек упал, совсем, насмерть…

– Знаешь, приятель, ты тут панику не распускай! – пригрозил один из моющихся.

– Какую панику, какую панику… мать! Вон, иди на улицу – по радио Молотов выступает. Война! Германия напала. Без всякого предупреждения.

Голые люди загудели, зашевелились, как потревоженный улей. Осташко быстренько оделся, вышел на улицу. Электрические круглые часы показывали двадцать минут первого. На площади Калинина у длинного репродуктора, что на столбе, большая толпа слушала правительственное сообщение. Говорил Молотов, первый заместитель председателя Совнаркома и народный комиссар иностранных дел СССР. До Осташко доносились слова о том, что доблестная Красная Армия и Военно-морской флот дадут зарвавшимся авантюристам достойный отпор; весь советский народ поднимется на борьбу с германским фашизмом. «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

Иван шел к Уле спокойный: он был убежден, что через день-два наши войска вышвырнут агрессора прочь!

«И врагу мы не позволим рыло
Сунуть в наш советский огород!» –

вспомнились слова песни, которую они, бравые летнабы, пели в походном строю во время лагерных сборов.

Из сообщений радио Иван знал, что в полчетвертого на рассвете 22-го начались налеты вражеской авиации. Немцы бомбили Мурманск, Каунас, Минск, Львов, Киев, Житомир, Одессу; был налет на базу Черноморского флота в Севастополе. И в четыре часа немецкие армии на всем протяжении западных советских границ перешли в наступление. Их встретили огнем пограничные заставы, а затем вступили в бой передовые части полевых соединений. На второй день войны была объявлена мобилизация военнообязанных 1905–1918 годов рождения на территории почти всех военных округов, кроме Средней Азии и Дальнего Востока. Определились три главных военно-стратегических направления: Северо-Западное, Западное и Юго-Западное, главнокомандующими которых, соответственно, назначались маршалы Ворошилов, Тимошенко, Буденный; была создана Ставка Главного Командования.

В Киеве все чаще объявлялись воздушные тревоги; ночное небо рассекали голубые мечи мощных прожекторов противовоздушной обороны, слышалась быстрая стрельба зенитных ору-

дий. Но население, привыкшее к частым учениям, проводившимся уже многие годы, не спешило прятаться в бомбоубежища и толпами наблюдало, стоя у подъездов, за боем зениток, а когда 23-го над Цепным мостом в семнадцать часов загорелся и рухнул в Днепр вражеский бомбардировщик, по улицам прокатилось восторженное «Ур-р-ра-а-а!»

Вечером 23-го Иван занимался в географическом кабинете, готовясь к экзамену. Там его задержала воздушная тревога – отбоя не было до одиннадцати вечера. Трамваи не ходили, он возвращался домой пешком по затемненным улицам, освещенным синими фонарями, прикрытыми металлическими абажурами. В темном небе рыскали, скрещиваясь и разбегаясь, тревожные прожектора; на оконных стеклах зданий белели наклеенные бумажные кресты – защита от ударной волны при налетах. Уля сильно встревожилась – ей стало казаться, что муж попал под бомбежку, и не успел он войти в комнату, она, взволнованная, со слезами бросилась ему на шею. А ночью у нее начались схватки. Ранним утром Иван вызвал «скорую помощь» и отвез жену в больницу на Бессарабке. Это был последний выезд «скорой» по городскому вызову: все машины направлялись на перевозку раненых, начавших поступать с поля военных действий.

День 24 июня выдался очень теплым, тихим, солнечным. И спокойным: не было ни одного налета. После обеда Ульяна родила сына. Имя ему они дали еще до рождения – Федя, в честь дедушки. Узнав от медсестры о благополучных родах и неплохом состоянии жены, Иван передал ей отборной клубники и букет красивых георгин.

Сводки с фронтов были неутешительны. Иван стал понимать, что положение серьезное, но еще не допускал мысли о возможности прорыва немцев к Днепру; Киев, Черкассы казались ему глубоким, недостижимым для врага тылом. Но 25-го к столице Украины прорвались двадцать семь «юнкерсов»; они шли сомкнутым строем, пытаясь бомбить важные оборонные объекты. Бомбы упали близ Арсенала, у заводов «Ленкузня», «Большевик», возле железнодорожного вокзала; несколько бомб разорвалось в сборочном цехе авиазавода, но вреда они не принесли – завод уже успели эвакуировать. Осташко недоумевал: почему нет советских истребителей? Вражеские налеты отражают лишь одна зенитная артиллерия да пулеметы.

«Видимо, вся авиация брошена на запад», – подумал он, успокаивая себя.

Двадцать шестого геологи сдавали последний выпускной экзамен – физгеографию. Но этот день стал и вообще «последним выпускным» – в аудитории сидел целый синклит преподавателей, принимали всех «хвостистов» и по всем предметам сразу, чохом. Тоню Стриж и Нину Капустку тоже допустили к экзаменам: не было счастья, да несчастье им помогло (стоял вопрос вообще об их исключении из университета за «хвосты») – война им на пользу пошла! Вышло, что дипломы все одинаковые получили – и знающие, и незнающие. А девицы – Солоха и Капустка – остались, к тому же, в дальстроевских списках, надеясь в близкой перспективе обрести мужей.

Все ребята, завербованные в Дальстрой, по возрасту относились к контингенту, подлежавшему мобилизации, но поскольку они уже числились за НКВД, то с военного учета их сняли.

Старшим группы назначался Сева Коржинский. Каждый получил на руки соответствующее удостоверение, копию договора, а также полторы тысячи подъемных; такая сумма для бедных вчерашних студентов казалась очень большой, и многие часть денег послали своим родным и близким. Иван хотел оставить Уле пятьсот рублей, но она категорически отказалась: ей с сыном и его родители, и ее мать помогут, а ему еще неизвестно как придется.

Из родильного отделения больницы Иван забрал жену и ребенка на другой день после сдачи физгеографии; там уже не хватало мест для раненых бойцов, которые стали тысячами прибывать в Киев с фронта.

Постельку маленькому Феде отец соорудил из двух стульев, составленных между спинкой жениной кровати и тумбочкой. Малыш вел себя спокойно и, когда его освобождали из мокрых пеленок, блаженно расправлял пухленькие ножонки и ручонки, потягиваясь всем своим нежно-розовым тельцем. Молока у Ульяны хватало с избытком. Молодые родители, несмотря ни на что, были рады появлению ребенка. Они дали телеграмму в Черкассы, чтоб за Улей приехали. А через годик, решили они, как только ребенок окрепнет, Иван пошлет из Дальстроя вызов и Ульяна с сыном прибудет к нему.

В тот день, когда Осташко перевез жену с ребенком домой, над их общежитием вдруг со звенящим ревом пронеслось звено родных

«шестнадцаток» – истребители устремились навстречу группе фашистских самолетов, направлявшихся на город из-за Днепра. Враг не выдержал стремительной атаки и повернул обратно. Говорили, что эскадрилья И-16 прибыла из Оренбурга, из тех воинских частей, куда чуть было не попал Иван Осташко в 1936 году из-за анонимного доноса. Теперь киевляне могли работать и спать спокойно – немецкие стервятники нападать уже не решались.

Если бы не война, то наши геологи-дальстроевцы могли бы побыть в двухмесячном отпуске, а затем, каждый сам по себе, добираться в Магадан, лишь бы успеть к концу года. Но в связи с чрезвычайной обстановкой их предупредили: выезжать как можно скорее в Москву, всем вместе, и там сразу же явиться в Дальстройснаб; с собой взять самое необходимое, фотоаппараты не брать. Не исключались неприятности с японцами, хотя накануне войны министр иностранных дел Японии Иосука Мацуока, специально прилетевший в Москву, клятвенно заверил, что его страна никогда-никогда не будет воевать с Советским Союзом.

Итак, на Колыму, кроме уже упомянутых Тони Стриж, Нины Капустки, Севы Коржинского и Ивана Осташко, ехали также Сергей Шевчук, Саша Бучагский, Петр Лутугин, Вацлав Шмыгуновский, Сеня Марич, Митя Залищук, Алеша Ковальчук… и Яша Копман. Этот предприимчивый индивидуум всегда стремился отделиться от всей группы однокашников – все выгадывал. Он и в Дальстрой надеялся попасть втайне от товарищей, но тут получилась неувязочка – Яша был включен в общий пропуск, а ехать без такового – значит вместо Магадана попасть в штрафную роту. Однако и на этот раз Копман кое в чем преуспел: отлучившись из Киева на четыре дня, помог своим родным перебраться из Овруча, к которому уже подходили немцы, в далекий тыл – на Урал, в Свердловск.

Отъезд группы был назначен на 2 июля. Утром в этот день приехала Улина мать, Мелания Яковлевна, – они с ребенком должны были уехать домой, в Черкассы. После обеда Иван простился со своими. Он несколько минут стоял у постельки крошечного Федюшки, думая невеселую думу. Сынишка тихо спал, чуть слышно посапывая кнопкой-носиком. Иван наклонился, легонько поцеловал малютку в лобик. Уля тесно припала к мужу, застыв в его объятиях; в ее глазах блестели слезы. Заплакала и Мелания Яковлевна.

– Ничего, не печалься, Уленька, через годик опять будем все вместе…

Он помахал у двери рукой, надел на плечи рюкзак с одеждой, взял фибровый чемоданчик и поспешил в университет – сбор был назначен на пять часов пополудни. Все свои вещи – часть белья, сорочки, фанерный чемодан с книгами, фотографиями, дневниками, конспектами, фотоаппаратом – сдал в камеру хранения своего общежития. Сдал, как потом оказалось, навсегда…

В деканате Иван получил диплом, а также фотоальбом своего выпуска – прекрасную память об университете, товарищах студенческой жизни. И диплом, и альбом сохранит он до последних дней своих… В коридоре, когда уже направлялся к выходу, его встретил профессор Шматько.

– Осташко, вам присуждена первая университетская премия, пятьсот рублей. За курсовую работу. Можете получить.

Только сейчас бухгалтерия уже закрыта, – посетовал Михаил Капитонович.

– А завтра меня уже не будет, отправляемся сегодня в Москву и дальше – в Магадан.

– Ну, ничего, дадите свой адрес – вам перешлют. Желаю успехов в вашей трудовой деятельности, всего наилучшего! – сердечно сказал на прощанье старый профессор, крепко пожав Ивану руку.

Осташко направился через калитку в университетский ботанический сад. Там, у могучего береста (*листопадное дерево, относящееся к роду вяз. – Ред.*), окруженного скамейками, собралась вся группа; колымчан провожали остальные, кто пока еще оставался в Киеве. Сквозь густую листву пробивались косые лучи заходящего солнца; со стороны вокзала иногда доносился стук проходивших поездов. Вчерашние студенты, а нынешние молодые специалисты по-прежнему оставались невозмутимо веселы, предсказывали будущее, обещали всегда помнить лучшие годы своего бытия, не забывать друг о друге. Один только Яша Копман все так же держался особняком, что не ускользнуло от «ротного поэта» Петра Костенко.

– Товарищи, – сказал он громко, – вы обратили внимание? В нашем фотоальбоме – невосполнимая потеря: отсутствует некая выдающаяся личность.

– Кто? Наш Яша? – улыбнулась Таня Львова, взглянув на Копмана.

– Ах, родименький, как же ты нас огорчил! – манерно всплеснула руками Нина Капустка.

– Ничего подобного, наоборот! – вмиг изрек Яша, вызвав всеобщий хохот.

– Вот именно, это ты верно, Яша, сказал – наоборот; не огорчил ты нас, а обрадовал, – добавил Осташко, и про Копмана все тут же забыли, словно его и не существовало.

Когда стало темнеть, всей ватагой пошли к вокзалу. Там, в сторонке от главного входа, в синеватых сумерках маскировочных огней полумолча постояли, затем – последние напутствия и пожелания, последнее «прости-прощай». Каждый из провожавших сердечно обнимал и целовал поочередно всех отъезжавших. Особенно теплое прощание было с бессменным «треугольником» – старостой Егором Гузенко, комсоргом Таней «черненькой» и профоргом Таней «беленькой». А что касается третьей Тани, то и тут она пролила море слез: поистине – «глаза-на-мокром-месте».

В десять часов вечера пассажирский поезд отправился на Москву – без отходных гудков, при затемненных окнах. Мест хватало. По старой студенческой привычке, не избалованные комфортом, колымчане-дальстроевцы расположились на средних и верхних полках общего вагона для некурящих.

Среди ночи проснулись от страшного толчка и гула бомбовых разрывов. Кум и Щучка слетели с верхних полок, Осташко трахнулся затылком о стенку перегородки. Поезд остановился на подходе к Нежину – в результате вражеской бомбежки оторвало два задних вагона, кто-то был убит, многих пассажиров ранило; уцелевших разместили по оставшимся вагонам. К восьми утра 3 июля поезд подошел к большой узловой станции Конотоп, сплошь забитой железнодорожными составами с военной техникой, красноармейцами, беженцами. Перед их поездом стояли товарные вагоны, битком набитые несчастным людом, бежавшим из захваченных немцами сел, деревень и городов. Между эшелонами бродили изможденные женщины в рваных одеждах, с детьми на руках, узелками, сумками; лица их почернели от солнца, слез и горя. Беда, страшная, неотвратимая беда надвигалась на страну – это остро почувствовал, понял теперь всем существом своим Иван Осташко, геолог и младший штурман бомбардировочной авиации.

– Братва, вылезай, наш поезд дальше не пойдет.

Это сказал Сева Коржинский, старший по группе – его предупредил военный комендант. Ребята побрели к вокзалу. Пекло солнце. По путям, на перроне – везде суетились, бродили люди. За высокими тополями показался фашистский разведчик; не долетев до станции, он неожиданно повернул обратно. Но улизнуть не успел – его подбил советский истребитель. Прошел слух, что немец выбросился на парашюте. Тем временем среди киевлян обнаружилась пропажа Мити Залищука. Кинулись искать, Сева побежал в комендатуру. Там, под охраной двух бойцов, стоял бледный Митя. Оказывается, его приняли за выбросившегося немца и сцапали где-то недалеко от вокзала. Залищук и в самом деле походил на чистого арийца, немецкого летчика. На нем был комбинезон, подпоясанный ремнем, и синий берет, а белобрысые волосы, серо-голубые глаза, светлые ресницы и тонкие черты лица подчеркивали «арийское» происхождение. Его украинский акцент и ссылка на пропуск, имеющийся у старосты по группе, еще больше усугубляли двусмысленность положения. Только общими усилиями товарищей, при помощи предъявленных документов удалось погасить недоразумение. А тем временем якобы поймали и настоящего фрица.

В конце дня дежурный комендатуры указал товарняк, стоявший на дальних путях, – он должен был отправляться в сторону Москвы. Старенькие дощатые вагоны с широко раскрытыми дверями уже оказались заняты людьми. Найдя вагон посвободнее, разместились кучно, друг возле друга, на полу, облокотившись спиной на свои вещи. Состав долго не двигался с места, а население все прибывало. К ночи людей набилось как сельдей в бочке – ни встать, ни повернуться, сидели и полулежали друг на дружке. На Ивановых ногах устроилась толстая тетка, повязанная шерстяным платком и одетая во множество всяких одежд, с огромным узлом в руках; расположилась она словно у себя на печи и задремала, захрапев на весь вагон… Иван не спал. В вагоне стояла духота; запахи давно не мытых тел, несвежих продуктов вызывали тошноту; от невозможности выбраться наружу многие мочились под себя… Всю ночь поезд шел без остановки, а когда солнце поднялось над придорожной лесополосой, к остановившемуся составу подбежали военные и потребовали выходить из вагонов – дальше в сторону Москвы

свободный проезд был закрыт, пропускали только по московским паспортам, командировочным удостоверениям и прочим соответствующим документам…

Киевляне прибыли в столицу 4-го вечером и без всяких осложнений устроились в комфортабельных номерах полупустой гостиницы «Европа» на Неглинной. В Дальстройснабе, куда на следующий день они явились, сказали, что по дальстроевской брони можно выехать во Владивосток не раньше 21 июля, выдали еще по тысяче рублей аванса – до самого Магадана. Однако сидение в Москве восторга не вызывало; музеи, выставки, театры позакрывались, столица находилась на военном положении. На ночь вокруг Кремля поднимались на большие высоты аэростаты заграждения. Окна правительственных и многих жилых домов крестообразно оклеивались бумагой.

Четвертый день уже околачивались наши геологи в Москве. Бродили по Охотному ряду, по Красной площади, Александровскому саду, ездили на Комсомольскую площадь к Ярославскому вокзалу, откуда шли поезда на Дальний Восток и где стояли многодневные очереди за билетами. По вечерам расхаживали по фешенебельным холлам пустой гостиницы; кто читал взятую с собой в дорогу книгу, другие играли в дурака, короля или девятку. Слушали по радио сообщения Совинформбюро. Сводки были неважные – советские войска хотя и наносили большие потери врагу, но под его натиском все дальше отходили к востоку. В Ленинграде и Москве формировалось народное ополчение, на Украине создавались партизанские отряды и организации большевистского подполья в оккупированных районах. В конце дня девятого июля стало известно, что немец захватил почти всю Белоруссию, части Красной Армии оставили Житомир.

– Так это же почти в ста километрах от Киева! – воскликнул Митя Залищук, обращаясь к сидящим в холле товарищам. – Идет война, фрицы прут как саранча, мое родное Полесье горит, а мы тут отсиживаемся. А еще бравыми летнабами называемся!.. Тоже мне – комсомольцы…

– Так что ты, Щучка, предлагаешь? – спросил Сева Коржинский по кличке Нижняя Губа.

– Пошли завтра же в ближайший военкомат – пусть на фронт нас отправляют. Нечего ждать эту дальстроевскую бронь.

– Верно, Митя! – поддержал Сергей Шевчук (Верхняя Губа). – Нас как раз 9 человек – свою эскадрилью образуем. Тоня и Капустка медсестрами у нас будут.

– А Яшу куда же? – ехидненько спросила Нина.

– Яше мы ружье с кривой дулой купим – он будет фрицев из-за угла щелкать, – пробасил Сева.

– Ничего подобного, наоборот, – как всегда, возразил Яша, почему-то покраснев.

Тоня Стриж тронула Севу за руку:

– И ты тоже на фронт согласен?

– А что же, я рыжий, что ли? Конечно, пойду.

На следующее утро после завтрака гуртом отправились в Кировский райвоенкомат; среди них не было только Яши и Тони. Их скоро пригласили в кабинет военкома. Средних лет подполковник внимательно выслушал (от имени всех говорил Залищук), посмотрел документы, улыбнулся:

– Молодцы, ребята! Смотрю на вас и верю: будет и на нашей улице праздник!.. Только вот что я вам скажу: раз вас с воинского учета сняли, на Колыму посылают – значит там вы нужнее. Теперь, когда война, ой сколько золота потребуется! Да к тому же, знаете, летчиков у нас более десяти тысяч, а самолетов… немцы в первые же часы две трети на аэродромах уничтожили. Летать не на чем… Вот построим новые, тогда другое дело. Ну спасибо вам, ребята, за патриотический порыв, за доброе стремление. Желаю поскорее добраться до места назначения.

– Видишь, Щучка, какая карусель получается… – старался утешить Митю Нижняя Губа, когда они вышли из военкомата.

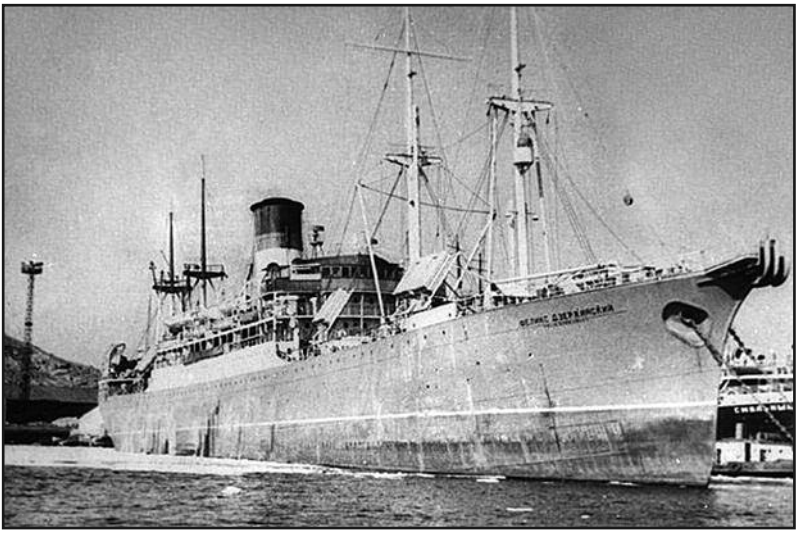
– Знаете что, у меня предложение, – сказал Бучагский Саша, небольшого роста подвижный паренек. – Давайте посменно, круглыми сутками стоять у кассы на вокзале – мы, возможно, так уедем раньше, чем по брони.

Так и сделали. Билеты удалось купить до Владивостока, но места дали в вагон № 12 поезда «Москва – Иркутск» – составы ходили вне всякого расписания и не по всем направлениям. В продуктовом магазине, что недалеко от Главпочтамта, запаслись хлебными батонами, колбасой, рыбными и мясными консервами и шестнадцатого числа выехали из Москвы. До Урала поезд плелся четверо суток, подолгу стоял на разъездах и полустанках, пропуская эшелоны с войсками, танками, орудиями и прочей военной

техникой. Погода держалась сухая и жаркая, ночью вагоны освещались свечами, по одной у каждого тамбура – соблюдалась светомаскировка. После Урала до самого Иркутска, куда прибыли утром двадцать четвертого, ехали без затемнения и быстро, но вместо зноя шли обложные холодные дожди, а когда они прекращались, по небу плыли угрюмые лохматые тучи. Иван подолгу простаивал у окна, наблюдая природу: ведь после Новосибирска, куда он в прошлом году ездил на практику, путь был ему незнаком. Иногда подсаживался к компании, принимая участие в карточной игре. В соседнем с геологами вагоне ехали на Сахалин пять девушек, окончивших фармацевтический техникум в Москве; молодые люди вскоре перезнакомились между собой, некоторые явно симпатизировали друг другу. После Иркутска тот же пассажирский состав шел до Хабаровска, а затем и до Владивостока; и опять – со светомаскировкой. На конечный пункт поезд пришел 31 июля в 10 часов утра по местному времени.

Во Владивостоке стояла пасмурная погода, и киевляне поместились в палатке дальстроевского транспортного городка. Иван с товарищами в драмтеатре Дальневосточного морского флота смотрел «Фра-Дьяволо», а в кинотеатре «Уссури» – фильм «Мы из Кронштадта», сделал кое-какие покупки, написал домой жене и своим старикам письма.

6 августа жарко пригрело солнце. Ребята в последний раз пошли на почтамт. Осташко и Сергей Шевчук держались вместе, все еще надеясь получить весточку из дома, но женщина за окошком, перебрав пачку писем до востребования, опять ответила: «Нет». В зале было душно, и оба вышли во двор, в тень, ожидая товарищей. Здесь дышалось легче, хотя изредка появлялись комары, нахально устремлявшиеся на открытые места тела. Стоявший спиной к двери Иван вдруг заметил, что Сергей, повернув голову направо, смотрит на кого-то долгим всепоглощающим взглядом, и, посмотрев туда, увидел эфемерное создание с ангельским курносым личиком, глазками-незабудками и пунцовыми невинными губками. Легкий ветерок шевелил ее белокурые кудряшки, играл подолом зефирного белого платья с глубоким вырезом на груди. Прислонясь спиной к дверному косяку, это божественное создание покачивало носком белой крохотной туфельки, опиравшейся на тонкий каблучок а-ля кантес. В милой смуглой ручке ее был полураскрытый перламутровый веер, которым девушка иногда отмахивалась от пролетавшего



Пароход «Феликс Дзержинский». *1940-е гг.*

комара. Заметив неотрывный взгляд Сергея, она потупила глазки и, опустив руку с веером, приняла мечтательный вид.

В это мгновение наглый кровопивец тотчас вонзился в кончик ее изящного носика. И эфирное существо, хватив его пятерней левой руки, прошипело злобно и громко:

– Е… по черепу!

Сергей недвижно застыл в глубоком шоке, и нижняя челюсть его растерянно отвисла. Иван засмеялся. А девушка, как ни в чем не бывало, покачивала ножкой.

– Ну все! – очнувшись, произнес Шевчук, рубанув ладонью воздух. – Больше я не матерюсь!

Тут вышли из почтамта Саша Бучагский и Вацик Шмыгуновский – они получили известия от домашних, были веселы, и Сергей не сразу смог поделиться с ними тем своим душевным переворотом, который произвела в нем эта прелестная девушка, ругнувшись не хуже заправского пьяного забулдыги…

В два часа дня, погрузившись на самоходную баржу, отъезжавшие подошли к пароходу «Феликс Дзержинский» – флагману дальстроевского флота, стоявшему на рейде. Этим рейсом возвращались из отпусков многочисленные колымчане, неожиданно застигнутые войной на «материке». Судно загрузили до

отказа, разместив большинство пассажиров на деревянных нарах в твиндеках.

Пароход блистал чистотой, в столовой кормили вкусно и питательно. С наступлением темноты на верхней крытой палубе зажигались гирлянды разноцветных огней и начиналось гуляние. Передав последние известия, репродукторы мощно заполняли пространство звуками вальсов и фокстротов, под которые кружились танцующие пары. Здесь не думали о войне – слишком далеко отсюда лилась кровь людская. Танцевали в основном подвыпившие и «фибзы» – женщины легкого поведения, избалованные безмятежной сытой жизнью. Даже многие семейные пары, мужья и жены, разделялись, чтобы развлечься со своими знакомыми и незнакомыми.

А Иван, с грустью бродя среди беспечно веселившегося колымского общества, все думал о своей дорогой Уленьке, о маленьком Феде, об отце и матери. Где-то они сейчас, как живут, что с ними? Он так надеялся, что во Владивостоке получит хоть телеграмму от жены, но ежедневные хождения на почтамт приносили ему только горечь и уныние: из дома не было ничего. Здесь, среди попутчиков, ехали жены с мужьями – среди них были порядочные, хорошие люди, на которых Иван глядел с завистью. Ехали геологи-харьковчане, выпускники Харьковского университета – 18 мужчин и 2 женщины. Среди них была одна семейная пара с годовалым ребенком… Ах, как хотелось Ивану быть здесь тоже вместе с женой и сыном! Да что поделать, куда же ей, слабой, с грудным, в такую даль было ехать…

10 августа пароход вошел в Охотское море. Низкое серое небо плотно нависало над безбрежными водами, трепетавшими крупной рябью. Ветра не было, но волнение усиливалось, начиналась мертвая зыбь. К вечеру, разорвав мрачную кисею, показалось солнце. Волны, широкие и могучие, все сильнее вспучивали морские воды, пенясь белыми гребнями. Солнце нырнуло за темную полосу в небе, повеяло свежим ветерком, и ночь быстро спрятала корабль в свои густые сети. На море лег стылый туман. Сырую, промозглую тьму тревожно пронизывали басовитые гудки парохода, не сбавлявшего своего хода и оставлявшего за кормой двухполосный пенящийся след.

12 августа «Феликс Дзержинский» прибыл в бухту Нагаева и в полдень пришвартовался к портовому пирсу. У причалов

стояло много грузовых и легковых машин. Большие и малые начальники, магаданские и из далеких таежных приисков, приехали встречать своих жен. Осташко видел, как вчерашние «фибзы» кидались в объятия своих муженьков – ну прямо-таки воплощение святой чистоты, ангельской верности и безгрешности! «О времена, о нравы!»

В тот день, после сухой пыльной погоды, начались скучные моросные дожди. Дымчатые тучи медленно ползли по оголенным сопкам, окружавшим молодой центр Колымы, выросший за десять лет; до 1939 года он именовался поселком. В нем были дощатые тротуары, город продолжал строиться, располагаясь на перешейке полуострова Старицкого, омываемого с юга водами бухты Нагаева, а с северо-востока – бухты Гертнера.

Целую неделю бездельничали киевляне-геологи, проживая в общежитии транзитного городка, – ждали назначения на работу.

Все время, начиная со дня прибытия в Магадан, Иван ходил на почту и телеграф, но для него ничего не было…

В понедельник 18 августа все были в Главном управлении и получили назначение на работу. Все, кроме Яши Копмана. Он «сумел» определить свой статус-кво еще в субботу: стремился, как сознался ранее Вацлаву Шмыгуновскому, не попасть вместе с Осташко или Капусткой, которых не выносил. Пришел после обеда довольный:

– Я еду в Чай-Урьинское управление!

– О, уже успел? – тут же съехидничала Нина.

– Ничего подобного, наоборот!..

Иван подошел к Яше, хлопнул его по плечу:

– Да ты, Яша, очень умный человек!

– Ничего подобного, наоборот, – не подумав, как всегда, поспешил ответить Копман, и все захохотали.

– Вот это верно, – пробасил всерьез Сева Коржинский. – Наконец-то ты, Яша, правильное слово сказал.

Копман покраснел и молча отошел в сторонку. С тех пор эту глупую привычку возражать никто от него больше не слышал. Осташко отучил!

Как ни хитрил, ни мудрил Яша Копман, безжалостная фортуна опять повернулась к нему спиной: в понедельник Иван тоже получил назначение в Чай-Урьинское горнопромышлен-

ное управление (ЧУГПУ), находившееся в поселке Нексикан, о чем не преминул сообщить Копману:

– Яша, можешь меня поздравить: я еду в Чай-Урью!

Тот ничего не ответил.

Первыми по главной колымской трассе уезжали из Магадана вечером 19 августа Осташко, Шевчук, Копман и Бучагский. Грузовая пятитонка с крытым фанерным кузовом стояла близ ресторана; в нескольких метрах журчала Магаданка. Белые пряди сгустившихся облаков лизали подножие господствовавшей над городом сопки, с моря надвигались темные тучи, и в разрывах между ними появлялось садившееся солнце. Отъезжавшие прощались с остальными. Яша деловито подавал каждому руку, говоря «до свидания»; ему отвечали тем же, и всем при этом было ни холодно, ни жарко. Но с Сережей, Сашей и Ваней прощались сердечно, со слезами, с крепкими объятиями, поцелуями. С глубокой болью переживала расставание Нина: отбежав к оставшимся товарищам, она печально плакала.

Темнело. В прогалине промеж туч Иван впервые на колымском небе увидел звезды. Машина тронулась. В ней сидели тридцать человек, в прицепе находились их вещи. Здесь, в этой машине, ехали Копман, Шевчук и Осташко, а Саша был во второй, шедшей следом. В машинах следовали люди, прибывшие пароходом, – отпускники и молодые специалисты. Иван и Сергей устроились у заднего борта, неудобно поджав ноги. Их сильно бросало на ухабах, выхлопной дымок выедал глаза, драл в горле, но зато можно было любоваться суровой колымской природой, созерцая окрестные скалистые вершины, кусты кедрового стланика на склонах, таежные массивы даурской лиственницы в долинах. С Яблонового перевала открывалась дальняя перспектива остросопочного моря: голые каменистые конусы, прячась друг за друга, становились все темнее, пока не переходили в густо-синие силуэты, едва видневшиеся на горизонте. Этот полупустынный сопочный ландшафт с бедной растительностью и редкими снеговыми пятнами подчеркивал величие экзотики Крайнего Севера.

Далее дорога вилась опять среди живописных долин с журчащими речками и чудесными рощами, в которых, кроме лиственницы, встречались ива черная, тополь, осина и заросли тальника. Над долинами стояли тысячеметровые горы-великаны, покрытые плащами осыпей, из-под которых выступали

причудливые столбы, гребни и одинокие глыбы, напоминавшие сказочных химер-великанов.

Любуясь строго-величественной красотой, Осташко восклицал про себя: «Да! Мой выбор верный! Как много увидел я за этот месяц нового и интересного, продлив аж сюда сибирский маршрут».

В поселке Атка, где шофер заправлял «ЯАЗ» бензином, пассажиры в транспортной столовой поели рисового супа, пшенной каши с патокой, выпили чаю. Дорога подсохла, и Сергей с Иваном до того покрылись пылью, что блестели только зубы да глаза. В широкой долине Левой Хеты они увидели большие промывочные приборы – это были золотые прииски Южного горнопромышленного управления. Пройдя высокий, но спокойный перевал Дедушкина Лысина, очутились у извилистой речки Мякит, а потом въехали и в поселок того же наименования. В Мяките ночевали. Оба друга спали в прицепе на чемоданах, одетые.

С рассветом покатили дальше. Преодолев перевал Паутовый (*ныне Гербинский. – Ред.*), из долины Мякита попали в верховье речки Оротукан – там начался дождь. Плоская фанерная крыша кузова была плохой защитой – на пассажиров лило из всех щелей. Так, под дождем, без остановки, проехали поселок Оротукан – пункт назначения Саши Бучагского; с ним проститься не довелось – его машина где-то отстала. Следующим был поселок Спорный – большой, с возводившимися двух- и трехэтажными кирпичными домами. А после Спорного – железобетонно-деревянный длинный мост через реку Колыму. Долина сей знаменитой реки в этом месте оказалась широкой, торфянистой, с пологими безлесными берегами; в не очень большом русле мутные воды неслись быстрым потоком. Когда подъем на пологий левый берег закончился, трасса начала снижаться к речке Дебин. В поселке Скалистом – с рощами, лесистыми сопками, скальными берегами Дебина – машина заправлялась, и товарищи успели в столовой подкрепиться.

Затем был поселок Ягодный – центр Северного горнопромышленного управления; здесь вышли около шести человек. Это был чудный, уютный поселок; колымчане единодушно признавали его лучшим уголком Колымы. Стройные деревянные домики стояли здесь рядами среди зелени лесных деревьев;

Каньон р. Паутовой, Ягоднинский район Магаданской области. *Сентябрь 2013 г.*

журчала река, вокруг молчаливо дремали обросшие кустарниками вершины.

Далее растительность беднела, горы становились все выше и грознее, ощетиниваясь зубцами и утесами. На речке и в поселке Бурхала, перед высоким Бурхалинским перевалом снова остановились на ночлег. Груда скалистых вершин напоминала гребни Кавказских гор. Поужинали. Студеный воздух загнал людей поглубже в кузов, они кутались в одежды и одеяла. Это была последняя их ночь на Колымской трассе – утром 23 августа ожидалось прибытие на конечный пункт маршрута, в поселок Сусуман.

Из Бурхалы тронулись перед рассветом, начав сразу же взбираться на перевал. Медленно, большими зигзагами, ползла машина вверх, огибая острые заиндевелые сопки, покрытые с северной стороны сплошным бело-желтым ковром оленьего мха. Все выше и выше забирался «ЯАЗ» на перевал – казалось, что вот-вот можно будет увидеть сразу весь край Колымский. Однако на самой макушке две острые вершины закрыли кругозор, да и видимость была плохая – день еще не наступил. Достигнув высоты около двух тысяч метров, стали спускаться по

широким болотистым долинам – кочковатым, в седой изморози; это уже был бассейн Берелеха, одного из трех длинных истоков реки Колымы.

В Сусумане обе транзитные машины остановились возле гостиницы, представлявшей собой крытый брезентом барак. Утонувший в тумане уютный поселок почему-то напомнил Ивану Украину… К десяти часам туман растаял – наступил чудный безоблачный день, и можно было любоваться красотой окружающей местности. Домики располагались у реки Берелех, там, где в нее впадала речка Сусуман, давшая название поселку. Вокруг с трех сторон расстилалась зеленая равнина, где находился совхоз «Сусуман» и дальше – аэродром, с которого поднимались белые бипланы Р-5 и У-2; они кружили над долиной, возле сопок и, отлетав положенные минуты, шли на посадку. Иван глядел на их полеты с неизъяснимой грустью. Вспоминал летние каникулы в Черкассах, аэродром, встречи почтового самолета, пробежки с Тузиком и Бобиком, сенокос, отца, мать и милую Улечку…

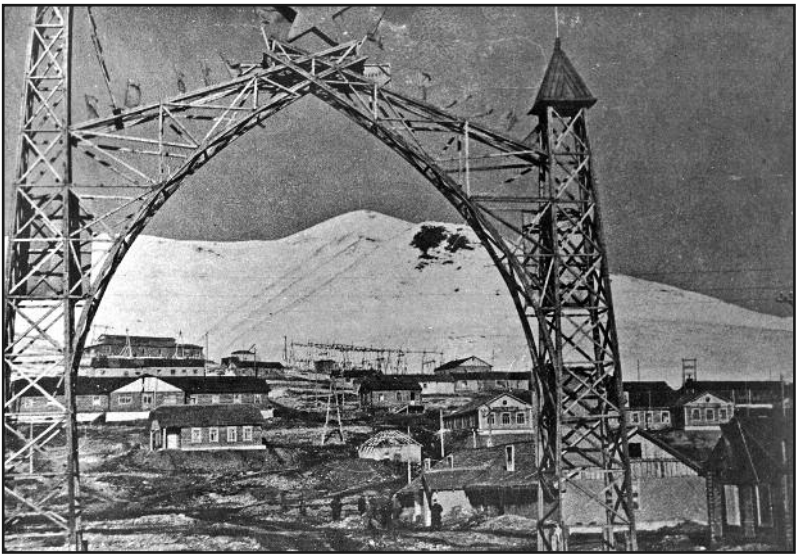
Поспав часика три под кустом и пообедав, он занялся было своим дневником (он вел дневники еще со школы), но к нему подошел Сергей, уже побывавший и в отделе кадров, и у начальника управления, куда был направлен. Ему пообещали, что пошлют в оловорудную разведку. Это радовало его, ибо в дороге, на остановках в поселках встречавшиеся геологи, бывшие выпускники Киевского университета, рассказывали, что попасть в разведку, а тем более в полевые партии, очень трудно; большинство работает на приисках, теряя приобретенные знания. Иван подумал: а что ему готовит судьба?

После обеда за чай-урьинцами, то есть ехавшими в Чай-Урьинское управление, пришла грузовая полуторка, вызванная из Нексикана по телефону. Людей было шестнадцать человек, но вещей – гора! Половина их принадлежала двум семьям. Пассажиры прилепились кто как мог, и шофер долго не решался тронуться с места. Иван и Яша простились с Сережей. По ухабистой прескверной дороге ехали медленно, боясь быть опрокинутыми. Небо затянулось облаками, пошел дождь. Только вечером, с трудом преодолев какие-нибудь двадцать пять километров, насквозь промокшие и продрогшие, добрались до Нексикана. Новоприбывших сразу поместили в полуразрушенный барак, но там на каждого была деревянная кровать, и затопленная жестяная печурка при-

ятно изгоняла дорожный холод. Всем выписали сахар, хлеб, колбасы, ветчины, и уставшие за длинную тяжелую дорогу путники аппетитно поужинали, напились сладкого чая и улеглись спать.

Геологоразведочный отдел управления (ГРО ЧУГПУ) размещался в палаточном помещении. Главный геолог Роженцов, беседуя с Копманом и Осташко, объяснял, что полевой сезон кончается, поисковики скоро возвратятся в управление, и прорабы-геологи сейчас не требуются – до весны придется поработать на прииске. Ивана направили на прииск имени Чкалова, Яшу – на «Комсомолец», так что зря он в Магадане старался – судьба все равно развела их врозь.

Вместе с Иваном Осташко на «Чкалов» направили Степана Левочко, выпускника Харьковского университета, и Сашу Горбика, электромеханика из Новочеркасского института. Левочко и Осташко зачислили на должность горных мастеров по опробованию, фактически – участковыми геологами. Ивану достался самый дальний участок № 5, контора которого находилась в двух километрах от центрального поселка. Сашу, Степу и Ваню поселили в угловой комнатке барака-общежития для горнадзора. В ней имелись три топчана с пустыми матрасниками, сбитый из досок стол и скамья; посредине стояла жестяная печка с вертикально выведенной трубой, над столом свисала с потолка электролампочка; единственное окошко вместо стекла было затянуто бязью, изнутри закрывалось приставным ставнем. Стены, сложенные из бревен лиственницы, на моховой конопатке, во многих местах просвечивали. Плоская крыша из накатника, присыпанная галечником с дерниной, плохо удерживала тепло, зато хорошо пропускала дождевые и талые воды. Так был построен весь поселок – на живую нитку, временно, как и прочие приисковые и рудничные селения Дальстроя: без особых затрат, на период до пяти-десяти лет, необходимый для отработки месторождения. Окна затягивались тканью главным образом потому, что при массовых взрывах стекла вылетали, а завозить их приходилось с «материка». Но домик для начальника прииска и главного инженера, а также некоторые служебные помещения выглядели лучше – под двускатными крышами, с крылечками, двойными застекленными оконными рамами, с наружными ставнями, предохранявшими от взрывной волны. В поселке имелись электростанция, баня, магазин, клуб и библиотека, столовая,



Въездная арка в поселке прииска «Большевик». *1946 г.*

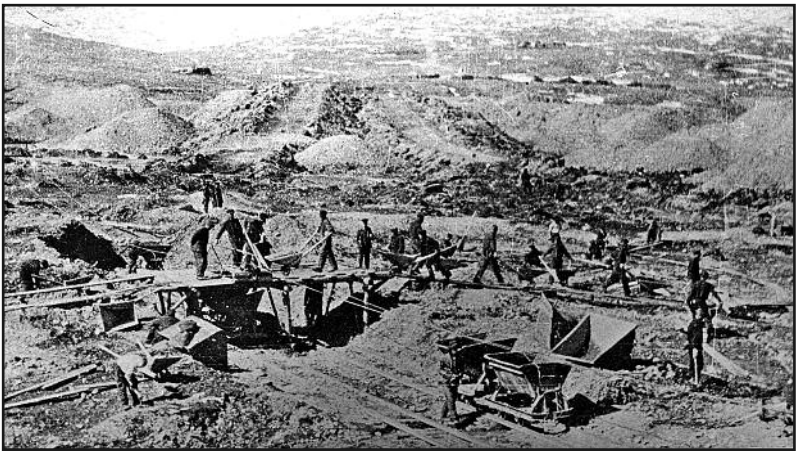
пекарня и даже парикмахерская, а вот почты не было, она имелась на соседнем прииске «Большевик». Была, конечно, контора с кабинетами начальника прииска, главного инженера, главного механика, старшего маркшейдера, бухгалтерии и т. д.; отдельно стоял домик геологоразведочного бюро (ГРБ). На окраине прииска, за пределами эксплуатационного контура, находилась «зона» – барачный лагерь заключенных и военизированная охрана (ВОХР); это было у самого пятого участка.

Только новоприбывшая троица появилась в горнонадзоровском доме, жильцы из соседних комнат стали расспрашивать о событиях и жизни на «материке» – так назывались в Дальстрое центральные районы Советского Союза. Больше других интересовался новостями начальник промывочного прибора Бурдюгов, донецкий шахтер, прибывший на Колыму по договору. До ночной смены он был свободен и пригласил ребят пройтись по забоям, ознакомиться с работой прииска – процессом добычи золота.

В открытых забоях работали бригады заключенных. Худощавые мужчины среднего и молодого возраста, в хлопчатобумажных темных спецовках, грубых ботинках или резиновых чу-

нях, с простыми фуражками на стриженой голове сновали туда и сюда. Одни кайлили грунт, другие насыпали его в тачки, третьи везли их к промприборам и высыпали в бункер. Золотоносный грунт, так называемые пески, по наклонному транспортеру поднимался на высоту восьмидесяти метров и там опрокидывался в колоду, куда лилась мощная струя воды, подаваемой насосом; вода несла горную массу по колоде вниз, а стоявшие по бокам пробуторщики помогали ее промывке. С колоды сходила промытая порода – гале-эфельные хвосты, а золотины, проваливаясь сквозь дырки трафаретов из металлических пластин, оставались на войлочных матах. В конце смены трафареты поднимали и золото снимали – до 20–40 кг в смену. Золото было крупное, самородковое, величиной от горошины до куриного яйца. Были самородки и с кулак размером, а однажды подняли в забое весом 9 кг 300 г в форме поросячьего окорока. Большие самородки работяги на колоде старались выловить, ибо они не проходили сквозь трафарет и попадали в отвалы. За такие самородки заключенные получали вознаграждение – махорку, масло, спирт, а то и деньги, перечисляемые на лицевой счет.

Иван ходил с ребятами и Бурдюговым по забоям, среди отвалов и холмов пустой породы, называемой торфами, мимо локомобилей и экскаваторов, смотрел на рабочих-заключенных и сидевших на отвалах конвоиров с винтовкой и примкнутым штыком. Все виденное ассоциировалось в его мыслях с одним лишь словом: каторга. Эти снующие в забоях люди в арестантских одеждах для Осташко были каторжанами. Такими же, как и те, о которых он читал в очерках и романах Степняка-Кравчинского, Веры Фигнер, Достоевского, Ольги Форш, Чехова, о которых упоминалось в песнях «Славное море – священный Байкал», «По пыльной дороге телега несется», «Колодники»… И хотя эти люди – преступники: «враги народа», бандиты, воры, грабители, конокрады, спекулянты, валютчики, предатели, контрабандисты – то есть преступники политические и просто уголовники, – они казались ему теми арестантами царской каторги, которым он всегда сочувствовал, жалел их и не считал злодеями, а воспринимал как жертв самодержавного произвола. Странное дело: там, на «материке», будучи студентом, он ненавидел этих троцкистов-бухаринцев, предателей советского народа, всяческую эту контру, а здесь почему-то – ни ненависти, ни злобы, а было лишь одно сочувствие.



Вскрышные работы на полигонах Чай-Урьи. *1942 г.*

– Скажите, а побеги бывают? – кивнув на зэков, спросил Иван у Бурдюгова.

– Да куда тут убежишь – на тысячи верст одна тайга глухая, а якуту или тунгусу попадется, те сразу застрелят, они беглых боятся… Были вот в прошлые годы массовые побеги, особенно в тридцать восьмом, тридцать девятом, – военные бежали, в основном командиры корпусов, дивизий, полков. Это те, что во время процессов над Тухачевским, Якиром, маршалами и прочим командным составом были репрессированы. Их в основном на Колыму отправили. Рассказывают, что в тридцать восьмом большая группа, человек тридцать или сорок, военных зэков бежала с приисков Ат-Уряха, разоружив ВОХРу и захватив винтовки, пулемет. На реке Малтан они напали на разведрайон – взяли рацию, ружья, боеприпасы, продукты, уничтожив всех сотрудников, даже бывших там с десяток заключенных-бытовиков. Спасся один лишь коллектор-юноша. Он бросился с высокого берега в бурный Малтан, по нему стреляли, ранили, но он все же добрался до ближайшего прииска. Об этой малтанской трагедии и по сей день по Колыме разговоры ходят.

– Так они убежали, эти военные? – поинтересовался Саша Горбик.

– Нет. Банда эта держала путь на Усть-Неру и дальше – чтобы по Якутскому тракту выйти на Невер. Но туда из Магадана

сообщили по рации, и на Индигирке их уже ждал большой оперативный отряд, отправленный на самолетах. Беглецы жестоко сражались, и никто не сдался, все приняли смерть в бою.

– А вообще-то беглецов расстреливали?

– Зачем? Просто срок прибавляли. У меня в забое двое таких. Им самим еще по тридцати нет, а общий срок – и жизни не хватит. А теперь – война, строго. Есть приказ: по беглецам стрелять.

Вчетвером они присели на дамбе, у русла. Горняк-приисковик продолжал рассказывать:

– Я уже третий год на «Чкалове», со дня его пуска. О побегах у нас не слыхал, да и ВОХРа по-людски себя ведет – заключенные на нее не обижаются. Вот только… – Бурдюгов улыбнулся, покачав головой. – Начальник нашего управления… сейчас его, кажется, в Магадан переводят, на повышение, Гагкаев. Ну это – зверь. Прошлый год, вот как раз в эту пору, в конце августа, здесь после сплошных дождей сильное наводнение было. Чай-Урья вышла из берегов, плотину прорвало, вода хлынула в забои, работяги, побросав тачки, стали спасаться, а тут он на машине подъехал. Выскочил: мать вашу, перемать! – А ну назад, тачки, тачки тащите быстрее! Того, другого – рукояткой нагана в висок! Одного даже на месте пристрелил. А тех, что за тачками полезли, – понесло, насилу выбрались. Как раз шла пятитонка с прицепом, муку везла, так Гагкаев распорядился мешки сбрасывать, загородили один забой, отвели поток… А мука ничего, тонкая корка только получилась, внутрь вода не прошла. В общем, через трое суток прииск снова заработал. Золото тогда шло – бешеное! В первые два года наш прииск давал половину всего колымского металла.

– Скажите, пожалуйста, – обратился Иван к рассказчику, – почему вон над тем прибором красный флаг, а на других нигде не видно?

– Годовой план, значит, выполнен, – нахмурясь, ответил горняк. Затем добавил: – Была бы у меня… я бы тоже выполнил…

– А что, там женщина?

– Да… Эта Гридасова далеко пойдет… Зимой курсы горных мастеров закончила, а весной у нас на втором участке появилась, с заключенными как повар с картошкой расправлялась. Ну те ее в барак заманили – всей бригадой прокатились. А она отряхнулась, как курица из-под кочета, да им в глаза: «Эх, вы,

е…и! Да на ваши… коим и цена-то три копейки пучок в базарный день, ни одна б… не позарится, а вы меня хотели удивить, фитили несчастные». Ну и тут ее на новый промприбор начальницей поставили. Так что вы думаете? Недели не прошло – стала каждую смену металла сдавать в пять раз больше любого другого. Ей не только с чкаловских приборов, а из соседних приисков золото таскали.

– Заключенные?

– Да всякие. Но не «шестерки», конечно, с шантрапой дела она не имела. В крайнем случае – с бригадирами, а то больше с горнадзором, вплоть до начальников приборов и даже участков.

– Она что, красивая, молодая?

– Лет двадцати пяти – двадцати семи. Видная!.. Волосы вьющиеся, воронова крыла, глаза черные – искры мечут, брови – шнурочки, зубы – рафинад, губы – вишня спелая, щеки – кровь с молоком! Грудь – во! Жопа – во! Словом, баба с формою и платформою. Разбавить – так на весь прииск хватит.

– Сейчас она там, у прибора? – полюбопытствовали ребята, развеселясь.

– Опоздали, мальчики. Ее сам комиссар, товарищ Никишов к себе в Магадан пригласил. Вчера уехала… Тут он недели две назад был. Заинтересовался – что за Гридасова такая? Одна на всю Колыму – начальница промприбора и за три месяца два годовых плана выполнила. Впился начальник Дальстроя своими глазками-буравчиками в нее, усики на круглом лице его вздрогнули, а она – так и обожгла его своим огнеметным взглядом! Словом, дело состоялось – далеко пойдет! – снова повторил Бурдюгов. – Благо семья Комиссарова там, в Москве.

– А как начальник прииска, ничего мужик? – спросил после паузы Сева.

– Кузьма Ветров? Неплохой. Работать с ним можно. Тоже свою половину на «материке» оставил, – перекладными довольствуется; его тут Котом Кузьмой зовут… Такие-то вот дела, ребятки. В общем, поживете здесь, многое узнаете, – загадочно произнес начальник промприбора, вставая. – Ну я пойду к своим. Завтра тоже годовой план кончаю.

Бурдюгов пошел по забою, а Горбик, Осташко и Левочко – кто куда, по своим делам.

Лишь 26 августа Иван Осташко окончательно оформился на

На Колымской трассе. Слева направо: В. А. Цареградский, И. Ф. Никишов и водитель (имя неизвестно). *1943 г.*

ИВАН ФЕДОРОВИЧ НИКИШОВ (1894—1958)

Начальник ГУ СДС «Дальстрой» (1939—1948). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (1939—1952), депутат Верховного Совета СССР 1-го и 2-го созывов (1937—1950), с 9 июля 1945 г. – генерал-лейтенант НКВД СССР (с 1946 г. — МВД СССР).

Родился в крестьянской семье, окончил сельскую школу. С 13 лет работал пастухом, батраком, затем в Царицыне — грузчиком, береговым рабочим и извозчиком по найму. В январе 1915 г. призван в армию, служил рядовым и старшим унтер-офицером (фельдфебелем), воевал на германском фронте. В 1917 г. член полкового ревкома. В июле 1918 г. добровольно вступил в ряды Красной Армии, участник гражданской войны, командир батальона, помощник командира полка. Участвовал в подавлении казачьих восстаний на Урале, а также восстаний местного населения в Дагестане.

С октября 1919 г. – член РКП(б). С 1939 г. – кандидат в члены ЦК ВКП(б).

С 1923 г. – командир полка. В 1924 г. переведен в пограничные войска НКВД, служил на границе с Персией. Военное образование получил в Высшей пограничной школе ОГПУ, окончив ее в 1929 г. С 1933 г. – командир железнодорожной бригады. С апреля 1934 г. – начальник войск (с 10 июля 1934 г.— Управления внутренней охраны) ОГПУ Центрально-Черноземной области. С марта 1937 г. – начальник пограничных и внутренних войск НКВД Азербайджанской ССР. С 13 февраля 1938 г. – начальник Управления пограничных и внутренних войск Управления НКВД Ленинградской области. С 29 ноября 1938 г. – Начальник Управления НКВД Хабаровского края. С 19 ноября 1939 г. по 24 декабря 1948 г. — начальник ГУ СДС «Дальстрой». Одновременно с 12 июля 1943 г. стал уполномоченным НКВД СССР по Дальстрою.

Позже проживал в Москве, тяжело болел. Похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище.

Сотрудники Дальстроя называли его «батя».

Герой Социалистического Труда, награжден четырьмя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Кутузова I степени и другими.

работу: начальник участка приказал табельщику зачислить его в штат и выдать табельный номер. С работой Иван постепенно свыкся; старший геолог Каргаев и его помощник Виктор Самойлов вводили в курс дела, а дело это было новое и незнакомое. Ведь учился он на геолога-съемщика, поисковика, а пришлось стать горным мастером, производственником, к тому же с прииско-

ГЕОРГИЙ ИЛЬИЧ КАРГАЕВ (1914–?)

Техник-геолог. Родился в г. Орджоникидзе (Северная Осетия) в крестьянской семье. Образование среднее. Работал на Касальском руднике в Ленинабаде (Таджикистан). На Колыму прибыл 31 сентября 1939 г. на пароходе «Дзержинск». В 1939 г. – техник-геолог Западного горнопромышленного управления (ЗГПУ), затем – старший геолог прииска им. Чкалова Чай-Урьинского горнопромышленного управления (ЧУГПУ). В 1942 г. – старший геолог прииска «Пятилетка» Южного ГПУ. С 1944 по 1952 г. – старший геолог Северного ГПУ.

Группа геологов Дальстроя. Первый ряд, слева направо: 4-й – К. С. Мочульский, старший геолог прииска им. Водопьянова; второй ряд: 3-й – Е. Н. Урусов, главный геолог Индигирского ГПУ, 4-й – Н. Д. Стриженко, главный геолог Северного ГПУ, 5-й – Б. Н. Ерофеев, главный геолог ГРУ, 6-й – В. Я. Шолмин, начальник отдела ГРУ; третий ряд: 3-й – И. П. Глазычев, геолог Тенькинского ГПУ, 8-й – В. В. Платонов, главный геолог прииска «Пятилетка», 10-й – **Г. И. Каргаев**, главный геолог прииска им. Горького.
Магадан, 1948 г.

АЛЕКСАНДРА РОМАНОВНА ГРИДАСОВА (1915–1982)

Начальник Маглага СВИТЛа в 1943–1948 гг. Родилась в селе Кочетовка Тамбовской области, с 1932 г. жила и работала в Реутовском районе Московской области, сначала начальником паспортного стола в институте пушного звероводства, затем с 1936 по 1938 г. – на заводе № 120 – мастером холодной обработки металла. С 1938 по 1939 г. – старший нормировщик судостроительного завода Дальстроя во Владивостоке. В Магадане с сентября 1939 г. – инспектор жилконторы ГКО (Горкоммунотдела).

В промывочный сезон 1940 г. была направлена на прииск им. Чкалова в Чай-Урьинское горное управление, где руководила работой бригады вольнонаемных по обслуживанию промприбора. С октября 1940 г. работала в УСВИТЛе, начальником женского ОЛПа (отдельный лагерный пункт), затем – заместителем начальника Маглага, а с мая 1943 по декабрь 1948 г. – начальником Магаданских лагерей. Была гражданской женой начальника Дальстроя И. Ф. Никишова. Награждена орденом Трудового Красного Знамени, медалями, значком «Отличнику-дальстроевцу».

В конце декабря 1948 г. уволена из Дальстроя и выехала на «материк», жила в Москве.

В Магадане распоряжалась единолично театром из заключенных музыкантов, певцов, артистов театра и кино. Жители Магадана и заключенные называли ее за глаза: «Мадам Гридасова», «Екатерина IV».

вой геологией он был совершенно незнаком.

Дни первой декады сентября стояли погожие. Иван вставал в шесть часов по гудку электростанции и отправлялся по дамбе вдоль отводного русла Чай-Урьи на свой участок. Утренний туман окутывал голую долину, в которой от былой тайги остались только пни, незаметно поднимался по склонам, все охотнее пропуская солнечные лучи. Иван перевешивал свой табельный номер, завтракал в участковой столовке и к семи часам уже был в забое на расстановке рабочей силы. Затем весь день на ногах. В забоях приходилось следить, чтоб на промывку не возили торфа «рубашки», вскрываемой на золотоносном слое, а также чтобы пески из этого слоя не попали в отвал торфов. Имевшиеся в его распоряжении промывальщики опробовали хвосты гале-эфельных отвалов, проверяя качество промывки в шлюзе-колоде. Но главной заботой была актировка полигонов под завалку: без сего акта, подписанного участковым геологом, вскрывать соседнюю площадь и переваливать торфа на уже отработанную не разрешалось. Пески снимались до плотика, то есть до твердой породы, не содержащей золота. Этой породой являлись сланцы, в трещинах которых часто

встречались застрявшие золотины. Если золота в плотике было более 6 граммов на тонну, то заваливать такую площадь было нельзя, следовало производить зачистку – чего, согласно инструкции, и добивался Осташко. Он, геолог участка, обладал правом государственного контроля, предотвращая хищническое отношение к золотодобыче. Эксплуатационники же старались хапнуть пески побогаче, чтоб поскорее выполнить план, и возня с зачисткой их не устраивала. У Ивана начинались неприятности – он оказывался между двух огней: непосредственный его начальник по работе, старший геолог прииска, велел выполнять инструкцию, а начальник участка требовал скорейшей актировки под завалку. Начальником же на этом участке, где работал Иван, был Григорий Непомнящий, сущий самодур, и каждое утро вместо «здравствуй» встречал своего геолога крикливым матом:

– Ты, мудак! Когда ты… твою мать, сактируешь мне площадь?!

– Когда будет отработана, – спокойно отвечал Осташко.

– Угу… Отработана? Я выгоню тебя, мудило! – брызжа слюной, взвизгивал Непомнящий.

– Не вы меня назначали, не вам и выгонять, – говорил Иван, проходя мимо него.

Позже, работая уже в полевой партии, он напишет в эпиграмме:

Его Незнающим все звали
Или, повежливей, Чума!
Себя он чуть не Богом ставил,
Да жаль, что Бог не дал ума!

У Непомнящего была молоденькая красивая жена Ольга. С нею Григорий познакомился во время отпуска и весной, к началу промывочного сезона, приехал уже женатым, получил назначение на прииск им. Чкалова. Начальник участка из него получился никудышный, но Кот Кузьма Оленьку сразу приметил, и Непомнящий не только удержался на плаву, но еще и с выгодой. Жил Григорий рядом со своим участком, в домике на пригорке. Половину домика занимал он с женой, а в другой половине находилась небольшая столовая для участкового горнадзора. За Олей в начале ночи приезжала тройка, посланная Вет-

ровым, и к рассвету тот же экипаж доставлял ее обратно домой. Об этом столующимся рассказывал по секрету повар, он же и дневальный Непомнящего, живший в этом домике. Оленька после ночного «сеанса» до полудня отсыпалась, а потом, при ясной погоде, выходила на свежий воздух, садилась на небольшом утесе и молча грустно смотрела на однообразно-неинтересный окружающий ее мир….

В забое Ивана окликнули:

– Гражданин геолог, можно вас на минутку?

Иван подошел. Один из работяг подал ему комочек мерзлого грунта, из которого торчали с одной стороны – хвост, с другой – голова какой-то темно-бурой ящерицы, совершенно окоченелой, с остекленевшими бусинками глаз. Такое Иван еще не видел и с интересом рассматривал незнакомую, как он думал, рептилию, заживо погребенную когда-то в вечной мерзлоте.

– Где вы ее нашли?

– Да здесь вот, – показал другой заключенный, – в забое. Эти звери чаще у самого плотика попадаются.

– Он когда оттает в воде, так ползать будет, – добавил третий. – Вот давайте, посмотрите.

Он взял комок и, высвободив мерзлое животное, положил его в лужицу.

«Зверь» и в самом деле минут через двадцать зашевелился, стал неуклюже двигаться, сонно реагируя на подталкивание. Но спустя некоторое время ползать перестал, больше не проявляя никаких признаков жизни. Забойщики говорили, что если бы в лужу не светило солнце, то в темноте, в холодной воде «ящерица» прожила бы и более суток. На прииске никто об этих ископаемых толком ничего не знал. Но Осташко не забыл про них и через несколько лет, собрав достаточный материал, написал статью «Воскресающие из вечной мерзлоты». То были не ящерицы, а четырехпалые тритоны, или сибирские углозубы, и, следовательно, принадлежавшие к классу амфибий. Их не раз находили на Колыме – в забоях приисков и в шурфах при разведке россыпей; некоторые особи, оттаяв, жили до трех месяцев; в состоянии анабиоза подобные тритоны могут пребывать в вечной мерзлоте около десяти тысяч лет и более.

…Одним из первых, к кому проникся Иван Осташко искренней симпатией на прииске, был прораб буровзрывных ра-

бот Артем Скоробогатов. Высокий, сухопарый, жилистый, длиннорукий – из тех, кто гнется, но не ломается. Щеки впалые, изрезанные глубокими морщинами. Глаза голубовато-серые. Когда он улыбался, то мягкий рот его широко растягивался, а глаза смеялись, светясь добротой. Подвижные узловатые пальцы ловко и быстро готовили заряды, заряжали бурки, соединяли провода при электропалении. Во время отпалки полигона Артем успевал пересчитать взрывы и всегда мог определить отказавший шнур… На этот раз провода замкнуло ветром, и шквал взрывов застал прораба на середине поля. Он не побежал, а стоя на месте и глядя вверх вокруг себя, быстро уклонялся от крупных падающих валунов. Едва кончился камнепад, из тепляка к Скоробогатову выбежал притаившийся от взрывов Иван.

– Ты не ранен? – спросил взволнованно.

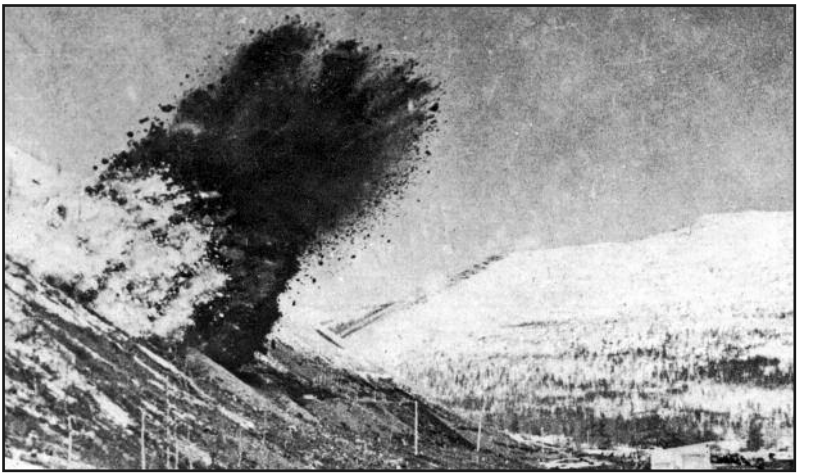
– Да ничего. Тут только успевай, чтоб большой камень не ударил, а мелкие – пусть молотят! – смеялся веселыми глазами Артем, растягивая мягкий рот в широкой улыбке.

Скоробогатов поражался необыкновенной интуиции Ивана чувствовать время: даже при сплошной облачности, в ненастье, тот ошибался не больше как в пределах пяти минут. Вот и теперь, пожелав удостовериться, насколько точен Осташко, Артем спросил его:

– Ну сколько сейчас? – и, получив ответ, вытащил свои чугунные, с тремя крышками, карманные часы, прикрепленные к лацкану пиджака длинной никелированной цепочкой. Это была его фамильная гордость. На внутренней стороне задней крышки, где выступали контуры двух царских голов, значилось: «Павелъ Буре, поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества». Достались Скоробогатову эти часы от отца, купца первой гильдии, и шли они без ремонта почти сорок лет с точностью хронометра.

– Да, ты почти угадал – сейчас без десяти три, – сказал прораб, водворяя часы на место.

Артем знакомил Ивана с процессом и особенностями буровзрывных работ, способами отпалки, свойствами аммонита, разными видами массовых взрывов – на рыхление, на выброс и прочими. Помогал в определении размещения камер для закладки взрывчатки в зависимости от глубины шурфа и характера производимых работ. Много и других полезных советов почерпнул молодой геолог от этого душевного человека, пре-



Взрыв. Фото из альбома «Дальстрой НКВД 1942 г.»

красного мастера своего дела.

…Пока стояло ведро, Иван нарвал жухлой травы, подсушил и набил свой матрасник – теперь можно было спать по-человечески, а не одетым, согнувшись под тонким одеялом. Но блаженствовать не довелось – в ту же ночь пришлось ощутить, что значит дом без крыши: Иван проснулся от падающих ему на голову крупных холодных капель – капало на ноги, на всю койку. Зажег свет – везде мокро, струится с потолка. Степа Левочко передвинулся на середину комнаты, съежился. Осташко принялся за работу – приколотил край простыни к стене, сделал навес; ему последовал и Степан, подвесив над собой чехол от чемодана… Первый гудок Иван проспал, к табельной доске вовремя не успел – Непомнящий записал ему 5 минут опоздания. «Заработал!» – сокрушался весь день Иван, ходя как пришибленный.

Вечером взрывали полигон на рыхление для экскаваторной вскрыши. Он направился домой и угодил как раз на это поле; земля под ним рухнула, его подбросило и опустило – обошлось, слава богу!.. Иван шагал по-над речкой, и чудный рисунок горизонта завораживал его внимание. Любуясь прелестью природы, он позабыл неприятности прошедшего дня; телу было жарко, на сердце легко. Даже появилась уверенность, что все его родные живы и он с ними когда-нибудь обязательно увидится. Но, войдя в

контору ГРБ, сразу похоронил свою душевную безмятежность. Там было полно промывальщиков со всех участков – сам приисковый геолог Каргаев принимал металл и выдавал спирт, махорку, хлеб с консервами. Душная от печи и дыхания комнатушка смердела махорочным дымом, спиртным перегаром и потными телами людей. Все были веселы, говорили, смеялись, приправляя каждое слово витиеватым матом. Осташко почувствовал себя здесь чужим, лишним. Протиснувшись в угол, он поздоровался с Каргаевым. Тот ответил, но ничего не спросил, ничего не сказал, и Иван вскоре ушел.

Левочко придвинул свою кровать к Ивановой – они стали спать рядом на сдвоенных постелях, под навесом из старого одеяла, которое дал комендант. От дождей и тающего снега комнату заливало едва ли не каждые сутки… Степан от жены получал из Харькова телеграммы, Ивану же не было ничего…

Колыма, ты Колыма –
Чудная планета:
Десять месяцев зима,
Остальное – лето.

Такую припевку от колымчан-дальстроевцев Осташко слышал еще на пароходе. Повторяли ее и здесь, на прииске. И в самом деле, говорили, что ни весны, ни осени на Колыме практически не бывает: до самого июня холодно, ночи морозные, а потом, в середине месяца – сразу тепло, в июле даже жарища тридцатиградусная с комариными тучами стоит; и вдруг под конец августа – заморозки и снег. С месяц потом – то теплее, то холоднее, но по ночам все равно уже зима. В нынешний год колымская зима немного запаздывала – лишь к середине октября задули свирепые метели и ударили сорокаградусные морозы. Дни стали совсем короткими. Иван уходил на работу в предрассветных сумерках, а домой возвращался уже ночью. Когда в морозном небе, усеянном крупными немигающими звездами, висела яркая золотистая луна, особенно отчетливо вырисовывались на темном кругозоре укрытые серебрившимся саваном сопки. Приисковый поселок, располагавшийся кучно на возвышении долины, тихо дремал, засыпанный снегом; десятки дымков струились над белыми шапками его крыш, а из труб электростанции густой дым

валил двумя серыми столбами. Сохранившиеся в поселке лиственницы поблескивали жемчужной парчой…

Зимнюю одежду для горнадзора выдавали по утвержденному списку. Иван получил валенки, ватные брюки, телогрейку, теплое белье, шапку, рукавицы. Кроме того, купил с рук подержанный полушубок и сшил в мастерской шубную жилетку, меховые носки, краги. И все же тоскливо, с тупой болью в груди, смотрел он на полную луну, звездное небо, на пустынные заснеженные сопки. Пока находился на работе, мотаясь по забоям, меньше думал о жизни, личных чувствах. Но, возвращаясь домой, он видел на стане беззаботные веселые лица женщин, их шутливые разговоры, домашние хлопоты, полные беспечности и довольства; встречал гулявших ребятишек или мать с малышом на руках – и грустные мысли бередили его страждущую душу.

…В конце сентября, как замерзли водоемы, промывочный сезон закончился – остановились промприборы, уехали сезонные вольнонаемные рабочие – около 500 человек, начальники, горнадзор; прииск перешел на зимний режим работы. Теперь основными звеньями вместо промывочных приборов и золотоносных забоев были механические дорожки, оборудованные для вскрышных работ, чтоб подготовить площади к следующему эксплуатационному сезону. И для участкового геолога главным делом стало не актирование отработанного контура под завалку, а закрытие шурфов полигона под взрыв, для удаления пустой породы – сиречь торфов. Пока что, с наступлением зимы, шурфовочные работы на полигонах только начинались, и Осташко вменялось в обязанность: во-первых, проводить оперативное опробование законтурных бортов; во-вторых, «давать план» по золоту. Первое нужно было для выбора лучших мест, где бы старательские бригады могли добывать золото, роя небольшие штольни и промывая пески в зумпфах и на проходнушках; план по этой добыче спускался начальнику участка, поэтому Непомнящий требовал от Ивана максимальной оперативности. Второй план налагался на ГРБ, и Каргаев наседал, чтобы Осташко силами выделенных ему четырехпяти промывальщиков ежедневно намывал и сдавал в золотоприемную кассу, как и раньше, не менее 900 граммов металла. Так что бедный геолог попадал в заколдованный круг: для оперативного опробования забоев надо было задалживать всех промывальщиков; но если их всех задолжать, значит останется невыполненным

план для Каргаева. Короче, Иван по-прежнему находился между двух огней. А еще главные беды ждали его впереди…

Все горше, тяжелее становилось ему. С «материка» шли скорбные, удручающие вести.

Совсем недавно читал он в «Советской Колыме», что 30 августа в Киеве в театре им. Ивана Франко был митинг, где вооруженные ополченцы, рабочие, студенты, писатели, врачи – все выразили уверенность, что столицу Украины не будет топтать мерзкая нога фашиста. Многие из них только что пришли из окопов и траншей, где били врага на ближних подступах. Как обрадовался Иван, прочтя об этом в газете! Он верил, немцы Киева не возьмут. Но не прошло и трех недель – оказалось, что Киев 19 сентября оставлен советскими войсками; а еще раньше, в конце августа, немец вошел в Черкассы…

Положение Ивана между молотом и наковальней не замедлило сказаться: начальник прииска Ветров на основании рапорта Непомнящего вынес ему выговор «за безобразную работу по оперативному опробованию».

«Так, пожалуй, и под суд меня отдадут, – подумал он. – И хуже всего то, что Непомнящий ненавидит Каргаева, да и главный инженер с ним не в ладах, а неприязнь свою срывает на мне».

На участок шел с болью в сердце и слезами на глазах. Тяжело, обидно было у него на душе!.. Холодный ветер сердито хлестал по лицу летевшим снегом. Так в тоскливом настроении провел он день, одиноко блуждая среди отвалов по глубоким сугробам. Складывались стихи:

Мне было горько на чужбине
Средь неприветливых людей,
Где сопок острые вершины
Покрыты грудами камней…

В семь часов вечера был сбор в приисковом клубе и в полвосьмого военным строем пошли на прииск «Чай-Урья» на антифашистский митинг. Шли по наметам встречь свирепому ветру; ноги вязли в снегу, делались непослушными. Пробовали петь – несколько раз начинали «По долинам и по взгорьям», но пели не все, пели плохо, несмотря на ретивые старания главного инженера Черняка, который командовал колонной. Через час

были на Чай-Урье. Заходя в клуб, Иван встретился с поджидавшим его Яшей Копманом. Этот «индивидуум», так не любивший ранее Осташко, теперь, очутившись в непривычно трудной обстановке, обрадовался своему однокашнику как родному другу. Все время, пока с трибуны выступали представители приисков и Чай-Урьинского управления, они, сидя рядом, делились злоключениями своей жизни. Яша был подавлен и тоже, как и Осташко, ничего, никакой весточки ни от кого не получил; работа была не по душе, условия жизни плохие. Месяц назад он послал заявление в Главное управление Дальстроя, чтоб отпустили в летную школу, но ответ не приходил…

Наступил день 7 ноября. Накануне в клубе состоялся торжественный вечер, был докладчик из политуправления. Иван, Саша и Степа после доклада пришли домой, выпили и закусили: к празднику все работники получили по 200 граммов спирта, по литру вина, по бутылке шампанского, а также икру, ветчину, сахар. Осташко рассказывал за ужином о праздничных вечерах прошлых лет, читал свои стихи, кое-что из дневников, пел. Саше особенно понравился романс «Любила очи я голубые». Иван исполнил его с глубоким душевным чувством…

– Ваня, вставай, уже девять часов, завтрак прозеваем! – тормошили его Саша и Степа. И все втроем побежали в столовую.

В пол-одиннадцатого чкаловцы строем пошли на соседний прииск «Большевик» – на митинг. Сюда прибыли все горняки Чай-Урьинской долины.

Бледно светило солнце, скупо рассеивая негреющие свои лучи в морозном воздухе. На фоне матово-голубого неба рафинадом белели пустынные сопки, и те из них, у которых располагались прииски, были увиты сетью протоптанных тропинок – по ним уносили умерших заключенных… Над собиравшимися людьми, глухо каркая, пролетел большой черный ворон… На небольшую трибуну поднялись начальник ЧУГПУ Гагкаев, его заместители, комиссары, начальники приисков. Все румяные, в пыжиковых шапках, меховых одеждах, белых фетровых бурках с подвернутыми голенищами. У многих меж распахнутых дох виднелись ордена. Иван знал, что большая часть этих орденов Ленина и Трудового Красного Знамени была получена за чай-урьинское золото, когда в 1939 году неожиданно повалил дурной металл, и без особого ума и напряжения государственный план оказался перевыполнен в несколько раз. Пра-

вительство орденов не жалело… «А другие горняки бьются, стараются – умницы, трудолюбивые, честные, но металла в породе мало, взять его трудно – и никто им наград не дает», – думал Осташко, пропуская мимо ушей казенные речи. Он глянул на стоявшего у трибуны краснорожего Черняка, про себя подумал: «Успел уже – с утра пораньше!» Он знал, что на угловой полочке в его ка-

МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ ГАГКАЕВ (1903–1976)

Родился в селе Кадгарон Северо-Осетинской АССР в крестьянской семье. С 1920 по 1925 г. коммунар ЧОНа, с 1925 по 1928 г. обучался на рабфаке в Ростове-на-Дону. С 1928 по 1932 г. учился во Всесоюзном механико-технологическом институте консервной промышленности в Москве. С 1932 по 1940 г. – работник экономического отдела ОГПУ- НКВД в Москве. С 1940 г. в Дальстрое, работал зам. начальника Западного ГПУ, в 1941 г. – начальник Чай-Урьинского ГПУ, с 1942 по 1946 г. – начальник Северного ГПУ, с 1946 по 1948 г. – зам. начальника Дальстроя. С 1948 по 1956 г. работал в Москве заместителем, начальником 6-го спецотдела МВД, ММП, МЦМ. С 1956 г. на пенсии. С 1945 г. полковник госбезопасности. Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, медалями, значками почетного чекиста и «Отличнику-дальстроевцу».

Группа делегатов VII Всеколымской партийной конференции Дальстроя в здании Магаданского театра. В первом ряду, слева направо: заместитель начальника Дальстроя **М. А. Гагкаев**, 3-й – начальник Политуправления Дальстроя П. Д. Шевченко, 4-й – начальник Главного управления Дальстроя И. Ф. Никишов, 6-й – заместитель начальника Главного управления Дальстроя М. В. Груша, 8-й – начальник Берелехского райГРУ А. Х. Алискеров. *Магадан. 14–17 апреля 1947 г.*

бинете у правой руки всегда стоит обыкновенный эмалированный чайник, а в нем – чистый спирт. Главный инженер на протяжении всего дня, один ли или при посетителях, даже во время совещания, потягивает преспокойно из носика – будто воду. И не хмелеет. Только по степени багровости щекастой его физиономии можно было судить, какая доля чайника уже выпита.

В час дня чкаловцы вернулись домой. Левочко, Горбик и Осташко, затопив печку, пообедали у себя в комнате, выпили спирта, охмелели и перед ужином немного поспали. Вот и весь праздник…

Иван вычитал, что можно узнать о родственниках и знакомых, переселившихся из прифронтовой зоны, и дал запрос на родителей и жену в соответствующую организацию.

У Левочко был «Словарь по геологоразведочному делу». Иван, просматривая его, вспоминал содержание терминов, формулы минералов, названия горных пород и прочее. Он решил почаще заглядывать в этот словарь и в свои книги по геологии, чтоб не забыть то, что приобрел в университете за пять лет.

На своем участке он обнаружил двухъярусную золотоносность: кроме основного слоя песков, что на плотике, имелись золотосодержащие прослойки и среди горизонта торфов. Это усложнило вскрышные работы и разработку – поэтому решил написать объяснительную записку. У Каргаева попросил недавно вышедшую книгу Билибина «Основы геологии россыпей», принялся штудировать ее, ибо в университете о россыпных месторождениях упоминалось лишь мимоходом. Обратил внимание на то, что как советские, так и зарубежные ученые утверждали: золотые самородки – это продукты механического переноса и окатывания водными потоками частиц разрушающихся коренных месторождений. И вспомнил, что однажды осенью при зачистке забоя увидел в пересекающихся трещинах плотика крепко сидевший амебовиднокрестообразный золотой самородок. «Так это же ведь явное доказательство того, что самородки растут в россыпях!» – пришел он к выводу. И позже на основании своих наблюдений и геологоразведочных данных объяснил процесс образования золотых россыпей Чай-Урьинской долины.

С переходом на восьмичасовой рабочий день и получением выходных Иван стал больше читать, приступил также к написа-

нию путевых заметок о Кавказе и Алтае. Из-под его пера появлялись новые стихотворения «Колымского цикла».

В конце ноября Осташко прослышал, что на ключ Кресты, впадавший справа в Чай-Урью в пределах его участка, пропуск не требуется – вольные могут идти беспрепятственно: там ведут лесозаготовки расконвоированные заключенные, до густой тайги – около 25 километров. Ах, как хотелось ему раздвинуть рамки кругозора, вырваться за пределы надоевших голых сопок. И в ближайший выходной, оказавшийся общим как для заключенных, так и для вольнонаемных, Иван отправился в маршрут вверх по долине Крестов.

День выдался погожий, мороз не превышал тридцати градусов и после жгучих холодов почти не ощущался. Он бодро шагал по утоптанной дороге, чувствуя себя в родной стихии. Молодо, в приятном волнении стучало в груди сердце, и глаза его жадно искали новые очертания рельефа, новые элементы геоморфологии. Невольно вспоминались алтайские маршруты его преддипломной практики. Он заметил на вершине сопки правого берега наклонившийся крест. «Возможно, он здесь не один, потому и ключ назван: «Кресты»…

Однообразно тянулась долина – прямая, широкая, ровная, поросшая густыми кустами лозняка да изредка сохранившимися лиственницами. По дороге часто встречались заиндевевшие работяги, тащившие дрова, строевой лес и доски, которые заготавливались в вершине ключа.

– Однако вы неладно пошли, – обратился к Ивану человек, когда он направился вверх по правому развилку.

– Почему?

– Дальше моей конторы дороги нет. Это лишь здесь хорошая дорога, ее моя бригада протоптала.

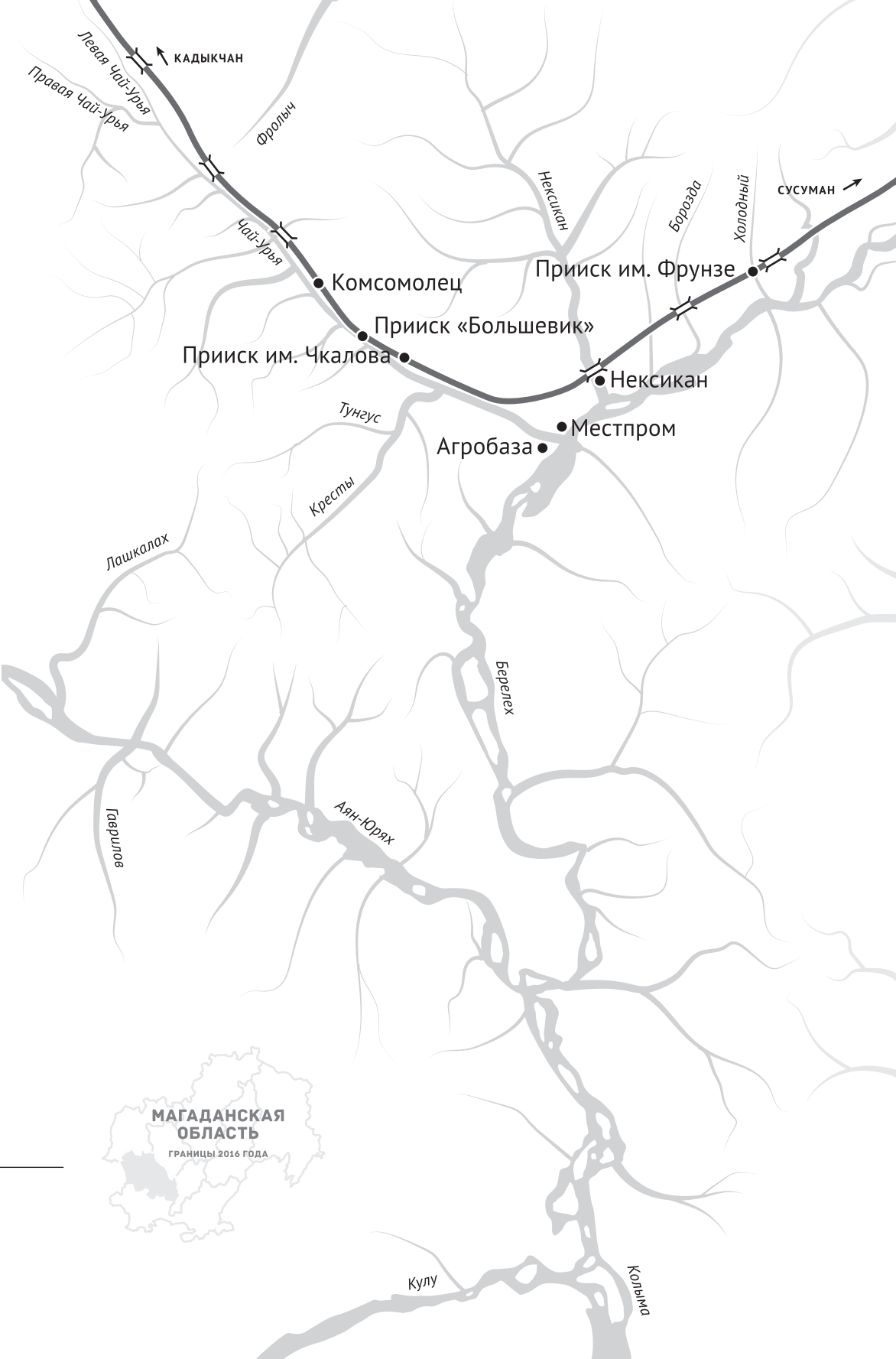
– А лес дальше есть?

– Лес есть, сопки есть, а дороги нету… Вам далеко?

– Мне говорили, что где-то здесь имеются лесозаготовки, до которых от приисков около двадцати пяти километров.

– Так туда вон дорога пошла, – и он указал налево.

Карта-схема района работы Д. С. Голоты в 1941–1942 гг.

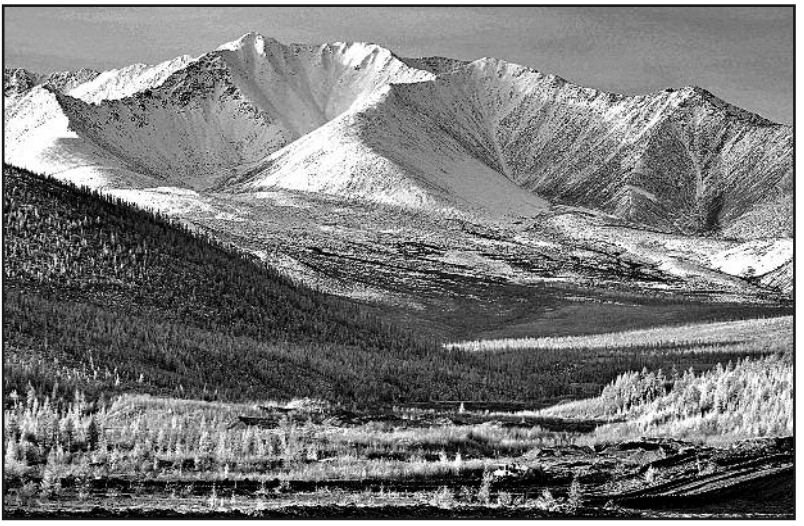

КАДЫКЧАН
Левая Чай-Урья
Правая Чай-Урья
Фролыч
Чай-Урья
Комсомолец
Прииск «Большевик»
Прииск им. Чкалова
Некскикан
Борозда
Холодный
СУСУМАН
Прииск им. Фрунзе
Нексикан
Тунгус
Местпром
Агробаза
Кресты
Лашкалах
Берелех
Гаврилов
Аян-Юрях
МАГАДАНСКАЯ ОБЛАСТЬ
ГРАНИЦЫ 2016 ГОДА
Кулу
Колыма

Иван пошел по тракторной колее, проложенной в глубоком снегу, среди настоящего леса. Потом лес кончился, и тропы не стало – ее завалило свежим снегом. Иван скоро устал. Пот лился градом, вся одежда стала мокрой. Подъем был труден. Снег набивался в валенки через голенища, тело проваливалось по пояс. Меняя направление, он полз на животе и настойчиво двигался вперед. Вот снег стал уже твердым и звенел под ногами; появилась щебенка, укрытая желтыми ковриками ягод, – это была вершина!

Какой простор, какие дали! Вокруг, сколько видел глаз, простирался безбрежный океан белого сопочного нагорья. И всюду – монотонная пустота и холодная мертвенность; лишь на дне бесчисленных узких долин виднелись заснеженные поросли голой лиственницы. Иван отыскал вдали сопки Чай-Урьинской долины, которые располагались гораздо ниже той, на которой он стоял, а на востоке выступал Морджот (*гора – в 20 км юго-восточнее г. Сусумана, высота 2 127 м. Морджот – местное название, верное географическое название – Морджет. – Ред.*), гордо возвышавшийся над всем нагорьем; ближе, чуть севернее, темнела равнина – то была долина Берелеха ниже поселка Нексикан.

Оранжево-красное солнце спокойно садилось на зубцы гор,

Гора Морджет, Сусуманский район Магаданской области.
Фото 2013 г.



и по бокам его на небе висели два радужных пятна. Далеко на северо-востоке клубились густые серо-сизые тучи, восставая грозной стеной из-за снежных вершин.

Короткий день кончился. С запада Ивану в спину стал дуть лютый ветер – стоило хоть на секунду повернуться к нему, и мокрое от пота лицо враз покрывалось ледяной коркой. Он быстро начал спускаться в долину левого притока Крестов и, когда солнце ушло за горизонт, уже шагал по знакомой дороге. К ужину в столовую поспел в глубокие сумерки.

…День Сталинской Конституции весь советский народ отмечал боевыми и трудовыми подвигами. Второй батальон всеобуча в ночь с четвертого на пятое декабря тоже стал на сталинскую вахту – на вскрышу торфов. 3-й взвод, в котором находился Осташко, занял пост 16-й мехдорожки – самой дальней, северной.

Иван трудился на отвале с пятью сотрудниками, принимавшими короба с торфами; планировал вываленный грунт; подметал плац отвала, отправлял пустые короба с контрацепами обратно в забой; иногда помогал разгрузке. В долине лежал белый туман; полная луна медленно уплывала в бездонную высь темного неба.

Было пятьдесят градусов, тянуло ветерком, и морозный воздух захватывал дыхание, смерзались ноздри. Хотя он скоро ощутил усталость, но работал с охотой. Иван заметил, что половина взвода темнила, удирая из забоя в теплые укрытия.

Как только мороз переваливал за пятьдесят градусов, широкая Чай-Урьинская долина наполнялась густым туманом, воздух застывал в немом спокойствии и под ногами звонко скрипел снег. Стоило подуть – изо рта, будто из сухопарника, вырывалась струя белого пара, гулко шипя и клубясь мелкими барашками, а плевок слюны падал на землю льдистой горошиной. Металлические вещи, если притронуться к ним голой рукой, обжигали, словно раскаленные. Когда такой морозной ночью Иван возвращался с работы домой, казалось, что идет он в звенящем тоннеле – бесконечно длинном, темном и пустом. Лишь треск взрывов да одиночный рокот автомотора давали знать, что где-то близко существуют машины, люди.

В декабре сильные холода, порой до 66 градусов, держались почти неделю подряд. Все такие дни актировались – на работу ни зэки, ни вольняшки не выходили. Но Иван все равно бегал на свой участок – на завтрак, обед и ужин; днем часто оставался

там в конторе – что-то читал или сочинял, в столярке мастерил рамочки под фотографии своих родных. Саша Горбик тоже дома не сидел. Зато Левочко, как бурундук в норе, из комнаты не вылезал. Сварит чего-нибудь, налопается и – спать!

Иван с участка притащил доски, расширил общий топчан, где спал вместе со Степой, обил одеялом стены у постели, занавесил пол-окна, чтобы не дуло в голову. Печку топили дровами, которые выменивали за полпайки у заключенных, так же доставали и лед для чая. Зимой ни воды, ни угля не было, дровами тоже прииск не обеспечивал. Недавно открытое геологом Вронским Аркагалинское угольное месторождение, километрах в пятидесяти от прииска, только начинали разрабатывать, и уголь прежде всего шел для экскаваторов, локомобилей и электростанций; снабжалось им и начальство. Для всех же нужд угля пока не хватало. Спать хлопцы ложились одетые, ибо к утру в комнатушке бывало до сорока градусов ниже нуля – над головой образовывалась горка снега, шапка примерзала к стене; обутые в валенки с шубными носками ноги коченели. Подхватившись с постели, Иван выскакивал на двор и, умывшись колючим снегом, бежал на участок, отогреваясь в пути. Спасаться от холода можно было и в тепляке; там на широкой печке из камней подогревалась в зумпфе талая вода, в которой лоточники из ГРБ и старательских бригад отмывали золото. Иван записывал в свой маленький блокнотик:

Подслеповато лампочка мигает,
За стенкой чухкает движок;
В зумпфе ком снега, греясь, тает,
Мерцает в печке огонек…

Ходил по забоям мехдорожек, шурфовочным полигонам, проверял работу своих промывальщиков, качество проходки горных выработок.

Весь день на огненном морозе:
У копушей, на дне шурфа;
Следил – случайно ль не вывозят
В отвалы с золотом торфа…

Кончался трудовой день, в блокнотик заносилась последняя

Б. И. Вронский у временного топографического знака. Подобные знаки в первые годы геологи выкладывали из камней. *50-е гг. XX в.*

БОРИС ИВАНОВИЧ ВРОНСКИЙ (1898–1980)

Родился в селе Михайловка Дмитриевского уезда Курской губернии в семье актера труппы П. Н. Орленева. В 1914 г. окончил реальное училище, в 1915 г. стал студентом Киевского коммерческого института. Не окончив институт, в 1918 г. ушел добровольцем в Красную Армию. В 1921–1922 гг. работал учителем в сельской школе в Барнаульском уезде на Алтае.

В 1923 г. поступил в Московскую горную академию и через три года, будучи студентом 3-го курса, уехал на два года на практику в трест «Алданзолото», где работал начальником поисково-разведочной партии, затем начальником разведок. Здесь познакомился с Ю. А. Билибиным.

Окончив академию, Вронский в 1931 г. уехал со Второй экспедицией Билибина на Колыму и до 1938 г. работал начальником полевых партий. Открыл несколько россыпных месторождений золота, а также Аркагалинское каменноугольное месторождение, углем которого и сегодня отапливается ряд районов Магаданской области. В 1938–1953 гг. работал главным геологом ряда горных и геологоразведочных управлений на Колыме, Яне и на Охотском побережье.

Награжден орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями. Лауреат Сталинской премии первой степени (1946).

Годы работы на Крайнем Севере описаны Б. И. Вронским в книгах «По таежным тропам» (1960) и «На золотой Колыме» (1965).

Выйдя на пенсию, Борис Иванович в течение более 10 лет принимал участие в работе академических и самодеятельных экспедиций, исследовавших район падения Тунгусского метеорита. По материалам этих экспедиций написал книгу «Тропой Кулика» (1968), дважды затем переизданную в СССР и изданную также в Чехословакии и Польше.

Именем Вронского картографы треста «Дальстрой» назвали вершину (2 741 м) в Юдомском хребте.

строка:

Так в маете часы уходят,
И снова вечер настает…
Густой туман в долине бродит,
Из-за хребта луна встает…

Общаясь с заключенными, Иван Осташко все ближе узнавал этот мир людей, обделенных судьбой. Своими тропами шли они в жизни, разные преступления привели их сюда, в колымские лагеря; и далеко не у каждого доля вины соразмерялась со степенью наказания. Самыми угнетенными и жалкими выглядели осужденные по пресловутой 58-й статье, по статье СВЭ (социально вредный элемент) и СОЭ (социально опасный элемент). Убийцы же, бандиты и прочие матерые преступники вели себя независимо, порой вызывающе и нагло; они не прощали малейшей по отношению к себе несправедливости или обмана. И если среди политических попадалось много «фитилей» и «доходяг», то уголовники выглядели бодрее, здесь преобладали «работяги», «темнил» же хватало среди тех и других. Уголовник, если ему начальник сулил хотя бы пачку махорки за конкретный объем вывезенного грунта или проходки шурфа, принимался работать как зверь, но, не получив обещанного, мог расправиться с обидчиком самым жестоким образом. Однажды Осташко был свидетелем такой расправы.

На 15-й мехдорожке горным мастером был Недбайлов – рыжий, неказистый, лет тридцати; грубый и зловредный. Он то и дело покрикивал на рабочих и при малейшей оплошности чихвостил зэка трехэтажным матом, награждая оплеухой или подзатыльником. Вместо слова «эффект» всегда употреблял «дефект» – часто, например, говорил: «Бесполезно. Не будет никакого дефекта».

Тот день был солнечный, при сорокаградусном морозе. Бригада вывозила торфа тачками. Недбайлов стоял на площадке высокого навала, подгоняя работяг. До конца смены оставалось не более двух часов.

– Эй, духарики… вашу мать! Если каждый не вывезет еще двадцать тачек – акцепт не подпишу.

– А если двадцать пять, гражданин начальник? – быстро бегая черными глазами, спросил парень невысокого роста.

– Получишь пачку «Севера» и отваливай на все четыре!

Черноглазый, скинув бушлат и шапку-стеганку, пустился гонять тачку за тачкой – из забоя на громоздкий навал. Через час, вытирая рукавом с лица пот, доложил:

– Гражданин начальник, я сделал двадцать пять тачек!

– Ну и валяй дальше, – бросил, не оборачиваясь к зэку, Недбайлов.

– А пачку «Севера»?

– Какую еще пачку «Севера»? … не хочешь?

Работяга промолчал. Он спустился вниз, взял в забое кайло, поднялся и с размаху всадил его в голову стоявшего к нему спиной горного мастера – по самый обушок. Осташко видел, как из-под обушка брызнул кровавый мозг, и Недбайлов, с кайлом в голове, рухнул на доски настила. Убийца же надел бушлат и шапку, сказал бригадиру:

– Все!.. Отправляй в карцер.

…Не оставалось безнаказанным у заключенных воровство и обман среди своих, особенно похищение хлебной пайки. В начале осени, еще во время промывочного сезона, в забое мимо Ивана пробежал, еле двигая ногами, тощий человек – с острыми скулами, обтянутыми пергаментной кожей, и глубоко ввалившимися глазами. Он обеими костлявыми грязными руками лихорадочно запихивал в широкий бескровный рот большой кусок черного хлеба, стараясь побыстрее, не жуя, проглотить его. За ним гнался такой же истощенный доходяга с поднятым кайлом; он пошатывался и тяжело дышал. Сделав последнее усилие, настиг похитителя полпайки, оставленной к ужину, и, свалив его ударом кайла по голове, стал выдирать недоеденный хлеб изо рта насмерть поверженной жертвы.

Тяжкое впечатление произвела на Ивана эта жуткая картина борьбы за существование. Подавленный увиденным, он рассказал вечером об этом случае Саше и Степану. Горбик сокрушенно покачал головой, а Левочко сидел белый как бумага, с остановившимися в страхе глазами.

– Ты чего, Степан! – воскликнул сидевший против него Горбик.

Левочко очнулся, промолвил дрожащим голосом:

– Я боюсь… Они и нас тут поубивают.

– Тю! Чудило. С чего это они будут нас убивать? Мы же у них пайки не крадем.

…Вскоре произошло трагическое событие иного рода, но тоже

связанное с преступниками; о нем долго вспоминали на прииске. Погибла молодая семья, жившая на «Чкалове» с весны 1941 года. Глава семьи, капитан госбезопасности, был начальником лагпункта – деловым и порядочным. Жена его, врач-терапевт, симпатичная молодая женщина отличалась ангельской добротой и в любое время суток готова была помочь больному – будь то вольный или заключенный. Их сынишке шел седьмой год. Жену капитана зэки-негодяи проиграли в карты. Проигравший был обязан доставить ее в барак для всеобщего употребления. Он нашел вертевшегося в лагере мальчишку и велел ему немедленно сказать маме, чтобы срочно пришла в барак – дескать, умирает один человек. Врач, конечно, тут же прибежала. И была изнасилована – грубо, всей бригадой. Чуть живая, дома рассказала мужу. Потрясенный капитан в состоянии глубокого шока, вырвав наган, двинулся из комнаты с намерением перестрелять насильников. Жена и сын вцепились в него со слезами, умоляя не делать этого. Обезумевший капитан застрелил жену, сына и себя…

К Ивану Осташко заключенные относились с уважением, особенно те, что были осуждены за государственные преступления. Они видели в молодом геологе человека образованного, справедливого и при удобном случае с охотой делились с ним своими жизненными перипетиями или рассказывали о каких-нибудь событиях более широкого, общего характера. Три истории, услышанные в солнечные дни сентября во время обеденных перерывов у отвалов и в штольне, наиболее запомнились Ивану.

Первая из них касалась начальника Дальстроя, предшественника Никишова – некоего Павлова; она более походила на легенду. Павлов оказался японским шпионом и на самом деле имел другую фамилию. Отец его был военнопленный, участник Цусимского сражения, а мать – японка. Молодой «Павлов» получил в Японии блестящее экономическое и военное образование, прекрасно владел русским, японским, английским и французским языками, был завербован в разведывательное ведомство и заслан в Советский Союз с определенной целью: как можно больше переправить колымского золота в Японию. Проникнув в органы советской разведки, он был хорошо осведомлен о положении дел, а незадолго до отправки настоящего Павлова в Дальстрой имитировал свою смерть в автомобильной катастрофе: машина сорвалась в пропасть Черекского ущелья, и в изуродованных останках

нашли удостоверение на его имя. В пути следования из Москвы во Владивосток японскому шпиону удалось уничтожить подлинного Павлова и по его документам явиться в Магадан под видом начальника Дальстроя. Этот лже-Павлов невероятной жестокостью добился в короткий срок резкого увеличения золотодобычи. Тонны благородного металла пошли в Москву, но еще большее его количество тайно готовилось к отправке торговым пароходом в Японию. Тем временем жена убитого Павлова, не получая от мужа весточки, заподозрила его в супружеской измене и, решив накрыть неверного на месте, явилась инкогнито в Магадан. В первый же день своей слежки она обнаружила, что начальник Дальстроя – не ее муж. Дальше слово осталось за чекистами, и лже-Павлов был обезврежен.

Зэки рассказывали Ивану эту историю с особым смаком, добавляя все новые подробности. Они хвалили советских чекистов и жену покойного мужа за разоблачение этого японского гада, который сотни, а может, и тысячи лагерников расстрелял ни за что, ни про что.

Другую историю поведал Ивану в штольне матерый рецидивист, убийца и контрабандист, трижды приговоренный к расстрелу, совершивший множество побегов и имевший в общей сложности срок, для отбытия которого не хватило бы самой долгой человеческой жизни. Ему было около сорока лет. Невысок, сухощав, жилистый, в робе нараспашку и картузе без козырька, он пронизывал собеседника сверлящим взглядом колючих глаз. При разговоре его короткие усики на тщательно выбритом лице нервически подергивались, и из-под тонкой верхней губы показывалась сверкающая обойма золотых зубов. В нем странным образом сочетался облик аскета-интеллигента и жестокого аристократа – представителя высшей элиты преступного мира.

– Во время Кронштадтского мятежа, – начал он свой рассказ, – я стоял у крепостного орудия; было приказано бить прямой наводкой по большевикам, делегатам десятого съезда, которых вел по льду Финского залива Климент Ворошилов. Они шли с красными флагами, называли нас братьями, кричали, что мы обмануты меньшевиками, эсерами, призывали не стрелять и сдаваться. А у меня у виска – дуло револьвера белого офицера. Мне было восемнадцать лет, зеленый юнец, темная деревня. Я, как заводной истукан, посылаю снаряд за снарядом, сам себя не помню.

Только отпечаталось: крошево из льда, крови, людских тел.

Его приговорили к расстрелу, но ввиду помешательства сначала положили в больницу. Оклемавшись, из больницы он бежал, скрывался, устроился в Петрограде на работу, полюбил девушку, женился. Они с женой ждали первенца, а ночью его арестовали – выдал тип, стремившийся отбить жену.

– Я бежал по новой, убил того жлоба, простился с женой, поцеловал сынишку и – пустился на юг. В каких только бандах, армиях и отрядах я ни сражался – и в белых, и в красных, у самого батьки Махно ординарцем служил. В конце концов очутился в банде Щербатого, известного в те годы контрабандиста, стал его правой рукой. Оперативники гнались за нами по пятам – надо было уходить совсем из Советского Союза. Мы ограбили в Тифлисе государственный банк, взяли много золота и решили отплыть в Турцию. Темной ночью в бухточке недалеко от Батума погрузились на шхуну, чтоб с рассветом отчалить. Не чувствуя опасности, закатили «прощальную», все мертвецки перепились. Тут-то нас и накрыли… Щербатый и я получили высшую меру, но его расстреляли, а мне заменили десятью годами тюрьмы. Через пять лет вышел по амнистии. Разыскал жену, она уже вышла за другого, сына повидать не разрешила, сказала, что он учится в школе, пионер, знает: его отец был большевиком и расстрелян мятежниками-белогвардейцами в борьбе за советскую власть; сын носит фамилию отчима. Всплакнул я и подался искать долю свою… В Москве меня арестовали как без постоянного местожительства. Собака-следователь при допросе свистнул меня рукояткой нагана, и я его тут же и удушил. И – опять «вышка». Спасли рецидивы эпилепсии – расстрел снова заменили заключением. Два года оставалось до конца срока. А меня такая тоска взяла: помру, думаю, и не увижу сыночка родного. Так меня к нему потянуло, что вот места себе не нахожу, только о нем думаю… И совершил я из лагеря побег…

Рассказчик остановился, сглотнул комок застрявшей в горле слюны, усики его передернулись, золотые зубы заскрипели, и по правой щеке волной прошла судорога. Справившись, не замечая текущих по лицу скупых слез, он закончил свой рассказ:

– Нашел я своего сына. Курсант высшего военно-морского училища… Явился я, значит, туда, в их общежитие. Спрашиваю дежурного: есть такой-то? Есть, отвечает. Скажите, что его ожи-

дает на улице родственник. Смотрю, выходит. Красавец! Копия – я в молодости, осанка, выправочка! Спрашивает: «Кто вы, гражданин, будете? Я вас не знаю», – официально так, я даже оробел. Не сдержался – слезы покатились, шепчу: «Сынок, сыночек… Я – отец твой». Он глянул удивленно: «Что за чепуху, вы, гражданин, городите? Мой отец погиб в гражданскую войну». Повернулся – и ушел… Я сам вернулся в лагерь, срок кончать. Мне за побег, конечно, добавили; потом опять побеги были – теперь два года здесь вкалываю… Все равно убегу. Вот апреля дождусь я и – в тайгу, буду в Новосибирск пробиваться! – твердо заявил он. И в сухих глазах его сверкнула колючая решительность.

Через минуту загудел гудок локомобиля – кончился обеденный перерыв.

…В прохладный день конца сентября в забое к Осташко подошел заключенный. Высокого роста, немного сутулый, с обрюзгшим лицом, толстыми запекшимися губами и какими-то безразлично-спокойными глазами. Хотя на нем был надет лагерный бушлат, он поеживался от легкого озноба.

– Здравствуйте, – поздоровался он с Иваном, открыто глядя ему в глаза. – Вы ничего не будете иметь против, что я обратился к вам?

– Конечно, нет. Пожалуйста.

– Вижу, вы недавно с «материка»… с воли… Вы что кончали?

– Киевский университет.

– А, так вы, значит, из Киева? Война там застала или в пути?

– Там. Мы последний предмет на госэкзамене двадцать шестого июня сдавали.

– При вас немцы Киев бомбили?

– Да. Но без особого успеха. А когда наши «ястребки» стали патрулировать, и вовсе хвост поджали.

– Страшно было?

– Не очень, киевляне привыкли – у нас воздушные тревоги и учения уже с тридцать шестого года все время проводились.

– Помню, помню… Какое замечательное время тогда было…

– Вы тоже в Киеве жили?

– Нет, я москвич. И жил в Москве. Моя фамилия Масленников. Я работал вторым секретарем ЦК ВЛКСМ, пока не арестовали третьего января в тридцать восьмом.

– Так вы и Косарева знали? – оживился Осташко. – Где он

сейчас?

– С Сашей я вместе двенадцать лет работал… Нет его, расстреляли.

– Как расстреляли?! Да что вы говорите? Это же был прекрасный человек, настоящий комсомольский вожак! Я лично его не знал, но по газетам, киножурналам, его статьям, речам… Я тоже ведь был тогда активным комсомольцем. За что же его?

– Не знаю точно. Вероятно, пятьдесят восемь – одиннадцать… И другие. У меня – СОЭ, десять лет. Контрреволюционная деятельность среди советской молодежи… Э-э… все это Лаврентий, – тихо сказал он.

– Какой Лаврентий? – не понял Иван.

– Берия… Это его дела.

– Да что вы. Он же верный соратник Сталина.

– Я думаю, ничего товарищ Сталин не знает, что творится… – еще более понизил голос Масленников, кося глазами по сторонам. Он вздохнул, помолчал, потом добавил: – Моя тоже песенка спета… До весны не дотянуть. Ноги уже опухли…

– Мне все-таки непонятно, – замялся Осташко, – зачем Берии все это нужно?

– К власти рвется. Одним выстрелом, то бишь репрессиями, пытается двух зайцев убить: уничтожить преданных Сталину людей и вину свалить на него же… Только ничего у него, как видите, не выходит. Народ верит и предан товарищу Сталину!

– Да-а… – потупился Иван, чувствуя, что разобраться ему в таких высоких материях не под силу. – Не знаете, – переводя разговор в другое русло, спросил он, – сейчас много на прииске этих… политических?

– Было много, а теперь все меньше становится. Одни умирают, а которые покрепче и зачеты имеют, тех досрочно освобождают, на фронт.

– Ну, извините, мне надо шурфы проверить. Побежал я…

Такой вот состоялся у Осташко разговор с бывшим вторым секретарем ЦК комсомола в первый месяц работы на прииске.

В конце ноября с последними рейсами на Колыму привезли много новых заключенных. Пригнали и на прииск им. Чкалова этап – не менее двух тысяч. Среди них преобладала молодежь – дезертиры, бытовики; политических было немного. Эти люди очутились в очень тяжелом положении. Непривычно крепкие морозы

и плохое питание быстро приводили к дистрофии. Они слабели, не могли выполнить норму, а за это им уменьшали пайку, и путь на тот свет ускорялся. Осташко видел – всю зиму каждый день по утрам уносили трупы скончавшихся: двое, насилу волоча ноги, несут на плечах третьего, окоченевшего; и таких – две-три пары, а то и больше. Сегодня – эти несут, завтра – их понесут другие. Из двух тысяч к весне и двухсот человек, пожалуй, не осталось.

Некоторые заключенные от истощения сходили с ума. Однажды в забое при пятидесяти двух градусах мороза молодой парень разделся совсем догола; это был скелет, обтянутый синеватой кожей. Он принял рыцарскую позу и сильным голосом запел бравурную арию из какой-то оперы. Стоявшие вокруг него зэки смеялись. Конвойный тоже засмеялся, потом подошел к певцу и, направляя ему в зад штык, потребовал одеться. Однако несчастный не реагировал – он молча стоял над лежавшей у ног своей одежды. Вдруг неожиданно вскинул ладонь правой руки над головой, а кулаком левой ударил себя в грудь и на очень высокой ноте фальцетом пропел: «Паду ли я, стрелой пронзенный, иль мимо пролетит она?»

Упал как подкошенный, забился, корчась в судорогах, изо рта пошла пузыристая кровавая пена, остекленевшие глаза закатились под лоб, и через минуту паренек скончался…

Япония 7 декабря совершила мощный налет на военно-морскую базу Перл-Харбор на Гавайских островах, объявив, заодно с Германией и Италией, войну США. Англия же выступила против фашистских сателлитов – Финляндии, Румынии, Венгрии. Весь мир превратился в огнедышащий лагерь войны!

…Почти неделю стояли шестидесятиградусные морозы. Дни актировались, были нерабочими. А двадцать первого потеплело до пятидесяти, и начальство с партийным руководством решило провести в ночь на 22 декабря трудовую вахту в честь 62-й годовщины со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина. Днем в обеденный перерыв Осташко сидел в теплой комнате итээровского дома пятого участка, в которой жили начальник смены, обаятельный Петр Гермогенович Гоголев и горный мастер Крохмалев. Был там и начальник мехдорожки Александр Хорошилов – большой шутник, бабник и любитель спиртного. При первом подходящем случае Хорошилов рассказывал о приключившихся с ним историях, образно привирая и часто выдавая небылицы за бывальщину. Он нравился

Ивану своей веселостью, прямотой и тем, что не бахвалился, не мнил себя покорителем женских сердец. Вот и на сей раз Александр стал рассказывать одно из его приключений – о неудавшейся попытке овладеть девушкой, но вошел Гоголев и посоветовал, ввиду ночной вахты, отдохнуть. Он любезно предложил Ивану свою кровать. Уже задремав, юноша услышал, как хороший, добрейший Петр Гермогенович заботливо укрыл его своим пальто. Осташко очень уважал этого человека – настоящего большевика: скромного, вежливого, трудолюбивого, пунктуального, интеллигентного, знающего свое дело. Благодаря Гоголеву все механизмы на участке работали исправно, не случалось ни одного чрезвычайного происшествия. На производственном собрании участкового горнадзора он корректно, но в то же время крепко отчитал Непомнящего за его матерщину, хамское обращение с людьми – как с заключенными, так и вольнонаемными, в частности – и с Осташко. Гоголев любому говорил «Вы» и совершенно не позволял себе пренебрежительного отношения к осужденным, вроде «Эй, ты, фитиль!», тем более – нецензурной брани и блатных лагерных выражений.

Все роты всеобуча, как и раньше, собирались вечером возле клуба и строем расходились по своим участкам, каждый взвод на свою междорожку. Иван работал опять на том же отвале, что и в честь Сталинской Конституции.

…День двадцатипятилетия Ивана Федоровича Осташко прошел буднично, безрадостно, обычно – как и прочие дни. Так почти всегда проходил его день рождения: в заботах, трудах, бедности. В его семье, когда жил с родителями, дни рождения не отмечались, и вообще в деревенской среде это было не принято–сие, мол, удел горожан, интеллигенции, грамотного сословия. Лишь в последние четыре года жизни в Киеве благодаря Уле день 24 декабря озарялся приятностью.

Да, совсем невеселым была для Ивана 25-я годовщина его жизни. За десять тысяч километров от родных и друзей, от любимой жены и маленького Федюшки, которому как раз исполнялось полгодика, среди пустынных сопочных просторов суровой Колымы, на эксплуатационном участке золотого прииска, уходил однообразной поступью этот монотонный морозный день.

1942

В ИСТОКАХ ИНДИГИРКИ

Встреча Нового года ознаменовалась очередной, новогодней, вахтой да тем, что после полуторамесячной безбанной жизни удалось наконец как следует помыться. Никакого торжественного вечера не было, люди отмечали праздник по квартирам распитием спирта.

Следующий ударник начальство затеяло в честь открытия партийно-хозяйственного актива Дальстроя в Магадане, а потом и еще устраивались вахты, ударники и рекордники – «в честь» и без всякой «чести». Этим отличался только прииск им. Чкалова – на прочих ничего подобного не практиковалось. Причина же состояла в том, что «Чкалов» план золотодобычи в 1941 году выполнил лишь на 78% (а план этот, как обычно, был спущен «по достигнутому», то есть добытому в 1939 и 1940 годах, но золото теперь пошло значительно беднее – россыпь истощалась).

Ивану стало известно, что из лагерей досрочно освобождалось много заключенных – все бытовые статьи, военные и железнодорожные; для отправки на фронт формировались штрафные роты.

После вседальстроевского совещания партийно-хозяйственного актива произошли изменения и в Чай-Урьинском управлении: новым начальником вместо Гагкаева стал Арм, главным инженером – Осепян; на «Чкалове» Каргаева сменил Насыров, которой в прошлом году уже исполнял здесь эту должность – старшего геолога. Каргаев теперь сразу стал душой-человеком: разговаривал с Осташко как с равным, как с товарищем-коллегой. Рассказал, что снял его Ветров за неподчинение и за то, что назвал Непомнящего денщиком Кота Кузьмы, а точнее – холуем; пообещал передать заявление Ивана главному геологу Роженцову в Нексикане – о переводе в геологоразведку.

…Проходка шурфов на вскрышных полигонах подвигалась медленно. Чем сильнее давили морозы, тем труднее приходилось работягам долбить ломиком бурки в мерзлом грунте. Трехметровый шурф вместо положенной недели не проходили и за

ЯКОВ МЕНДЕЛЕЕВИЧ АРМ (1911–1986)

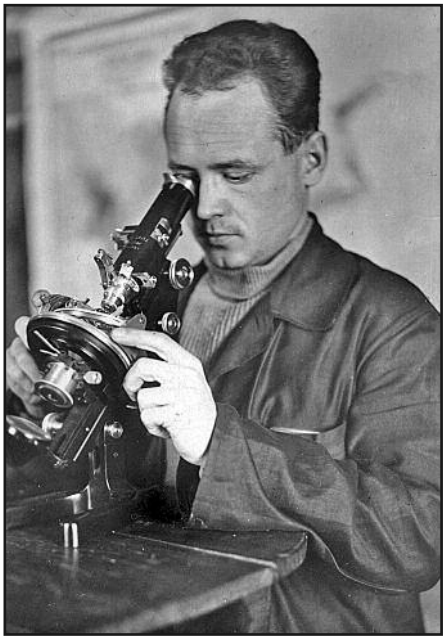
Родился в Санкт-Петербурге. После окончания школы с 1930 по 1932 г. работал фрезеровщиком на заводе им. Энгельса, с 1932 по 1937 г. учился в Ленинградском горном институте. В 1937 г. по договору с Дальстроем прибывал на Колыму. С 1937 по 1939 г. работал на прииске «Партизан» Северного горного управления старшим смотрителем, начальником участка, зав. горными работами, главным инженером. С 1939 по 1941 г. – главный инженер Северного ГПУ. В 1941 году – главный инженер Западного ГПУ. С 1942 по 1946 г. – начальник Чай-Урьинского ГПУ. С 1946 по 1957 г. – главный инженер Западного ГПУ, с 1957 по 1958 г. – заместитель главного инженера горного управления Магаданского совнархоза. С 1958 по 1962 г. – служащий УВД Магаданского облисполкома. С 1962 по 1972 г. – зав. лабораторией, начальник горного отдела ВНИИ-1. С 1972 г. на пенсии в Москве. Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, медалями.

три, а если до песков было больше трех метров, то и вовсе дело стопорилось: из узкой дудки шурфа выбрасывать с такой глубины взорванную породу становилось очень трудно. При невыполнении же суточного, затем и месячного плана десятники давили на работяг, сыпались неприятности на горнадзор, теребили начальника участка, и так – до главного инженера, начальника прииска и выше. А все якобы из-за участкового геолога, который добивается посадить шурф на пески, чтобы «рубашка» не превышала десяти сантиметров; без его же подписи, без акта аммонит на складе ВВ не будет выдан, а значит торфа останутся невскрытыми. Таким образом, получалось, что участковый геолог на прииске – заноза, враг номер один. Если же он, поддавшись нажиму, оставит «рубашку» толстой, что неизменно при открытии промывочного сезона потребует для ее снятия дополнительных затрат и времени, то будет сам наказан: арестован и отправлен в забой, а то и пущен в расход как саботажник, помогающий Гитлеру. Осташко знал – был при нем случай: геолог 2-го участка, попав впросак, покончил с собой…

Готовилась петля и на Иванову шею…

Шурфовочный полигон 17-й мехдорожки, самый дальний, оказался очень крепким орешком. Он пришелся на сложный геологический разрез, со скрытой боковой палеодолиной Крестов, где пески залегали на два метра глубже. Так что половина шурфов полигона была трехметровой глубины, а половину пришлось проходить до пяти метров. Вот тут-то и началось… Шел конец второго месяца шур-

фовки, а работяги все топтались на трехметровой отметке, хотя по закрывавшимся нарядам давно бы должна быть достигнута десятиметровая глубина! А если наряды – по существу туфтовые – не закрывать, значит заключенные лишаются своего скудного пайка… Жалобы на Осташко пошли по начальству. Насыров послал на участок своего помощника Самойлова, и тот, не разобравшись в грунте, при горных мастерах, Непомнящем и проходчиках стал обвинять Ивана, что уже, дескать, шурфы переуглублены и пески взорваны. Теперь весь горнадзор и заключенные совсем ополчились против ретивого участкового геолога, а начальник участка пригрозил:



Д. С. Голота, пос. Нексикан.
1942 г.

– Если ты, мудак, завтра не закроешь шурфы, я устрою тебе веселую жизнь!

– Будут добиты – закрою, – спокойно ответил Иван.

– Му-у-дак! – опять повторил Непомнящий, подсасывая текущую по уголкам губ слюну.

Злой и обиженный, Осташко тотчас подал Насырову заявление, чтоб освободил его от этой работы и направил в отдел кадров ЧУГПУ. Насыров категорически отказал: «Освободить от работы до особого распоряжения о. к. не могу», – было написано на заявлении. «Ну что ж, – подумал Осташко, – придется написать Никишову и в отдел кадров ГУ СДС Никешичеву. Хоть вряд ли получится что-нибудь – видно, придется здесь прозябать, пока прииск не закроется. Только нужно уходить с пятого участка».

Как ни бесновался Григорий Непомнящий, сколько ни писал докладных во все инстанции – от начальника прииска до главного инженера управления о том, что «все пески уже пройдены» и чтобы убрали «этого мудака» с его участка, – шурфы на 17-й мехдорожке пришлось добивать до требуемой Иваном глубины. А когда акт был подписан, причем, как всегда, к нему прилагался маркшейдерский

план расположения пронумерованных шурфов и, кроме Осташковой, стояли подписи маркшейдера, горного мастера, а также прораба буровзрывных работ, – взрывники вместе со своим прорабом поехали на склад за аммонитом, Непомнящий на один из пятиметровых шурфов поставил четверых лбов. Он их щедро одарил куревом, маслом, консервами, пообещав также спирта, и велел за час углубить шурф на целый метр, задав камеру у самого дна; взрывчатки туда фуганули вдвое больше положенного. Делалось это ночью.

Полигон был взорван, наутро начался вывоз грунта. Дня через три замерщик Вася Баздырев, встретив в поселке Ивана, который был выходной, сказал: «Там у тебя золото, кажется, взорвали». Осташко тотчас отправился на участок. Так и есть: среди взорванных торфов лежали глыбы с золотинами. Его недоброжелатели с ехидным замиранием сердец уже ждали высокую комиссию из управления, которая была создана по требованию Непомнящего. Комиссия прибыла, но не под началом главного инженера, как того хотели заговорщики, а с главным геологом ГРО Роженцовым, прямым начальником Ивана Осташко. Василий Ефимович, не дав Непомнящему рта раскрыть, пожав Ивану руку, спросил: «Ну что у вас тут произошло? Рассказывайте». Не зная истинной подоплеки случившегося, Иван высказал предположение о возможном взрыве золотосодержащей «кочки», залегавшей среди торфов; но главный инженер догадывался, в чем дело. Он велел глыбы с золотом не трогать, полигон зачистить, а маркшейдеру произвести нивелирование. И тут Осташко заметил, как ликовавшая поначалу иезуитская физиономия начальника участка стала бледнеть, он стушевался, забыв утереть сочившуюся слюну…

Когда неделю спустя площадку расчистили, на полотне забоя четко выявилась глубокая воронка – злоумышленники, словно в воду опущенные, ждали возмездия, а работяги рассказали Ивану, что произошло той ночью. На Непомнящего он писать жалобу не стал, но нагоняй этот незадачливый деятель получил порядочный, спасшись от большой неприятности лишь тем, что по-прежнему продолжал презентовать свою Оленьку Кузьме Ветрову. А со своим участковым геологом стал здороваться по-человечески, обходился с ним уважительно, да и вообще притих.

Позже, в конце марта, проверяя готовность приисков к летне-промывочному сезону, комиссар госбезопасности III ранга Иван Федорович Никишов посетил и прииск имени Чкалова, побывал на пя-

том участке. С ним были начальник ЧУГПУ Арм, начальник прииска Ветров и, очевидно, телохранитель. Иван видел начальника Дальстроя впервые. Был он низенький, толстенький, лет пятидесяти; лицо круглое, улыбающееся; под крыльями небольшого, чуть вздернутого носа ютились маленькие подстриженные усики. Одет в бекешу темно-синего добротного сукна, подбитого мехом, на голове шапка-ушанка со светло-серым суконным покрытием, на ногах белые фетровые валенки. Арм и Ветров рассказывали «бате», как называли колымчане Никишова, о положении дел, а он, хозяин несметных богатств Дальнего Севера, посматривал вокруг и незаметно улыбался. Говорили, что прииском комиссар остался доволен.

Осташко встретил Никишова и его сопровождавших у семнадцатой мехдорожки, и «батя» сразу заинтересовался, почему золотоносный пласт обрывается посредине резким уступом. Иван объяснил, что причина этому – влияние бокового течения ключа Кресты. Иван Федорович засмеялся: «У вас, геологов, всегда найдется объяснение… А пески там остались?» – пошутил он. Затем посоветовал произвести копушение, чтоб определить мощность золотоносного слоя.

Побывав на участке с полчаса, комиссар в черном лимузине «ЗИС-101» уехал на другие прииски долины.

Однажды в выходной Осташко облачился в новые одежды: черный полушубок с белым воротником и белой опушкой, новые красивые краги, обшитые черной тканью и опушенные серым мехом, на ногах – осоюженные валенки. Едва он вошел в столовую, Александр Хорошилов так и ахнул:

– Ну ты смотри – как снежинка! На «материке», пожалуй, и отец твой такого не носил, вот жена бы увидела – не узнала б! Сказала бы: «Смотри, смотри – это мой, мой-то!» – И Хорошилов добродушно рассмеялся.

Он частенько подтрунивал над Иваном, но когда начинал об арийской крови да о том, как его жену немцы… – у того темнело в глазах. Ух-х!.. Кошмар, проклятие! Нет, это не укладывалось в его мозгу. Нет, нет!!! Это невозможно… Перед сном ребята читали газеты, иногда просматривали Сашины фотографии, вспоминали студенческую жизнь, говорили о друзьях и подругах, о своих женах. Хорошая была у Саши жена – умная и недурна собой. Это следовало не только из Сашиных слов, но и судя по фотокарточкам. Она еще при нем уехала военврачом на фронт, и никаких известий не по-

ступало – Саша был уверен, что она погибла. Показывал и Степан фотографию своей жены с двухлетней дочкой. До падения Харькова он получал от них известия – телеграммы, письма. А потом и вспоминать перестал…

В геологоразведочном бюро появился приисковый геолог, бывший до этого начальником участка, – Захар Бороденко. У него случилась трагедия: ушла жена. Эта бледная, словно глиста, Лена Старостина только на Колыме была уже третий раз замужем. И вот, когда Захара понизили в должности, решила на него наплевать – вышла за… Каргаева. Да, Георгия Ильича Каргаева, который перешел на прииск «Геологический» в Южном горнопромышленном управлении, в той же должности – старшим геологом. На «Чкалове» он жил в соседней с Бороденко комнате, через стенку, и Лена не одну ноченьку провела с ним, когда Захар находился на участке. У нее был трехлетний ребенок от первого мужа. Каргаев приехал за ней и увез с собой. Бороденко решил в суд на него подать. «Дурак, и больше ничего!» – подумал Иван. Он уже потерял всякую надежду на лучшее, на изменение своей жизни.

5 марта раздался звонок, от которого на сердце Ивана Осташко легла радость, вселившая надежду на все лучшее, на то, что еще не взял, но – нашел то, о чем мечтал!

Накануне Иван решил сходить в Нексикан, чтоб стать на военный учет и попутно узнать у Роженцова о положении дел в связи с его заявлением. По возвращении из Нексикана он узнал, что кто-то звонил ему. Иван взял трубку:

– Я Осташко. Кто меня спрашивал?

– Ага, вы Осташко. Вот хорошо. Здравствуйте! – Голос был полутихий, приятный, немного напоминавший голос вежливой женщины.

– Здравствуйте. А кто спрашивает?

– Да вы не знаете… Это говорит начальник партии.

– Я вас слушаю.

– Скажите, пожалуйста, товарищ Осташко, когда вы будете иметь свободное время, чтобы заглянуть ко мне сюда в Нексикан, в ГРО?

Уже когда Иван услышал слова «говорит начальник партии», то сразу по телу его пробежала дрожь радости и надежды. А услыхав последние слова о том, когда он может зайти в ГРО, совсем разволновался. Однако постарался быть спокойным и, скрывая волнение, отвечал:

– Да хоть и завтра, например.

– Завтра? Вы что, выходной завтра?

– Да, выходной.

– Вот и хорошо. Заходите, пожалуйста. Скажите, вы в какое время можете зайти ко мне?

– Да так часиков в десять-одиннадцать. А кто спрашивает, к кому зайти?

– Спросите Лорви.

– Как-как? Лорви?

– Да, Лорви, – продолжал голос из трубки. Говоривший подробно объяснил, как к нему попасть.

Домой Осташко не шагал, он летел! Мысли прыгали, торопливо обгоняя друг дружку, так и не добегая до своего логического конца. «Неужели мне удастся отсюда вырваться?.. Роженцов, значит, не забыл; наверно, он предложил меня этому начальнику партии».

Позавтракав, Осташко пошел в Нексикан. Лорви в комнате не было, но вскоре вошел человек невысокого роста, средних лет; лицо слегка морщинистое, выбрито, волосы светлые, зачесаны набок, а серые глаза доброжелательно смотрели из-под соломенных бровей. Они подали друг другу руку. Лорви расспросил, где Иван учился, где работал. Иван рассказал.

– Как вас звать? – обратился затем он к Осташко.

– Иван Федорович.

– Меня зовут Иван Семенович. Так вот, Иван Федорович, если вам поручить отдельный участок, скажем, с таким геологическим строением: осадочный триас прорван интрузиями, и весь этот комплекс покрыт эффузивами, – я думаю, что вы сможете произвести геологическую съемку стотысячного масштаба?

Осташко отвечал утвердительно, да и Лорви уверял, что Осташко, безусловно, справится с этой работой. И здесь же сразу сказал, что готовиться нужно с сегодняшнего дня – приобретать порох, свинец, дорожный нож и т. д., ибо все это если и выдается, то в незначительном количестве. Также сразу нужно приступить и к проработке литературного материала. Хастахская геолого-поисковая партия должна состоять из начальника партии, прораба-геолога, прораба-поисковика, топографа и коллектора да четырех-пяти рабочих. Поисковик уже имеется, а Иван Федорович будет прорабом-геологом. Район работ расположен в верховьях Хастаха и Буор-Юряха – в истоках Индигирки, среди высот хребта Тас-Кыстабыт. Задача: геосъемка стоты-

сячного и поиски пятидесятитысячного масштаба с составлением гипсометрической основы. В этом районе рекогносцировочной партией В. Н. Плиева в 1939 году выявлено полиметаллическое, оловянное и вольфрамовое оруденение.

Решили Лорви и Осташко день этот уже использовать для подготовки, и он остался до шести вечера в Нексикане. В обеденный перерыв Иван Семенович был на совещании начальников полевых партий, а затем, по окончании совещания, пригласил Осташко к себе. Его квартира состояла из одной маленькой комнаты в новом двухэтажном деревянном доме. Живет с женой – она как раз находилась на работе. На пороге их встретила овчарка-полукровка Дина; ее приобрел Лорви для поля. Это очень хорошо – иметь с со-

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ПЛИЕВ (1914–?)

Геолог. Родился в Южной Осетии в крестьянской семье. Окончил Ленинградский горный институт по специальности инженер-геолог разведки. В 1937 г. прибыл на Колыму. С 1937 по 1939 г. – начальник поискового отряда. С 1939 по 1940 г. – начальник геологической партии. С 1940 по 1941 г. – начальник минералого-петрографической партии Индигирского горнопромышленного управления (ИРГПУ). В 1941 г. – начальник партии Чай-Урьинского ГПУ. В 1943 г. – начальник партии Тенькинского ГПУ. С 1946 по 1947 г. – старший геолог Тенькинского ГПУ.

Участники II Колымской геологической конференции. Геологи ТГПУ. В верхнем ряду 2-й слева В. Н. Плиев. *Магадан, ноябрь-декабрь 1944 г.*

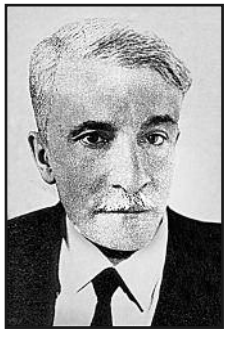
бой умную собаку. Иван Семенович поджарил яичницу, пригласил за стол. Из разговора с ним Осташко и узнал, что Лорви окончил Ленинградский горный институт в 1932 году и сразу же поехал на два года в Якутск – работал в экспедиции на Верхоянском хребте, затем два года в Ленинграде обрабатывал собранный материал; а в 1936 году прибыл на Колыму. Работал в полевых партиях и при управлениях. В 1940-м вернулся из отпуска. Они толковали об ученых-геологах, научных трудах и т. п. Узнал Осташко, что профессор Анатолий Капитонович Болдырев, по учебнику которого он и его товарищи в университете изучали кристаллографию, ныне на Колыме – получил срок 5 лет. Сначала он работал на черных работах в совхозе «Дукча». Его ученик Валентин Александрович Цареградский, начальник Геологоразведочного управления Дальстроя, один из первооткрывателей Колымы, узнал об этом и перевел в Магадан – там Болдырев теперь руководит научной работой, читает геологам лекции. Ознакомился Иван с геологической библиотекой Лорви, две книги взял прочесть – «Очерк геологии Северо-Востока СССР» Кропоткина и Шаталова и «Очерк металлогении Охотско-Колымского края» С. С. Смирнова. Затем Лорви с Осташко пошли в управление, в рабочую комнату ГРО, где Осташко занялся проработкой предварительного отчета Плиева, а в шесть часов вечера простился с Иваном Семеновичем.

Домой Иван шел счастливым – будто возносился на седьмое небо. Особенно его волновало и радовало, всю дорогу звеня в ушах, – «Иван Федорович». Впервые на Колыме он услышал такое обращение к себе. Здесь, на прииске, кроме «эй, Осташко» или «мудак», ничего больше не услышишь…

Сразу же со следующего дня Осташко приступил к делу: со-

АНАТОЛИЙ КАПИТОНОВИЧ БОЛДЫРЕВ (1883–1946)

Геолог, всемирно известный ученый-кристаллограф. На Колыме оказался в 1939 г. в качестве зэка. С 1940 г. переведен в ГРУ Дальстроя, консультировал колымских геологов. Особожден в 1943 г. Трагически погиб в марте 1946 г. Автор ряда работ по геологии Северо-Востока. Составитель «Каталога минералов Северо-Востока СССР». Награжден орденами «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени.



бирал на прииске порох из обрезков бикфордова шнура, договорился с бригадиром слесарей о свинце; поговорил с Василием Баздыревым, о котором спрашивал Лорви, чтобы пригласить его на топосъемку. В следующий выходной они были в Нексикане. Лорви побеседовал с Баздыревым, остался доволен. В ГРО представил Ивана начальнику геолого-поискового отделения Александру Леонидовичу Лисовскому, очень внимательному и вежливому человеку. В разговоре с ним Иван признался, что на прииске через годдва все его знания и опыт по геологии совсем атрофируются, с чем Лисовский вполне согласился, сказав с улыбкой: «Ничего, мы вас вырвем с прииска».

…В «Большевистском пути» Иван прочитал заметку о бракоделах-разведчиках на ключе Буй, среди них фигурировал и Яша Копман, который работал там десятником. Он сделал заведомо укороченную мерку, чтоб повысить выработку, и шурфы получались более узкие, чем нужно. Савва Абаев, однокашник Степана Левочко, рассказывал, что Яша там «сильно парится», и Иван вспомнил, как вос-

ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ ЦАРЕГРАДСКИЙ (1902–1990)

Родился в селе Никольском Мелекского района Самарской губернии в семье потомственных педагогов. В 1919 г. окончил трудовую школу второй ступени в Ставрополе (ныне – Тольятти). В 1920 г. окончил Самарский высший электротехнический техникум и поступил на геологоразведочный факультет Петроградского горного института.

В 1928 г., закончив институт, прибыл на Колыму с Первой геологоразведочной экспедицией Ю. А. Билибина. В 1930–1931 гг. – начальник Второй Колымской, а в 1933–1935 гг. – Третьей Колымской экспедиций. В 1936–1937 гг. – руководитель группы по обработке материалов, главный геолог Главного управления треста «Дальстрой». В 1937–1938 гг. возглавлял Индигирскую экспедицию.

В 1938 г. В. А. Цареградский был назначен начальником отдела в геологоразведочном управлении, в 1940 г. – начальником Геологоразведочного управления Дальстроя; с 1948 г. – заместитель начальника Дальстроя по геологоразведке. Генерал-майор инженерно-технической службы (1945).

Цареградский совместно с академиком Смирновым написал научный труд «Северо-Восток Азии, его металлогения и оловоносность». Цареградскому принадлежат и многие другие труды по вопросам геологии, палеонтологии, влияния космического пространства на геологию Земли.

Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии (1946). Награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом «Знак Почета», медалями.

Именем Цареградского картографы Дальстроя назвали ледник в Буордахском массиве хребта Черского (Момский район Якутии). В честь Цареградского назван также один из видов моллюсков.

хищался Копман новой работой в разведке после ухода с прииска – свой восторг он излил тогда в открытке. «Эх, Яша, Яша, – думал Иван, – это тебе не «научная работа», которой ты бездарно занимался в университете и мнил себя ученым».

Степан получил письмо от товарища, который работал участковым геологом на прииске «Геологический», куда перешел Каргаев. Парень этот писал Степе, что после занятия Харькова немцами связь с женой прекратилась. Из Переселенческого управления при СНК СССР ему ответили, что «о таковой сведений не поступало». Очевидно, все остались там, в Харькове. А Харьковский университет – в Алма-Ате; Киевский, кажется, в Кзыл-Орде. «Так… значит, получают ребята ответы из Переселенческого управления, а мне, очевидно, не дождаться»… – взгрустнул Осташко.

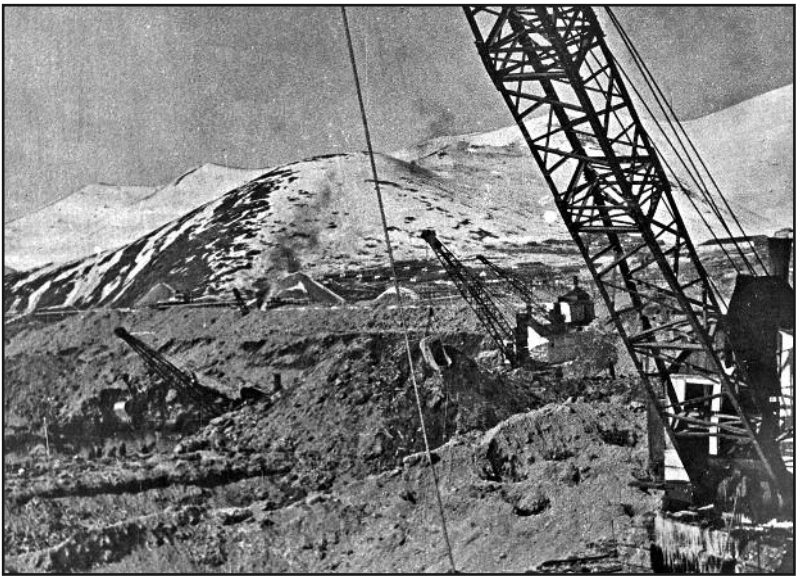
Еще одну новость узнал Степан из того же письма – о своем сокурснике Ткаличе, работавшем на «Комсомольце»; к нему он еще в ноябре ходил в гости. Тот жаловался Степану, что плохо с сердцем – резко повлиял северный климат, и врачи велели немедленно возвращаться на «материк». На основании предписания медкомиссии Ткалич отбыл последним рейсом «Феликса Дзержинского». Теперь же выяснилось следующее. Этот проходимец, оказывается, ехал на Колыму с определенной целью. Он за три месяца намыл 5 килограммов золота и сбежал, умышленно вызвав болезнь сердца непомерным употреблением чифира. Зэки-промывальщики на «Комсомольце» знали о проделках своего участкового геолога и по его отъезде сообщили оперуполномоченному. Ткалича сняли с поезда ночью уже под Челябинском.

Прочитав об этом, Левочко почти онемел. Потом сказал:

– Я, как бывал у него, поражался: он сразу полплитки чая клал в кружку. Я говорю: «Что ты делаешь? Ты же сердце угробишь». А он посмеивается: «Понимаешь, привык уже; это лучше спирта действует». Теперь понятно… Вон, оказывается, что…

Лорви считал Осташко своим помощником, правой рукой, и, уезжая на двухнедельный семинар начальников полевых партий, поручил ему все подготовительные работы к выезду в поле; Вася Баздырев находился в непосредственном подчинении у Ивана.

…В конце марта после двухмесячного отсутствия на участке мельком появился Петр Гермогенович Гоголев. Иван его сразу не узнал. Лицо сплошь было в шрамах, рот перекошен, правого глаза нет, левый полуоткрыт, губы разорваны, остаток носа зиял прова-



Американские экскаваторы-драглайны «Марион» в долине Чай-Урьи. *Весна 1942 г.*

лом; ему было трудно говорить, слова прерывались свистящим сипением; на правой руке не хватало четырех пальцев. Оказывается, все это наделал взорвавшийся в его руке капсюль-детонатор. Дежуря в ночную смену, Гоголев заметил у отремонтированного американского экскаватора-драглайна «Марион» шипящий дымок. Нагнулся и увидел большой пучок взрывателей, приготовленных для отпалки шурфов. В одном из детонаторов горел бикфордов шнур – горящая струя пороха уже подходила к самой трубке, вот-вот должен был последовать взрыв капсюля, а с ним вместе – и всей связки. У экскаватора рядом в забое работала бригада заключенных. Предотвращая беду, Петр Гермогенович выхватил горящий запал, но сверкнул огонь – запал взорвался в его руке, перед лицом…

Осташко спешил в Нексикан. Там встретил Яшу Копмана, который тоже собирался в поле, – говорил, что выедет через месяц в составе партии Алексея Галуна.

Вернувшийся с семинара Лорви что ни день находился под мухой. Васю Баздырева все еще не отпускал Непомнящий, и вся тяжесть сборов легла на плечи Осташко. Он мотался между приском и Нексиканом, штудировал отчеты, получал на складе в

Нижнем Берелехе снаряжение, оборудование, некоторые продукты, чай, спирт, в спецчасти – ружья и боеприпасы; спал в конторе на столах, ложась в полночь и вставая чуть свет.

Наконец в полдвенадцатого ночи 4 апреля партия выехала из Нексикана. До рассвета пробыли на Нижнем, потом заехали на прииск, где Осташко второпях собрал свои вещи, и двинулись дальше: Лорви клевал носом в кабине, Иван, Вася и собака Дина резали дубаря на верхотуре. В Кадыкчане Иван Семенович и Баздырев отсыпались, Осташко же оставался в машине, карауля груз. Второй раз ночевали на прорабстве в верховьях Аян-Юряха, среднего истока Колымы, и, пройдя невысокий перевал в Тас-Кыстабыте, очутились в долине трех рек, где начиналась Индигирка: Туора-Юряха, Буор-Юряха и Тарын-Юряха. В устье последнего находился Тарын-Юряхский разведрайон, поселок и строящийся оловянный рудник «Кураннах-Сала», куда и прибыла машина Хастахской партии в час дня 6 апреля.

Кончилась для Ивана Осташко безрадостная, хотя и поучительная страда на золотом прииске! Начиналась полнокровная геологическая деятельность – милая, родная сердцу стихия!

В Кураннах-Сале просидели целую неделю. Оказалось, что не олени ждали, как говорил в Нексикане Лисовский, торопя партию к отъезду, а пришлось оленей ждать. Арендованные в дальнем совхозе «Челбанья», они прибыли только к полудню 13 апреля – тридцать нарт по паре оленей в каждой, и семь животных запасных. С ними три каюра. До прибытия транспорта дни проходили в праздности, частых выпивках.

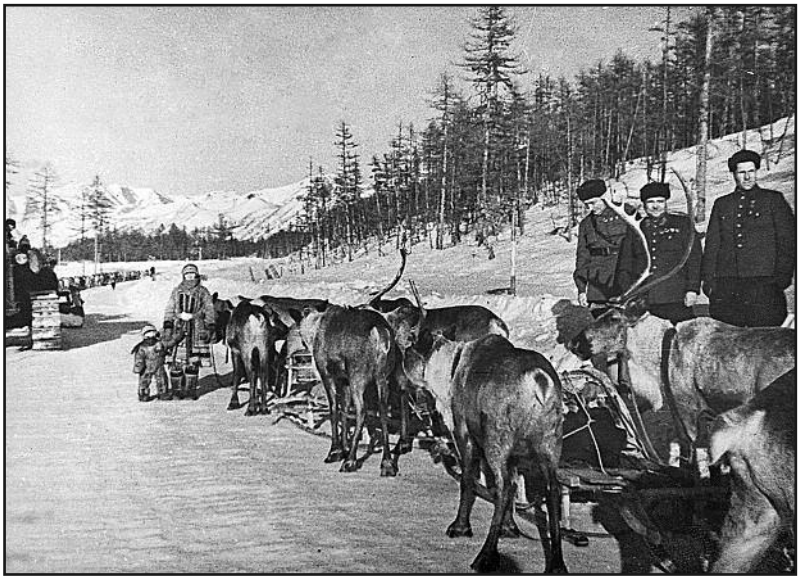
Лорви оказался слабоватым начальником, сказывалось пристрастие к спиртному. Поддавался этой слабости и Василий. Он здесь встретился с давним другом Сергеем Фроловым, с которым они лет пять назад совершили переход с алданских приисков на Колыму, скитаясь долгие месяцы по тайге. Обоим было лет по тридцать, но Баздырев держался скромнее, к Осташко относился уважительно, а Фролов воображал себя «стреляным таежным волком», опытным старателем, и на Ивана посматривал с некоторым пренебрежением, свысока – как на зеленого юнца. В партии Сергей числился прорабом-поисковиком. Ходил он в гимнастерке, бриджах и сапогах, без головного убора – даже в крепкие морозы. Любил закладывать пальцы левой руки за широкий ремень, а правой шевелить свои курчавые темно-русые волосы, свисавшие ви-

хром над невысоким лбом. Выразительные доброжелательные глаза, чуть вздернутый нос на округлом, со следами оспы лице, всегда тщательно выбритом, и полные, правильно очерченные губы дополняли его портрет.

План деятельности партии намечался такой. Олений караван со всем имуществом и продовольствием, рассчитанным на семивосьмимесячное автономное пребывание в безлюдной тайге, добирается зимним путем, пока не вскрылись реки, в район работ по долине Хастаха, или, иначе, Туора-Юряха, до речки Заячьей, впадающей в Хастах справа; там устраивается база. Месяц во время весновки люди занимаются изучением и описанием ущелья ключа Яшмы и расчисткой полиметаллического рудопроявления, обнаруженного в 1939 году партией Плиева. На весновку следуют Лорви, Осташко, Баздырев и шестеро рабочих. А когда сойдет лед и появится подножный корм, из Куранах-Салы прибудут Фролов с шестью лошадьми, а также промывальщик и топограф, которого к тому времени подберут и направят из Нексикана. Дальше следуют напряженные полевые работы тремя отрядами: два из них – Лорви с топографом и Осташко со старшим коллектором Баздыревым – занимаются геологической и гипсометрической съемкой, а третий во главе с Фроловым ведет шлиховое опробование рек с попутным составлением карты гидросети. Каждому отряду придаются один-два рабочих. В результате должны быть представлены: карта геологического масштаба 1:100 000, карта шлихового опробования масштаба 1:50 000, гипсометрическая карта, геологические дневники, а также образцы горных пород и минералов, рудные пробы. В начале сентября, пока не станут реки, партия со всем собранным материалом на лошадях возвращается в Куранах-Салу, а затем в Нексикан, где до следующей весны занимается обработкой, систематизацией добытых данных и написанием полного отчета с приложением карт.

До конечного пункта пути следования было почти полтораста километров, ориентироваться же приходилось только по схематичной карте основных водных артерий.

…Три оленьи упряжки, по десять нарт в каждой, готовые к многодневному походу, стоят на чистом снегу широкого русла Тарын-Юряха. С серого неба сонно поглядывает идущее на отдых солнце. Поблескивают снежинки. Все готово к отправке. Каюры-якуты топчутся у передних связок; в сторонке о чем-то говорят



Олений караван на Колымской трассе. Справа – В. А. Цареградский, И. Ф. Никишов и водитель (имя неизвестно). *1941 г.*

взятые в разведрайоне рабочие. Из поселка выходят Лорви с Осташко, Вася ведет на поводке Дину. В минувшие дни в незнакомой обстановке среди чужих людей она чувствовала себя стесненно и робко ходила следом за Иваном, боясь одна показаться на улице. Теперь же робость ее как ветром сдуло! Шерсть на спине взъерошилась, хвост трубой, и она, рванувшись вперед, бросает Васю в снег.

– Дина, назад! – кричит во все горло Осташко и бежит за ней. Кричит и Лорви, бегут наперерез рабочие. Но Дина в несколько прыжков достигает запасных оленей, привязанных к последней нарте, молча хватает то одного, то другого за ляжки и, как ни в чем не бывало, отходит в сторону, ложится на снег. Виновато потупив глаза, исподлобья зыркает на Ивана Семеновича. Он дает ей хорошую взбучку. Транспорт трогается.

В двух километрах от разведрайона среди порослей лиственницы, где был ягель – корм для оленей, обоз остановился; возникли три палатки, весело задымились печки. Иван сидел на нарте и, глядя на маленьких неухоженных олешек, так трудолюбиво, добросовестно тянувших свои лямки, думал о том, что вот он отправляется в дале-

кий путь – в нехоженую тайгу. На оленях. Как это ново, увлекательно, волнующе. Вожделенные мечты его осуществляются!.. В этот день он очень устал. Прошлой ночью до четырех утра штудировал «Практику низшей геодезии», которую любезно предоставил старший топограф разведрайона Тихомиров. Хотя топосъемка больше касалась Василия Баздырева, Осташко решил быть в курсе дела: ознакомился с барометрическим нивелированием, выписал соответствующие таблицы альтитуд, определения высот, вычисления горизонтальных расстояний при сопочном рельефе, а также записал простейший способ определения истинного меридиана по Полярной звезде. Поспав два часа, в шесть уже был на ногах – отправился на склад получать продукты. Не завтракая, работал до часу дня; затем, пообедав, руководил погрузкой, оформлял документы и лишь за час до отъезда, пока в комнате начальника разведрайона шла отвальная с участием Лорви, Баздырева и Фролова, немного отдохнул. Кончался день 14 апреля.

Прежде чем забраться в свой теплый, на оленьем меху, спальный мешок, Иван дописал в блокноте:

«Мы в палатке вдвоем с Иваном Семеновичем… Теперь уже сразу чувствуется настоящая походная жизнь. Иван Семенович рад и доволен, что мы сами себе хозяева и никто к нам не зайдет с ожиданием, что авось дадут выпить… Иван Семенович сказал: «Мне жена говорит, зачем я учился, кончал институт? Чтобы жить всегда в поле, в мокрых палатках мерзнуть и уставать?» Я улыбаюсь, вспоминая, что и моя мать сокрушалась о том же, да и Уля немного намекала. Что ж, у каждого свои понятия. Степан Левочко тоже так рассуждает, хоть и считает себя специалистом-геологом. Иные же геологи действительно любят свою работу, любят скитальческую полевую жизнь, полную опасностей и лишений».

Ночи стояли звездные, морозные, дни солнечные, погожие, с морозцем до десяти-пятнадцати градусов. Первые два дня транспорт двигался по тропе, ведущей к якутской заимке Хастах; попадались пустые летние юрты, небольшие замерзшие озера. По холмистым долинам низовий Тарын-Юряха, Буор-Юряха и Хастаха росли лиственницы, у русел попадался тополь, заросли тальника. Слева сверкали рафинадно-белые скалистые вершины Тас-Кыстабыта, протянувшегося далеко к югу – куда направлялась Хастахская партия. Старший каюр-якут Гаврила, Лорви и Вася ходили в Хастах, где жил местный абориген-старик Дягилев, за консультацией. Он подтвердил, что лучше ехать к Заячьей по Хастаху – и путь ближе, и наледей нет; к тому же в

этой долине находится астропункт, к которому предстояло привязать будущую топокарту. Вернувшись от Дягилева, Иван Семенович и Баздырев во время обеда налегли на спирт и довольно окосели. А опьяневший Лорви, как оказалось, был очень неспокойный человек! Он знай твердил: «Я не русский! Я – финн!»

Осташко за обедом не пил совершенно, и это оказалось очень кстати. Когда возле палатки проходил олень, Лорви спьяну уськнул: «Дина, взять!» А ей только того и надо! Олени для нее – дикие звери, она все время недовольно на них рычала и при первом же случае норовила куснуть за заднюю ногу. Василий в пути не отпускал ее с поводка. Особенно собака не взлюбила вожака – серого в яблоках мускулистого самца. Накануне, когда Иван Семенович спал, а Дина лежала у его постели, будучи привязана к карабину, вожак подошел к палатке и стал есть пропитанный мочой снег. Собака навострила уши и, выдернув из-под спального мешка карабин, вмиг очутилась снаружи. Но олень взвился и ударил по собаке передними копытами, утоптав ее в снег. Дина так же мгновенно, как и бросилась, вынырнула из-под его ног и, отряхнувшись, спокойно улеглась на свое место – будто ничего не случилось. Зализывая ушибы, она ожидала час расплаты. И вот вдруг он настал!

Пулей вылетев из палатки, Дина помчалась во всю прыть, не обращая внимания на приказание вернуться. Пасшиеся олени кинулись врассыпную, их ботала зазвякали в тайге тревожным перезвоном. Каюры всполошились и, схватив оружие, погнались за собакой. «Дело плохо, – решил Иван. – Если они убьют Дину, Лорви схватится за карабин или нож, потом – суд, и не только им, но и мне срока не миновать». Захватив с собой карабинные патроны (карабин был не заряжен), он ушел в лес искать смутьянку. Услышав голоса якутов, Дина сразу же повернула в противоположную сторону и очутилась на той поляне, что и Осташко. Она буквально тонула в сугробах – показывались только запорошенные ее уши да морда с высунутым языком. Иван водворил ее в палатку. Каюры возвратились, так и не исполнив своего намерения. Им до позднего вечера пришлось искать, скликать и сгонять в кучу рассыпавшееся стадо. Гаврила сказал Лорви:

– Начальник-то ты начальник, но я тебе устрою…

С большим усилием успокоил Осташко Ивана Семеновича, уложил спать, не дав больше пить.

В тот вечер Лорви предложил «сухой закон»…

Около тридцати километров шли по живописному ущелью, по-якутски – «капчагаю». Это слово означало также «скупой»: природа, мол, поскупилась дать реке просторную долину. На всем протяжении путников сопровождали обрывистые склоны, утесы, крутые сопки с участками густого леса «пьяной» лиственницы: от ветров, сползания грунта деревья покосились, накренились. В одном месте вид казался особенно величественным, грозным. Почти отвесный гребневидный борт ущелья, достигавший высоты трехсот метров, изобиловал множеством выходов темно-серых песчаников – в форме пирамид, куполов, хаотических нагромождений, окруженных нестройным лесом. Ширина капчагая колебалась от 100 до 200 метров. Здесь на каждом шагу попадались свежие следы куропаток и зайцев, реже – лисы, сохатого и другого зверя… Выше капчагая русло делало крутой поворот.

Каюр Гаврила объяснил, почему река имеет двойное название. Основное – Хастах, что по-русски означает «Гусиная», а Туора-Юрях – «Поперечная река», оттого, что в среднем течении, где капчагай, течет почти поперек общего направления долины.

Чтобы не сбиться с правильного курса, Лорви и Осташко во время стоянок проделывали немалые рекогносцировочные маршруты, поднимались на близлежащие сопки или высокие террасы. В одной из вылазок Иван рассматривал долину, по которой, судя по карте, протекал ключ, бравший начало из огромного озера Лабынкыр. Гаврила рассказывал, что это озеро имеет длину около 60 километров, ширину 35–40 километров и глубину до 70 метров. Там много рыбы, особенно щук, которые вырастают до 5–6 метров длиной.

Озеро зимой почти не замерзает – под напором вод, поступающих из вливающихся в него речек, лед лопается с невероятным грохотом, от берега до берега; из разверзающихся гигантских трещин со страшным шумом выплескивается масса воды, и над озером всегда стоит густой туман…

В долине, которую рассматривал Иван, хорошо были видны три большие наледи. По-якутски наледь называлась «тарын». Она возникала за счет многократных разливов воды из трещин поверх льда. Общая толщина наледи могла достигать 3–5 метров, и лед никогда не успевал стаять за лето. Для оленьего транспорта наледи были опасны: по зеркальной поверхности копыта скользили, животные идти не могли, а если еще и вода, катившаяся валом поверх льда,

или неожиданно образующиеся трещины – гибель всего каравана была неминуема!

Утром 24 апреля партию догнал новый ее сотрудник – топограф Николай Татаринович, плотный парень высокого роста со слегка веснушчатым лицом. Его привез старик Дягилев.

Очередная остановка оказалась очень удачной – у самого астропункта, который был замечен совсем неожиданно, на останце двадцатиметровой террасы. Обнаружилось, что пирамида астропункта, поставленная в 1939 году, сокрушена и оттащена в сторону: зэки-беглецы сделали свое подлое дело! И если бы не случайности – остановка в этом месте и подъем на вершину останца, то найти астропункт было бы невозможно. Вместе с рабочими пришлось соорудить новую пирамиду шестиметровой высоты, водрузив на ней двухцветный флаг – из белой простыни и желтого флагдука (*шерстяная редкая ткань, из которой делают флаги. – Ред.*), чтобы видно было с района работ.

На другой день ослеп Татаринович. Прошел часа два без снежных очков и обжег глаза; он не мог раскрыть их из-за невыносимой рези. Коллеги успокаивали приунывшего Николая, за ужином он оживился, стал рассказывать о Ленинграде, разных случаях, событиях. Его живо дополнял Иван Семенович. Там в годы нэпа появились «покойнички» – в белых саванах, с тугими пружинами на подошвах; большими прыжками, с оружием, настигали они ночью жертву и грабили. Однажды на двоих пьяных выскочил «покойник». Один из пьяных удрал, а другой говорит: «А, покойник! Посмотрим, что ты за покойник!» – и за ним. Догнал, оказалась женщина. Как выяснилось, банда состояла почти из одних девушек.

Предстояло еще один-два перехода. Погода испортилась. Не без труда перешли наледь. Осташко и Лорви, бредя по грудь в снегу, торили дорогу, стараясь пробиться к правому берегу Хастаха. Олешки выбивались из сил, поверх снежного поля виднелись только их головы с небольшими рогами да напруженно поднятые короткие хвостики. Василий же все время шел позади транспорта, не отпуская с поводка Дину. После наледи напали на лыжный след, а затем увидели рыбную сетку в проруби, багор и топор. Остановив оленей, Гаврила пошел по лыжному следу, за ним Лорви и Осташко, чтобы расспросить дорогу. На склоне сопки среди негустого леса стояла остроконечная юрта-чум, обтянутая оленьими шкурами. Навстречу шел хозяин с мешком в руках на широких лыжах. Это был тунгус Александр Громов, лет тридцати пяти. Лицо

совершенно гладкое, чистое, цвет кожи смугло-розоватый. Зубы крупные и все – порченые: черные на концах и желтые у десен. Роста он был высокого, но фигура согбенная, словно старческая. Волосы на голове черные как смоль, прямые, подрезанные как попало. Одежда простая, из оленьих шкур, торбаса с длинными голенищами. Тунгусы хорошо понимали и говорили по-якутски, а потому Александр с Гаврилой объяснялись без затруднений. Ничего ценного тунгус не сказал, и караван двинулся дальше.

День 28 апреля стал последним в этой «хастахской одиссее». И, кажется, наиболее неприятным. Поднявшись в шесть часов, попив чая с лепешкой, Иван и Николай, у которого зрение улучшилось, пошли на сопку, чтоб определить долину речки Заячьей – конечный пункт назначения. Надо было двигаться прямо на восток, по азимуту 90–100°. Пока они ходили, Иван Семенович, похерив сухой закон, успел назюзюкаться и собирался уже подписать акт, который ему подсунул Гаврила, о пройденном якобы лишнем километраже: устье Заячьей, мол, прошли, поднявшись по Хастаху выше на 12 км. Тут Осташко взял власть в свои руки. Здесь как раз находился тунгус Громов, привезший полтуши оленя, чтоб обменять на продукты. Иван стал с ним советоваться насчет нужной речки, начертил схему, указал направление. Громов подтвердил название: «Сердях». Осташко знал, что так у якутов и эвенков называется речка, которой геолог Плиев дал название «Заячья». Он уговорил Громова быть проводником – привести караван на Сердях. Желая продать мясо да, кроме того, полакомиться спиртом, Громов согласился. Он со своей нартой, в сопровождении Лорви и Татариновича, пошел вперед, караван пробирался следом. Олени вязли в снегу, часто упрямились, не хотели идти. Ведущий Гаврила выходил из себя – он истерически взвизгивал, понукая несчастных животных; со второй нарты пришлось сбросить мешок муки – его взял каюр третьей связки. А непогодь становилась все хуже и хуже; встречный снегопад назойливо застил глаза, и не видно было ничего вокруг. Осташко на ходу поглядывал на компас: стрелка показывала ЮВ 130–140°.

Наконец пересекли русло с большой лужей наледи и вошли с долину какой-то речки – с множеством зайцев и куропаток, разгуливавших среди островков, поросших тальником и чозенией. Справа находился густой строевой лес; листенницы были так высоки, что глянешь на вершину – шапка валится! Повернули туда. В лесу оказалась гладкая просторная поляна, где можно было развернуться

транспорту, – место чудесное! Величественный стройный лес, рядом русло, кустарники, дичь, просто благодать! Решили: «Мы приехали, мы на месте!»

Поставили палатки, попили чай, отдохнули. А в шесть часов вечера принялись за дело. Рабочие смастерили прекрасный настил из бревен, и все, кроме Лорви, занялись разгрузкой нарт. Сложили аккуратно, компактно, сверху натянули тент – склад был готов! Ужин, конечно, организовали со спиртом, хоть в дозах незначительных. И тут – беда: тунгус Александр Громов неожиданно жутко заболел. Его свело в дугу, он с видом великомученика держался за живот, хотя нечаянно забывался и схватывался за грудь, утверждая, что болит в утробе. Больной вполз в палатку итээровцев – сел на шкуре у печки, покачивается, держась за пузо, и ноет. Когда из палатки вышли Василий и Николай, а Иван Семенович находился где-то у рабочих, Громов обратился к Осташко за лекарством:

– Болит… – стонал он, сокрушенно качая головой. – Мало-мало спирт…

Иван улыбнулся: вот оно, «лекарство», явившееся и причиной «болезни».

– Сеп – ладно, мол, – говорит он тунгусу. – Сейчас придет улахан тойон – главный начальник, значит, – он даст.

– Сеп, сеп, – закивал Громов, успокоившись; но когда вошел Лорви, снова превратился в умирающего.

Спирт он пил неразведенный, не запивал водой и не закусывал. После первой стопки – мало-мало лучше стало, а после второй он уже не знал, что болит – то ли живот, то ли грудь, то ли нога или рука, но в общем – еще лучше стало; третья же и четвертая совсем вылечили тунгуса!

30 апреля после трех хмурых дней распогодилось: небо стало чистое, голубое, светило высокое горячее солнце! Каюры уехали в полдень, а через четыре часа Дине была дарована свобода. То-то радости, то-то восторга! Она носилась туда-сюда, гоняясь за зайцами и куропатками, охотилась за бурундуками и белками, вынюхивала таинственные следы, раскапывала норки и корневища…

Вечером итээровская четверка устроила мытье. Поставили палатки, затопили жестяную печку, нагрели воды и кое-как помылись. Иван впервые на Колыме почистил зубы порошком, купленным еще во Владивостоке. Все побрились, переоделись – приняли праздничный вид. Решили первого мая провести митинг на своей «Красной пло-

щади», как назвал Иван расположенную рядом поляну; намечался и салют из ружей, затем – праздничный обед, а вечером художественная самодеятельность.

Однако первого и второго мая валил беспросветный снег, и так как непогода сорвала митинг и салют на поляне, то состоялось лишь торжественное собрание в палатке рабочих. Хотя сухо шли торжества, и по-зимнему вьюжило, все равно чувствовался великий праздник; после доклада Лорви появился богатый обед и – спирт! Тут и Осташко выпил как следует, да только сглупил: выкурил две папиросы «Борцы», и ему стало плохо. Все перепились изрядно, так что художественную самодеятельность отложили. На следующий день, 2 мая, рассказывали анекдоты, хмельной начальник партии затягивал:

Ой, корыто, ко-о-рыто…

Затем – быстро:

Полно воды налито,
Там девчонки ноги мыли,
А мальчишки воду пили!

Сделав затяжку, выпускал дым и после паузы, прихлопывая в ладоши, заканчивал:

Они пили невзначай –
Думали, китайский чай!

Пьянка, по случаю дня воскресного и непогодного, продолжалось еще и третьего числа… Но Иван участия в ней не принимал – он читал геологическую литературу из библиотеки Лорви и свои справочники, захваченные еще с «материка».

К вечеру 9 мая левый скат бязевой палатки вдруг осветился, и на нем вырисовались две тени рядом стоявших лиственниц.

– Иван Семенович, солнце! Наконец-то! – воскликнул Осташко. Накинув телогрейки, они вышли наружу.

Толстые сугробы девственно-чистого снега, шершавые стволы высоких лиственниц, увенчанных белыми папахами, тонкоматерчатые крыши палаток и брезентовый тент над складом, прогнувшийся под снеговой тяжестью, – все золотилось под лучами заходящего

солнца, которое выплыло из-под сизых барашков далеких облаков. И на всем этом лежали тускло-синие пятна и бесконечные полосы холодных теней. Над палатками из жестяных труб взвивались седые струйки дыма. В лесу – диком, нетронутом, вековом – стояла тишина. Но вот огненно-оранжевый диск небесного светила коснулся изломанного силуэта гор и медленно расплавился от сверкнувшей там вспышки. Тени расплылись, померкли. На снега легла морозная густеющая синь.

Иван сделал несколько шагов, черпая голенищами валенок сыпучий снег. Из-за края леса показались высокие, в снегах, сопки – первый раз увиденные. Они были нежно-нежно-розовые.

– Сюда, скорее, Иван Семенович! – позвал он. – Эй, ребята, смотрите, красота-то какая!

Из большой палатки стали выходить рабочие – кто в телогрейке, кто без шапки. Из своей палатки вынырнули Вася и Николай, следом выскочила Дина. Подняв столб снежной пыли, она метнулась вперед и, вертя головой в разные стороны, громко залаяла. Ребята засмеялись, кто-то крикнул: «Ну чего ты, шалава!» – и Дина, поняв свою оплошность, смущенно побрела за Лорви. Все залюбовались вечерними красками северной природы. А Федот Баранов, старший рабочий, у которого шапка всегда – одно ухо вверх, другое вниз, даже воскликнул: «Ах ты ж, етическая сила!»

Перед ними, будто совсем рядом, хотя туда было не меньше дня пути, возвышался горный массив – нагромождение конических шатрообразных вершин. Каждая из них, одна выше другой, четко оттенялась в отсвете невидимого солнца, и все вместе были облечены в яркий нежно-розовый флер. Через несколько минут розовое одеяние гор сменилось голубовато-чисто-белым. Небо потемнело, и на его иссиня-фиолетовом фоне снежные силуэты казались наклеенными.

– Во, Омелько, видал? Это тебе не хухры-мухры. На твоей Полтавщине такого не увидишь! – Баранов хлопнул по плечу высокого парня с длинным носом по фамилии Речун.

– Тэээ… Юрында цэ всэ! – ответил парень, поправляя накинутый на плечи ватник. – Зато у нас на Украине сало есть. А тут що? – Одни горы да сниг.

– У нашего хохла только сало на уме, – сказал повар-пекарь Коля Шатохин. – Ты бы, Речун, и спал бы с ним.

– Вместо бабы, – вставил низенький Воскобойников.

– Эээ, ни! – завертел пальцем Омелько.

Хлопцы захохотали и, поеживаясь от холода, закуривая на ходу, стали расходиться.

– Значит, завтра, Иван Семенович, я с Баздыревым, Речуном и Барановым делаю вылазку на Яшму? – спросил Осташко.

– Да, конечно, – согласился Лорви.

…Солнце поднималось все выше, пронизывая ослепительными лучами холодный воздух. Зернистый снег искрился мириадами вспышек, будто неоглядная россыпь бриллиантов. Груз, сложенный на двух самодельных нартах, волокли парами: передний тащил, впрягшись в постромки, а задний подталкивал длинной палкой. Рядом бежала Дина. Иногда, нюхая какой-нибудь след, она отходила в сторону и, лизнув снега, вдруг пускалась вперед. Идти было нелегко. Низко сидящие лыжи-нарты то и дело застревали и переворачивались, цепляясь за коряжины, прыгая по буграм и плохо скользя по колючему насту. Ноги с трудом переставляли неуклюжие лыжи-ступаки; из-под распахнутых телогреек и взбитых на затылки шапок шел пар. В дорогу вышли рано, когда дремала тайга, и лишь высокие сопки блестели чистыми снегами, освещенными солнцем. В первый рейс взяли два спальных мешка, жестяную печку, трехместную бязевую палатку, одноствольное дробовое ружье, необходимую посуду и продовольствие – всего килограммов по пятьдесят на упряжку.

На предстоящем пути лежали три наледи, отделенные друг от друга небольшими лесными перемычками. Когда взобрались на первую наледь, солнце уже залило всю долину, и сверкающий снег начал слепить глаза. Пришлось надеть темные очки. Но они быстро запотевали, дорога туманилась, люди спотыкались. Коварное же наледное поле, где толщина слоистого зеленого льда достигала четырех-пяти метров, было исчерчено зеркальными промоинами, глубокими трещинами и подстерегало неожиданными проломами тонкой корки, под которой неслись бушующие потоки Большого Сердяха, иначе – речки Заячьей. Ивану надоело протирать запотевавшие стекла, и он снял очки, положив их в карман телогрейки. Так с незащищенными глазами прошел обе наледи. А когда вышли на третью, небо нахмурилось, приближался вечер. Миновав эту наледь и, не встретив нужного устья, сделали привал. Пока варился ужин, Осташко успел подняться на высокую холмистую террасу. По всем признакам, она имела ледниковое происхождение и принадлежала долине Яшмы. Сквозь редколесье виднелись крутые утесы – там

должно было находиться русло.

На следующий день утром пришлось вернуться немного назад. Против наледи на лесистой возвышенности поставили палатку. Иван остался, а ребята, захватив порожняк, отправились обратно на базу; теперь уже к Яшме должны были прийти с грузами и остальные люди во главе с начальником партии. Следом за ребятами поковыляла и Дина. Накануне, бегая по жесткому снегу, она повредила себе лапы и всю ночь лизала их, взвизгивая от боли.

После обеда, так и не дождавшись улучшения погоды, Осташко отправился к увиденным ранее утесам. Шел налегке, захватив только горный компас и молоток. От ветра вздрагивали заиндевелые деревья, пружинисто, с глухим шелестом, взметывались лапы кедрового стланика, швыряясь комьями слежавшегося снега. Начиналась метель. Вскоре из мглы вынырнули оледенелые скалы; среди них выступала рыжеватая полоса. Иван стал рассматривать ее и вдруг почувствовал в глазах боль, перед ним поплыли мутные круги. Он потер кулаком один глаз, потом другой; круги исчезли, в обнажениях четко вырисовалась охристо-серая жила и… начала двоиться, таять, растворяться в снежной круговерти.

С ужасом понял Осташко, что слепнет.

Вспомнилось вчерашнее яркое солнце, сверкающие снега и брошенные в карман телогрейки темные очки. На лбу выступили капли холодного пота. «Скорее, скорее к палатке!» – решил Иван и, едва различая заносимые поземкой его следы, побежал обратно. Зудели веки, жгло глаза, перехватывало дыхание. Он взмок и все бежал, бежал, стараясь не сбиться с дороги. Потом запнулся и упал. Поднялся, хотел оглядеться, но в глазах так резануло, что он чуть не лишился сознания. Стало темно, как в могиле.

Долго-долго, слепой и одинокий, кружил он во тьме, кричал, аукал, звал на помощь, поворачиваясь в разные стороны и прикладывая ко рту ладони, но звуки его голоса тонули в лютой метели. Зачем кричал он, на что надеялся? Этого он объяснить не мог. Скорее всего, от страха, в силу инстинкта самосохранения. Пытался поджечь куст стланика или развести костер из наломанных на ощупь веток, только ничего не получалось: Иван не видел, не знал, как прикрыть огонек от ветра, куда поднести его. И спички гасли одна за другой, пока не кончился весь коробок. Охрипший, совсем подавленный, сел он под деревцом, сложил на коленях озябшие руки и опустил на них голову. За воротник пробирался холод, морозил сырую от пота одежду, сковывал

ледяными обручами уставшее тело…

Вьюга утихла, взошла луна – сквозь сомкнутые веки чувствовался ее далекий свет. Постепенно засыпая, он стал замерзать… И уже сквозь сон почудился ему грустный протяжный вой. «Наверное, волки»… – едва шевельнулось в мозгу и тут же угасло… Затем донеслось повизгивание, кто-то тихо скулил. От мягкого толчка и горячего дыхания Осташко неожиданно очнулся, испугано хлопнул глазами и вскрикнул от боли в них, закрыв ладонями лицо. Руки лизнуло что-то влажное и теплое; ко лбу прикоснулась мокрая шерсть.

– Дина! – воскликнул он дрожащим голосом, – это ты, Диночка, умница ты моя?! – Он ласкал, обнимал, прижимал к себе свою спасительницу, целовал ее нос, морду, голову… – Бедная ты моя собачка, друг мой родненький! Как же ты нашла меня, как же ты до меня доползла? – восклицал Иван, поглаживая ее больные лапы. А сам прыгал от радости, прихлопывал в ладоши: – Ура! Теперь я спасен, спасен!

Выдернув подол нательной рубахи, он оторвал несколько лоскутов и кое-как забинтовал собаке лапы. Затем привязал ей за шею ремешок от брюк и сказал:

– Ну, Диночка, пошли. Пошли домой.

– И Дина поползла.

А он, держась за конец поводка, часто спотыкаясь, двигался за ней следом. Когда у собаки на лапе разматывалась повязка и боль сильно мучила, она останавливалась, скулила, лизала Ивану руки. Он нежно гладил ее, поправлял обмотку, и они шли дальше. Так с трудом добрались до палатки.

На следующий день под вечер прибыли свои с базы. Часть грузов они приволокли на нартах, а часть принесли в рюкзаках за плечами. Иван Семенович отчитал своего прораба за легкомысленную беспечность, плотно завязал ему глаза черным лоскутом и не велел шибко двигаться. Вася и Николай смотрели след, где шел Иван с Диной. Они видели кровь на снегу и те места, где собака, ползшая к Ивану, ложилась отдыхать. От палатки Осташко находился тогда метрах в трехстах.

– А мы вчера за разговором так и не заметили, что Дина отстала, – сказал Вася. – Только сегодня утром хватились. А она, вишь, шалава, поняла, что ей до базы не дойти, к тебе вернулась.

«Кто знает, – подумал Иван, – животные говорить не умеют: быть может, ее собачье чутье угадало беду, и она, превозмогая боль,

поползла ко мне на выручку»…

Тринадцать суток пробыл Осташко в бездействии, с черной повязкой на глазах. Первое время такая боль жуткая бывала, словно по глазам бритвой резали; но потом дело постепенно пошло на поправку.

В конце мая наступили очень теплые дни. Ослепительное солнце и сухой ветер быстро съедали толстые покровы снега. По ночам, которые становились все короче, Иван подолгу не спал, слушая клокочущий говор вскрывшегося русла Заячьей. Иногда доносился шум взбухшего ключа Яшмы, сиречь Малого Сердяха, устье которого оказалось всего в двух сотнях метров от нового стана. А там, где находились увиденные Иваном крутые утесы, раздавались громкие взрывы. Казалось, будто стреляли из тяжелых орудий, и горы отвечали раскатистым грохочущим гулом. То рвались скалы. Их разрывала замерзшая ночью вода, которая днем наполняла расщелины, стекая с тающих снежных вершин.

На четырнадцатые сутки боль совсем прекратилась, и Осташко лежал уже без повязки, с открытыми глазами. Ему вспоминались старенькие родители, где-то придавленные войной, сын и жена, с которыми уже не было надежды встретиться…

Хрипло каркнула, а потом тонко засвистела кедровка на соседнем дереве. Было уже светло. Лорви еще спал; из других палаток тоже доносилось храпение. Потихоньку одевшись, Иван вышел. Изумрудное море мягкой зелени ударило ему в глаза – распустилась лиственница. Зеленела вся долина Яшмы и лесные заросли Заячьей. По влажной земле вокруг палаток курчавилась молодая травка, улыбались синеглазые камнеломки. Огромное наледное поле почернело, разделившись на множество кусков, омываемых голубовато-зелеными струями вешних вод. К верховьям реки тянулись густые извилины леса. За рекой и вокруг толпились высокие голые сопки, пестря снежными пятнами. А вдали, за сопками, виднелся сахарно-белый зубчатый гребень хребта, и лучи восходящего солнца зажигали его вершины.

Пока Осташко бездействовал, партия обосновалась на временном стане. На базе осталась часть продуктов; там жил один Шатохин, выпекавший хлеб и охранявший базу. В просторной долине Заячьей, захватив два наледных поля, был разбит шестикилометровый базис для топосъемки; высокие вехи, увенчанные ярко-желтым флагдуком, стояли через каждый километр точно промеренной линии. Татари-

нович и Баздырев произвели привязку базиса к астропункту. Лорви искал «плиевскую жилу», ставил рабочих на ее расчистку, но жилы так и не обнаружил. С 8 июня решили начать геологическую съемку бассейна Малого Сердяха методом «сидора», то есть перетаскиванием груза на себе.

Устроили у наледи на проталине заправскую баню: с жаром, паром и веничком. Для этого накалили бут – сложенные пирамидой крепкие валуны. Укладывали их на сухой бревенчатый помост и обставили сухими же поленьями – все это поджигалось. Когда дрова сгорали, зола сметалась прочь, рядом настилались ветки кедрового стланика и ставилась палатка. Вода грелась в ведрах на костре, холодная подавалась из речки. От накаленных камней шел такой жар, что вздувалась палатка, а плеснешь водой – облако пара горячего взлетает! Венички из того же хвойного стланика. Первые моющиеся более двух-трех минут не выдерживали: выскакивали красные как вареные раки и кидались в русло или на наледь, повторяя затем процедуру заново. Словом, баня знатная получилась!

Ивану повезло: исследуя на следующий день ущелье Яшмы, он наткнулся на старые затеси Плиевой партии и пришел к месту рудопроявления. У подножия обрывистого склона возле уреза воды лежала огромнейшая глыба галенита – свинцовой руды с медистой побежалостью. Здесь валялся поставленный Плиевым козлик, на одной его палке сохранилась надпись: «Д. С.1939. ГПП № 10». В отчете Плиев писал, что «жила находится в русле», и из-за высокой воды ее не удалось проследить. На самом же деле оказалось, что это линзовидное рудное тело обнажается в промоине склона на высоте 25 м над уровнем ключа; оттуда и скатилась галенитовая глыба. Осташко проследил оруденелую зону до верха сопочки – на протяжении трехсот метров. Была сделана расчистка, предварительно определены запасы.

В процессе работы отряд прораба-геолога в составе Осташко, Баздырева и Омельки Речуна все более удалялся от стана. Иван и Василий шли маршрутом по сопкам и распадкам, а рабочий переносил на указанное место стоянки палатку, кастрюлю и необходимый запас продуктов; он же периодически ходил на базу к Шатохику за хлебом. Обходились без печки. Речун накалял бут, стлал ветки, ставил палатку; пищу готовили на костре. С вечера, пока камни были горячие, спали раздетые, но с приближением утра приходилось надевать телогрейки и обувь, а то и вовсе расставаться с постелью, отогреваясь у костра. Осташко с Васей обрабатывали правобережье Малого Сер-

дяха, а Лорви с Николаем – левобережье. Правда, начальник партии первое время не торопился. Отсылая рабочих на расчистку жилы, а Татариновича на топорекогносцировку, он оставался один на стане, прикладывался к фляге со спиртом. И только когда с огненной водицей было покончено, по-настоящему включился в работу.

Вместе с полевым сезоном геологов наступал на Колыме и сезон побегов заключенных. Хоть конвойный режим в военное время усилился и массовых побегов не было, но поодиночке или парами, главным образом с приисков, зэки бежали. Наткнувшись на полевую партию, они старались завладеть топором и ружьем, прихватить консервов и прочей еды. Подкараулив спящего сторожа, убивали поначалу валуном, а если имели оружие, то нападали в открытую. Беглецы для геологов в те годы представляли главную опасность; именно не дикие звери – медведь, рысь или волк, а беглые заключенные. Если беглец выслеживал тебя раньше, чем замечал ты его, то дело добром не кончалось. Нужно было быть внимательным следопытом, иметь чуткий сон, а под боком заряженное оружие, топор или хороший охотничий нож. По отпечатку обуви на сухом лишайнике, речной косе, глинистом наплыве Осташко научился определять – свой тут прошел или чужой. Он сразу обращал внимание на появление дыма в тайге и так привык к посторонним звукам, что по треску сухой ветки отличал: ходит близ палатки кто-то из своих – человек, лошадь, собака, или – посторонний. Достаточно было малейшего «чужого» треска, чтоб сон сдуло словно ветром!

Что же касалось самих беглецов, то по-разному складывалась их судьба. Одни, проплутав лето в тайге, сами сдавались, некоторые даже добросовестно трудились в партии, готовые вернуться в лагерь; иных настигала стужа и неминуемая гибель. Осташко однажды сам наткнулся на два скелета под кустом стланика – они лежали обнявшись, прикрытые остатками истлевшей одежды. Словом, мало кому удавалось совершить благополучный побег с колымской каторги.

Район деятельности Хастахской партии находился как раз у торного пути следования беглых: они двигались к верховьям Туора-Юряха, чтоб перевалить в Ульбею или Иню и выйти на Охотское побережье. Речун, ходивший на базу, рассказал, что ночью там побывали два беглеца. Шатохин проснулся в два часа ночи и услышал возле палатки голос: «Один. Спит». Снизу, от подножия террасы, другой говорит: «Ищи топор, бей сонного». Но топор и Васина мелкашка у Шатохина находились под боком. Сквозь бязевую палатку ему хорошо был

виден силуэт человека, и он выстрелил, попав ему в плечо. Тот вскрикнул «ой!», и оба побежали. Шатохин гнался за ними около километра, но те скрылись в лесу.

…Светлой ночью отряд Ивана перевалил в широкую долину с двумя большими озерами, расположенными между истоками Яшмы и Юсь-Келя. У берегов негусто росла даурская лиственница, карликовая березка, осоки, шикша и некоторые злаки, а вокруг долины со всех сторон подступали высокие каменистые горы с проплешинами снегов. Озера почивали под разбухшим льдом, и только у берегов блестела каемка воды с уймой рыбных мальков. Неожиданно горную тишь пронзил сильный заунывно-протяжный крик, затем другой такой же, и геологи в просвете деревьев увидели двух птиц, похожих на гусей; они спокойно плавали, кормясь рыбешкой. Речун потихоньку ушел ставить палатку и готовить завтрак, а Осташко с Баздыревым решили поохотиться на «гусаков». Подползши к самому озеру с «тозовкой» в руке, Иван улегся среди кочек, а Вася, пригнувшись, пошел в обход, чтобы в случае надобности пугнуть птиц на охотника. Как только щелкнул первый выстрел, «гусь» в мгновение ока канул в воду, и лишь минуты две спустя вновь послышался его крик – в сотне метров дальше. Теперь пернатые плавали уже полупогрузившись, а то и вовсе утопая, так что поверх воды, как перископ, торчала лишь голова на прямой длинной шее. Иван целился то в спину, то в голову, стреляя лишь тогда, когда птица проплывала рядом, но при каждом выстреле «гусь» все так же мгновенно нырял. И до чего же хитер был! Заметит коллектора – так на виду у него, демонстративно, ныряет в одну сторону, а под водой тут же развернется и появляется потом далеко-далеко совсем в противоположном конце, где его никак не ждешь… Более часа пролежал наш охотник в льдистой мочажине, раз пять стрелял и все без толку. Стрельнул еще раз. Ныряльщик – шмыг вперед и, как ни в чем не бывало, опять за рыбку принялся. «Что за черт!» – чуть не вслух ругнулся Иван с досады. Но птица в эту минуту както странно стала зевать, затем захлопала крыльями, пронзительно закричала, вздыбилась и враз опрокинулась навзничь, открыв снежно-белое брюхо. Вскоре к убитой подплыла другая; низко кланяясь, она как будто хотела воскресить погибшего друга. С этой Ивану повезло: он взял ее с первого выстрела. Осташко обрадованно вскочил, разминая окоченевшее тело.

– Ну и терпение у тебя! Мне и то невмоготу, – произнес подо-

шедший Василий. Нос у него посинел, глаза слезились, он потирал озябшие руки, топая и подпрыгивая.

С помощью шестов они извлекли из воды трофеи и окончательно убедились, что это не гуси, но что за птицы – тоже не знали. Подбородок, горло и змейчато-полосчатая шея отливали у них фиолетово-зеленым цветом, а вороные крылья украшались рядками белых пестрин в мелкую шашечку, брюшной же покров состоял из густого чисто-белого пуха.

– Вот, Омелько, сегодня, значит, пируем! – передавая Речуну птиц, сказал Иван Федорович с веселой уверенностью.

На костре возле палатки уже кипел чай в ведре, прела в кастрюле гречневая каша из концентрата. Наскоро позавтракав, прораб и коллектор ушли в маршрут. Поздно вечером голодные, с тяжелым грузом каменных образцов, насилу волоча ноги, спустились они с заозерного хребта обратно, предвкушая прелесть жареной дичи. Вот и палатка. На таганке ведро дымится, в нескольких шагах рабочий дрыхнет.

– Эй, Омелько! Как наши гусаки?

Он поднялся, протер глаза.

– Шоб они вам повыздыхали! Все печенки у меня вымотали! – И, понося этих «проклятых гусаков» на чем свет стоит, Речун рассказал, как пытался оскубать их, шпарил кипятком и, обозлившись, решил, в конце концов, сварить прямо в перьях. Только после крепкого кипячения удалось ему обнажить «этих чертовых зараз» догола. Один из них варился теперь с самого полудня в ведре, другой лежал под мерзлым мхом. Попробовали маршрутники варившегося «гусака», да куда там? – Тверд, как ремень! Толстая его пупырчатая кожа до того крепка оказалась, что острый нож не брал ее… Только после полуторасуточной непрерывной варки мясо стало мягким. Речун отрезал ребятам по куску, подал вместе с бульоном в эмалированной миске, а сам нос воротит. Отведали: тьфу, дрянь какая! Не мясо – лыко, рыбой смердящее. И цвет у него был неприятный, грязно-буро-красноватый – словно морда у пьянчуги.

– Шо с другим робить? – сердито спросил повар.

– Да пропади он пропадом! – махнул рукой Осташко. Вася одобрительно кивнул.

Вдруг Речун насторожился.

– Чуете? – прошептал он. – Коняка заржала.

В глазах его промелькнул испуг.

Иван с Василием переглянулись: кто бы мог быть в такой глуши? Схватив лежавшую на постели малопульку, Осташко выскочил из палатки.

– Стой! Ложись! – раздался басовитый окрик. Из-за лесины в десяти метрах на Ивана глядели в упор два дула охотничьего ружья. Однако Иван заметил за деревьями лошадей и притаившегося человека в рабочей полевой одежде. В нем он узнал промывальщика из Тарын-Юряхского разведрайона.

– Ладно, Сергей Викторович, не дури! – сказал Иван, подходя к таившемуся за лиственницей Фролову. Тот опустил ружье, громко засмеялся.

– Не сдрейфил, Федорович? Ну здравствуй! А я поначалу не узнал тебя, во бородищу отпустил! Бирюк!

Прораб-поисковик, промывальщик Герасименко и конюх Мерзликин добирались с лошадьми в партию и были рады, что до стана оставалось уже немного. После взаимных восторженных лобызаний и первых расспросов гостей пригласили к чаю. И сей же час, по случаю такого события ближнее озеро назвали «озером Встречи». А соседнее с ним, где охотились на «гусей», коллектор потом предложить именовать «Приемным», соединяясь протокой, оно как бы принимало воду из озера Встречи. Мерзликин расседлал лошадей, пустил пастись.

За чаем, конечно, Осташко и Вася спешили узнать о положении на фронтах. К сожалению, существенных перемен не произошло. Керченский полуостров советские войска оставили; там, между прочим, немцы применили мины с отравляющими веществами. Под Харьковом оборона немцев была прорвана и занято более трехсот населенных пунктов, однако потери большие. Англичане усиленно бомбили Германию, но войск не высаживали. США собирались высадить десанты в оккупированной Франции.

Заметив под кустом птичьи крылья и пух, Сергей воскликнул:

– О, да вы с дичью! – он растянул крыло, залюбовался шашечным узором. – Красивая птица, правда?

– А шо воно такое? Гусак, чи шо?

– Сам ты гусак! – хохотнул Фролов, поглядев пренебрежительно на Речуна. – Вы, что же, олухи царя небесного, не знаете? – обвел он всех по очереди взглядом. – И ты, Василий, тоже? Старый таежник?! Забыл разве, как с Алдана на Индигирку с тобой пробирались, сколько на Куйдусуне гагар видели, а?

– То-о-чно… – смущенно промолвил Вася. – А я вот все думал,

где я таких птиц встречал?..

– Это ж и есть чернозобая гагара. Сюда на гнездование они прилетели. – Сергей поднял другое крыло, расправил, на кедровой ветке оба рядом пристроил. – Красиво! – снова воскликнул. – Вот бы чучело сделать, а? Жаль, такую шкуру спакостили!

Фролов выслушал образный рассказ Омельки-кулинара про «гусаков» и про то, с каким отвращением отведали Иван Федорович с Василием долгожданное блюдо. Он долго и заразительно хохотал. Узнав наконец, что одна из птиц лежит нетронутой, Сергей изъявил желание заняться ею собственноручно. Так что, когда Иван и Василий вернулись после двухдневного похода, Речун порадовал их вкусной копченой снедью, приготовленной с помощью Фролова. Самого же поисковика и его спутников на стоянке уже не было.

– Теперь я знаю, шо с нимы робить, – хвалился Омелько. – Абы тилько ше попались – во блюдо приготовлю! – и для вящей убедительности поднял большой палец.

Некоторое время маршруты проходили мимо старых чумов и лабазов – треугольных срубов на трех столбах, покрытых корой; в лабазах тунгусы хранили хозинвентарь, иногда – дичь, продукты.

Съемка в верховьях Яшмы заканчивалась. Отряд Ивана снова очутился у небольшого озера, уже очистившегося ото льда. Здесь резвилась пара брачующихся гагар – они посвистывали, скулили, хрюкали; в виду людей держались на середине водоема. Осташко стрелял из малокалиберки, а Речун из гладкоствольной «тулки», оставленной Фроловым. И тут-то оказалось, что из дробового ружья гагару убить очень трудно: увидев вспышку выстрела, птица успевала нырнуть раньше, чем долетал до нее заряд. Так что преимущество оказалось на стороне геолога; его пулька настигла увертливую жертву. Вторая гагара, видя такое дело, стала улепетывать – помчалась по воде с паническим криком, работая изо всех сил ногами и узкими острыми крыльями; из-под крыльев летели брызги, позади оставался пенящийся след. Тяжело, более сотни метров бежала по озеру птица, пока не оторвалась от поверхности и, набирая постепенно высоту, быстро-быстро махая крыльями, улетела вдаль. Застреленную птицу – крупного, в переливчатом брачном наряде самца, решили передать Сергею Фролову.

24 июня на Малом Сердяхе дела покончили – пришли на новую базу, где возник целый палаточный город. Сюда с протоки Большого Сердяха были перевезены на лошадях мука, овес и прочие оставшиеся там грузы; Шатохин и здесь устроил печку для выпечки

хлеба. На прежней базе остался лишь отряд Фролова – там он начал шлиховое опробование Заячьей. Палатки нового «города» стояли среди зеленых лиственниц и кедровника, в сотне метров бурлила полноводная Яшма. Здесь осташковцы отведали вкусного борща с утятиной, сладкого чаю с оладьями и, прежде всего, решили отдохнуть. Иван, блаженствуя, забрался в свой спальный мешок.

Вечером явился Сергей с четырьмя молодыми эвенами – тремя юношами и одной девушкой по имени Василиса. Они приехали на оленях и привезли двадцать килограммов оленьего мяса, попросив за него 10 килограммов муки и пачку чая. Но, когда стали с ними рассчитываться, пришлось добавить махорки, галет, сушеной капусты.

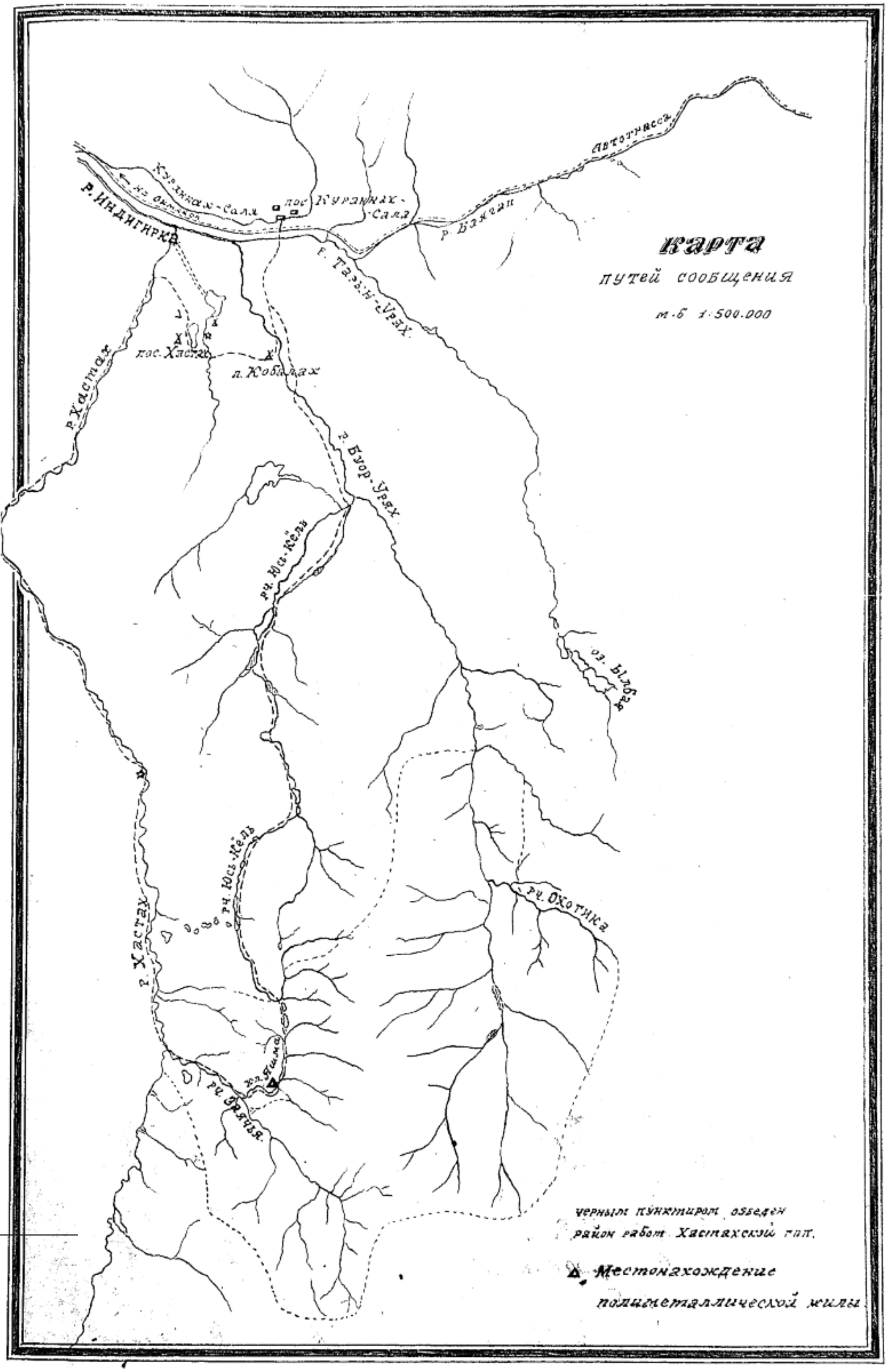
Самца гагары, что принесли на базу, Фролов тут же разделал. Шкуру снял, напялил на рогульку – хотел высушить и чучело сделать, но ничего не вышло: месяца два, пока и лето кончилось, сохла эту шкура, насквозь салом пропитанная, да так и не высохла, только жир все так и тек из нее… А мясо без кожи сварилось быстро. Варил его Сергей в соленой воде, затем обжарил на растительном масле, диким луком приправил – великолепное блюдо получилось!

Из дневника Ивана Осташко:

«26 июня. Около трех часов шла разборка несоответствия гипсометрической топоосновы, смонтированной Николаем, с действительностью. Этот упрямый осел разъединил участок, заснятый Василием (с моими геоточками), и присобачил часть его к своему участку так, что долина с озерами Встречи и Приемного получилась не полтора километра ширины, как на самом деле, а более трех! Да и сопки моих последних маршрутов сместились на 0,8 км. И, главное, этот баран твердит: «Все – на жесткой основе, иначе ничего нельзя придумать! Я этой своей карте больше верю, чем тому, что там на местности». Вот осел! Завтра придется им обоим – Васе и Николаю – идти вместе на увязку».

«27 июня. Светлой ночью поохотились на белок-летяг. Их что-то много появилось здесь, а до этого не видели нигде. Сначала я подумал, что бурундук взбежал на дерево, но заметил белое брюхо

Карта района работы из краткой записки 1943 г. Д. С. Голоты «О полиметаллической жиле ключа Яшма»


Карта
путей сообщения
м-б 1:500.000
Автотрасса
Куранах-Сала
пос. Куранах-Сала
р. Индигирка
р. Тарын-Урях
р. Хастах
л. Кобалах
р. Буор-Урях
рч. Юсь-Кёль
рч. Охотника
р. Хастах
рч. Заячья
кл. Яшма
черным пунктиром обведен
район работ Хастахской ГПП.
Местонахождение
полиметаллической жилы

и молчаливое поведение (бурундук, когда взбегает, то посвистывает). Стали с Васей сшибать его камешками, а Дина, высунув на полметра язык, бегала вокруг, визжала, бросалась на дерево. Вдруг наш «бурундук» полетел на другое дерево. Дина – за ним, но было поздно: зверек побежал по стволу вверх и скрылся в дупле. Пришел Речун с «ижевкой», другой рабочий стал стучать по дереву топором; летяга вылезла, и Речун убил ее. Дина метеором набросилась на жертву, и мы еле отняли, чтобы рассмотреть. Зверек похож на белку, но чуток поменьше. С длинным пушистым хвостом, беличьей головкой и очень крупными черными глазами; ушки небольшие, шерсть гладенькая, голубовато-серая, на брюшке и горле – белая. Между передними и задними лапками перепонка, отходящая от боков тела, тоже покрытая шерстью. Забираясь на высокое дерево, белка-летяга, растопырив ноги, и, тем самым, натянув перепонки, планирует куда нужно, управляя вытянутым хвостом».

«29 июня. Завтра перебираемся на ту сторону Заячьей – начинаем с Васей гео- и топосъемку ее левобережья. Лорви ушел с Татариновичем вчера – продолжать картирование правого водораздела этой большой речки… День хороший, солнечный. Наконец-то началось лето, хотя остатки снега еще лежат на многих сопках. Тепло, днем – жарко»…

Отряд Ивана Осташко продолжал работать в том же составе; но теперь у них имелись три лошади: белый Снежок, рыжая Катька и серый Мурашка. Так что спальные мешки, печка и набор продуктов всегда были с ними. Донимали комары, приходилось прикрывать голову накомарником из мелкоячеистого черного тюля. Но эти кровопийцы, носившиеся в долинах тучами, жгли руки, пролезали во все щелочки одежды.

Раз после ужина, когда они готовились в палатке ко сну, а Омелько возился на дворе с кастрюлями, Иван, вспомнив о топографе, предложил:

– Слушай, Вася, хочешь – я прочту тебе эпиграмму на Татариновича?

– Давай, – улыбнулся Василий.

Иван, перевернув листки записной книжки, читал:

На словах он деловитый,
А на деле – лишь слова.
Хоть не любит много выпить,

Кантоваться же – всегда.
«Много знающий» невежда
И дундук во всех делах.
Людей судят по одежде,
Но его – никак нельзя.

– Я с тобой согласен, – сказал Вася. Потом добавил: – Знаешь, Ваня, он спесь свою поубавил. После нашего похода на контрольные точки убедился, что был неправ. Но все старается подчеркнуть, что он – топограф, а я коллектор, замерщик какой-то, – с грустью закончил Баздырев.

– Да плюнь ты, Вася! Туфтограф он, а не топограф! Я уже решил, что вместе со своими геологическими материалами представлю на приемочную комиссию и твою гипсометрическую карту – отдельно от сводной всего района работ партии.

Повеселевший Василий забрался в свой кукуль и тут же уснул.

Постели в палатках располагались на хвойных ветках; спали – головой к задней торцовой стенке, ногами – вперед, к выходу. Справа у выхода жестяная печка стояла, труба от нее выходила наклонно наружу. Дверная полость палатки была прорезана до верха, чтобы во весь рост, не сгибаясь, проходить можно было. На ночь, выгнав комаров, палатку плотно закрывали, привалив входное полотнище большим камнем; для лошадей же дымокуры разводили.

Осташко лег поверх спального мешка, накрывшись легким одеялом. Проснулся он от того, что кто-то трогал его за голые ноги, и посмотрел туда сквозь ресницы. В ногах, войдя наполовину в палатку, стоял белый конь Снежок. Это он теребил Ивана своими толстыми мягкими губами.

– Чего тебе?! – громким шепотом, стараясь не разбудить товарищей, сказал Осташко коню. – Уходи, пошел, ну!

Снежок легонько заржал, кивает головой – вверх-вниз, вверх-вниз, но не уходит. Потом снова ловит губами Ивановы пальцы, будто хочет стащить его с постели. Встав, Осташко выгнал коня, но тот опять просунул голову и снова тихо, но настойчиво заржал. Выглянул Иван наружу – у трубы Катька стоит, бок прислоняет, головой мотает и хвостом непрерывно обмахивается, а Мурашка на дымокурном месте топчется, остывшую золу копытом гребет. Комарья на них, бедных, – аж шерсть шевелится! Не стал Иван Речуна будить – сам начал костер разжигать, мох накладывать. Снежок рядом ходит, кланяется

и, шевеля ноздрями, на Ивановы руки смотрит, благодарит: «Гм-го-го-го»... Присел Осташко, огонь раздувает; из-подо мха дым повалил. Лошади его окружили, морды в дым воткнули, глаза блаженно зажмурили, облегченно боками вздыхают. Даже хвостами перестали махать. А Снежок голову Ивана, виски и уши все лижет, лижет – в знак признательности...

Этот Снежок был замечательным конем! Снежно-белый, стройный и очень чистоплотный. Идет, бывало, с тяжелыми вьюками по болоту – его на болотах одного пускали, не в связке, – идет и, как балерина, с кочки на кочку переступает. Да так аккуратно пройдет всегда, что даже щетки ног не запачкает. А если уж и оступится нечаянно или лошадь соседняя его забрызгает, так он потом в речку забредет и давай грязь языком слизывать, в порядок себя приводить. За такие его манеры Омелько Снежка «фраером» прозвал... Когда же случалось, что Снежок подкову потеряет, то подойдет к палатке и зовет: «Гм-м-го-го, гм-м-го-го-го» – выходи, мол, дело важное! Выйдет кто-либо: «Ты чего?» А он ногу поднимает, копыто показывает и то на него, то на человека умными глазами посматривает, словно говорит: «Видишь, подковы нет?» И ковать давался легко, с охотой, даже держать не надо было, – не то что глупую рыжую Катьку, которую чуть не связывать приходилось.

Обрабатывая местность в системе ручьев Наледного, Широкого, Утесного и других левых притоков Большого Сердяха, названия которым давали Иван с Васей, проходили в день по 15–20 километров, штурмуя крутые остропирамидальные сопки с относительной высотой 500–800 метров.

В районе преобладали магматические породы – дациты и липаритодациты. Походы по горам, сложенным такими крепкими породами, требовали прочной обуви. Обыкновенных кирзовых сапог хватало лишь на два-три дня, поэтому маршрутники ходили в резиновых грубых чунях, пришитых к брезентовым или кирзовым голенищам; в них можно было проработать полторы-две недели.

На горных вершинах, среди гребенчатых скал, утесов и столбов жили стада диких коз и снежных баранов, однако все попытки охоты на них кончались неудачей: чрезвычайно чуткие, осторожные и быстрые животные каждый раз успевали скрыться. Проще было с пернатой дичью, но в июле как раз куропатки ходили с неоперившимися выводками, и у геологов на них не поднималась рука.

Однажды в заключительном маршруте по увалам Заячьей Иван

неожиданно услышал цыплячий писк. Только он туда повернул, как ему навстречу из-за кочки выбежала серенькая тундряная куропатка. Встревоженно квохча и кружась, она старалась привлечь к себе его внимание и отбегала все дальше. Но Иван нарочно стремительно пошел на пипикающие звуки и увидел несколько подвижных рябеньких комочков, раскатывавшихся в разные стороны. Маленькие пушистые птенчики во всю прыть – падая и кувыркаясь – удирали в укрытия: тот под кустик, другой в кочку, третий под камешек. Одного из них Иван настиг, и тот растерянно плюхнулся в ямку среди ягеля, растопырив крохотные крылышки. Бедняжка робко глядел на человека немигающим глазиками в ожидании своей участи, а когда к нему потянулась рука, с отчаянным писком кинулся вперед. И в тот же миг Ивану бросилась под ноги его мама. Упав набок, она безжизненно закрывала глаза и судорожно дергала распущенным крылом. Тогда Иван потянулся к ней. Куропатка подскочила и, припадая на одну ногу, волоча крыло, роняя голову, отбежала в сторону. Иван – быстрее за ней. Она побежала, уже не хромая, с подобранными крыльями; затем вспорхнула, отлетела чуть-чуть и снова устало присела. А как отвела его метров на сто, решив, что дети ее вне опасности, поднялась и полетела; сначала высоко, вдаль, а потом, опустившись за кустами кедровника, – низко-низко, по возвратному кругу. Приземлилась неподалеку от спрятавшихся цыплят и стала приближаться к ним короткими перебежками, маскируясь среди кочек и злаковых трав… Осташко не тронул заботливую мамашу. Его умилило такое трепетное отношение птицы к своим детям, что не всегда встретишь среди матерей-женщин.

…За двадцать дней исследования бассейна Большого Сердяха, где абсолютные высоты превышали две тысячи метров, были закончены. Отряды Лорви и Осташко приступили к картированию верховий Буор-Юряха, начав и здесь с разбивки базиса. Лагерь поставили в устье ручья Перевального.

Поздним вечером, стоя на ровной зеленой террасе, Осташко любовался сурово-пленительной красотой природы. У его ног под обрывом клокотал могучий поток ручья, сливаясь с шумом Буор-Юряха, который бесчисленными рукавами пронизывал большую наледь: ее белизна резко выделялась на фоне черных голых сопок и темно-зеленого леса речной долины. Размываемый лед отламывался огромными глыбами и, падая на воду, производил эффект артиллерийских залпов. Над черными сопками клубились, располза-

ясь, серебристые облака, освещенные ущербной луной. Пред мысленным Ивановым взором проплыли вечера его юношеской любви, и вдруг отчетливо вырисовался образ любимой его Ули: показалось, что стоит она по ту сторону бурлящего ручья, в тени лиственниц, и молча зовет его. Он всмотрелся в лесную темень и вздрогнул – на наледи, где-то рядом, жалобно и жутко закричала чайка…

…К середине августа базу перенесли ниже по Буор-Юряху, к устью его правого притока – речки Охотики, названной так Плиевым по найденной здесь фауне из верхнетриасовой толщи. По руслу Охотики проходила граница между районами работ Хастахской партии Лорви и Ылбайской партии Рафаила Петрова. Здесь как раз и состоялась встреча партий той и другой стороны.

В беседе с Петровым Осташко узнал, что тот доволен своим прорабом-геологом Абаевым, харьковчанином; а Яша Копман, работавший в партии Байбакова коллектором, «дошел», жалуется: «Эти сопки забрали у меня полжизни». Байбаков же хочет вообще избавиться от Копмана, ибо тот не умеет даже с буссолью обращаться. И снова Иван подумал о Яше: «Вот что значит зазнайство и высокомерие, когда в действительности ты олух и невежда! Жизнь в конце концов, сама наказывает человека».

Лорви с Татариновичем ушли на базу, а Осташко с Васей, приехавшие на лошадях, остались погостить в палатке Петрова.

Их угощали супом и жареными хариусами, которых «ловили» кайлом и лопатой – промывальщик просто глушил рыбу в уловах. В партии Петрова все – начальник, прораб-геолог и прораб-поисковик – работали с одного стана, а не отдельными отрядами, как у Лорви. И Осташко считал, что это разумно: каждый день можно обмениваться результатами исследований, да и продукты расходуются рационально. У Петрова, как и у Лорви, все тоже были заросшие, с бородами. Рафаил похож на православного священника, Савва Абаев – на ксендза, а поисковик Гоша Елфимов – на захудалого русского мужичонку дореволюционных времен. Савва, оказывается, очень болезненно переносил нашествие комаров и к кистям рук привязывал клапаны-хлопушки. За трапезой Петров говорил, что, когда шел с Лорви и Николаем и увидел едущих на лошадях Ивана с Василием, ему показалось, что здесь, в тайге, населения больше, чем в Ленинграде.

Во второй половине августа зарядили нудные дожди, белели заснеженные вершины. Свободное время можно было использовать для охоты, рыбной ловли, сбора ягод и грибов. Речун готовил вкус-

ные борщи с куропатками, жарил то маслята, то хариусов, варил компоты, вареники и кисели из голубики и шикши. Но 23 августа кончились на базе консервы, сахар и масло, оставалась одна мука, из которой, приправляя дичью, Омелько стал варить галушки. Баранова пришлось специально поставить на добычу уток и рыбы, когда погода улучшилась, Осташко закончил геосъемку левобережья Охотики, кончал свой участок и Лорви, но оставались неопробованными Буор-Юрях и Охотика – Фролов едва управился с Заячьей; да он особенно и не торопился, больше занимался рыбалкой и охотой. Так что заканчивать шлиховые поиски пришлось Ивану.

Заключительный поисковый маршрут с промывальщиком Родионом Герасименко проделал он уже 10 сентября – оба они, полуголодные, прошли за день сорок километров, и Родион последние пятьсот метров преодолевал ползком.

В дневнике Осташко появились строчки:

«Начинается зима. Лужи и тихие заводи покрылись льдом. Все работы закончены: геосъемкой охвачено 1 450 км^2 – 110% плана, поисковое опробование гидросети выполнено на 125%. Продуктов нет. Из остатков муки и крахмала испекли шесть буханок хлеба. Завтра вниз по Буор-Юряху отправляемся в обратный путь – на Куранах-Салу. Пролетело полгодика совсем незаметно, какая-то зима будет? Где придется мне околачиваться?.. А работой я доволен. Это была моя первая геологическая самостоятельная работа. Хорошо, если она будет не последней. Но люблю я эту кочевую здоровую жизнь, люблю свою специальность!»

До Куранах-Салы шли четыре дня – по кочковатым болотам, насилу волоча ноги. Хлеб делили маленькими дольками, «паслись» на бруснике и подмерзшей голубике, удалось застрелить зайца, двух куропаток и трех уток-чирков. Василий с Шатохиным пошли вдоль русла, надеясь удачно поохотиться, но попали на глухую протоку, отбившись от отряда, чем причинили много хлопот: их окликали криками и свистом, клали костры. Оставили для обоих полбуханки хлеба, но, когда у последней наледи показались их фигуры, Татаринович предложил хлеб съесть – они, мол, дичью у костра лакомились, сыты и без хлеба будут. «Вот скотина!» – подумал о Николае Осташко…

Лошади на кочках спотыкались, падали, ранили о ломавшийся лед ноги. Катька с вьюком грохнулась на спину и, если бы не перерезали подпругу, освободив ее от груза, видимо, кончилась бы… От-

ряд Фролова двигался отдельно на удалении дневного перехода. Сергей запасся и олениной, и солеными налимами, купленными у тунгусов; у них были два ружья, загодя припасенные продуктишки; четыре лошади шли не очень нагруженными. Словом, этот ушлый таежник объявил «незыблемый суверенитет»!

Перед последним переходом геологи остановились в небольшом якутском селении Кобалах. Юрты здесь пустовали, жители перешли в Сордоннох, на главную усадьбу колхоза им. Сталина. Но вокруг Кобалаха росли буйные травы, и на сенозаготовках работали покосники из Куранах-Салы. Они с радушием встретили полевиков, накормили скитальцев хлебом и супом.

Подошел тем временем и поисковый отряд. Фролов поражал своим необычно оригинальным видом. В брезентовых сероватых штанах, изношенных сапогах, черной рубахе и старой шляпе, сидевшей колпаком, он походил на древнерусского захудалого пахаря, который отработался на ниве и теперь отправляется с двустволкой за плечами в лес на охоту. Портрет его дополняли жиденькая русая бородка, тощие усы на заросшем кустиками бронзовом лице и густые длинные волосы, беспорядочно свисавшие из-под шляпы. Он весело поздоровался, держался шутливым бодряком, но в его словах сквозили неискренность и ехидство, стремление подчеркнуть свое превосходство и своих рабочих – свежих и неголодных – над изможденными людьми отрядов Лорви и Осташко.

Покосники сообщили неожиданную новость: рудник «Куранах-Сала» закрыт как не оправдавший себя; будет продолжена разведка; начальником района назначен Болдырев, принимавший как раз дела. Получилось чисто как в колымском анекдоте: высокое начальство спрашивает геолога-разведчика, передающего месторождение в эксплуатацию, будет ли руда? – А куда ей деться! – уверенно отвечает геолог. Начали добычу – через месяц-два руда кончилась. Начальство накинулось: зачем обманул? – А откуда ей было взяться? – развел руками разведчик.

Так вот и тут получилось, за что главный геолог Чай-Урьинского управления Роженцов получил изрядный нагоняй. Но для хастаховцев было лучше, что здесь снова стал разведрайон. Не надо тащиться на Аян-Юрях – тут можно и лошадей сдать, и продукты получить, и рабочие тоже остались бы на прежних местах.

Преодолев болота, где Осташко по грудь нырнул в холодную

воду, прибыли в Куранах-Салу. Возникший поселок выглядел опрятно, домики были с крышами и застекленными окнами – не то что на «Чкалове», где Иван прожил минувшую зиму. Близ склада, в лесочке, геологи-полевики поставили три палатки. Первым делом выписали продукты и, конечно же, спирт! Мука и сахар-песок из тростника были американские – начались поставки по ленд-лизу. Иван заметил, что американский сахар хоть и нежный на вид, но по сладости далек от своего, отечественного! Они с Татариновичем как непьющие оставались в своей палатке, предаваясь чревоугодию от пуза. Остальные же дорвались до спирта – пошла разгульная вакханалия. Сергей Викторович плюнул на коллектив и отправился к знакомым – «чтоб напиться в дым!»

Усталые и голодные полевики вдрызг опьянели и, как говаривала одна старушка, сами впереди себя ничего не соображали, расползаясь по поселку, как полудохлые тараканы…

Пьяные оргии продолжались и на следующий день. Ивану тошно становилось от буйных выкриков и зубовного скрежета своего начальника. Иван занялся ремонтом брюк, рубах, пиджака; сбрил бороду, оставив баки и усы, Мерзликин подстриг его. Побритая в начале лета голова его обрастала, но уже не так густо, как бывало раньше, до Колымы. Тогда, студентом, носил он вьющуюся шевелюру, в которой сокурсницы любили поблуждать своими изящными пальчиками. Но после прииска, треволнений и неприятностей волосы его заметно поредели, утратили блеск и курчавость…

Того оленя, что не доели его люди в поле, Фролов пустил на пельмени, организовал в палатке рабочих ужин с выпивкой, но Иван туда не пошел, оставшись у себя. Заглянувший к нему Сергей сказал, что сильно обижается на него за то, что он чуждается общей компании, и добавил:

– С волками жить – по-волчьи выть.

– Да, раз мы в тайге прожили по-волчьи, то здесь уж так волками и останемся… – ответил Иван.

Сергей, однако, уточнил, что обижен лишь на начальника партии, остальные же ни при чем.

На третий день, утром 10 сентября, к хастаховцам зашел начальник отделения ГРО Александр Леонидович Лисовский, направлявшийся в партию Владимира Плиева, которая работала в том году недалеко от Куранах-Салы. Он сообщил, что в Нексикане полная неразбериха, нет пока ни жилья, ни помещений для работы; еже-

дневно – ударники, субботники. Так что спешить туда нет смысла, лучше покамеральничать с недельку в разведрайоне – то ли в Тарын-Юряхском на Куранах-Сале, то ли в Аян-Юряхском на Бастахе, где камеральничал Галун. Лисовский смотрел полевые карты, рассказывал о других партиях. Оказалось, что самые интересные результаты у Рафаила Петрова – в его районе намечалось поставить две рудопоисковые партии. Затем много говорили о международном положении, о войне. Сдан был Новороссийск, шли бои на улицах Сталинграда; положение было очень тяжелое. Всюду в стране не хватало хлеба, росла разруха, истощение. Проводилась мобилизация и на Колыме – очевидно, на Восточный фронт, ибо расчеты и пропуска давались только до Хабаровска. Вот и с Куранах-Салы отправили десять человек… Иван подумал, что тоже пойдет в армию – хорошо бы попасть в авиацию, с которой был он знаком с университета и которую любил.

…Осташко с коллегами: Васей, Николаем и Сергеем – переехали на Бастах, поставив просторную палатку с печкой, в излучине ключа, среди лиственниц и тополей. С ними оставалась и Дина. Иван Семенович отбыл в Нексикан сдавать на склад имущество, хлопотать о жилище и помещении для камералки, но прежде всего – к жене, под кров домашнего очага.

Поселочек Аян-Юряхского разведрайона стоял в устье долины ключа Бастах, впадавшего слева в реку Аян-Юрях – один из истоков Колымы. Имя ключа носил поселок, а имя реки – разведрайон. Здесь было тихо, спокойно, уютно. Иван выписал нужные продукты. Геологи обрабатывали полевые материалы, составляли предварительные карты, уделяя немного времени охоте. Погода стояла хорошая, напоминавшая золотую осень, снег здесь еще не выпадал. Да и все лето дни в этом районе были солнечные, как рассказывал Галун, палатка которого стояла в пятидесяти метрах от хастаховцев.

Алексей Самойлович Галун был уроженцем Сум, лет пять назад окончил геофак Харьковского университета; человек скромный, приятный. Пока что камеральничал с коллектором, остальные его люди с двумя прорабами заканчивали полевые работы. Алексей Самойлович пригласил соседей на вечер в гости. Культурно и радушно, как искренне добрые друзья, провели они время за ужином и легкой выпивкой; беседовали, играли в дурака…

Собираясь поохотиться на зайцев, рябчиков, куропаток, налили дроби. Делалось это просто. Два железных прутика обматывались тряпками, пропитанными стеарином от свечных огарков. Прутики

клали рядышком на таз или ведро с водой, чтоб ее поверхность была около одного сантиметра от обмоток. Сверху на прутики клали узкие плитки-кусочки свинца и зажигали с конца стеариновые обмотки. От огня свинец плавился и, капая в воду, мгновенно застывал в виде шариков, падающих на дно. Получалась настоящая дробь, но – разного размера. Оставалось только ее рассортировать, просеивая через «сита» – пробитые гвоздями соответствующие отверстия в донышках больших консервных банок. Более крупная дробь предназначалась на зайцев и уток, мелкая – на рябчиков и куропаток. Поскольку участок был в какой-то мере обжитой, то приходилось ходить в долину Аян-Юряха, подальше от поселочка, и что-нибудь попадалось; так что без дичи не сидели.

К партиям Лорви и Галуна вскоре добавились еще две – Александра Спиридоновича Лифиренко и Доната Ефимовича Байбакова. Прорабом-геологом у первого работал Саша Агейкин, у второго – Митя Филиппов; оба харьковчанина, сокурсники Саввы Абаева, прибывшие на Колыму тем же рейсом, что и киевлянин Осташко. Работавший коллектором у Байбакова Яша Копман уже с начала августа был передан в разведрайон. Митя Филиппов, коренастый светловолосый парень веселого нрава и тонкого юмора, рассказал о Яше такую историю.

Однажды к ним в партию приехали начальники отделений во главе с Лисовским. Байбаков стал говорить о Копмане. Услыхав, что речь зашла о нем, Яша вошел в палатку, вежливо извинился перед начальством за вторжение и обратился к ним со словами: «Меня правительство послало на Колыму добывать оборонную продукцию. Я человек с высшим образованием, и я послан сюда для того, чтобы дать пользу государству, на меня затрачены деньги, я специалист, а меня вот Байбаков использует как проститутку». Когда начали его спрашивать, в чем именно неверно поступает Байбаков, Яша главнейшим аргументом счел то, что Байбаков послал его на… «То есть, я извиняюсь, – поправился Яша, – не на…, а в!..» Смущение, смех, удивление и даже возмущение – все это вместе вызвал Копман у присутствующих… А потом он еще много им говорил о своей научной университетской деятельности, утверждал, что для него под микроскопом породу описать – все равно что пылинку со стола сдуть, и так далее, и тому подобное.

…Осташко все больше убеждался, что Татаринович – лентяй и трус. Выкопировки карт он делал неряшливо, по чайной ложке в день, ныл, что хочет в Нексикан, и боялся, как бы не призвали его в

армию. А узнав где-то в конторе, что начальник Дальстроя Никишов издал распоряжение геологов и топографов не мобилизовывать, очень тому обрадовался, чем вызвал брезгливую улыбку Ивана.

Обратил внимание Осташко на то, что на колымских дорогах, кроме «бензинок», появились и «газгены», или «самовары», заправлявшиеся древесными чурками. Вызывалось это необходимостью экономить бензин, без которого было не обойтись фронту. За полевиками пришла из Нексикана старенькая «бензинка». Словоохотливый шофер Громов, представитель «торбасного радио», как называли автотранспортников, по аналогии с аборигенами Севера, рассказывал, что снабжение Колымы уже целиком зиждется на американских поставках. Не только продукты питания, но и все горное оборудование, вплоть до забойных ручных лопат, все механизмы, запасные части, смазочные масла и прочее – все американское и все хуже советского, отечественного! Не от одного только Громова слышал Иван это гордое и справедливое признание.

6 октября все четыре партии, собравшиеся на Бастахе, прибыли в Нексикан; через несколько дней приехали и две остальные – Владимира Плиева и Вадима Руцкова. Полевики разместились в большой комнате неказистого здания, построенного для геологоразведочного отдела управления. Весь коллектив ГРО, особенно геологов-полевиков, был очень дружным, жизнерадостным и веселым – молодость била ключом! С жильем вот пока не ладилось. Начальники партий и отделений, работавшие уже второй и третий год, имели комнаты: семейные жили в отдельных, холостяки – по три-четыре человека вместе. Ну а новички, в том числе и Осташко, обитали в доме управления – в бывших помещениях ГРО. Снабжались по карточкам. Прорабы-геологи и поисковики по категории «1-Б» получали хлеба 750 граммов, а начальники партий – по «Л-Б» (литер – бэ), с нормой хлеба 850 граммов. Большинство питалось в столовой. Там готовили вкусно, однако порции, против полевой жратвы, казались невероятно маленькими. Потом, правда, все вошло в норму.

Когда все геологические партии оказались в сборе, то по случаю окончания полевого сезона и выполнения государственного плана работ был устроен вечер полевиков. Женщин, однако, на вечере оказалось мало, а девушек и вовсе не было. Да и что удивительного, вся Колыма очень и очень хромала насчет слабого пола…

Иван прочел в местной газете «Большевистский путь», что на

пятом участке им. Чкалова начальник Марков, а Непомнящего сняли; не было уже на прииске ни Ветрова, ни Черняка…

Хорошо работалось Ивану Осташко за столиком в укромном уголке в большой и светлой, теплой комнате. Фактически уже с первых дней камеральных работ все дела по партии вел он один. Николая Татариновича перевели в топографо-геодезическое отделение, Сергея Фролова возвратили в Тарын-Юряхский разведрайон на прежнее место, Василия Баздырева откомандировали в Аркагалинскую разведку десятником. А потом не стало и начальника партии Ивана Семеновича Лорви. Его якобы призвали в армию, на самом же деле интернировали как финна по национальности. Он был отправлен в Магадан, затем в составе стройбата – в Тенькинский район на лесоповал, и о дальнейшей его судьбе, начиная с конца 1942 года, сведений почти не поступало. Жена Лорви, Надежда Васильевна, особенно по мужу не печалилась и спустя полгода сошлась с начальником снабжения; поговаривали, правда, что сделала она это с тем, чтобы поддерживать Ивана Семеновича, совсем ослабевшего на тяжелой физической работе.

Уезжая в Магадан, Лорви оставил Ивану свою небольшую геологическую библиотеку, солдатский поясной ремень и серую фетровую шляпу. Эти атрибуты геолога-поисковика сопровождали Осташко на протяжении всей его практической деятельности. На ремне он носил горный компас, охотничий нож и полевую сумку, на шляпе – тюлевый накомарник, а некоторые книги из библиотеки служили ему справочными пособиями. По распоряжению Роженцова все дела по партии Иван Семенович передал своему прорабу Осташко, которого назначили временно исполняющим обязанности начальника Хастахской геолого-поисковой партии, вменив в обязанность написание окончательного геологического отчета. Его зачислили на литерное снабжение, и ему повысили оклад. Кроме того, как проработавший год в Дальстрое, он имел две десятипроцентные надбавки. Но теперь на основании постановления правительства надбавки и длительные отпуска с выездом в центральные районы Союза отменялись до окончания войны…

С восьми утра, сменив Савву Абаева, Осташко дежурил по управлению. В обед из Сусумана позвонил ему Сергей Шевчук, однокашник, узнавший от Агейкина и Филиппова, гостивших у своих друзей по университету, что Иван дежурит. Как рады были они друг другу, Сергей и Иван! Ведь более года они находились в разлуке, не зная, кто где работает. Сергей испытал много неприятностей. Сначала работал младшим

геологом в разведрайоне «Челбанья», оттуда вырвался и перешел в другой разведрайон на должность десятника. Там случилось несчастье – убило взрывника, а дело завели на Шевчука, он находился под следствием. Но в середине лета в одну из геоморфологических партий потребовался прораб-геолог, его направили туда. А возвратился с поля – над ним начался суд, ему грозило пять лет срока; но суд полностью оправдал его. Так что сейчас он работал на камералке в той же должности прораба-геолога. Сергей очень просил, чтобы Иван приехал к нему, и они договорились встретиться в ближайшую субботу.

…Два раза встречался Осташко в Нексикане с Яшей Копманом – в октябре и ноябре. Первый раз тот приезжал якобы за тем, чтобы идти в армию, а второй – в связи с окончанием работы на разведочном участке. В подробности своих намерений он Ивана не посвящал, понимая, как ничтожно выглядит в глазах своего однокашника, прослыв во всем Чай-Урьинском управлении рвачом, бездарью, тупицей, дураком. Оказалось, что в октябре Копман самовольно бросил участок, оставив работяг в глухой тайге без продуктов. Его туда возвратили чуть ли не под конвоем, обязав довести разведочно-земляные работы до конца. Кое-как свернув дела, прибыл он к Роженцову, требуя должность в соответствии с «затраченными на него государственными средствами и полученным высшим геологическим образованием». Но Василий Ефимович сказал ему:

– Послушайте, Копман. Вы были направлены на прииск участковым геологом. С работой не справлялись и вникнуть в нее не желали, жаловались, что вас притесняют, умышленно создали невыносимые условия, дискредитируют, подрывают ваш авторитет. Вы просились в разведку, чтобы вам дали самостоятельный участок работ. Мы пошли вам навстречу. Но и тут толку не вышло; более того, в погоне за показухой, дутыми успехами вы совершили преступление, обман государства! Мы имели полное основание отдать вас под суд. Однако пожалели – перевели в полевую партию, как того вы хотели, вернее, требовали. И что же? Ни обнажение задокументировать, ни породу описать вы оказались не в состоянии. Ни буссолью, ни горным компасом пользоваться не умеете! Это же позор! Что же вы за геолог, да еще с высшим образованием?! Государство потратило на вас большие средства и – на ветер! Опять вернули вас десятником на самый маленький участок. Так вы там ничего не делали, а потом преступно сбежали, обрекая несчастных рабочих, за-

ключенных на голодную смерть. А теперь опять требуете новую должность. Да знаете ли вы, Копман, что вас судить надо, я должен под суд отдать вас, а не предоставлять какую-то новую геологическую должность! Но я знаю, что и в заключении пользы от вас не будет – там вы просто погибнете в первые же месяцы…

Яша молчал.

– Вот что, Копман, в области геологии ничего я предложить вам не могу. Не буду откомандировывать и в отдел кадров Дальстроя. Ведь все равно от вас толку, что с козла молока. Единственное, что могу, – составить протекцию: тут у нас при клубе духовой оркестр организуется, так, быть может, взяли бы вас дуть в трубу.

Яша Копман, «великий ученый и специалист», продолжал безмолвствовать. И Роженцов сказал:

– Пишите заявление об уходе по собственному желанию.

На том и кончилась геологическая карьера этого самонадеянного, бездарного, жалкого и глупого человека… Глупого? Да, вероятно, не так уже и глупого. Просто, видать, толкнула его судьба «не в ту степь»! Получив полный расчет и простившись с Дальстроем, он пустился по волнам жизни в обратном направлении – с востока на запад. Сначала «торбасное радио» донесло, что видели Копмана в Оймяконе работающим будто бы в органах НКВД; но потом один из чай-урьинских шоферов столкнулся с ним в дорожном поселке на автотрассе, ведущей в Якутск, где Яша устроился фотографом. И больше ни дальстроевские, ни «материковские» его сокурсники ничего о нем не слыхали. Лишь многие годы спустя на юбилейной встрече в Киеве по случаю двадцатилетия выпуска кто-то скажет, что слышал от знакомых, – в Свердловске якобы существует преуспевающее художественное фотоателье – владельцем его является Яков Аронович Копман.

…Странное совпадение: 6 декабря в геологоразведочном отделе произошло два события – похороны сотрудника и рождение щенков.

Умер плановик Михайлов, молодой мужчина, хороший работник. У него была язва желудка, он не выдержал операции и скончался в Берелехской больнице. Тело его привезли в гробу к зданию ГРО на автомашине. Пока собирались люди, готовили сани с лошадью, гроб стоял у входа в помещение на носилках; кружившиеся снежинки садились на бледно-сероватое лицо покойника и не таяли. Около гроба нетерпеливо топталась маленькая востроносая женщина с кошачьими гла-

зами, недовольно ворчала, торопила собравшихся: «Ну, товарищи, давайте кончать с этим делом». На нее косо посматривали, кто-то с возмущением сделал ей замечание, и она отошла в сторону. Женщина эта была так называемая жена усопшего. Она сошлась с ним два месяца назад, сменив до него двоих мужей; а вчера в больнице дала заявку на четвертого – просила шофера, чтобы подыскал ей жениха. Не отходя там от умиравшего Михайлова, вынудила его поставить подпись под заготовленным завещанием – на 50 тысяч рублей, которые он хотел переслать своей бедной одинокой матери…

Поставленный на сани гроб повезли на кладбище, убогое и неухоженное, расположившееся на берелехской террасе в двух километрах от поселка. Около четырех десятков людей провожало до могилы этого человека, никому теперь не нужного, для всех безразличного. С импровизированной надгробной речью выступил высокий рыжеватый геолог-разведчик Саша Агейкин, и как-то нелепо прозвучали его слова: «Спи, дорогой товарищ. Мы все, как один, пойдем по твоему пути». Сашин однокурсник и коллега Митя Филиппов, фыркнув, насилу сдерживал смех. По заколоченному гробу, опущенному в стылую землю, застучали смерзшиеся комья камней и глины; неглубокую яму быстро засыпали, и над могилой остался жалкий безымянный холмик. Весело, скорым шагом, возвращались в поселок люди, над Агейкиным подтрунивали: «Ну, Саша, ты отмочил! – не унимался Митя. – А, впрочем, ты прав: все мы действительно пойдем по тому же пути – в могилу». И вдруг спохватились – где жена Михайлова? В похоронном шествии и у могилы ее никто не видел.

– Слушайте, коллеги, – догадался Вадим Руцков, – так она же, сучка, драпанула в Сусуман получать пятьдесят тысяч!

– Надо сейчас же сообщить туда в сберкассу, чтобы деньги задержали, – сказал Исаак Бруштейн.

С ним согласились.

Предположение Руцкова оказалось верным, но деньги жене Михайлова так и не выдали, а когда туда поступило письмо от всего коллектива геологоразведчиков, пятьдесят тысяч были переведены на имя матери умершего в деревню.

Доскажем теперь историю о собаке Дине, которая провела лето в Хастахской партии и спасла жизнь Ивану Осташко; потом она была с геологами на Бастахе и с ними же приехала в Нексикан, проведя здесь бурную медовую неделю в обществе четвероногих обо-

жателей. Жила она в ГРО в коллекционной комнате со стеллажами, где ночевал и дневальный Абакумов. Он кормил собаку объедками из столовой, не забывали ее и геологи.

В пять часов утра 6 декабря Дина принесла первого щенка в постели коллектора Культяпова, который тоже спал в конторе ГРО. Но когда проснувшийся коллектор отбросил щенка прочь, она подхватила малыша пастью и вошла с ним в открытую коллекционную. Хотя ей был постелен мешок у батареи, она решила рожать в таком месте, чтобы не мешать людям. Вытащила из-под стеллажей запасные доски, забралась под полку и там на холодном полу щенилась до двух часов дня. Всего появилось на свет одиннадцать хорошеньких разномастных кутят – крупных и пискливых. Абакумов оставил троих, а остальных утопил; Дину в это время прятали в другой комнате. Она, конечно, заметила пропажу детей и, когда к ней подходили, прятала оставшихся троих у живота, закрывая их мордой. А с каким усердием, с какой любовью и заботой облизывала она каждого новорожденного и следила, чтобы щенята не расползались; ослушника же нежно брала за шкирку и водворяла на место.

Через день с Диной обошлись жестоко: дневальный по приказанию начальника ГРО Шебанова извел и остальных кутят. Бедная собака! Целый день она искала исчезнувших своих деток по всем уголкам помещения. Обнюхав каждый закоулок, всякий раз подходила она к Ивану – беспокойная, озабоченная, и грустными глазами смотрела на него, словно просила: помоги мне найти моих детей!.. А из отвислых ее сосков капало молоко. Через два дня соски набрякли, отвердели. Дина от боли скулила, металась по комнатам. В обеденный перерыв и вечером, чтобы облегчить ее мучения, Иван сдаивал молоко; густое, оно брызгало обильными струями, и собака жадно его слизывала. Дине становилось легче, она укладывалась у его ног и засыпала.

Через неделю собаку забрал с собой новый начальник материально-хозяйственной части Тарын-Юряхского разведрайона, чтобы увезти на Куранах-Салу, но она по пути сбежала, вернувшись снова в Нексикан. В поселке же ее поймали заключенные и съели.

…К концу декабря Осташко закончил чтение романа Лескова «На ножах», полного сплошных кошмаров, страстей, лицемерия, подлости, убийств. Но какой замечательный был язык! Сочный, образный, живой. Не зря, думал Иван, Горький так высоко ценил Николая Лескова как художника, знавшего в совершенстве разговор-

ную речь и быт различных слоев русского населения. А как прекрасен оказался очерк «Леди Макбет Мценского уезда»! Захватывающая вещь. Компактна, сжата и насыщенно-эмоциональна, хотя уж слишком много там имелось эссенции народной речи… Читал Иван и другие произведения этого прекрасного русского классика, у которого многому можно было поучиться.

30 декабря ходил Осташко на прииск им. Чкалова за справкой о семейном положении – там в отделе кадров имелись данные, что он женат и у него есть ребенок. Эту справку надо было представить в бухгалтерию ГРО, чтобы не удерживали за бездетность. Бухгалтер расчетной части прииска весело, с уважением поздоровался с ним за руку:

– Здравствуйте, Иван Федорович! А мы про вас читали в газете о ваших успехах.

В отделе кадров узнал Иван две неприятные новости. Начальник промывочного прибора, весельчак и шутник Александр Хорошилов в пьяном дебоше избил начальника лагпункта, за что получил год принудительных работ в забое. Второе известие совсем огорчило Ивана: трагически погиб Артем Скоробогатов, прораб буровзрывных работ, замечательный человек, с которым у Осташко сложились на прииске самые теплые дружеские отношения. Он палил бурки, но не успел вылезти, дважды сорвался, и его взрывом выбросило из шурфа, причем голова полетела в одну сторону, а туловище – в другую. И оказалось, что у него исчезли часы и деньги, хотя бумажник был на месте. Те знаменитые часы фирмы «Павелъ Буре» – с тремя крышками, репетиром и недельным заводом, ходившие с точностью хронометра, Осташко хорошо помнил. А еще больше помнил хозяина этих часов! И вот теперь, несколько дней назад, Скоробогатова не стало…

1943

НА АЯН-ЮРЯХЕ

...Василий Ефимович Роженцов, погоревший на оловорудном месторождении Куранах-Сала, которое поспешил сдать в эксплуатацию без достаточной разведки, теперь питал надежду на полиметаллическую жилу, открытую Иваном Осташко, – быть может, там следует поставить геологоразведочные работы. Он торопил Ивана представить чистовые зарисовки расчисток, дать микроскопическое описание руды, обработать результаты химических анализов и составить подробную информационную записку с подсчетом ориентировочных запасов, чтоб послать все это в Магадан, в Геологоразведочное управление Дальстроя. Осташко, напряженно работая днем и вечером, иногда до часу ночи, с заданием справился за неделю.

Утром 1 марта в Нексикан приехал главный геолог Дальстроя Евгений Трофимович Шаталов, доктор наук, работавший на Колыме с 1930 года. Он просматривал картографические материалы полевых партий. В одиннадцатом часу вечера Лисовский вдруг поторопил Осташко: «Приготовьте для Шаталова свой картматериал», и его позвали в кабинет Роженцова. За маленьким столиком сидел Шаталов – небольшого роста, в серой военного покроя гимнастерке с двумя орденами на груди – Трудового Красного Знамени и «Знак Почета»; прямые темные волосы были вихристо зачесаны вверх. Войдя, Иван смело поздоровался.

– Здравствуйте, товарищ Осташко, – отвечал Шаталов, быстро взглянув на вошедшего. – Так это у вас там месторождение свинца – восемьдесят четыре тонны с 32-процентным содержанием?

И, смеясь вместе с улыбавшимися Роженцовым и Лисовским, добавил:

– Шума много было о вашем «комбинате».

Он посмотрел карты, гипсометрическую и геологическую.

Время показало, что был прав Иван Осташко.

...Ввиду экономии финансовых затрат по отделу, временно

направили на прииски и в разведрайоны Агейкина, Филиппова и Бруштейна. Перед этим их и Осташко, всех четверых, пригласил начальник политотдела Остриков: предлагал должности заведующих агитпунктами или инструкторов по политико-воспитательной работе. Ребята переглянулись, улыбнулись, и Митя Филиппов сказал:

– Товарищ Остриков, нам кажется, вы обратились не по адресу.

– Почему же? – смутился начальник политотдела. – Насколько мне известно, все вы активные комсомольцы, с высшим образованием. Мы дадим вам высокие оклады, от двух тысяч и выше, лучшие квартиры, литерное снабжение…

– Да нет же, нас все это не прельщает, – уточнил Саша Агейкин, почему-то покраснев при этом.

– Мы – геологи и свою любимую специальность ни на какие коврижки не променяем! – дружно заявили они все вместе.

Острикову пришлось извиниться и похвалить молодых «патриотов своего дела», как он выразился.

Что же касается истинного патриотизма – его было не занимать! Вместе со всеми дальстроевцами геологи Чай-Урьинского управления охотно внесли свои личные сбережения на постройку танковой колонны «Феликс Дзержинский»; по одному лишь геологоразведочному отделу в Нексикане за день было собрано 150 тысяч рублей – некоторые сотрудники подписывались на 8–10 тысяч. Осташко внес все, что у него имелось: все облигации займа 1942 года, спецвклад и 300 рублей наличными – всего четыре тысячи.

Затем развернулось на Колыме так называемое бойковское движение: супруги Бойко, шоферы-договорники, внеся в фонд Красной Армии 50 тысяч, просили товарища Сталина разрешить им приобрести на эти средства танк, чтоб на нем лично громить фашистов до полной и окончательной победы. В телеграмме они добавляли, что на «материке» муж служил в танковых войсках, а жена была трактористкой. Сталин дал им «добро», и супруги отправились на фронт – об этом писали все колымские газеты. Через две-три недели десятки, а затем сотни подобных заявлений пошли на имя Верховного Главнокомандующего. Рабочие и служащие, инженеры и техники – бывшие танкисты, артиллеристы, летчики, собрав 50–60 тысяч, стремились приобрести танк, ору-

Е. Т. Шаталов. *Аэропорт Сеймчан. 1957 г.*

ЕВГЕНИЙ ТРОФИМОВИЧ ШАТАЛОВ (1908–1978)

Родился в Туле в семье учителя гимназии. В 1924 г. окончил в Туле вторую ступень Единой трудовой школы, затем работал чертежником в Губплане. В 1926 г. поступил в Ленинградский горный институт, который окончил в 1930 г. по специальности геолог-петрограф.

В 1931 г. в составе экспедиции Ю. А. Билибина уехал на Колыму и до 1936 г., работая начальником полевых партий, открыл несколько россыпных месторождений золота. В период с 1937 по 1946 г., будучи поочередно главным геологом нескольких районных геологических управлений, а также главным геологом Геологоразведочного управления треста «Дальстрой» (1942–1944), руководил геологоразведочными работами в бассейнах Колымы и Индигирки.

Свое дальнейшее призвание Шаталов видел в научной и организационной деятельности. Был заместителем директора по научной работе НИГРИзолото (1946–1950), заместителем министра геологии СССР (1950–1956), старшим научным сотрудником ИГЕМ АН СССР (1956–1962), директором ВСЕГЕИ Мингео СССР (1963–1969), научным консультантом ЦНИГРИ (1970–1978), а также членом Комитета по Государственным (1950–1956) и Ленинским (1964–1966) премиям. Им написано более 100 научных работ, ряд монографий, развивающих металлогенический анализ, заложенный учением Ю. А. Билибина.

Доктор геолого-минералогических наук (1941), вел курс металлогении в Ленинградском горном институте и Московском государственном университете. Профессор МГУ (1955–1958).

Награжден орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени (тремя), Красной Звезды и «Знак Почета», медалями. Обладатель Сталинской 1-й первой степени (1946), Сталинской премии 2-й степени (1950). Заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1968).

Именем Е. Т. Шаталова названа одна из вершин хребта Сунтар-Хаята (Якутия).

дие, самолет и «собственными руками» уничтожать ненавистного врага! Шесть человек из Нексикана, среди них Донат Байбаков и два топографа из ГРО, тоже собрали 60 тысяч и отправили телеграмму на имя Сталина. Однако ответ не приходил больше месяца. Наконец патриоты-дальстроевцы, в том числе и нексиканцы, получили такие телеграммы из Москвы:

«Благодарю за помощь Вооруженным Силам Красной Армии. Разрешить выезд на фронт не можем, поскольку специалисты нужны на Крайнем Севере. Сталин».

На том бойковское движение и утихло.

Было ли оно исключительно патриотическим – от начала до конца? Конечно, не совсем. Ведь на каждом благородном почине со временем появляются темные пятна. Несомненно, поступками супругов Бойко и многими их последователями руководили чистые помыслы, настоящие патриотические чувства. Но затем все больше стало примешиваться тех, которые подобным образом решили вырваться с Колымы, где жизнь была не сахар. Это сразу уловили руководители Дальстроя, обратил внимание и Сталин: уход специалистов ставил под угрозу добычу золота, в котором тогда особенно нуждалось советское государство.

Спустя какое-то время «торбасное радио» разнесло слухи, которые через год-полтора почти полностью подтвердились. Сталин якобы вызвал Никишова и спросил:

– Почему это у тебя вдруг такой патриотизм развернулся? Пули там у вас не свистят, бомбы и снаряды не падают, а твои инженеры, лучшие работники, массами рвутся на фронт, в пекло войны?

– Тяжело у нас на Колыме, товарищ Сталин.

– А где сейчас легко? Везде, по всей стране тяжело.

– С питанием плохо, по шестьсот граммов хлеба специалисты получают.

– Да у нас бойцы на передовой столько же имеют! Нет, пока прибавить хлеба мы вам не можем.

– И насчет женщин плохо, нет их почти совсем на Колыме. Мужику нужна баба, многие хотели бы семьями обзавестись, а невест нет.

– А в этом мы можем помочь! – улыбнулся Сталин.

Он тут же дал указание Наркому внутренних дел, чтобы направить на Колыму несколько тысяч молодых женщин-заклю-

ченных с малыми сроками, в основном «указниц», которые бы через полгода-год могли освободиться; подобное указание получил и секретарь ЦК ВЛКСМ: провести среди комсомолок патриотические беседы по поводу освоения Северо-Востока. Также разрешено было и договорникам вызвать свои семьи с «материка», причем дорожные расходы оплачивались за счет Дальстроя. Так проблема закрепления кадров разрешилась! Тысячи мужчин, освободившихся из лагерей, женились; обзавелись семьями прибывшие на Колыму по договорам – словом, уходить из Дальстроя в ближайшие годы не собирались, а многие остались потом в Якутии и Магаданской области насовсем.

Что же касалось супругов Бойко, то они в танковых сражениях дошли до Берлина, были ранены, но на Колыму вернулись в бодром здравии, при орденах, и продолжали трудиться долгие годы…

До апреля Осташко занимался микроскопией – детальным петрографическим описанием горных пород и минераграфией рудных образцов. Геологическую карту участков, заснятых Лорви, пришлось переделывать заново: собранные начальником партии образцы не соответствовали тем названиям, что дал он в поле. Иван каждый день работал до полуночи и очень уставал.

В петрографо-минералогической лаборатории, состоявшей из двух маленьких комнат, вместе с Осташко работали ее заведующий Лев Лаврентьевич Шилин и прораб-поисковик Гоша Елфимов, проводивший анализ шлиховых проб. Шилина прислали из Магадана в конце декабря; он был кандидатом наук, числился минералогом, описывал шлифы горных пород, рецензировал отчеты, но во всем разбирался слабовато и часто консультировался с Иваном Федоровичем. Ему было около сорока лет. Светлорусый, с лощеным бабьим лицом и писклявым женским голосом, он пытался производить вид ученого, но только не в присутствии Осташко. Кончал Ленинградский горный институт, где им преподавал Владимир Никитич Лодочников – Иванов кумир. Работы Лодочникова по петрографии, особенно его руководство «Главнейшие породообразующие минералы», являлись для Осташко настольной книгой.

Редел коллектив полевиков-геологов. Прорабов на какое-то время по приискам да разведрайонам растолкали, Галуна и Лифиренко в сусуманский дом отдыха направили, Рафаил Петров

со своей Верой в Магадан перекочевал – в научно-исследовательский отдел ГРУ Дальстроя; Владимира Плиева перевели в Тенькинское управление. От Фролова из Куранах-Салы Осташко получил письмо – Сергей просил устроить его в полевую партию. Бесславно кончил свое поприще Николай Татаринович. Еще в декабре он организовал было шахматный турнир, самонадеянно и хвастливо провозгласив, что всех расчихвостит в дрезину, но позорно сел в лужу, не выиграв ни одной партии. В топографо-геодезической группе, куда его перевели, трудился с ленцой, получил выговор в приказе Роженцова, и в конце концов его сплавили в какой-то разведрайон.

Все больше налаживалась связь между киевлянами-сокурсниками. Сеня Марич писал Ивану из Усть-Омчуга о себе, Ковальчуке, Мите Залищуке и Нине Капустке. Ребята работали десятниками на разведке россыпей; Сеня летом вырвался в полевую партию на должность прораба-геолога, а теперь перекочевал в петрографический кабинет, работой доволен. «Кум» – Алеша Ковальчук – все еще находился в разведрайоне, а Нина – в Усть-Омчуге, в группе сводных карт.

На письмо Ивана ответил и Вацлав Шмыгуновский; писал, что все время на руднике, и нет перспектив вырваться в поле. Упоминал о том, с каким трудом многими видами транспорта добирался три месяца на Яну в 1941 году – прибыл туда лишь 1 декабря. Сообщал Вацик, что Сева Коржинский и Петр Лутугин в Нижнем Сеймчане; Сева летом выезжал в поле, а теперь работал петрографом.

Вырисовывались подробности и о Мите Залищуке, то есть Щучке, и о Нине. В мае Нина родила двух девочек. Положение ее было трудным. Какой-то парень, пообещав жениться на ней, добился своего; но, обманув, уехал последним рейсом на «материк», оставив ее беременной. Жила она в таежном поселке геологоразведчиков на положении изгоя. Спасибо жене начальника разведрайона Асеева, которая возглавляла группу сводных карт в ГРО при управлении в Усть-Омчуге. Она взяла Капустку на работу к себе и добилась, чтоб молодую мать-одиночку поселили в отдельную комнату.

Ну а сам Асеев, не в пример жене своей, сентиментальностью не отличался. Это был матерый колымчанин лет тридцати пяти от роду, белобрысый, крупного телосложения, принадлежавший к

той когорте дальстроевцев, которые, мало-мальски выбившись в начальники, норовили покрикивать на подчиненных, брать их «на горло», припугивать забоем и расстрелом. У него-то и работали десятниками Марич, Ковальчук и Щучка. Но первые два имели характеры покладистые, могли сносить грубость и понукания, а вольнолюбивый, не терпевший ни малейшей несправедливости Митя Залищук реагировал крайне болезненно, становился на дыбы, и его отношения с начальником разведрайона все больше накалялись. В конце концов Асеев пригрозил упечь Митю в забой, и тот самовольно отправился в Усть-Омчуг, чтобы идти в армию.

Д. П. Асеев с детьми
1940-е гг.

ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ АСЕЕВ (1914—1981)

Родился в Санкт -Петербурге, окончил курсы коллекторов, начал работу в Ленинградском отделении треста «Дальстрой» по договору. С 1933 по 1935 г. работал старшим коллектором в Верхне-Колымской экспедиции, с 1935 по 1943 г. – в СГПУ (Северном горнопромышленном управлении) и ТГПУ (Тенькинском горнопромышленном управлении) Дальстроя прорабом, а затем начальником эксплуатационного участка на Хатыннахе, начальником разведрайона Большой Ат-Урях, с 1940 г. — начальником Тенькинского разведрайона, затем Бахапчинского разведрайона. С 1944 г. работал в Чукотском ГПУ, руководил Восточной (Ичувеемской) экспедицией, Раучуанской ГРП. В 1956 г. — начальник Санга-Талонского разведрайона в ТГПУ, в 1962 г. — начальник Куэквеньской ГРП на Чукотке. Награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, медалью «За трудовое отличие».

Так как Асеев не возражал, просьбу Залищука удовлетворили. Уезжая, он сказал Сене и Куму:

– На фронте хоть с десяток фрицев убью и то пользу принесу, а тут…

И он махнул рукой с какой-то безнадежностью. С тех пор о Щучке никто сведений не получал. Лишь после войны, лет через семь, дойдет до Осташко слух, что Митя, якобы обвязав себя гранатами, бросился под немецкий танк. Этому Иван мог поверить: он пять лет проучился вместе с Залищуком и три года подряд прожил вместе с ним в одной комнате общежития…

Итак, из двенадцати киевских геологов, прибывших на Колыму в сорок первом, через год осталось десять. Связь между ними наладилась, Иван уже не чувствовал себя так одиноко, как бывало на прииске.

В конце марта сняли Роженцова – перевели в Юго-Западное управление начальником разведрайона. Вместо него назначили Бориса Ивановича Вронского, работавшего на Яне. Вронский худощав, высокого роста, с голым черепом и близорук – носит большие очки; ветеран Колымы.

Иван работал как проклятый! Ему уже и зарплату перестали выдавать за то, что не сдал отчет первого июня, подгонял и Шаталов, снова побывавший в Нексикане, но Осташко упрямо следовал своему плану, не комкая отчета.

…19 июня геологический отчет о работе Хастахской партии Иван закончил полностью и в шесть часов вечера, набело переписанный, с иллюстрациями и в переплете, вручил лично главному геологу ГРО Борису Ивановичу Вронскому. А на другой день уехал в Чинякинскую партию Галуна, которая стояла у поселка Адыгалах, в устье речки того же названия.

На стане в палатке Иван три дня отсыпался, готовился к маршрутам. Алексей Самойлович уже отработал прилегавшие участки, и теперь предстояло переехать лагерем в верховья Адыгалаха. Заезжал Вася Баздырев с Речуном – они на Куранах-Сале перегоняли лошадей в свою партию, где начальником был Вадим Руцков; там работали и Фролов Сергей, промываль-щик Герасименко и другие – почти весь прошлогодний состав Хастахской партии.

Район работ Чинякинской геолого-поисковой партии располагался по обе стороны Аян-Юряха – в бассейне речки Ады-

галах, левого притока, и в системе нижнего течения реки Чиняка, впадавшей в Аян-Юрях справа. Долины Адыгалаха и его притоков были болотистые, кочковатые, кишевшие уймой комарья. За десять дней Галун и Осташко охватили этот район геосъемкой, а поисковый отряд Лазицкого произвел шлиховое опробование гидросети. В небе целыми днями раздавался гул авиамоторов – с востока, где Аляска, то и дело летели на запад шестерки двухмоторных скоростных бомбардировщиков – американских «дугласов» – на фронт. В обратном направлении, с запада на восток, летел один самолет, наверное, отвозивший туда пилотов-перегонщиков.

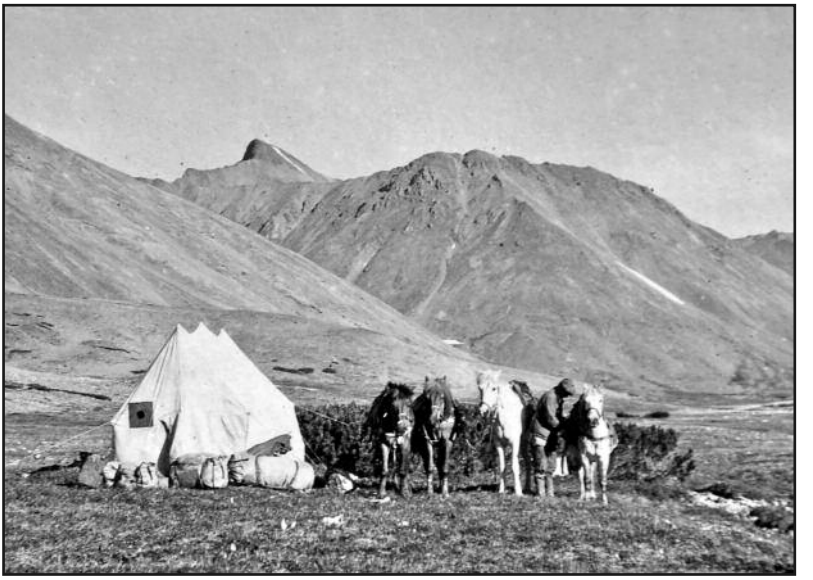
Геология на Чинякинском участке для Ивана Осташко казалась такой же скучной, как и на Адыгалахе, – доминировали осадочные толщи. Зато геоморфология и животный мир поражали здесь своей привлекательностью. Русло Чиняки в нижнем течении проходило меж стометровых стен узкого каньона, на уступах которого вились медвежьи тропы. Район же бассейна среднего течения занимала обширная Чинякинская котловина с множеством озер, холмов и таежных зарослей, где уже не тропы, а настоящие тракты были протоптаны медвежьими стадами; табунились куропатки, жили глухари, изредка бродили росомахи, резвились зайцы, шмыгали проворные горностаи, пищухи и лемминги. В реке и ее притоках гуляли хариусы и ленки, в озерах – щуки и окуни, выводили свое потомство гагары, плавали утки.

Около десяти тысяч лет тому назад котловина была заполнена глетчерными льдами, сползавшими с окрестных возвышенностей. В дальнейшем при потеплении климата и быстром таянии ледников в котловину из гор бурными потоками талых вод выносилась масса песчано-илистого и валунно-галечникового материала – так называемые флювиогляциальные наносы. Под этими наносами, образовавшими холмистый рельеф, оказались погребенными различные линзы и пласты льда. В последние столетия, когда котловина уже покрылась лиственничным лесом и прочей современной растительностью, погребенный лед постепенно таял, обусловливая оседание почвы. Так возникли различные прогибы, заполнившиеся водой и превратившиеся в озера. Наиболее крупные из них располагались на открытых полянах с болотным кочкарником, но большинство

пряталось меж залесенных холмов, появляясь перед взором путника неожиданно, будто из-под земли. Там, где водились щуки, водоплавающая дичь прогуливаться не любила. Иван не раз видел, как некоторые залетки, едва коснувшись воды, попадали в щучью пасть, будучи схвачены за ноги.

В одном из маршрутов Осташко наткнулся на провальное озерко, окруженное лесистыми холмами, размером до трехсот метров в поперечнике. Он обратил внимание на мутно-голубоватый цвет воды и вскоре выяснил, что муть поступает от оползня за счет оттаивающего ила. Оставив рюкзак и ружьишко на холме, он спустился к воде и увлекся исследованием слоев в оползневом обрыве. Неожиданно у берега со слабым всплеском колыхнулась вода. Иван обернулся и замер от испуга: почти у поверхности воды торчало огромное вытянутое рыло, и пара безжизненно стеклянных, точно потушенные фары, глаз уставилась на него. В первый миг чудовище показалось крокодилом – геолог вмиг очутился на холме у рюкзака. Отсюда, с обрыва, чувствуя себя в безопасности, стал рассматривать виновника своего испуга. Это оказалась гигантская щука. День был солнечный, расстояние до щучьей головы не превышало семи-восьми метров, так что ему удалось хорошенько рассмотреть этого хищника. Лучше всего просматривались голова и первая треть туловища, остальное скрывала голубоватая муть. Щучье рыло имело длину до восьмидесяти сантиметров и не менее шестидесяти сантиметров в поперечнике. На голове, спине, боках щуки лепились различные бугорки, наросты, шипы, ракушки, плотно облеченные илом и тиной. Нацелившись щуке в голову, Иван выстрелил из мелкашки. Хищница взметнулась, развернулась на сто восемьдесят градусов и, бурно взмутив воду, точно торпедный снаряд, ушла к середине озера, вглубь. При развороте ему удалось заметить, что длина той щуки была не менее четырех метров…

…Пришедшие из маршрута поисковики рассказали, что у перевала, ведущего на Кюрбелях, где работала партия Бруштейна, обнаружили свежий ночлег беглецов; два кострища, нарубленные топором дрова и две постели из веток; нашли клочки газетной бумаги и две тряпочки, оторванные, видно, от грязной исподней сорочки. Следов по ключу не обнаружено, вероятно, беглецы подались через перевал… Три дня спустя вернувшийся из Адыгалаха конюх-каюр Андрей Казанцев привез неприятную



Лагерь геологической партии. Фото из геологического отчета Д. С. Голоты

новость: на тропе, ведущей от трассы к Кюрбеляху, близ барака найден труп ветфельдшера Скидина; он с ружьем и чемоданчиком с медикаментами шел в партию Бруштейна, где заболела лошадь. Ехавшие на Бастах рабочие увидели мертвое тело с четырьмя ножевыми ранами. Ружья, чемоданчика и документов не было.

Поисковый отряд Чинякинской партии состоял из трех человек: Ивана Викторовича Лазицкого, начальника, Саши Серебрякова, промывальщика, и подсобного рабочего Ивана по кличке Лапоть. Каждый из них отличался своими особенностями.

Лазицкий, обросший в поле окладистой рыжей бородой, на мужичка смахивал. В разговор он вступал не сразу, но образная речь его, пересыпаемая шутками да прибаутками, как ручеек горный журчала, и голубые глаза при этом лучились детской радостью. Всякую невзгоду или трудное начинание Иван Викторович неизменно благословлял своим излюбленным: «Ехать, так ехать! – и добавлял: – Сказал попугай, когда кошка за хвост его потащила».

Саша Серебряков, крепкий парень-сибиряк, ростом был невысок, лицом симпатичен, и его чуток хитроватые карие глаза всегда весело поглядывали из-под свисавшего на лоб русского чуба. Будучи на все руки мастером, Серебряков любил трудиться и не любил хвалиться. Он не только лихо отмывал шлиховые пробы, никогда не упуская даже мельчайших золотинок, но быстро и умело строил бараки, ладил плоты, кашеварил; мог безошибочно определить по следу любого зверя. Ну а уж насчет рыбы – так была бы она только: в речке или в озере – всегда поймает.

Все орудия рыбного лова умещались у Саши в одном внутреннем, нашитом из лоскута, кармане телогрейки. Там было несколько свернутых колечком проволочек от старого троса, моток суровых ниток и с полдесятка разных – тонких и толстых – швейных иголок. Нитки служили в качестве лески, а из иголок он гнул, отпуская и закаливая на костре, рыболовные крючки. Если клев предполагался хороший, что Серебряков уже знал по состоянию погоды и другим приметам, он срезал для удилища хворостину, привязывал суровую нитку с игольным крючком – и удочка готова. Наживит овода ли, кузнечика или какого-нибудь жучка, найденного на дереве, и ловит себе не торопясь. В недобрую же погоду, когда вся живность притихала и рыба ни на какую приманку не бралась, стоя неподвижно в омутах, Саша поступал по-иному. Срезал палку, вынимал из кармана кусок сталистой проволоки с петелькой на конце и, продев сквозь эту петельку другой конец, закреплял его на палке. Вооружившись такой скользящей большой петлей, он тихонько подходил к омуту и почти незаметно, не двигаясь, погружал свою снасть в воду; спокойно, едва уловимым движением, чтоб не коснуться плавников, наводил петлю на рыбину – хариуса или ленка – дергал, и захлестнутый пленник вылетал из воды.

Иван-Лапоть считался на два года моложе Серебрякова и был полной ему противоположностью. Блондинистый увалень с широким носом, мясистыми щеками и толстыми лоснящимися губами, он вечно болтал едва вмещающимся во рту языком – немного шепелявя и заикаясь. Рассказывая какую-нибудь историю, Лапоть всегда торопился, шлепал губами и поминутно моргал своими зеленовато-желтыми, в бесцветных ресницах, глазками. При этом жирный живот его колыхался, рожа изображала уморительные гримасы, а комично жестикулирующие

руки успевали одновременно приглаживать хохолок жиденького чубчика, вытирать шмыгающий нос и подтягивать сползавшие штаны. К нему так и липли разные клички: Рыло, Губошлеп, Растопша, но лучше всех закрепилась – Лапоть. Несмотря на свою вислобрюхую комплекцию, Иван-Лапоть проявлял завидную подвижность. Когда однажды среди камышей из-под его ног неожиданной выпорхнула утка, он мгновенно, по-кошачьи, подпрыгнул и цопнул ее за голову; при этом голова осталась в руке, а утка улетела. Забавно было наблюдать при этом его глупо-растерянную физиономию: он с недоумением смотрел на еще не закрывшийся утиный глаз, не ведая, что безголовая птица плюхнулась промеж кочек метрах в пятидесяти от него.

В один из немаршрутных дней Самойлович, Осташко, Лазицкий, коллектор Ломазский и рабочие занимались каждый своим делом, а Серебряков и Лапоть отправились на двух лошадях к большому щучьему озеру на промысел. Ловить щук Саша решил удочками крупного калибра – насаживая на самодельные крючки из мешковых иголок куски соленой горбуши. Крючок прикреплялся к проволоке, а дальше, к удилищу, шла толстая крученая нить.

Вернулись рыболовы к вечеру. Моросил дождик. Пока Саша спутывал, пуская пастись, Серого и Буланку, Иван-Лапоть, шлепая губами, вытряхивал из рюкзака улов. Столпившиеся полевики насчитали семь окуней и девятнадцать крупных щук. Но все щуки оказались с распоротыми животами, а у лошадей вместо длинных хвостов мотались одни только репицы с жалкими остатками волос.

– Саша, в чем дело? – серьезно спросил Алексей Самойлович, указывая на то, что еще утром именовалось конским хвостом.

Серебряков молчал. Ребята недоуменно поглядывали то на лошадей, то на рыбу; кто-то съязвил:

– Лапоть, зачем щук покалечил? Или они сами себе харакири сделали, чтоб в твое пузо не попасть живьем?

Тот заколыхался от смеха, а Саша, держась в сторонке, прятал ухмылку под напускной миной серьезностью.

– П-понимаешь, – начал, заикаясь, Иван-Лапоть, – эт-ти шакалы, – указал он на щук. – все наши крючки съели! Щ-щелк, и нет – ни крючка, ни горбуши. С п-про-оо-волокой, гады, г-глотают… С-Сашка сразу пп-приуныл, так г-рууу-стно на окуньков

смотрит, – их только и успели выловить. «Что ж, г-го-оворю, едем, Сашка, домой». А он сидит, бородой в кк-ко-олено во-ткнулся, молчит… П-потом глянул на коней и вдруг – заулыбался. Э-э, думаю, значит, что-то уже ску-у-мекал. Вытаскивает он свой нож и быстро к эт-тому, к Серому. «Ты что!» – за-а-кричал я. А он хвост у Серого чик-чик – и оттяпал. Потом у Ббу-уланки тоже. Взял эту волосню и свил из нее длинную, мет-т-ров двух, веревку. Б-бе-рет окуня, завязывает его этой в-веревкой пп-о-перек и – в озеро. Сам, значит, за другой конец держится…

Лапоть перевел дух, пригладил чубчик. – Ну, вот. Г-глядим, значит, – ша-а-калюга! Па-а-сть раскрыла да цап этого оккунька! и проглотила. Сашка скорее тащить!.. Но, пп-онимаешь, она же глотает его, о-окуня-то, всегда с головы, а выплюнуть – ду-уу-дудки! Колючки плавников не дают. Вытянул ее Сашка, разрезал, и о-ок-кунек целенький! Он пп-ро-о-верил, крепко ли завязан, да обратно – бульк в воду! Другая к-клюнула. Он и эту за хвост да на солнышко. Так, вот, в-видите, всех на одну приманку изловил. И даже окунь цел остался… Ну и ловкач же ты, С-Сашка, пп-о-онимаешь!

Иван-Лапоть звонко хлопнул подошедшего Сашу по плечу и, шмыгнув носом, снова подтянул штаны. Все смеялись. Только Серому с Буланкой было не до смеха: такими куцыми хвостами разве отобьешься от гнуса? Серебрякова же за находчивость, за смекалку пришлось простить. Рыбки полопали как следует!..

…Отработав левобережье Чиняки, партия всем караваном держала путь к переправе. Впереди ведущим шел конюх-каюр Андрей Казанцев – мужик суровый, степенный, костлявой широкой стати, с продольными морщинами на загрубелом бронзово-сером лице; делал все он не спеша, фундаментально, прочно. За спиной у него висела одноствольная «ижевка» двенадцатого калибра, которую он уважительно называл «дударгой» или «пушкой». Лазицкий имел при себе охотничий карабин. Когда пробирались сквозь лиственничные и стланиковые заросли, где показалось озеро, Андрей увидел гагар: двух взрослых и подростка-птенца. Караван остановился. Прораб-поисковик снял с плеча карабин, а конюх-каюр «ижевку».

– Эх, ехать, так ехать! – трахнул выстрел, и от взвизгнувшей на воде пули сверкнули фонтанчики брызг: прораб промах-

нулся.

Тотчас нырнувшие было гагары после второго-третьего выстрелов бояться грозных звуков не стали и даже принялись гоняться за шлепавшими пулями, очевидно, принимая их за жуков.

– Вот наглецы! – неистовствовал вышедший из себя Иван Викторович, нервно передергивая затвор.

От веселого его благодушия не осталось и следа; зрители покатывались со смеху.

Так сгоряча было выпущено до двух десятков пуль, а «наглецы» оставались в спокойном здравии. Лазицкий, устало вытирая пот, присел на валежину.

– Ну, начальник, – глянул Казанцев на Алексея Самойловича, – теперя мне дозволь.

Он деловито провел шершавой ладонью по вороненой стали централки.

– Только моя пушка до них не достанет, их надо-ть как-то пугнуть.

Осташко и Лапоть пошли в обход и через недолгое время появились в разных местах на противоположном берегу. Гагары начали от них удаляться, и, когда очутились метрах в шестидесяти от затаившегося в кустах Андрея, грохнула его «дударга». Но тут повторилась уже знакомая Ивану Федоровичу картина: проворные хитрюги исчезли под водой прежде, чем жакан достиг цели. Истратив попусту все три имевшихся жакана, разозлился и конюх:

– Ну постойте ж! Все равно живым вам, чертяки, не бывать!

На корявой его ладони перекатывались несколько патронов, заряженных дробью: дело явно безнадежное.

Но охотничий азарт полевиков-чинякинцев до того разыгрался, что они решили довести дело до победного конца. Тревожно покрикивавшие гагары упорно держались середины озера – улететь они не могли, потому что птенец был еще не окрепший… Развьючили лошадей, чтоб не томились под грузом, соорудили трехбревенчатый плотик. Иван-Лапоть, взойдя на него в одном лишь нижнем белье, вертко оттолкнулся шестом от берега и, стараясь удержать равновесие, стал нагонять птиц в сторону укрывшегося охотника. Одна из них, не подозревая беды, приблизилась к Андрею. Внезапно бабахает его

«пушка», с гагары летят перья, и вздрогнувший от неожиданности Лапоть валится в студеную воду. Гагарье семейство с криками кидается врассыпную; бултыхающийся губошлеп сопит в сотню лошадиных сил, и его вислобрюхая фигура никак не может обрести точку опоры на столь крошечном и хлипком плавсредстве.

– Ехать, так ехать, – хихикнул Лазицкий, оглаживая рыжую свою бороду; он присел на корточки и старается определить степень опасности случившегося.

Стоит хохот.

Наконец Иван-Лапоть на плоту: полотняные рубаха и кальсоны прилипли к его жирному телу. Далеко в стороне колышется на затухающей волне шест, и Лапоть, зыбко приседая враскорячку, кое-как подгребает ладонями, подвигаясь вперед. Напуганная гагара приводит в порядок порушенные перья. Охота продолжается… Обреченную – это была самка – при следующем выстреле с расстояния каких-нибудь десяти метров Андрею удается убить. Застрелил он тут же и гагаренка, который все время держался возле матери. А самец к берегу не приблизился ни разу, как Иван-Лапоть ни старался; то ли похитрее был, то ли нарочно внимание на себя отвлекал. И, поняв, очевидно, что человек на плотике не опасен, плавал вокруг рабочего, вызывающе покрикивал и дразнил, нацеливая в него стрелообразный свой нос. Возмутившийся таким нахалом Лапоть свирепо на него замахнулся – и опять бухнулся в озеро. Выплыв на берег, он стащил с себя прилипшее белье и, стуча зубами, косолапо прыгая на одной ноге, долго не мог попасть другой в штанину разорвавшихся брюк.

Убитых птиц геологи есть не стали. Иван Викторович сделал из них превосходные чучела, отправив их в Магаданский краеведческий музей…

На правобережье партия отаборилась в узкой долине Иерогыла-речки, впадавшей в Чиняку. Совершая маршрут, Иван Осташко заметил в овраге маленького горностая. Он быстро перебежал по камешкам и повалившимся лесинам через ручеек и, юрко перепрыгивая с камня на камень, направился к Ивану, удивив его своим нахальным бесстрашием.

– Ты куда! – замахнулся на него молотком Осташко.

Зверек юркнул за камень и тут же вынырнул из-за него, стоя

на задних лапках, озорно поглядывая черными бусинками глаз. Брюшко у него и кончик хвоста были желтовато-белые, а все остальное желто-бурое; в общем, он походил на маленького хорька. Горностай, увиденный Иваном впервые, словно играл с ним в прятки: когда тот замахивался молотком, топал ногой или бросал камнем, мгновенно прятался и через секунду показывался снова, стремясь проскочить вперед. Убедившись наконец, что по намеченному направлению ему не пройти, зверек попытался шмыгнуть чуть левее, и только выстрел из малопульки образумил его – горностай побежал вниз по оврагу и где-то спрятался среди щебня…

В сентябре полевики узнали: 5 августа в Москве раздался первый салют в честь побед Красной Армии – освобождения войсками Западного, Брянского, Центрального, Воронежского и Степного фронтов Орла и Белгорода; а 23 августа был наконец освобожден Харьков.

С начала сентября Красная Армия ожесточенно гнала врага на всем пространстве от лесов Смоленщины до Азовского моря. Италия капитулировала, перейдя на сторону союзников. Гремели артиллерийские салюты в честь войск, занявших Сумы и освободивших Донбасс; сообщалось о взятии Новороссийска, Конотопа, Бахмача, Чернигова, Полтавы. В середине месяца уже возникло Киевское направление. Иван радовался, екало сердце: «Хотя бы скорее!» Говорили, что по Колыме отменена мобилизация в армию.

…Во второй половине сентября Чинякинская партия закончила полевые исследования, подтвердив золотоносность правых притоков Чиняки и совершенно видоизменив геологическую карту ее бассейна: в «немых» юрских отложениях, умозрительно установленных Христофором Калугиным в 1939 году, Галун и Осташко нашли множество отпечатков пермской фауны.

19 сентября караван двигался к автотрассе. Якутские лошадки, лохматые, заиндевелые, с горами вьюков, брели по глубокому снегу. На ночь остановились возле большого наледного поля перед каньоном, именуемым местными жителями Улахан-Капчагай; поле это походило на обширную заводь, скованную льдом. Вечером облака развеялись, в бездонно-темном небе появились крупные звезды; потрескивали обмерзавшие деревья. За каких-нибудь три-четыре часа ртутный столбик термометра

упал до тридцать пятого деления ниже нуля.

Крепкий первый сон прервался внезапно – от оглушительного, словно пушечного, грохота. Выскочив из спального мешка, Иван Осташко раздвинул полы палатки. В конце наледи выше по течению клубилось облако пара, из зияющей поперек всего русла трещины густым валом катила клокочущая волна. Дымясь

Х. И. Калугин (в центре) в полевой партии. *Прииск «8 марта», Хатыннах, 1934 г.*

ХРИСТОФОР ИВАНОВИЧ КАЛУГИН (1913–1972)

Родился в селе Жуковка Орловской области в семье рабочего.

В 1930 г. окончил школу и поступил в геологоразведочный техникум в Ленинграде. В июне 1933 г., окончив три курса техникума, приехал на Колыму.

За время пребывания на Крайнем Севере Калугин работал в различных геологоразведочных организациях в должности прораба-геолога, помощника начальника геолого-поисковой партии, начальником партии, начальником геолого-поисковой экспедиции. Принимал непосредственное участие в открытии многих месторождений олова и золота. Им открыто месторождение россыпного золота, на запасах которого работает прииск «Мальдяк».

В 1952 г. Президиум Высшей аттестационной комиссии (ВАК) удовлетворил ходатайство руководителей геологоразведочной службы треста «Дальстрой» и разрешил Калугину сдачу кандидатских экзаменов и защиту кандидатской диссертации без высшего образования. Диссертацию Калугин защитил в 1956 г. во ВСЕГЕИ (Ленинград), получив степень кандидата геолого-минералогических наук.

В 1958 г. был назначен главным геологом Тенькинской комплексной экспедиции, позже работал в Центральной комплексной тематической экспедиции СВГУ (Магадан).

Награжден орденами Ленина и «Знак Почета», медалями.

В 1950-е гг. геологи Дальстроя назвали именем Калугина гору в верховьях реки Ини (Кулинский хребет).

и растекаясь по наледи, вода через несколько минут покрыла все гладкое пространство от берега до берега. Над зубчатым изломом жемчужных сопок высоко сияла круглая луна.

Вскорости – Иван не успел еще погрузиться в прерванный сон – послышался звонкий прерывистый крик птицы и свистящий шум быстрого полета. Опять выглянув наружу, он увидел, как на зеркало верховодки плюхнулась стайка гагар. Следом подлетали еще и еще – парами, по нескольку штук сразу и в одиночку; в бронзово-лунном разливе запестрели знакомые остроносые силуэты. Как видно, пернатые путники, летя к югу, попали в снежное ненастье, выбились из сил и, неожиданно увидев открытую воду, опустились на отдых. Многие птицы обособились небольшими кучками, некоторые держались уединенно, едва заметно скользя по водной глади. Вдруг заунывно прокричала одна птица, ей с противоположного конца ответила другая, затем откуда-то – третья, и вскоре многоголосый гомон зычно покатился по всей долине, взлетая к облитым лунным светом снежным вершинам. Минут пять, а то и больше, длилась такая галдящая перекличка, и враз, как по команде, звуки оборвались – птичья орава замерла, воцарилась безмолвная тишина…

Утро предвещало ведро, партия начала сборы. Гагары, среди которых отчетливо выделялись старые, в белополосчатом черном одеянии, и молодые, темно-бурые, засуетились. Вода из трещины не поступала, и тонкий ее слой, покрывавший наледь, стал подмерзать у берегов. Несколько матерых гагар захлопали быстрыми крыльями, пытались разбежаться, но их лапы скользили по наледи, и птицы беспомощно стали кружиться на месте, вздымая россыпи заледеневающих брызг. Они испуганно закричали. Их крик подхватили другие, началась паника. Несчастные вертелись в стынущем мелководье, бились о донный лед, трепыхались и, чуть подлетев, тут же падали обессиленными.

– Самойлович, Иван Федорович, надо спасать бедняг, – сказал Лазицкий, почесывая бороду.

– А как? – спросил Галун.

– Их надо туда, – показал Иван Викторович на ущелье, где начинался крутой перепад русла и Чиняка, идя меж скалистых берегов, еще не замерзла.

К воде, на глубокую быстрину, и стали перетаскивать по-

павших в беду гагар. В ватниках, резиновых сапогах, бегали взопревшие полевики по зеркально-гладкой скользкой наледи, окружали мечущихся бедолаг рыболовными сетями, а Лазицкий и Лапоть просто хватали их голыми руками и тащили к ущелью. Едва коснувшись потока, гагары с короткими вскриками бежали по волнам и одна за другой поднимались в воздух. Иван Викторович, глядя всякий раз вслед выпущенной им птице, благолепно поглаживал бороду, напутственно махал рукой, и голубые глаза его светились умилением… Так все в непредвиденных хлопотах провозились почти целый день, и ехать дальше на ночь глядя уже не было смысла.

– Еще сутки потеряем… – проворчал коллектор Ломазский, намекая на то, что с едой туго, продукты кончались.

– Не умрешь, – буркнул Алексей Самойлович, – зато доброе дело сделали.

…На Четвертом прорабстве в поселке Эмтегей геологи отдыхали две недели, разместившись в уютном пустовавшем домике. Побывали они в бане, сбрили бороды, переоделись «по-городскому». Шутили: «А теперь можно и жениться идти!»

В поселке чинякинцы почерпнули ряд новостей. Беглецы, побывавшие в их районе, жили потом неделю возле базы партии Бруштейна, выдавая себя за рабочих леспромхоза. Это они убили ветфельдшера Скидина – с его ружьем их задержали на Куранах-Сале. К Саше Агейкину с «материка» приехала жена, он уже с ней находился в Нексикане, получив отдельную квартиру. А домики, строившиеся для геологов-холостяков, уже были заняты, для камеральных работ тоже площади не прибавилось. Все партии заканчивали работы, но новых месторождений не выявили. Закрывалась и Куранах-Сала – запасы руды оказались непромышленными. Лисовского назначили начальником дальней партии с последующим переводом в другое управление; на его место руководителем геолого-поискового отделения был утвержден некий Исаков, присланный с Индигирки.

На Эмтегее жилось неплохо. Промывальщик Серебряков и прораб Лазицкий ходили на охоту – к столу ежедневно появлялась зайчатина, утки, куропатки; бывали и хариусы. Коллектор занимался черчением, Осташко – фотографиями.

…5 октября партия Галуна прибыла в Нексикан. Ивана в ГРО

все встречали роем одобрительных междометий, восхваляя его усы и бакенбарды. В комнатке лаборатории, той самой, где он писал свой первый отчет, находились Шилин, Агейкин, Боженко, Галун и новый начальник поискового отделения Исаков – сухонький человек предпенсионного возраста с добрыми глазами, с которым Иван тут же познакомился.

Бакенбарды свои и усы, к удовольствию некоторых дам, Осташко сбрил. Увидев его безусым, Вера Григорьевна Король, приятная скромная женщина лет двадцати восьми, работавшая машинисткой в спецчасти, воскликнула в обществе сотрудниц:

– А значит вы, Иван Федорович, все-таки хотите нравиться женщинам?!

– Вера Григорьевна, – ответствовал в полуреверансе Осташко, – ну кто же не хочет нравиться женщинам?!

Здесь, в домике спецчасти, для нескольких партий, в том числе и Чинякинской, на камеральный период подготовили три комнаты. Осташко пока что занялся проверкой, правкой и корректурой своего отчета – его собирались отправить в Магадан на конкурс. Борис Иванович Вронский, главный геолог, встретил Ивана радушно, показывал ему на карте площади, где намечалась постановка работ партий на следующий год – предполагались три партии геолого-поисковые, одна, в системе Чиняки, геоморфологическая с бурением, и восемь рудных. Он как бы извинялся, что весной еще не знал людей и послал Ивана Федоровича в качестве прораба; теперь обещал, что на будущий сезон назначит его начальником партии. А сейчас хотел бы, чтобы Осташко взялся за составление сводной геологической карты территории деятельности Чай-Урьинского управления в масштабе 1:500 000. Но Иван отвечал, что предпочел бы заняться петрографическим описанием шлифов для других партий…

Питался Осташко в столовой, получал 700 граммов хлеба, снабжаясь по категории 1-Б, как и все прорабы-геологи; прежняя, более высокая категория, была отменена. Ходил на военную подготовку: возобновились занятия истребительного батальона.

Вечером 5 ноября начальник управления Арм провел совещание геологов. Он явился в бело-серебристых погонах инженер-подполковника при полной военной форме – введенные в январе погоны в Красной Армии стали носить и в Дальстрое; при этом многие начальники цивильной службы получили воинские зва-

ния. На совещании речь шла о письме инженера-полковника Цареградского, руководителя геологической службы Дальстроя, где ноябрь и декабрь объявлялись ударными месяцами в геологоразведке; а Никишов издал приказ: к 20 декабря выполнить годовой план по золоту. По Чай-Урьинскому управлению оставалось еще 6%, и Арм призывал своих геологов помочь приискам увеличить промывку металла в разведрайонах…

6 ноября Вронский созвал всех начальников партий и прорабов-геологов, намечаемых на эти должности, чтобы каждый взялся за составление технического проекта работ по своему планируемому району на 1944 год. Осташко предполагалась Кельтерканская партия, которую он и хотел бы возглавить, – территория ее деятельности примыкала к районам, где работали в 1942 году партии Лорви и Петрова.

Через три дня после совещания Осташко прочитал в «Советской Колыме» письмо Н. С. Хрущева Сталину о положении в Киеве: «Немцы, боясь полного окружения их в городе Киеве, в панике бежали и не успели сжечь и взорвать город Киев, как это было сделано с Полтавой и другими городами левобережной части Украины. Но несколько значительных объектов противник все же успел взорвать и поджечь. Сгорели Киевский университет, Дом обороны, городская публичная библиотека, электростанции (КРЭС, ЦЭС), взорваны два цеха завода «Большевик», хлебозаводы, водопроводное хозяйство, все мосты, путепроводы и ряд больших жилых зданий».

Фашисты пытались угнать все население города, ища жителей с помощью собак. «Им удалось, – говорится далее в письме – угнать из города значительное большинство населения. Киев производит впечатление вымершего города… Сейчас из окрестных лесов, болот, оврагов и кладбищенских склепов возвращаются большими группами киевляне. Они производят тяжелое впечатление от пережитых ужасов, издевательств и лишений…»

Закончив правку отчета, который Вронский отправил на конкурс в Магадан, и составив проект новой геолого-поисковой партии на следующий год, Осташко по вечерам, до полуночи, когда электронапряжение было значительно выше, чем днем, занимался микроскопией, попутно консультируя Митю Филиппова, решившего как следует освоить основы кристаллооптики и петрографическое исследование горных пород. Занимался

Иван и с Гошей – не только по минералогии, но и по физике и химии: парень решил подготовиться в заочный Всесоюзный политехнический институт, консультационный пункт которого появился в Магадане.

...В передовой газеты «Известия» писалось о том, что с 15 марта 1944 года вместо «Интернационала» будет исполняться новый «народный гимн СССР»; музыку написал Александров.

По Дальстрою были такие новости: начальник Дальстроя Никишов объявил, что до окончания войны никаких выездов на «материк» не будет, а после окончания получат сначала отпуск те, кто на Колыме с 1938–1940-х годов, но об уходе из системы Дальстроя не может быть и речи... 29 декабря Чай-Урьинское управление выполнило годовой план по добыче золота.

1944

У ПОДНОЖИЯ ХАРАНА. АРГА-ЮРЯХ

5 января Иван послал телеграммы в Черкассы – две на имя жены и две родителям: по одной на домашний адрес и по одной на городской почтамт. Делал это, словно во сне, не надеясь на благополучный исход…

За прошедшее время Иван уже во многом разобрался, ко многому присмотрелся, многое узнал, о многом слышал. И «Чума» Непомнящий, и развратник Ветров, и карьеристка Гридасова, ставшая начальницей Маглага, и первый заместитель начальника Дальстроя по снабжению Корсаков, арестованный вместе с тремястами парами хромовых сапог, которые он вез на самолете, чтобы сбыть на «материке», – все они были коммунистами. А жена заместителя начальника Политотдела Трошкина в Нексикане принимала молочные ванны: ей каждую субботу к вечеру дневальный привозил с агробазы для этого три фляги теплого молока – того самого, что предназначалось ребятишкам ясельного и детсадовского возраста.

А что творило высокое начальство, все эти партийные деятели, с американскими подарками?! Два парохода, битком набитых всевозможными, в том числе и очень богатыми, подарками, собранными американцами для жителей Советского Союза, пострадавших от немецкой оккупации, были доставлены из Сан-Франциско не во Владивосток, где якобы мешали японцы, а в бухту Нагаева – и осели в Дальстрое. В пакгаузы сразу же после разгрузки пароходов и рассортировки их содержимого пожаловали жены генералитета, так называемой десятки, во главе с Гридасовой. Эти «жертвы оккупации» тащили самое дорогое: наряды из панбархата, шелков, атласа, меха, манто, головные уборы, чулки и обувь, всевозможные ювелирные изделия из бриллиантов, золота, серебра, платины, различных самоцветов. После «десятки» разрешено было попастись магаданской элите рангом пониже: кое-что выделили Управлению Нагаевского порта, Марчеканскому рыбзаводу, автобазам, авторемзаводу, совхозу «Дукча» и прочим «сошкам». Остальную

огромную массу подарков, обуви и одежды пустили «на трассу», то есть в горнопромышленные управления и другие хозяйственные подразделения. Там повторялась та же процедура «одаривания»: сначала на склад являлось самое высокое местное начальство со своими женами, затем – начальники отделов и отделений, мелочь раздавалась «ударникам-стахановцам» и «матерям-давалкам». После управления определенная доля шла на прииски, шахты, обогатительные фабрики. Распределялось все по той же схеме; так что, например, какой-нибудь лучший забойщик мог быть осчастливлен поношенным простым костюмом или косовороткой. Геологам-полевикам в Нексикане тоже было предложено несколько курточек и брюк, но ребята от подарков наотрез отказались.

И вся эта дальстроевская возня с американскими подарками, где «верные ленинцы» алчно расхватывали то, что добрые американцы – от самых богатых до самых бедных – с такой заботой собирали для измученных, ограбленных, голодных и голых людей, уцелевших после фашистского нашествия, – вся эта мерзость вытравила в душе Ивана Осташко последние чувства уважения к высокому званию «коммунист». Конечно, он знал и глубоко чтил многих честных, настоящих коммунистов, таких, как начальник смены Петр Гермогенович Гоголев или завбазой КОГИЗа Андрей Васильевич Куприн, что был в Сталино на Донбассе; но знал также не меньше, а гораздо больше людей очень порядочных, хороших – совсем беспартийных. Чуть ли не со школьных лет его девизом было: делать на пользу людям, для развития и процветания общества. Он всю жизнь считал себя беспартийным большевиком, но так и не стал коммунистом…

В феврале главный геолог Вронский ездил в Магадан с защитой проектов. Многие из них не утвердили, в частности и те, что составлял Осташко. Остались три геолого-поисковые партии: две Бурухстахские, в районе новых приисков (бассейн Неры), и Онказанская в бассейне Чиняки. Кроме того, было восемь рудных партий. Все три партии по своему геологическому характеру не очень нравились Ивану, но самой интересной из них была все же Онказанская, хоть технически и наиболее трудная; он остановил свой выбор на ней и был утвержден ее начальником. Вопросы там предстояло решать довольно сложные, так что Борис Иванович все надежды возлагал именно на Осташко…

Иван узнал, что в отделе кадров имеется указание из Магадана, чтоб на местах составляли списки лиц, желающих в навигацию 1944 года вызвать на Колыму свои семьи, в первую очередь жен и детей. Он подал заявление, но надежды было мало: Арм постарается ограничить ввоз до минимума, ибо нет квартир. Однако Осташко все-таки везло. Он в числе нескольких начальников партий командировался в Магадан, в Геологоразведочное управление Дальстроя, на семинар и надеялся там добиться пропуска на жену с сыном. Сдав Алексею Самойловичу «Петрографический очерк», 25 марта на попутках отправился из Нексикана; для расчета с шоферами захватил пачку махорки.

28-го начали съезжаться на семинар начальники геологических партий. С одним из них, Владимиром Лебединским, сокурсником ребят-харьковчан, Иван сразу же познакомился. Владимир тоже увлекался петрографией, к тому же был наслышан об Осташко – Сева Коржинский рассказывал ему и его коллегам, что еще в университете Иван носил кличку «Иван Пироксенович». О Севе и Пете Лутугине Лебединский сказал, что оба они утверждены начальниками поисковых партий на кобальт и должны приехать на семинар.

На семинаре Осташко познакомился с новым главным геологом Дальстроя – Борисом Никоновичем Ерофеевым, сменившим недавно Шаталова, которого направили на Индигирку.

Беседовал с начальником научно-исследовательского отдела Васьковским, заведующим петрографическим отделением, кандидатом наук Евгением Константиновичем Устиевым и другими сотрудниками.

БОРИС НИКОНОВИЧ ЕРОФЕЕВ (1907–1990)

Геолог. После окончания в 1928 г. в Тамбове рабфака поступил в Ленинградский Горный институт, который окончил в 1932 г. С 1932 по 1938 г. работал в ЦНИГРИ (ныне – ВСЕГЕИ). Работал на кафедре минералогии, преподавал до 1938 г. в ЛГИ, в 1935 г. защитил кандидатскую диссертацию.

В 1938 г. назначен старшим геологом Чаунской ГРЭ Главсевморпути, затем старший геолог, начальник геолого-поисковой партии Чаун-Чукотского ГРУ Дальстроя.

С 1940 г. – главный геолог Анадырской ГРЭ. С 1944 г. – главный геолог ГРУ Дальстроя. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, орденом Ленина и медалями «За трудовую доблесть», «За Победу над Германией».

Больше всего времени отняли хлопоты о вызове жены с сыном на Колыму; пришлось даже лично обращаться к начальнику Дальстроя Никишову.

…Прежде чем Иван Осташко в начале мая выедет из Нексикана в поле, следует упомянуть о некоторых событиях, непосредственно с ним не связанных.

В январе смертельно ранили начальника отдела кадров ЧУГПУ – разрубили топором голову; очевидно, месть работяг-дезертиров. В ту же ночь угорел в своей комнатушке сорокалетний инженер-геолог Сергиевский. Он работал в отделении поисковой геологии. Через неделю эту должность занял Степан Левочко, которого перевели сюда из «Чкалова». Перешел из Сусумана в Нексикан и Сергей Шевчук – он в должности начальника рудной партии уехал в конце апреля в поле.

Начальнику Дальстроя Никишову и его заместителю по геологоразведке Цареградскому было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Ордена Ленина и золотые медали «Серп и Молот» им вручил специально прилетевший 13 апреля в Магадан Герой Советского Союза, депутат Верховного Совета СССР Мазурук. По сему случаю состоялся там торжественный бал.

События на фронтах Отечественной войны продолжали развиваться стремительно и успешно, что ни день, сводки приносили известия о взятии все новых городов и населенных пунктов; немцы, отступая, несли большие потери.

…Чинякинская котловина, с которой Осташко впервые ознакомился во время полевых работ летом минувшего года,

ЕВГЕНИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ УСТИЕВ (1909–1970)

Геолог, петрограф, вулканолог, доктор геолого-минералогических наук, профессор. Родился в Ярославле в семье инженера. В 1925 г. окончил школу в Тбилиси. В 1930 г. окончил Ленинградский Государственный университет по специальности петрограф. Арестован 9 февраля 1937 г. по доносу. Осужден на 5 лет лагерей. В заключении был на общих работах, коллектором в поисковой партии, инженером-геологом. В апреле 1942 г. освобожден без права выезда с Колымы, с 1943 г. – в Магадане, некоторое время работал на Чукотке. Реабилитирован в 1956 г. В Дальстрое – с 1937 по 1957 г. Создатель собственной петрографической школы на Крайнем Северо-Востоке страны. Преподавал в Магаданском горном техникуме.

Автор более 100 научных трудов и художественных книг: «По ту сторону ночи», «У истоков золотой реки», «У истоков одной реки», «Возвращение».

стала привлекать внимание геологов с конца тридцатых годов, когда в соседнем Арга-Юряхе было обнаружено богатое золото и открылся ряд приисков. Сам собой напрашивался вывод: раз есть золото по одну сторону водораздела, значит должно быть и по другую, – то есть в долине Чиняки. И правда, первые рекогносцировочные маршруты выявили в правых притоках этой

А. П. Васьковский (справа) со своим псом Пайдеком. *1930-е гг.*

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ ВАСЬКОВСКИЙ (1911–1979)

Рано начал трудовую жизнь: был чернорабочим, кочегаром, машинистом на паровом катке – асфальтировал мостовые в Ленинграде.

В январе 1930 г. поступил на курсы младшего геологического персонала при Институте цветных металлов. В июле 1931 г. в составе Второй Колымской экспедиции под руководством Ю. А. Билибина прибыл на Колыму и стал работать старшим коллектором Охотско-Колымской экспедиционной базы Института цветных металлов, продолжая учиться экстерном на Высших геологических курсах при Ленинградском горном институте.

Выехав с группой колымских геологов в Ленинград для обработки материалов и составления сводных работ по Колыме, Васьковский поступил на геологический факультет ЛГУ и там без отрыва от производства прошел полный курс. Но сдать государственные экзамены не успел, так как был отозван в экспедицию на Индигирку.

На Индигирке Васьковский был начальником группы рудопоисковых партий и главным геологом Геологоразведочного управления.

В 1941 г. выехал в Ленинград в должности технического руководителя центральной сводно-геологической группы треста «Дальстрой». В Ленинграде его застала война. Большая часть колымских геологов в августе 1941 г. выехала из Ленинграда в Магадан. Алексей Петрович продолжал важнейшие лабораторные работы в блокадном городе. Зимой 1941/42 г. он сдал государственные экзамены в Ленинградском

реки – по Иерогылу, Капитану, Онказану и другим – следы драгоценного металла. В бассейн среднего течения Чиняки стали посылать поисковые партии, детально-опробовательские и геоло-горазведочные отряды, но ничего промышленного не наклевывалось. С образованием нового Чай-Урьинского горнопромышленного управления (ЧУГПУ) в 1942 году на Чиняку направили еще одну из геолого-поисковых партий. На сей раз там вообще золота не нашли. Не потому, что оно вдруг куда-то исчезло, а просто из-за крайней недобросовестности прораба-поисковика. Однако это обнаружилось лишь потом, через год, когда отряд Ивана Лазицкого из партии Галуна однозначно снова подтвердил наличие знаковой золотоносности. И с января 1944 года приступил к работе Чинякинский геологоразведочный отряд во главе с Виктором Важковым; промывальщик Серебряков и большинство рабочих были из состава партии Галуна.

Для окончательного решения загадки Чинякинской котловины и была создана в 1944 году Онказанская геолого-геоморфологическая поисковая партия, в состав которой входил дополнительно буровой отряд с комплектом «Эмпайр». Возглавить эту партию, как уже известно, поручили Ивану Федоровичу Осташко. Прорабом-поисковиком у него оставался Виктор Важков, а бурение он поручил коллектору Николаю Чеботареву. Не-

университете. Выезжал он из Ленинграда на Колыму в апреле 1942 г. по льду Ладожского озера.

На Колыме А. П. Васьковский был назначен старшим геологом, а затем начальником научно-исследовательского отдела Геологоразведочного управления Дальстроя; позже стал главным геологом-геоморфологом Центральной комплексной тематической экспедиции Северо-Восточного территориального геологического управления.

Будучи профессиональным геологом и ученым с широким кругозором, он занимался исследованиями и был автором многих работ в различных областях геологии, геоморфологии, формирования россыпных месторождений золота, стратиграфии и палеонтологии, истории четвертичного периода Северо-Востока России и Арктики.

За открытие месторождений полезных ископаемых и вклад в изучение Северо-Востока СССР А. П. Васьковский награжден орденами Ленина, Красной Звезды и «Знак Почета», а также медалями.

Дальстроевские геологи в 1950-е гг. назвали именем Васьковского вершину в хребте Сунтар–Хаята (2 781 м). В 1987 г. группа магаданских туристов поднялась на эту скально-ледовую вершину и установила на ней памятную доску: «Гора Васьковского, геолога и географа, исследователя Северо-Востока. В честь 50-летия Индигирской экспедиции».

обходимое снаряжение, продукты, бурильный инструмент – все это, согласно указанию Вронского, было завезено завхозом Важковым еще по зимнику на полевую базу Чинякинского отряда, ставшую затем базой Онказанской партии.

Трудно, ох как трудно пришлось тем летом Ивану!.. Но о том речь впереди…

Во втором часу ночи 11 мая он выехал наконец из Нексикана. Шофер был пьян.

Начиналась его Онказанская одиссея…

До Кадыкчана кое-как домчались, а там шофер окончательно уснул. Осташко вышел из кабины, устроился с рюкзаком на полу пустой комнаты под раскрытым окном, поставив в угол возле себя свою малокалиберную винтовку и не снимая лямок с плеч. Подкравшийся сон тут же сомкнул его веки, а когда через полчаса они раскрылись, «тозовки» на месте уже не оказалось. То была первая большая неприятность: оружие могло попасть в руки преступника. Иван тотчас отправился к поселковому оперуполномоченному, изложил суть случившегося и составил заявление на розыск, указав номер винтовки.

Пообедав в столовой, поехали дальше. В долине Эмтегея, заливая надпойменную террасу, шла вода. Дорогу затопило на протяжении двух километров, она угадывалась лишь по вешкам, отстоявшим друг от друга в шестидесяти метрах. Машина ползла медленно, вода прибывала, вихрясь, шумя, грозя захлестнуть мотор. Незначительное отклонение влево или вправо могло оказаться роковым. Руки водителя прикипели к баранке, глаза напряженно впивались в каждую пядь затопленной трассы. Иван сидел в кабине неподвижно, сжавшись как пружина, готовый выскочить в опасную минуту в приоткрытую дверцу… Наконец начался пологий подъем – машина вышла на сухую дорогу. Иван угостил шофера пачкой папирос, и тот охотно подбросил его на Бастах, до которого от Четвертого прорабства оставалось еще немногим более тридцати пяти километров.

Теперь Бастах уже не был тем оживленным поселком, каким выглядел два года назад, когда в нем находился Аян-Юряхский разведрайон. Здесь сохранились всего три строения – жилой домик, склад и конюшня, представлявшие собой перевалочную базу.

На базе Осташко застал Абаева, который ожидал лошадей.

Сложившаяся ситуация оказалась чрезвычайно удручаю-

щей. Прибыв второго мая со всеми сотрудниками и грузами своей партии, вместе с Чеботаевым и его имуществом на Эмтегей, Абаев организовал дальнейшую транспортировку. Половину хозяйства погрузили на сани, и 3 мая трактор потащил их через замерзший Аян и дальше вверх по долине Чиняки. Остальное, в основном мешки с продуктами, было отправлено оленями на нартах днем позже; две нарты занимал груз Николая Чеботаева – их должны были освободить по пути в устье Иерогыла.

База партии Осташко, находившаяся на Иерогыле, отстояла от Эмтегея в семидесяти километрах, а до района работ партии Абаева было около ста двадцати.

Трактор протащил сани на расстояние сорока километров и, не доходя до чинякинского Улахан-Капчагая, заглох: случилась поломка. А солнце все пригревало, лед рыхлел. Каюры оленьего каравана, шедшего следом, чтоб облегчить нагрузку, отцепили две последние нарты с имуществом Николая и оставили его у трактора, где находился и сам Абаев, и почти все его работники. Несколько облегченный обоз благополучно прошел Капчагай и обширную за ним наледь, но к вечеру, это было 5 мая, его встретила катившаяся паводковая волна, так что каюры едва успели повернуть оленей на ближайший берег. Они оказались как раз у самого устья Иерогыла.

Увидев утром шестого мая появившуюся на Чиняке воду, Абаев понял, что надеяться на трактор больше нечего, что груз в свой район придется доставлять вьючно, а для этого потребуется не меньше шестнадцати лошадей. Он поспешил, пока не вскрылся Аян, обратно на Эмтегей, а оттуда – на Бастах. О судьбе нартового обоза ему рассказали вернувшиеся каюры. Остававшийся за старшего у саней с грузом коллектор Бурцев с помощью Николая и рабочих организовал перенос имущества на более высокую террасу, разбив палаточный лагерь… Проторчав почти неделю на Бастахе, трезвоня ежедневно начальству в Нексикан, Савва получил только двух лошадей и тут же отправил их с каюром-конюхом к месту аварии; остальных лошадей обещали пригнать с Кураннах-Салы в ближайшие дни.

– Что будем делать, Иван? – обескураженно спросил Абаев, когда рассказал о сложившейся ситуации.

От волнения, плохого сна лицо его осунулось, под воспаленными глазами темнели вздувшиеся мешки.

– Завтра же надо идти туда, – сказал Осташко. – Пока не разбушевался Аян и не поднялся донный лед. Иначе застрянем здесь до конца мая, раньше паводок не кончится. А там хоть на двух лошадях да «сидором» грузы можно будет двигать дальше. К тому времени и остальные лошади придут.

...Найдя подходящий перекат, у которого Аня-Юрях разливался широким плесом, они с большим трудом и риском для жизни медленно брели по пояс в ледяной воде с трехпудовым грузом за плечами, прощупывая шестами русло. Мимо проплывали оснеженные льдины, ноги скользили и разъезжались по мерзлому дну. Небо хмурилось, несло прохладой. Выбравшись на косу, развьючились, сняли брезентовые плащи, сапоги, мокрую одежду; у костра обсушились и, одевшись, двинулись дальше. Преодолев с десяток больших и малых притоков Чиняки, не останавливаясь на ночь, вконец измученные, через сутки они пришли на место. В одном из бурливших потоков, поскользнувшись, Иван чуть не погиб; спас его маленький куст, за который он сумел зацепиться.

Чтобы попасть на свою базу, Осташко с Чеботаевым должны были перетащить свой груз дальше на тридцать километров, а затем перебраться через широкую и полноводную реку на правый берег. Абаевцам же, выбросившимся у Иерогыла, наоборот, требовалось сплавиться вместе с грузами на левый берег и соединиться со своими для дальнейшего следования к месту работ. Но река бушевала. Иван с Николаем решили подождать спада воды.

На третьи сутки рано утром начальники обеих партий, спавшие в одной палатке, проснулись одновременно. Со стороны ущелья слышался какой-то странный, все нарастающий гул, будто приближался ураган. Иван и Савва в одном белье выскочили из палатки. Из Улахан-Капчагая с шумом и грохотом несся прямо на них огромный, с двухэтажный дом высотой, ледяной вал.

– Тревога! Спасайся!!! – закричали оба в исступлении, хватая вьючные ящики с документами, картами, волоча за собой спальные мешки и все, что попадало под руку.

Грозная лавина, скрежеща и грохоча, пронеслась у их ног.

Берег был завален большущими, трех-, пятиметровой толщины глыбами полосчатого бело-бирюзового льда. Из-под одной из них торчали полозья сломанных нарт, у другой лежало

помятое вьючное седло и выглядывали размочаленные концы манильской веревки; вдали, то показываясь, то исчезая среди льдин, уплывала железная керосинная бочка… По противоположному борту реки, крутому и скалистому, ярко белела над водой и плывшим ледяным крошевом широкая длинная полоса, напоминавшая свеженаведенную белилами панель. То тершийся о скалы лед оставил свой густой «снежный» след… От двух жилых палаток не осталось ничего; уцелела лишь третья, верхняя, где находились продукты и снаряжение.

Мутная Чиняка все еще несла одиночные коряжины, кусты с комьями земли и куски оторвавшегося от берегов дерна, но уровень воды начал спадать. Осташко с Николаем двинулись в путь, захватив первую порцию груза.

Николай Чеботаев был парень вятский, человек хваткий – из тех, что «семеро одного не боятся». Белобрысый, высокий, стройный, с тонким, немного вздернутым носом, он выглядел почти мальчишкой, хотя было ему уже под тридцать. Любил носить военного образца гимнастерку и подпоясывался широким ремнем, за который с достоинством закладывал большие пальцы обеих рук, стараясь выглядеть посолиднее. Садясь есть, он в миску с борщом или супом клал всю порцию второго, крошил туда хлеб, вливал кружку компота или чая, добавлял холодной воды и, все размешав, предавался чревоугодию. Над его «блюдом» многие посмеивались, а коллега Бурцев однажды спросил:

– Ты что, Коля, у свиней так научился?

– Хм! Какая разница, – спокойно ответил Чеботаев, – все равно в пузе все смешается.

Пройдя полпути, Осташко и Николай остановились на ночлег. На ягелевой полянке раскинули свои спальные мешки, пристроив у изголовья груженые рюкзаки. Вокруг них неподвижными изваяниями стояли уснувшие деревья и кусты. Не спала только вечно бегущая река. Она ворчливо шумела в глубоком ущелье, которое было где-то рядом. Забравшись в постель, Осташко увидел, что Николай в верхней одежде улегся на своем мешке и натягивает поверх себя его ватник.

– Это еще что такое? А ну-ка сейчас же раздевайся и залезай вовнутрь! Что это за отдых? – сказал Иван Федорович Николаю.

Тот насупился и с ребячьим упрямством ответил:

– Ага!.. Чтоб медведь схавал.

– Как это?

– Придет ночью и поволокет меня с мешком – я и выскочить не успею. А потом и съест у речки… – Николай глубоко вздохнул.

Сдержав улыбку, Осташко все же заставил его лечь как положено. Он вспомнил при этом рассказ Вадима Руцкова о приключившемся с Чеботаевым происшествии, после которого тот жутко стал бояться медведей.

В то лето Николай работал у Руцкова – где-то в верховьях этой же Чиняки, так изобиловавшей медведями. Шли они вдвоем маршрутом по нагорной террасе и остановились у оврага, на дне которого протекал чистый ручеек. Руцков остановился наверху и, сняв с плеч малокалиберку, присел на валежине, а Николай с чайником спустился к ручью; крышка у чайника на шпагате болталась. Поставил он пустой чайник рядом с собой, сам, улегшись на живот, к водице приложился, душу отводит. Тем временем к оврагу с противоположной стороны медведь подошел; заглянул вниз, приподнялся – Николая рассматривает. Руцков увидел, соскользнул с дерева – мишку на прицел взял. Вдруг косолапый подпрыгнул и, еще раз глянув вниз, как полоумный, почесал прочь, а из оврага – Николай на четвереньках. Бледный, без фуражки и накомарника, пронесся он с пустым чайником в руках мимо своего начальника, словно угорелый; о чайник билась, страшно дребезжа, привязанная крышка. Смотрит Руцков – медведь в одну сторону шпарит, а Чеботаев – в противоположную. Мишка без малого километр проскакал, оглянулся на геологов и дальше подался. А Чеботаев бежал-бежал – совсем выдохся. С отчаянием обернулся назад и долго не мог понять, куда девался ужасный зверь и почему его начальник так энергично машет руками – аж за живот хватается…

Когда утром Иван Федорович проснулся, увидел свернувшегося калачиком Николая: он спал на мешке, одетый, только без сапог.

– Мне там душно было, – смущенно оправдывался коллектор, когда начальник стал ему выговаривать.

Пока солнце не поднялось еще из-за гор, решили двигаться дальше. Часа через два Осташко застрелил двух куропаток – впору было и позавтракать; у ручейка привал сделали. Разложив костер и поставив кипятить воду для супа, Осташко занялся маршрутной картой, а Чеботаеву велел ощипать и выпотрошить куропаток.

– Да смотри, печенки, сердца и пупки не повыбрасывай, – предупредил он коллектора.

– Ладно, – пообещал тот, направляясь к ручью.

Но когда вернулся с ощипанными куропатками, оказалось, что они без голов, без ног и совершенно пустотелые. На возмущенный вопрос начальника, зачем он повыбрасывал потроха, Николай пожал плечами и серьезно ответил:

– Иван Федорович, ей-богу, никаких печенок и пупков у них не было. Они, наверно, инвалиды какие-то.

Пришлось начальнику взять своего коллектора за руку и привести к тому месту, где он разделывал дичь. В ворохе внутренностей все было на месте.

– Гм… а я думал, что все это кишки, – сказал Чеботаев, краснея.

Сытно поев наваристого супа, вымыли кастрюлю, поставили чай. Осташко прошелся вдоль ручейка, где росли кусты жимолости, цвели желтые лютики и одуванчики. В лесу стучал дятел. Между ветками лиственниц бесшумно перелетали кукши, мелодично посвистывали незаметные в кустах пеночки. Вот деревья раздвинулись, открылась долина Чиняки. Здесь, перед входом в Улахан-Капчагай, река размыла себе обширную пойму, ветвясь и переплетаясь множеством рукавов, взбухших от половодья. Кое-где на островках и у берегов белели толстые ковриги льда – все, что осталось от той громадной наледи, которая несколько дней назад была сорвана могучим напором вешних вод и, будучи втиснута в узкое ущелье, вырвалась тогда из него страшной лавиной. Он вспомнил, как на этом наледном поле прошлой осенью в составе партии Галуна спасал попавших в беду гагар…

Во второй половине дня они с Николаем были уже против того места, где временно обитал абаевский отряд во главе с топографом Тришкой Вагиным. Река шла здесь единым руслом, достигая почти трехсотметровой ширины. Прокричав с берега, связались с Вагиным. Осташко передал ему на имя своего прораба Важкова «телекрикограмму», чтобы делали плот, и, погрузив имущество топографов, плыли на этот берег. Рассчитывая, что раньше чем через сутки ребята не справятся с этим делом, они с Николаем удобно устроились на возвышении под пушистыми ветвями лиственницы, поужинали и улеглись, надеясь

как следует отоспаться. Рядом с ними чернела скала, о которую бились, пенясь и кружась, быстротечные волны.

Среди ночи прибыл Савва Абаев с рабочими и двумя навьюченными лошадьми. В числе подвезенных грузов были и те, что принадлежали партии Осташко.

– У-р-ра! – неожиданным эхом донеслось от реки.

Осташко испуганно высунулся из мешка. Из стоявшей рядом палатки выскочил Савва – в белых кальсонах и майке. К берегу приближался высоко нагруженный плот. На нем стояли во весь рост люди и, размахивая головными уборами, смеясь, орали во все глотки.

– Принимайте корабль! – широко улыбаясь заросшим густой бородой и усами ртом, кричал Тришка Вагин, приняв позу Степана Разина.

«Что за леший? – подумал Иван, поспешно натягивая брюки. – Когда же они успели?»

Взглянул на небо – было раннее утро, солнце еще не всходило. И тут он заметил, что плот поворачивается боком, направляясь в стремнину. В это же время раздался истошный крик Саши Серебрякова:

– Три-и-фон, хватай шест! Ребята, нас к прижиму несет!

Все испуганно глянули на черную скалу, где кипел водоворот. Волосатая физиономия Вагина вытянулась, глаза наполнились ужасом, рот округлился. Он ткнул шестом в воду, но не справа, чтобы выпрямить плот, а слева, щупая глубину, и бросился в реку. За ним следом плюхнулись еще двое, чуть не захлебнувшись волной. Серебряков злобно выругался, бросил правило, перебежал наперед, глянул в клокочущую пучину и, махнув рукой, тоже сиганул за борт. Плот, влекомый к прижиму, нырнул одним боком, затем перевалился на другой и начал разворачиваться задом наперед. Вдруг над бревнами показалась мокрая белобрысая голова Чеботаева – Осташко даже не заметил, когда он успел туда нырнуть. Затем руки его схватились за уключину руля, сам он проворно вскарабкался наверх, развернул правило и уперся им в скалу как раз в тот момент, когда катастрофа казалась неотвратимой. Плот подпрыгнул на волне, крутнулся и – исчез за поворотом.

Пока Иван, Савва и бравые плаватели, похожие на мокрых куриц, обежали прижимы и добрались через заросли тальника к

открытому берегу, плот был уже далеко. Управляемый Николаем, он плыл по фарватеру реки, приближаясь к ее излучине. Все направились туда. Впереди бежала горе-команда во главе с неудачливым «лоцманом» Тришей Вагиным. Километра через три Осташко увидел, что плот стоит на отмели недалеко от берега. На терраске кучка ребят поджидала шедшего по перекату Николая. Когда Иван приблизился, тот уже стоял среди них с видом флотоводца, только что выигравшего сражение. С его сморщенных, прилипших к телу брюк и гимнастерки сочилась вода, по босым ногам скатывались тонкие струйки; одна штанина сбилась под колено, и на посиневшей икре проступали темные набухшие жилы. Большой палец левой руки, лежавшей у бедра, был засунут за ремень, а правой Чеботаев рубил воздух, что-то рассказывая:

– Вижу я, река раздваивается, впереди отмель желтеет, а меня по главному руслу прет. Я тогда на другую сторону перебежал, на руль жму. Гляжу – из-за ящиков руки торчат. Что за привидение?! Оказывается, казах, стоит на коленях, аллаху своему молится. Я как крикну: «Тудыть твою, черт косолапый, потом домолишься! Хватай за весло скорее – жми! А то мимо косы пронесет!» А он смотрит и молчит, только бельмами ворочает, будто валун проглотил. Пришлось пинком его в чувство привести… Ну вот, зацепились за мель, я поскорей между колец шест воткнул, вбил его топором – теперь не унесет. А этого, с усиками, там оставил, караулить, – кивнул Чеботаев в сторону плота. И, заметив своего начальника, смущенно замолчал.

– Как же это ты, Николай, на плоту очутился? С перепугу, что ли? – спросил Осташко, улыбаясь.

– И сам не знаю, Иван Федорович… Просто увидел, что они, черти косопузые, все с плота наутек. – Эх, разобьет же, – думаю, – пропадет добро. Ну и прыгнул.

– Молодец, Николай! – похвалил Осташко.

Ноздри у коллектора шевельнулись, на переносье взбежали две поперечные морщинки, и он громко чихнул.

– Правда! – сказал кто-то.

Чеботаев гордо, но в то же время как-то по-детски взглянул на своего начальника серо-голубыми глазами и уверенно баском произнес:

– Воды-то я ведь не боюсь…

Плот быстро разгрузили, имущество абаевцев сложили на берегу. Затем втащили вьючные ящики, мешки и рюкзаки Осташковой партии, доставленные с последней стоянки, и вчетвером: Чеботаев, Осташко, Серебряков и казах, по фамилии Нуралбетов – благополучно переправились на тот берег, где их ждали рабочие Онказанской партии вместе с прорабом Важковым.

Общим скопом, на плечах, поскольку лошадей в партии не было, перетащили груз на базу. Важков выдал всем продукты на июнь; май уже кончился. Осташко принял на свой подотчет все материальные ценности, ознакомился с состоянием дел.

Оказалось, что и конь еще не валялся: ни шлихового опробования, ни обещанного с первого мая бурения Виктор Важков не начинал. Ссылался на неоттаявший грунт, отсутствие лошадей, недокомплект бурового оборудования. Иван понял, что сделал промашку, не настояв перед Вронским, чтобы в прорабы ему дали Лазицкого, с которым он уже вместе работал и который сам просился к Осташко в партию. Важков же, будучи до этого независимым начальником отряда, жил как удельный князек – имея завхоза, десятника, повара-пекаря и использовавший промывальщика Золотарева как охотника, снабжавшего его лично свежайшей дичью и рыбой. Со своими «приближенными», кроме десятника, жил он у озера Щучьего в большом бараке, оставленном покосниками, – там под одной крышей находились кухня с русской печью, баня и амбар; десятник с рабочими-проходчиками находился в бараке на Капитане, где шла глубокая шурфовка, а на базе у основного склада жил сторож Нуралбетов. От базы до разведучастка было около тридцати километров, и резиденция Важкова занимала между ними срединное положение. Разведчикам жилось вольготно. Никто их не контролировал, жратвы хватало – петлями ловили зайцев и куропаток, стреляли глухарей, попадались дикие олени, сохатые; спирт тоже не переводился, и «для культуры» заводился привезенный Важковым патефон. Словом, люди не работали, а «кантовались». И новый начальник, требовательный к себе и подчиненным, каким был Осташко, их не очень устраивал – это Иван особенно почувствовал в середине сезона. Он понимал, что Важков, став вместо начальника-князька зависимым от него прорабом, постарается при первом же удобном случае потихоньку пакостить.

Ранняя весна и неожиданно быстрое вскрытие рек в том

году позволяли начать полевые работы уже в мае, но, в то же время явились причиной тех неблагоприятных обстоятельств, в которых очутились партии Абаева и Осташко. Ивану для полного разворота деятельности трех отрядов – геологического, поискового и бурового – нужны были лошади. Получить же их он мог лишь после того, как Савва перебросит все группы в свой район, а дела у того складывались плохо. Поэтому Осташко сразу же третьего июня отправил Чеботаева в Нексикан с докладной запиской к Вронскому, чтобы срочно выделили хотя бы шесть лошадей и помогли добыть недостающие детали к буровому комплекту. Тем временем до возвращения Николая решил совершать маршруты с центрального стана, где обитал Важков; прорабу тоже с Серебряковым и вспомогательным рабочим надлежало опоисковать близлежащие ручьи, а бывшие шурфовщики ставились на новые выработки – копуши, канавы, шурфы и расчистки согласно указаниям начальника партии. Все жили в том большом бараке, что стоял среди живописных лесистых холмов у озера Щучьего.

Жилось пока неплохо. Маршруты, проходившие в пределах котловины, особенно не утомляли, питались хорошо – на леднике были утки, зайцы и те глухари, что перед самым прибытием Осташко настрелял на току за одну ночь Саша – добыл сразу аж двадцать девять штук. Готовил вкусные блюда и выпекал замечательный хлеб рабочий Охрименко, или, как его называл Саша Серебряков, дед Хиба.

Этот дед Хиба был далеко еще не дед – ему шел только сорок третий год. Но, брея свою скудную светлую растительность, покрывавшую круглый, как кормовая тыква, череп, он носил клочкастые, спущенные книзу рыжеватые усы и жиденькую, такого же цвета, бороденку, сутулился и всем говорил, что ему «за пятьдесят». Такое «деду» удавалось – он и в самом деле выглядел пожилым. Однажды свихнувшись с пути, Охрименко не по своей воле оставил родное село Топляки, что затерялось среди лесов Черниговщины, и очутился на золотом прииске загадочной Колымы. Прикидываясь старичком, сей дошлый хохол умел устроиться где полегче, щадя свое здоровье. Курил умеренно, да и то чаще стреляное, выпивал редко и мало. Будучи мужичком скупым, хозяйственным, он старался поднакопить побольше деньжат и выстроить себе «гарну садыбу», то есть хорошую

усадьбу. Имелись ли у него жена и дети, об этом толком не знал никто. Еще у себя в Топляках, судя по его рассказам, Охрименко много рыбачил и, как всякий охотник, при случае любил прихвастнуть. Особенно часто гуторил с Сашей Серебряковым, с которым познакомился года два тому назад на шурфах в разведрайоне. Сашка не раз с тонким юмором разоблачал охотничьи рассказы деда и весело смеялся над его хохлацкими выражениями. А когда, готовясь ко сну, Охрименко говорил: «Ну шо, Сашко, будэм лягать?» – Серебряков прямо со смеху покатывался.

– Ха-ха-ха! – звонко заливался он. – Берегитесь, ребята, дед лягаться будет! – и хватался за живот.

Слово же «хиба», что по-русски означает «разве, быть может», так понравилось Серебрякову, что он приклеил его Охрименко как прозвище. Дед Хиба на это не обижался; тем более что настоящее свое имя – Стецко Каленикович он почему-то открывать стеснялся.

Виктор Важков взял его по рекомендации Саши, с которым раньше работал на разведке в Ухамыте, и предложил деду хозяйственные дела – готовить пищу, чинить обувь и тому подобное; мог он быть и за конюха. Все это Охрименко знал хорошо, с работой справлялся легко, хоть и не всегда добросовестно. В окрестностях стана любил порой побродить по тайге, у озер, надеясь встретить какую-нибудь дичь. К его великому огорчению, подобная живность пока что попадалась нечасто; все же дед терпеливо таскал за плечом свою шестнадцатикалиберную двустволку. Если он натыкался на медвежьи следы, то быстренько вкладывал в каждый ствол по жакану, поправлял висевший сбоку в чехле охотничий нож и готовился к героической схватке. Но медведь, словно чуя недоброе, как назло, ни разу не появился пред ясны очи Охрименко. И дед по вечерам после трапезы почти искренне сокрушался:

– Я всяких зверей и птиц стрелял. Вот если бы мне еще ведмедя убить – тогда бы можно уже и помирать…

– Потому он и прячется от тебя, дурака, жалеет, чтоб, не дай бог, ты прежде срока не сыграл в ящик, – подсмеивался Важков.

– Та вы не смейтесь… Хиба ж я шо… – отвечал тихо Охрименко и умолкал.

Вернувшийся из Нексикана Николай привез новости – они содержались в его устных рассказах; были и деловые бумаги.

В «Советской Колыме» за 7 июня говорилось, что союзники наконец открыли второй фронт в Западной Европе: при поддержке 14 тысяч самолетов первой линии и 4 тысяч судов началась высадка войск на северном побережье Франции; командующий фронтом – Эйзенхауэр.

Вице-президент США Уоллес в июне знакомился с хозяйством и промышленностью Дальнего Востока. Ездил по Колыме, был на приисках Чай-Урьинской долины, на «Большевике», в частности, присутствовал при съемке золота с промприбора. Там, говорят, предварительно ссыпали металл с других агрегатов, так что снятое золото весило более 35 кг, что очень поразило американского гостя. Сопровождали его Иван Федорович Никишов и другие дальстроевские руководители. Во время пребывания Уоллеса на Колыме вся военизированная охрана была одета в гражданскую форму, посты, зоны, конвой – сняты, заключенных переодели в вольнонаемных рабочих. На вопрос вице-президента, где же находятся многочисленные осужденные, Никишов отвечал, что в Дальстрое их совсем немного и трудятся они на нетяжелых сельхозработах в совхозах «Дукча», «Эльген» и на агробазах горнопромышленных управлений. Заглянул гость в магазины и тоже был удивлен: полки ломились от великолепных, исключительно советских продуктов и промышленных товаров. Ему и тут заметили, что пока на ближайшие два-три года хватит своего; что же касается поступлений из Америки, так это – на всякий случай, про запас… Словом, высокий представитель остался якобы весьма доволен и склонялся к мнению, что поставки по ленд-лизу следует увеличить.

План по Чай-Урьинскому управлению не выполнялся; там все время находились Никишов, Цареградский, Ерофеев и начальник отдела россыпных разведок Трушков. В Нексикане пусто, все на ударниках: мужчины – на приисках, женщины – на агробазе. Прибыли новые партии заключенных – дезертиры с фронта, изменники Родины, а также женщины из магаданских лагерей. Строится дорога к новым приискам… Много беглых разыскивают в районе Эмтегея и Адыгалаха.

Чеботаеву удалось получить пять лошадей, но две из них были больны, в том числе жеребчик Тигр – у него на спине образовался нарыв. Всего же требовалось восемь полноценных лошадок и два каюра.

Наиболее волновал Ивана злополучно-загадочный Чинякинско-Арга-Юряхский водораздел, который надлежало исследовать в масштабе 1:50 000, то есть в два раза детальнее остальной территории. Ведь, в конце концов, он, Осташко, должен был решить загадку Чинякинской котловины, объяснить, почему в ней нет промышленного золота, которое так упорно и безрезультатно искали колымские геологи уже семь лет подряд. У этого водораздела сосредоточивались и золотопоисковые работы: неглубокое ручное бурение, шурфовка, копушение, шлиховое опробование. В буровом отряде Чеботаева было четверо рабочих, в поисковом у Важкова – три человека. С Иваном Федоровичем работал Нуралбетов.

В июле все отряды вели работы компактно, их стоянки находились недалеко друг от друга, так что при необходимости сотрудники могли встретиться в любой день. Проходя мимо глубокого важковского шурфа в верховье долины Капитана, Осташко заинтересовался выложенными проходками, а затем, привязав камушек к шпагату, замерил глубину выработки. Оказалось всего 42 метра вместо задокументированных шестидесяти. Иван поделился своим открытием с Виктором. Тот вспыхнул, ответил злобно:

– Что вы все докапываетесь? Вредительство мне шить собираетесь?

– Да зачем вы так, Виктор Павлович. Мне просто истинный разрез нужно знать, глубину рыхлых наносов в этом месте.

– Так для этого есть журнал документации. А то, что сейчас глубина уменьшилась, – ничего удивительного. Просто стенки обвалились, вот и все.

Иван знал, что в вечной мерзлоте за такой срок шурф обвалиться не мог, да и небольшие объемы грунта в проходках свидетельствовали о недобросовестно выполненной работе. Но прорабу больше ничего говорить не стал. Важков же понял, что Осташко постарается вывести его на чистую воду, и дело может кончиться большими неприятностями.

Плохо шло бурение. Скважины зачастую садились на крепкий валун, бурильщики много затрачивали усилий на его дробление или были вынуждены переходить на новую точку. Чтобы выполнить норму, рабочим приходилось трудиться как следует, и они, привыкшие зимой филонить, все больше проявляли недовольство.

Для поощрения Осташко решил использовать курево. В его распоряжении имелись слабая махорка и крепкий табак; первая, согласно нормам, выдавалась рабочим, вторая – инженерно-техническим работникам. Он решил так: рабочим на бурении и шурфах, выполняющим норму на 100%, выдавать половину махоркой, половину табаком; кто даст больше 130% – только табаком; если же норму выполнит ниже 70% – ничего не получит. Ленивых такое мало устраивало, и коноводом среди них стал заключенный Карамышев, подталкивавший своих солагерников на явный саботаж.

В один прекрасный день расстроенный Чеботаев доложил Ивану Федоровичу, что исчезла кувалда, без которой работать невозможно. Николай догадывался – это дело рук работяг. Осташко велел прислать к нему в палатку Карамышева. Парень этот отбывал срок за подделку документов, хищение запасных частей к тракторам и комбайнам. От легкой работы он не отказывался, но стоило его поставить на канаву или буровой агрегат, как у него тотчас «заболевали зубы», «схватывало живот», «поднималась температура». Побеседовав с ним, записав его анкетные данные, Иван Федорович предупредил: если не доставит спрятанную кувалду, то дело на него будет передано в райотдел, а пока что, за симуляцию лишит полнормы курева. Карамышев обвинение насчет кувалды отверг и пригрозил, что уйдет в Нексикан.

– Ну, что ж, уходи, только на последствия не пеняй, – сказал Осташко, решив про себя: «Оформлю как беглеца». На том разговор кончился.

Возвращаясь обратно, Карамышев встретился с ехавшим на Тигре прорабом: Важков направлялся к начальнику партии.

– Пошто невесел, откуда идешь? – спросил прораб. – От Осташко, што ли? Вызывал?

– Да ну его… – ругнулся матерно Карамышев. – Его, гада, удавить мало.

Он рассказал, что начальник к нему придирается, обвиняет в симуляции и саботаже, грозит оперуполномоченным.

– Это он сделает. Еще и за туфту дело пришьет.

– Какую туфту?

– За тот шурф, что зимой проходили. Он уже глубину измерил… Так что ты, Карамышев, помалкивай.

К начальнику Важков приехал, чтоб показать жеребчика: нарыв прорвало, образовалась огромная рана, заполненная под-

кожным кровавым гноем. Осташко бесился от возмущения – как можно было так издеваться над животным! На нем ведь перевозили громоздкие железяки – обсадные трубы, штанги, долотья. Черт знает что! Довели лошадь до негодности, а он, Виктор Павлович, вместо того чтоб в поводу ее привести, верхом ехал!

– А что ему случилось? – огрызнулся прораб. – Мы же в потнике дырку прорезали.

– Вот бы на вас этот потник с дыркой положить, а сверху «Эмпайр» навьючить!

Оставив Тигра, Важков ушел. Какое ему дело! Лошади на подотчете начальника, пусть о них он и заботится. Иван решил сам лечить лошадь. Ибо отправлять на Бастах, вызывать ветеринара – целая канитель: и лошадь потеряет, и человека на неделю или две посылать надо. «Пусть пасется, отдыхает; пока стоит погода, надо здесь маршруты кончить, а потом пошлю Нуралбетова на базу за аптечкой, марганцовкой рану промывать буду».

…В это утро Иван спал в палатке один. Вернувшись из маршрута накануне вечером, сразу же отправил Нуралбетова к Охрименко на базу. Крепкий сон его прервался внезапно – показалось, что грохнул взрыв. Он выскочил из палатки, осмотрелся – вроде никого. Пасшийся Тигр, подняв голову, смотрел в чащу леса. Оттуда показался Саша Серебряков с дробовиком в руке.

– Разбудил вас? – криво улыбнувшись, сказал он. – Это я дуплетом по медведю пальнул.

– Аа-а… Так где же он? Помирать ушел? – пошутил Иван.

– Убежал… Вы извините, Федорович, за беспокойство… Я пойду, а то Виктор Павлович сердиться будет, что на охоте замешкался.

Серебряков действительно поспешил к Важкову. Отозвал его в сторону, рассказал следующее. Уйдя поохотиться, напал на свежий след оленя. След повел мимо поляны, где стан начальника Ивана Федоровича. Завернув к палатке, с тыльной ее стороны дымок заметил и тихое шипение. Подбежал – у самого изголовья «куропатка» подложена – в банке не меньше килограмма взрывчатки, а шнуру сантиметров пять догорать осталось. Еле успел отбежать метров полсотни, в лесу взорвалось.

– Он один был в палатке? – спросил Важков, выслушав скорый рассказ промывальщика.

– Один. Казах на базу вчера ушел.

– Ну и дурак ты. Пусть бы рвануло! Это Карамышев устроил.

– Да что вы, Виктор Павлович! – воскликнул Серебряков.

– Тогда бы всем нам не сдобровать. Не-е, под суд я не хотел бы попасть…

До Важкова, наконец, дошло, насколько серьезным оказалось положение. Хорошо, если Осташко поверил Саше. Но Карамышев… Услыхав взрыв, он пустился, видимо, в бега. А для этого попытается захватить продуктов да и ружьишко. Значит он почесал на базу.

– Вот что, Саша. Ты сегодня промоешь копуши, что Новиков сделал, а я – на базу. Надо спешить, пока тот дуралей деда не укокошил.

Карамышева Виктор догнал на подходе к Иерогылу. Тот было стушевался, однако сказал, что без курева уши вянут, он решил разжиться у Охрименко хоть пачкой махорки.

– Слушай, Карамышев, – строго посмотрел Важков на зэка, – твой номер не прошел! И слава богу. Хорошо, что Серебряков наткнулся – твоя «куропатка» взорвалась в лесу. Осташко ничего не знает, поверил, что Сашка пальнул в медведя. Ты же, гад, всех нас под петлю мог подвести… Заедем на базу – и быстренько обратно. Запомни: ничего не было! И мой тебе совет: брось отлынивать, вкалывай и не шебарши. Понял?

Нуралбетов пришел с базы во второй половине дня; он сказал начальнику, что видел там прораба и Карамышева. Рабочий приходил к деду за махоркой, а прораб взял пачку табака, который оставлял на хранение.

Осташко сразу же приступил к лечению лошади. Смыв засохший гной теплой водой, стал промывать обширную подкожную рану марганцовкой. Процедура промывания, при которой тратилась целая кружка раствора, повторялась каждое утро. Делалось это при помощи тряпичной мазилки, запускаемой глубоко в рану, что причиняло животному сильную боль. Поэтому, пока Осташко промывал, рабочий туго скрянчивал Тигру верхнюю губу, и тот стоял как вкопанный, хоть и вздрагивал порой всем телом. Промытая рана заклеивалась лоскутом ветошной бязи, смоченной тем же марганцевым раствором; когда клейстер засыхал, спутанную лошадь отпускали пастись. Так недели через две рана совсем затянулась, стала зарастать шерстью, и к

концу месяца на Тигра можно было класть небольшой мягкий груз.

К тому времени Осташко со своим рабочим вышел уже в долину Онказана, закончив исследование водораздела Чиняки–Арга-Юряха; причем детальность съемки превзошла плановую. Он не ограничился площадью «своей» территории, но спускался в «чужие» ущелья – на противоположные склоны хребта. Оказалось, что ручьи, впадавшие в Арга-Юрях, врезаны куда глубже, чем те, что текут в Чиняку, и там полно уже было вскрытых крупных кварцевых жил с видимым золотом – они-то и дали богатые промышленные россыпи. А водотоки Чинякинской котловины только начинали размывать водораздел, и до жил еще не добрались.

…Багровое, словно облитое густой кровью, низко стояло в угарной мгле огромное солнце. Оно то темнело, то просветлялось в плывущих облаках рыжевато-черного и сизо-синеватого дыма. Окрестные сопки растворились в пепельной дымке, и лишь на севере виднелись мутные очертания далеких гор. Усталый и невеселый возвращался Иван из трудного маршрута по правому водоразделу Онказана – голому длинному хребту с отлогим спуском. Перед ним простиралась широкая пустынная долина с блуждающим руслом, лунками стариц, ягелевыми залысинами террас и кустами кедрового стланика; изредка стояли одинокие лиственницы. Уже больше недели держалась сухая знойная погода, и по долине Чиняки, а особенно в стороне Арга-Юряха бушевали лесные пожары.

Сейчас в его голове назойливо копошились мысли об Уле и Феде. То он думал о том, как встретят его жена и сын; то представлял, как будет со своим Федюшей играть, петь ему песенки, рассказывать про горы, зверюшек и птиц… Спускались сумерки. «Хотя бы огонь сюда не перекинулся», – с тревогой поглядывал он на зловещие сполохи. Ноги его одеревенели, ныли спина и грудь, от постоянного переутомления и скудной пищи кружилась голова. Наконец открылась уютная поляна, с одной стороны которой возвышался каменистый откос, а с двух других, сходясь клином, подступал небольшой лесочек. Под деревьями в глубоких тенях шумела вода, смутно поблескивало речное русло. На серо-зеленом фоне белела палатка; между ней и руслом тлели угли догоревшего костра, над ним вилась тонкая

струйка синеватого дыма. Темнело небо, зудели комары, и позади, казалось, совсем недалеко, взвивались огненные вихри. Пожар перебирался в долину Онказана…

Бросив у палатки молоток, Иван снял с себя тяжелый рюкзак и маршрутные атрибуты, разделся и направился к речке. Холодная вода освежила уставшее тело, влив струю бодрости. Навстречу вышел Нуралбетов со своим приветливым «Здравствуй, Иван Федорыч!» – он обычно здоровался в день столько раз, сколько встречал человека. Ныне особенно восхищался он тремя куропатками, что принес начальник, – Осташко убил их на сопке камнями; свою «тозовку», полученную Чеботаевым, в маршруты он почти не брал, оставляя ее рабочему на случай защиты от беглецов. Поужинали рисовым супом, закусили ягодами голубики и, как всегда, в двенадцать ночи легли спать.

Рабочий Чингиз Нуралбетов имел остроскулое лицо с узкими сощуренными глазками, широким приплюснутым носом и черными усиками, свисавшими по краям рта как мышиные хвостики; между усиками и нижней губой обнажалась мраморно-белая полоска зубов. Он был когда-то завучем неполной средней школы в глухом казахском кишлаке и за поступок, который никак не вязался с его педагогической должностью, еще перед войной попал на Колыму.

Прошлую зиму Нуралбетов работал на шурфах в разведрайоне, но поворачивался с ленцой, и его охотно передали в Чинякинский отряд Важкова, где он полгода прокантовался на базе в амплуа сторожа. Когда Осташко взял его к себе, научил управляться на кухне, быть конюхом, выпекать в каменно-земляной печке пшеничный хлеб и ловить удочкой хариусов. Насчет выпечки Чингиз справлялся так: «Хлеб пекать будем?» А когда переезжали на новое место, всякий раз спрашивал: «Иван Федорыч, удочки брать?» На что начальник обычно отвечал: «Бери у сына, а не у дочки». Казах в таких случаях минуту стоял в недоумении, после чего смуглое лицо его расплывалось в широкой улыбке и глаза превращались в тонкие щелочки: «Я неверно ударение ставлю, да?»

…Барометр предсказал верно: пошли дожди. Сначала с грозой, а затем нудные, обложные, потушившие пожары. В эти дни Иван написал письма домой в Черкассы, решив отправить их с Важковым, которого надо было посылать в Нексикан за ручками для «Эмпайра», лошадьми и каюром…

Когда рассеялись тучи и на угасающем небе засеребрился серп молодого месяца, из-за лесочка показался белый от снега Харан. Оттуда, с верховий долины, потянуло прохладой. Накинув поверх гимнастерки шубную жилетку, Осташко поднялся на высокую открытую террасу, поросшую ягелем и кедровым стлаником. Гранитный массив Харана предстал перед ним во всем своем великолепии. Имея высоту более двух тысяч метров, он стройно возносился над окружавшими его черно-серыми сопками, и, когда шли дожди, на нем выпал снег. Присев на небольшой валун, записал в записную книжку, которую всегда носил с собой, возникшие вдруг строчки:

А там, во мгле, чуть виден глазом,
Главой ныряющий в туман,
Высится тучный, седовласый
Угрюмый батюшка Харан…

Давно влекла Ивана к себе эта скалистая вершина, трудно доступная человеку. Ему хотелось подтвердить свои предположения о том, что с харанскими гранитами связана золотоносность прилегающих рек системы Арга-Юряха.

Через два дня, когда снег на Харане почти весь растаял, Иван Федорович отправился в маршрут.

Начав подниматься по залесенному распадку, он услышал шум и треск, – меж стволов на склоне показался темный катящийся ком. Едва Иван успел отскочить за большое дерево, как этот ком, громко кряхтя, ломая кусты и тонкие побеги, пронесся мимо, сердито рявкнул и вдруг затормозил у вывороченного корневища, посунувшись задом. То был огромный темно-бурый медведь. Он сидел, протянув вперед задние лапы и, работая передними, как мельница крыльями при сильном ветре, отбивался от комариной тучи. Фыркая, рыча и посапывая, мишка тяжело дышал, бил себя то одной, то другой лапой по ушам, по расцарапанному носу и слезящимся глазам, мотал во все стороны головой и не видел света божьего. В его всклокоченной густой шерсти торчали обломки веток, иголки стланика, разорванные листья ольхи и пучки травы вместе с ягелем. Грозный хозяин тайги выглядел жалким и до уморы смешным в своем бессилии перед этим роем жалящей злой мелюзги. Иван не выдержал и, забыв, кто есть перед ним, громко захохотал. Медведь от неожи-

Вид на гору Харан со стороны реки Девятиозерной. *Фото 2007 г.*

данности застыл с растопыренными лапами и с изумлением широко выкатил на геолога глаза. Потом подпрыгнул, будто его громадной иглой в зад долбанули, рыкнул и что было духу почесал по косогору вверх, только сучья полетели.

Вскоре подъем стал крутым, перед Иваном поднялись каменные руины гранитных скал. Обследуя их, он взбирался выше и выше – по расщелинам, выступам, карнизам, обходя отвесные стенки и угрюмые кручи. Пробирался медленно, осторожно, подчас на четвереньках и ползком, лишь бы не скатиться вниз. Вдавливаясь всем телом в скалу, он терял сознание… Неожиданно над головой пронесся свистящий шум. Иван очнулся, поднял глаза. На утесе, запачканном белым пометом, сидел встревоженный ястреб.

– Не бойся, дружок, я сам боюсь; мне сейчас не до тебя! – сказал Осташко, высматривая, где бы поудобней взяться рукой. И, сделав несколько смелых движений, вдруг очутился на плоской вершине.

Дул холодный ветер. Вытащив из рюкзака и надев на себя брезентовую куртку, он зачарованно смотрел на безбрежные

дали окружавшего его Верхне-Колымского нагорья. С запада подступали убеленные вершины Тас-Кыстабыта, на севере и северо-востоке чуть виднелись снежные цепи Чьорго и Негояха, а правее, среди сопочного моря, возносились, словно рафинадные головы, могучие пики Аборигена. Вблизи, у отрогов Тас-Кыстабыта, лежала, блестя озерами и синея таежными зарослями, обширная Чинякинская котловина.

Вдали простерся Тас-Кыстабыт,
Блестя остатками снегов,
Он зубья острые вонзает
В пучины сизых облаков…

Рядом же, почти от самой вершины, где он стоял, начиналась троговая – выпаханная ледником в гранитах – долина истока Онказана. По ее правому водоразделу, сначала узкому и высокому, а дальше сглаженному и низкому, предстояло Ивану спуститься с Харана, выполняя намеченный маршрут. Потом надо было пересечь саму речку Онказан и перевалить через левый ее водораздел, дальше еще один отрог перейти, а там и палатка. Он повернулся к югу. В легкой дымке тонули просторы бассейна Булунги; там тоже блестели цепочки озер и речные излучины. А недалеко от подножья Харанского массива, в долине Нерючи, горела тайга. На большой площади вспыхивали вихрастые красные факелы, поднимались кверху густые клубы черно-белого дыма, и тонкой полосой тянулся по горизонту рыжевато-серый шлейф. Над пожаром, среди чистого неба, на уровне Ивановых глаз, росло сизое облако…

Обойдя края вершины – то скально-обрывистые, то в крупноглыбовых развалах, он задокументировал обнажения, сделал фотоснимки. Затем соорудил высокий тур и вложил в него записку с указанием номера геоточки, своей фамилии и даты пребывания. Надо было спускаться. Он посмотрел на облако, что возникало над пожаром, – оно все росло и ширилось, превращаясь в густую угрюмую тучу. Под ней в необжитой тайге полыхали разливы огня. И высоко-высоко в небесной синеве спокойно кружил, расправив широкие крылья, горный орел.

Спуск Ивана не радовал. Чем дальше, тем опаснее он становился. Очень мешал подтаявший снег – подошвы чуней сколь-

зили, ноги разъезжались, и трудно было удержаться под тяжестью заплечного груза. Отходивший от вершины гребень вскоре превратился в круто стоящую гладкую стену с неровным узким верхом и глубокими разрывами. Осташко полз, перепрыгивал через небольшие расщелины, спускался на «пятой точке», и сердце его холодело при взгляде на сглаженный сорокаметровый обрыв стены, лоснившийся от мокроты. Внезапно стена оборвалась – отвесно и глубоко. И не было веревки, чтобы спуститься вниз. Он стоял в раздумье: то ли возвращаться обратно, то ли сползти по стене здесь, где она стояла хоть и круто, но все же не более чем под углом в семьдесят градусов; к тому же ее поверхность в одном месте была шершавая и сухая.

Его раздумье нарушил раскат грома. Он оглянулся: из черной тучи, опушенной сверху белыми клубами, сплошной завесой низвергались на пожарище потоки ливня. Частые вспышки молний чертили и рвали эту завесу на куски, громовые удары следовали один за другим. Туча теперь была уже гораздо выше по отношению к геологу, и он невольно взглянул на вершину Харана. Гора вырисовывалась четким силуэтом в свете спрятавшегося за ней солнца; на ее ровной площадке, над обрывом, точно бронзовое изваяние, стоял в горделивой позе снежный баран. Закинув на плечи круто закрученные рога, он смотрел на тучу, ливень и грозу среди ясного неба. Зрелище это, как и само явление природы, казалось необычайным. Огромный пожар выбросил в холодные слои воздуха сотни, а может, и тысячи тонн таежной влаги, которая превратилась в тучу и обрушилась на него же в виде дождя. Огонь потушил сам себя…

Сев на камень, Иван около часа наблюдал за этим самоуничтожением. Туча излилась и растаяла. Осталась только расплывшаяся полоса над горизонтом, да кое-где виднелись дымки угасавших костров.

Очень хотелось есть, но Осташко решил сделать это после спуска у русла Онказана. Опасная стена теперь уже не казалась ему такой страшной, как сначала, и он, закрепив потуже все, что было при нем, решился на рискованный шаг. Держась за край выступа и прижимаясь животом к шершавой плоскости, спустил ноги вниз и попробовал, можно ли будет ими тормозить. Получалось, вроде бы, неплохо. Опустив пальцы, осторожно извиваясь и притормаживая, начал сползать. Вдруг нога соскольз-

нула, рюкзак сдвинулся, потянул Ивана набок, он сорвался и, катясь и кувыркаясь, полетел по стене вниз…

Приходя в себя, услышал звонкое: «Цеввф! Цеввф!» Он открыл глаза. Возле него на голом камне чинно сидел на задних лапках, прижав передние к груди, буро-рыжеватый зверек – северная пищуха. Каждый раз, издавая призывный клич, он вытягивал короткую светлую шейку и закрывал крохотные глазки. Иван пошевелился, и забавный зверек шмыгнул под камень.

Долго, с усилием пришлось выбираться из каменного хаоса, собирать на четвереньках разбросанное имущество. Рюкзак оказался разорванным, из него вывалились брезентовая куртка и фотоштатив. Мелкашка, из которой в тот день выстрелить так и не довелось, валялась с расколотым прикладом и сломанной мушкой. Шляпа, зацепившись сеткой накомарника, висела на скальном выступе у подножья стены; но полевая сумка и горный компас были на месте в полном порядке. Потерялись только молоток и выскользнувший из ножен охотничий нож. Кроме ушиба левой ключицы и вывиха правой ноги, у него был рассечен лоб и на пальцах рук содрана кожа. Лицо и гимна-стерка запачкались кровью.

Приближалась ночь. В пустынной каменной долине стояла холодная тишина; лишь порой доносился лепечущий шепот водотока. А он все полз и полз и никак не мог достичь русла. Наконец осыпь кончилась, показалась зеленая лужайка и за ней – журчащий исток Онказана; у края лужайки желтели цветки карликового рододендрона. Лежа на влажном галечнике, он долго утолял жгучую жажду. Затем окунулся головой в студеную воду, обмыл лицо и шею. Вынув из рюкзака ломоть серого хлеба и кусочек сахара, поужинал. В глубине долины сгущались сумерки, но небо было ясное – всходила луна. С тоской посмотрел он на левый водораздел, где обозначилась седловина. Туда было около двух километров, но каких! – с подъемом метров в пятьсот! А после – спуск и еще подъем, и опять спуск… «Боже, как же я доберусь, – вздохнул Иван. – Еще не меньше десяти километров ползти надо… Да и Нуралбетов не знает, где искать меня…»

Снова нацепил он на здоровое плечо рюкзак, ружье и пополз. Колено опухло, от адской боли темнело в глазах. Добравшись до первых деревец, сломал несколько веток и с помощью шпагата да разорванных мешочков для проб наложил себе

шину. Сразу стало легче; теперь кое-где можно было, держась за ствол лиственницы, даже вставать на ноги. Но силы иссякали, приходилось останавливаться, подолгу отдыхать.

На рассвете добрался до седловины. Лег на ягель под кустами кедровника и сразу уснул. Проснулся поздно от горячих лучей полуденного солнца. Во рту у него пересохло. Шумел ветерок, где-то поблизости кричали кедровики. Из-за куста выскочил бурундучок; приподнялся, посмотрел на человека с пугливым любопытством и, распрямив свой пушистый хвостик, побежал прочь. После сна Иван чувствовал себя бодрее, хотя ключица, а теперь и нога болели пуще прежнего. «Ну что же, поехали дальше!» – подбодрил он сам себя и, сцепив зубы, тронулся с места. Немного спустя попалась полянка с голубичником. На мху и почве видны были следы – будто грузный человек босиком прошел; медвежий дымился помет; зверь, видно, только что ягодами лакомился… А голубики было много; сочная, свежая, с сизоватым налетом, она так и просилась в рот.

Прошли еще сутки. Голодного и совсем слабого, метрах в шестистах от стоянки, нашел его Чингиз Нуралбетов, помог дойти до палатки.

…Отряд Важкова стоял недалеко. Иван Федорович послал туда с запиской казаха, пригласил Виктора к себе. Тот имел сведения от Чеботаева и с базы от Охрименко. Картина складывалась неприглядная. Дела у Николая шли лучше, кувалда нашлась, рабочие не бузили; но лошади были страшные: худые, с пораненными спинами; кобыла падала на передние ноги, конь Улан – в язвах. В районе шлялось много беглых с тенькинских приисков, многие с оружием – об этом сообщили бойцы, ночевавшие у деда и разыскивавшие беглецов. Охрименко уже пускал в ход ружье, он просил в помощь еще одного человека. Осташко отправил туда Нуралбетова.

…Ездивший в Нексикан Важков прибыл с тремя лошадьми, но без каюра. Лошадей отдали буровому отряду взамен покалеченных, которые нуждались в отдыхе. Он же привез немного боеприпасов, а еще – кучу новостей и корреспонденцию для Ивана, и главная – Уля с сыном уже в Находке…

После непогоды лагерь сдвоенных отрядов передвинулся к самой Чиняке. Предстояло перебраться на тот берег, в бассейн левобережного притока – речки Мандычек. Важков и Саша Серебряков с двустволкой за плечами сразу же отправились к руслу поискать

место переправы. Пока они прохаживались и о чем-то советовались, со стороны мыса, на котором недавно стоял Осташко перед встречей с логовом беглеца, показалось медвежье семейство. Большущая бурая медведица лениво захватывала ртом охапки веточек голубики, помахивая головой то в одну сторону, то в другую. В десятке шагов перед ней паслись и шалили, хватая друг друга за «штаны», два рослых пестуна. Медведи шли наперерез пути полевиков, не чуя их под боковым ветром; те тоже зверей пока не замечали. Наконец Саша увидел их и тут же вместе с Виктором шлепнулся в голубичник. Когда медведица стала отворачивать левее, будучи от них не ближе шестидесяти метров, Серебряков поднялся на колено, прицелился ей в правую лопатку и выстрелил. Мишуки подпрыгнули, как ужаленные, и рванули с места в галоп, а медведица встала на дыбы во весь свой двухметровый рост, изумленно огляделась, разведя лапы, и так взревела, что у стоявших возле палатки Осташко и рабочего Овсянникова мороз по коже пошел. Снова загремел выстрел: Саша, стоя, ударил вторым, последним, жаканом ей в грудь. Она только взглянула на него с удивлением да грохнулась со всего маху наземь!.. Мишки, которые после первого выстрела успели проскочить сотню метров, сначала остановились, озираясь на вздыбившуюся мать, но когда бабахнуло вторично и мать упала, они драпанули уже без оглядки – через луг, наискосок, мимо стана геологов и по террасе на сопку в лес. Охотники же подошли к поверженной. Саша пнул ее сапогом в спину – медведица не шелохнулась.

– Готовая! – доносится голос Важкова, который до той поры держался несколько поодаль. – Пошли за веревкой да нож возьмем у Федоровича.

Идут оба веселые, возбужденные.

– Только помни, Саша, шкура – моя! – заявляет прораб.

Но Серебряков, видно, не соглашается.

А пока они пререкаются, их «шкура» тем временем начинает шевелиться; затем, приподнимаясь и припадая, волоча подбитую ногу, потихоньку уползает.

– Эй, вы, охотники! – кричит им Осташко. – Что же вы делите шкуру неубитого медведя? Смотрите – она-то уходит!

Они оглянулись, Виктор заволновался:

– Давай скорее картечь делать, добьем! Далеко не уйдет!

И через час с десятком патронов, начиненных самодельной

картечью и дробью, они побежали добивать зверя. Позади на расстоянии следовал Овсянников, неся новый охотничий нож начальника и виток вьючной веревки. Расхрабрившийся Саша с расстояния двух метров стал палить медведице в голову и спину – заряд за зарядом. А она, молча вздрагивая и приникая, все ползла и ползла, все быстрее и быстрее. Вот добралась до ивового лесочка и залегла там под бугром в промоине с илистой грязью. Заряды у Серебрякова кончились, и Овсянников прибежал к палатке за свинцом и порохом.

– Ох, и здоровая! – сообщает он. – Вот такая мурлетка! – и показывает, держа округло ладони сантиметрах в двадцати от головы. Схватив, что нужно, снова убегает.

Сидят на бугре три человека. Костер горит, в консервной банке свинец плавится. Торопятся люди, спешат – яростно гильзы набивают. А жертва у их ног свои раны целебной грязью залечивает… И опять гремят выстрелы, раскатываясь эхом по тайге. В упор расстреливают беспомощную зверину. А за что? За то лишь, что она – медвежьего племени?!

Медведи… Как часто слышишь от взрослых страшные рассказы про них. Даже старые таежники почему-то любят образно обсасывать подробности охоты на медведя и в густых красках рисуют сцены расправы зверя с человеком. Осташко долгие еще годы работал потом в глухих дебрях, и сотни его маршрутов проходили по медвежьим тропам, где вокруг бродили целые стада этих мохнатых хозяев тайги; десятки раз довелось ему нос к носу встречаться с ними. Но ни разу эти мирные, больше любопытные и трусливые, чем коварные и злые, существа не нападали на него, потому что и он их тоже не трогал, никогда в них не стрелял. В те времена, когда Иван Федорович работал в Дальстрое, не медведь был страшен в тайге, а беглый преступник, и многие геологи-полевики погибли от злодейских рук беглецов. Да и его жизнь не раз висела на волоске, спасали только наблюдательность, чуткий сон и умение читать чужие следы. В глухих местах, в дальних медвежьих княжествах геологи спали спокойно. Но когда приближались к автотрассе, особенно к районам приисков, приходилось быть начеку: выставляли ночные дозоры, спали вполглаза, брали в маршруты оружие.

Тогда Иван был молод и проще смотрел на вещи. Но, стоя у края речного обрыва и наблюдая за нехорошей охотой, ждал лишь одного: скорее бы все кончилось, чтобы животное не

мучилось. Охота же продолжалась, и «смелый» Саша чуть было сам не поплатился жизнью.

Увлекшись стрельбой, он слишком приблизился к жертве, и вывалявшаяся в грязи медведица, исцелявшая раны, страшно рявкнула и кинулась на него. Но ей помешал бугор, и она, отпугнув своего преследователя, споро поковыляла к протоке, перебрела ее и, обессилевшая, прилегла на косу, вытянув морду. По ней стреляли, бросали камни – мертвая неподвижность! Тогда Серебряков, держа «тулку» над головой, тоже перебрел на ту сторону, насилу преодолев бурное течение. Ему навстречу из-под большого корневища, выброшенного рекой, неожиданно выскочил заяц и сел прямо против него. Однако Саша не обратил на зайца внимания, а присел у комля в десяти метрах от раненого зверя и, приладив ружье, взвел курок. Тут медведица неожиданно встала во весь рост, молча ринулась на охотника. Саша вскочил, нажал спусковой крючок – осечка! Нажал другой – и заряд дроби хлестнул нападавшую по носу и глазам, когда она уже была в пяти шагах от Серебрякова. Закрывшись на секунду левой лапой, она отчаянно прыгнула. И в тот момент, когда Саша, перекидывая через голову ружье, боком валился в быстрый поток, хватила его когтями по спине. Но вырвала лишь клок ваты из телогрейки и тоже следом бросилась в воду, плюхнувшись спиной вперед. Саша оттолкнулся ногой от ее спины и, гребя изо всех сил, поплыл по течению. Ружье он утопил, перебросив его в горячке через себя, и двигаться было легче. Медведица же работать всеми лапами не могла – ее несло вслед за охотником, словно пустую бочку. Достаточно оторвавшись вперед, Серебряков повернул к берегу и стал выходить из воды. Проносимая волнами мимо него медведица увидела, что ее истязатель уходит не отомщенным, заревела злобно и жутко.

Бледный как полотно, стуча зубами, доплелся Саша до палатки, изнеможенно опустился на вьюк. По его мокрым спутавшимся волосам и лицу, по разорванной фуфайке и штанинам струилась вода и лужицей копилась у ботинок. На кончике заострившегося носа повисла прозрачная капля.

– Какое сегодня число, Федорыч? – словно в полудреме спросил он.

– Двадцать второе августа, – ответил Осташко.

Саша помолчал, потом сказал тихо:

– Сегодня день моего рождения… Ровно тридцать лет исполнилось.

– Выходит, заяц не зря предупреждал… – промолвил Овсянников.

Глухо шумела река. Где-то за дальними сопками садилось солнце, озаряя розовым светом заснеженную вершину Харана. Над лесом в лилово-синем небе показалась молодая луна. И все-таки на том охота не кончилась.

Речное течение вынесло медведицу на валунно-галечниковую косу. Там она и пролежала всю ночь. Именинник же, переодевшись в сухое и напившись горячего чаю, снова закипел охотничьим азартом. Не унимался и Важков. Они в потемках съездили в буровой отряд Чеботаева и взяли там одноствольную старенькую «ижевку». До рассвета ковали круглые жиганы; Саша клал двойную порцию пороха и туго запыживал патроны. После завтрака, сев на коней, прораб с промывальщиком отправились за зверем; Овсянников, у которого любопытство боролось со страхом, робко плелся за ними пешком. Еще издали стали кричать, бросать галькой в лежащую тушу. Один камень ударил по спине, другой в голову – никаких признаков жизни!

– Ребята! Да она уже дуба врезала! – крикнул самоуверенный Важков и браво поскакал к неподвижной зверюге. Серебряков пока не спешил, держался осторожно.

И вдруг «туша» оскалила зубы и зарычала. Мерин Важкова всхрапнул и боком отскочил в сторону, сбросив седока. Тот на карачках, а затем на своих двоих кинулся наутек. Медведица поднялась и пошла к воде. Со значительного расстояния, стоя, Серебряков выстрелил ей в бок, и выскочивший от чрезмерного заряда боек просвистел у его глаза, звякнув где-то позади: опять Саша был на йоту от смерти! Жиган свалил медведицу: она упала на спину, заболтав в воздухе лапами.

– Урр-рра! – завопил очухавшийся от испуга прораб.

Но тут же его нижняя челюсть растерянно отвисла: зверюга, как ни в чем не бывало, встала на лапы и побрела через реку. Перейдя все рукава и протоки, она скрылась в густых кустах противоположного берега…

27-го наконец перебрались через Чинягу, стали в узкой долине Мандычека среди отрогов Тас-Кыстабыта. На этом участке Осташко удалось найти ископаемую фауну триасовых аммони-

тов, а шлиховщики выявили наличие знаков золота и оловянного камня – касситерита. Скудные запасы продовольствия, полученные до 15 сентября, катастрофически таяли, рыбы здесь почти не оказалось, поддержкой была лишь голубика, иногда – застреленная утка. Иван совсем измотался – он проходил по горам ежедневно по 25–28 километров. Важков с Серебряковым в одном из маршрутов убили из карабина оленя, накоптили мяса и поспешили уйти под предлогом закончить скорее работы на правобережье – чтоб начальнику этого мяса не досталось.

А Иван продолжал свои работы по добавленной территории в бассейне Бурунжи – искал «по указанию» уголь там, где его не существовало, – он знал это уже по прошлогодней съемке. С ним оставался полуголодный Овсянников да две слабенькие лошадки. Ружья не было – свою «тозовку» он месяц назад отправил с Нуралбетовым для охраны склада, так что и олени, и глухари, и утки смело разгуливали рядом, не слыша пугающих выстрелов.

Морозно-солнечные дни опять сменились затяжным ненастьем.

…Моросит северная осень косыми дождями. Над горными долинами среди угрюмых скал несутся лохматые тучи. Шумит ветер в мокрых ветвях приунывших лиственниц, срывая желтые хвоинки. Ершистые лапы вечнозеленого стланика кивают смолистыми шишками, рассыпая вокруг себя дождевые капли. Трепещут золотистые листочки карликовой березы и красно-бурые – полярной ольхи. Набухший, как губка, ягель покрывает желто-белым руном отлогие склоны, на их полянах кое-где алеют гроздья брусники. А рядом громоздятся камни, поросшие седым лишайником, одиноко стоят разрушенные утесы; между ними длинными шлейфами спускаются тонкоплитчатые осыпи глинистых сланцев. И эти утесы, и хрупкие сланцевые плитки чернеют, лоснятся, словно шкура тюленя.

Замерли, приуныли и птицы, и звери. Только где-нибудь на вершине качающейся лиственницы сидит нахохлившаяся кедровка и гнусным голосом тянет на все лады свою скрипучую песню. Порой на мху появятся свежие отпечатки широких лап медведя или неуверенный след зайца. Нудная, тоскливая погода!

Зябко неприветлива колымская осень!..

Но по склону, скользя и шатаясь, с перегруженным рюкзаком за плечами, в брезентовых брюках и куртке, в старой фет-

ровой шляпе без накомарника, в рваных сапогах, опираясь на длинную рукоятку молотка, идет-плетется человек.

За лето, короткое северное лето, по скалам, осыпям, тайге и болотам пройдено больше тысячи верст. Пройдено в одиночку, с тяжелым грузом – в зной и ливень, в снег и туман, с туго затянутым, всегда голодным животом, потому что идет война, не достает ни продуктов, ни рабочих рук. И человек выбился из сил, отощал. Вместо тела – скелет, обтянутый кожей. На лице лишь нос да скулы торчат – сухие, почерневшие. Глаза впали глубоко-глубоко и чуть светятся, как вода в заброшенном степном колодце…

Вот и сегодня прошел-проковылял он двадцать два километра по хмурым горам, в дожде и тумане, съев у ручья лишь кусочек хлеба с голубикой. Ноги уже не держат, сил нет… Человек опускается в изнеможении на холмик, сидит, сняв лямки с плеч, тяжело дышит.

До стоянки еще три километра – это недалеко…

Отдохнув немного и вытерев со лба холодную испарину, он берет за лямки рюкзак и, волоча его по земле, ползет к ближайшей лиственнице. Ползти тоже трудно, и человек все останавливается, чтобы перевести дыхание… Возле деревца, полулежа, он слабыми, непослушными руками навьючивает на себя большой огрубелый рюкзак. Потом становится на колени и хватается иссохшими пальцами за сырой сучковатый ствол. Медленно, с трудным усилием, подтягивается вверх, напрягая все свои мышцы, еле разгибая колени.

Он поднялся, постоял с минуту, преодолевая головокружение, взял прислоненный к дереву молоток и, опираясь о его ручку, как о посох, поковылял дальше по склону…

Это – геолог. Иван Федорович Осташко.

А ушедший с запасом копченой оленины «князек» со своим «вассалом» занялся засолкой хариусов, которые в изобилии ловились на ключе Озерном возле Щучьего; охотились они также на уток и глухарей. Оставив Саше карабин – на случай, если олень или медведь попадется, Важков пошел на базу к деду за солью. Охрименко угостил прораба жареной зайчатиной и чаем с брусникой, затем после ужина таинственным шепотом стал говорить ему:

– Ось знаете, шо я вам сказать хотел…

– Ну?

– Тут сохатый появився – в тальниках, видно, пасется. Я там вчера ходил, следы совсем свежие.

– Так что ж? Он будет нас с тобой ждать? Черт с ним. Спать уже пора, – проворчал Важков, залезая в кукуль…

…Перед заключительным маршрутом погода сжалилась над Иваном: ночью небо очистилось, крепко подморозило, а утром на тайгу лег иней; затем – солнце, ветерок, облака кучевые; словом, глянула золотая осень.

В этом маршруте одному из крупных озер в бассейне Бурунжи Иван дал название «Улек» – в честь своей жены.

…Последний спуск с небольшой сопочки. Вот и палатки на полянке возле Чиняки. Он остановился, окинул взором знакомое место. А где же лошади? Где его серые Чайка и Красотка, которые обычно паслись недалеко от стана?

Оказалось, пока Овсянников голубику собирал, лошади, хоть были спутаны, куда-то исчезли. След как будто вел на тот берег, но Чиняка глубока, и Овсянников поплелся к буровикам, находившимся километрах в шести; взял рыжую кобылу Ольгу, на ней вплавь перебрался на тот берег, нашел отпечатки копыт, но только на косе, а дальше следы терялись. Весь мокрый, чуть не утонув, вернулся обратно. Начальнику он похвалился, что у буровиков ел суп с мясом и печеных ленков; мясо на минувшей неделе привез Карамышев – с ним якобы поделился Серебряков…

Два дня Осташко со своим рабочим колесил вокруг да около, ища лошадиные следы, но ничего нового обнаружить не удалось. Подъехал буровой отряд, кончивший работы на Бурунже. За четыре рейса удалось перевезти все грузы на правый берег. Николай с рабочими и инструментом последовал на очередной объект, пообещав на другой день доставить вещи Ивана Федоровича и палатку с печкой на базу. Осташко же поковылял туда один, велев Овсянникову пройтись над берегом до устья Иерогыла. У базы Ивана встретил выскочивший с ружьем из палатки отъевшийся Нуралбетов. Он принял своего начальника за беглеца и наставил на него ствол.

– Ты что, Чингиз, очумел? – крикнул Осташко.

– Оо-о, это вы, Иван Федорович… – Нуралбетов растерянно опустил ружье. – Я не узнал… как вы похудели…

Ночевал Осташко на складе, на бревенчатом полу в своем

спальном мешке. Сквозь щели стен просвечивались огни таежного пожара, тысячами свечей горевшие вдоль гривки соседнего водораздела, в километре от базы. Он подолгу не спал, горько раздумывая над своими лишениями и бедами… Три дня ищут Чайку и Красотку Охрименко с Овсянниковым. В случае пропажи лошадей ему грозили большие неприятности, за каждую удержат 10 тысяч рублей; к тому же осложнится вывоз груза к трассе, на Эмтегей…

Но лошади, слава богу, все же нашлись – их увидели на той стороне, на последней стоянке, где они было пропали. Как выяснилось, обе паслись в глухом распадке, уйдя туда по руслу Чиняки.

Наступили последние дни сентября. Полевые работы закончились. План по геосъемке обоих масштабов был значительно перевыполнен, за лето пройдено 1 224 километра маршрутов; надо было поторапливаться с вывозом грузов.

Караван из шести тяжело навьюченных лошадей тронулся в путь в конце сентября. Три лошади были слабые, с гноящимися ранами на спинах, они часто ложились. Пошел снег, двое суток пришлось стоять в снежно-туманной мути; двигались в тумане и пурге при встречном ветре, по колено в заносах, сбиваясь с пути. Кончился овес, лошади валились от усталости. К Аяну добрались только на шестой день к вечеру. Кое-как перевезли рабочих и кладь через реку на Четвертое прорабство.

Партия поселилась во временно пустовавшем маленьком клубе. Погода установилась солнечная, с морозцем, и надо было спешить, чтоб успеть вывезти с базы остальное, ибо по Аяну уже шла шуга.

Важков с Чеботаевым и рабочим, бросив склад, налегке, со своими вещами и патефоном, прибыл на Эмтегей; он решил здесь Сашу обратить в своего дневального и поставщика дичи. Но Осташко разбил его наглые намерения: Сашу, деда и Чеботаева распорядился послать на базу. Узнав это, Важков аж почернел от злости и, организовав выпивку за спиной Осташко, требовал тоном приказа: «Смотри, Серебряков, не вздумай ехать на Иерогыл – пускай сам едет!»

Услышав такое, Иван лишний раз убедился, что прораб – человечишко мелковластолюбивый, подлый и мстительный, его не уважали многие, особенно Чеботаев и Серебряков. Подвыпивший Николай громко изрекал: «Жизни не пожалеем, умрем, а грузы

привезем!» Он ругал Важкова и клялся в верности Ивану Федоровичу. А Саша начал перед начальником извиняться и чуть не плача уверял, что не мог вести себя иначе – прораб все время понуждал его во всем подчиняться, исполнять его прихоти.

Осташко связался с Нексиканом. Там опять сменилось руководство: начальником геологоразведочного отдела назначили кандидата геолого-минералогических наук Серафима Васильевича Левченко, а главным геологом вместо Вронского стал некий Митрофанов.

Караван, возглавляемый Чеботаевым, прибыл в Иерогыл 17-го числа. К Аяну подъехали в обед и на себе перетащили по шаткому льду грузы, а затем по одной перевели лошадей.

Все кончилось благополучно, а оказалось – не все круги ада еще пройдены: через два дня исчезла кобыла Веселая. Все, кроме Важкова, искали ее два дня. Осташко ходил один в плаще. Падал крупный снег. Было грустно на душе… Почему ему так не везет с этой партией? Веселую, очевидно, зарезали работяги из подкомандировки прииска «Большевик», которая находилась в километре от Эмтегея. Доложил Иван об этом Левченко. Тот ответил: «Ты хозяин, раз лошадь пропала – платить будете».

Восемь лошадей и оставшиеся продукты были сданы на Бастах, на Веселую составлен акт, после чего Осташко поспешил в Нексикан.

На Нижнем Берелехе сдал на склад снаряжение. Там, в разведрайоне, остались Серебряков и Охрименко; что касалось рабочих-заключенных, в том числе и Нуралбетова, то они были направлены в распоряжение начальника лагеря еще по прибытии партии в Эмтегей на Четвертое прорабство. Взяв со склада свои вещи, Иван с остальным грузом вместе с прорабом и коллектором в два часа дня 25 октября подъехал к новому саманному длинному дому, «дому полевиков», в одной из комнат которого должна была жить его семья.

Осташко вошел в помещение; в коридоре кто-то из жильцов указал ему нужную комнату. Взявшись за ручку двери, глянул на мальчика лет трех-четырех, стоявшего в конце коридора и смотревшего в окно. Был он в сером пальтишке из одеяльного сукна, сапожках и клеенчатом шлеме. Услышав гулкие шаги, мальчик обернулся, глянул на большого дядю и снова уставился в окно. Осташко вошел в комнату. Возле убогой постели, устроенной на

широком топчане и покрытой общежитовским одеялом, стояла Уля – его жена. Худенькая, с печатью пережитого на бледном лице. Он снял шапку, подошел к ней.

– Ну здравствуй, Уленька, – сказал, прижимая ее к груди.

– Здравствуй, Ванюша… – посмотрела ему в глаза. – Какой ты мужик стал… и не узнать. А что ж ты сына – не видел? – спохватилась сразу. – Он же тебя с самого утра в коридоре у окна выглядывает!

Открыла дверь, позвала:

– Федя, иди. Это же твой папа приехал.

Мальчик вошел, стеснительно глядя на отца. Мать хотела снять с него шлем, но Иван Федорович подхватил сына сильными руками, поднял до уровня лица своего и ласково посмотрел в его темно-карие пытливые глазенки.

– Сыночек мой!

Федя ткнул отца пальчиком в нос, молча и сосредоточенно глядя на него. Встряхнув, прижав детскую щечку к своей обветренной щеке, Иван поставил сына на пол, сказал Уле:

– Там ребята ждут – надо машину разгружать.

Из «ребят» остался один Николай, Важкова не было. Ящики с образцами выгрузили в помещение геологоразведочного отдела, где указал Донат Байбаков, – он уже занимал должность начальника отделения вместо Исакова, который возглавил группу сводных карт. На ходу представился Серафиму Васильевичу Левченко. В коридоре его остановил Шилин:

– Ну как, Иван Федорович, будет золото на Чиняке?

– Будет.

– Когда?

– Лет так через тысяч десять. Когда чинякинские притоки эродируют водораздел… Потом, Лев Лаврентьевич. Я в своем докладе расскажу.

И Осташко побежал домой.

– А Федя уже беспокоится, третий раз меня спрашивает: где тот дядя, что папой называется? – сказала Уля.

И, оборотясь к сыну: – Это не дядя, а просто – папа, понял?

Иван разделся, положил плащ, телогрейку и шапку на ящики – в комнате ни вешалки, ни стульев не было. Стояли только сколоченный из досок круглый стол, скамейка и тумбочка, у двери возле камина – Федина деревянная кроватка с перильцами; окно было

завешено бумагой. Уля вселилась сюда неделю назад, здание как следует даже не просохло. В нем находилось двенадцать комнат и кухня. Отапливались комнаты углем, из коридора; бочка с водой стояла на кухне, наполнял ее каждое утро водовоз. Уборная – деревянная, была на дворе. В комнатах, соседних с Осташковской, с одной стороны жила семья геолога Бархатова, с другой – пять геологов-холостяков, которых Федя окрестил «партизанами»…

Сразу же после октябрьских праздников геологов разослали по приискам и разведкам форсировать выполнение дальстроевского годового плана по золоту. Осташко поехал на Неру, в Бурухстахский, недавно образовавшийся разведрайон. Поехал туда умышленно, чтоб ознакомиться с дорогой и районом будущих работ: ему предстояло проектировать Верхне-Тирехтяхскую стотысячную партию 1945 года в системе Неры.

1945

НЕКСИКАН. ЛЕТО 1945 ГОДА

Война близилась к концу. К началу этого года вся советская земля была очищена от немецко-фашистских захватчиков, и военные действия перенесены на территорию Германии и ее сообщников. Были выведены из строя союзники Германии – Румыния, Болгария, Финляндия, Венгрия.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 февраля 1945 года Дальстрой НКВД СССР был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Более тысячи дальстроевцев в начале этого же года получили ордена и медали, а десяти геологам присвоено звание лауреата Сталинской премии; среди них – Вронский, Шаталов, Ерофеев (*присвоение звания лауреата Сталинской премии состоялось в январе 1946 года. – Ред.*).

Иван, работая над отчетом Онказанской партии, составил проект новой – Верхне-Тирехтяхской геолого-поисковой, захватывающей северо-западное продолжение хребта Тас-Кыстабыт, переименованного позже в Нельканскую цепь; это было левобережье Неры. Текст отчета он писал днем, а с вечера до полуночи описывал в лаборатории под микроскопом горные породы; даже в выходные дни не мог оторваться от работы. И все же обустраивал быт своей семьи, заботился о сыне. Сын целыми днями молча занимался рисованием, раскладыванием и подборкой игрушек – безделушек, железок и прочего своего богатства, которым вечно были набиты его карманы.

Поначалу Федюшка, живо еще помнивший оккупацию и жизнь среди партизан, бойко воевал с «фашистами». В пустой консервной банке, закрытой жестяной крышкой и стоявшей под кроваткой рядом с другими игрушками, у него находилась «стрельба», а «винтовкой» служил папин геологический молоток с длинной ручкой. Он выдвигал из-под кроватки банку и, снимая крышку, давал команду: «Открыть стрельбу!» Хватал молоток, прижимал к плечу, ручкой в направлении двери, бил по врагу: «Трах, трах, трах! Буух! Бах-бабах!» И – делая выпады вперед: «Коли штыком! Рраз, рраз!» Затем быстро поворачивал молоток обратной сторо-

ной, лупил по двери: «Бей прикладом! Бах, кххх!» После чего клал «ружье» на пол и, скомандовав: «Закрыть стрельбу!», накрывал банку крышкой, задвигал на прежнее место.

После «стрельбы» Федя однажды сказал:

– Партизан как дал фрицу – так он и разломался весь!

– Что же, фриц деревянный был или из стекла? – спросил отец.

– Нет, он мясной, – отвечал сын.

Иногда мальчик надевал папину «казанскую» шляпу – по названию Онказанской партии – и, вскинув молоток на плечо, важно расхаживал по комнате, изображая «геолога», то есть своего отца, – как видел его на полевых фотографиях и представлял по рассказам. Он с глубоким интересом слушал повествования о медведях и куропатках, зайцах и глухарях, об исполинской щуке и сохатых, скалах, ущельях и бурных реках. Для занятий с сыном Осташко, пока не уезжал в поле, всегда уделял час после ужина; затем сын укладывался спать, а он уходил в лабораторию.

Днем, когда отец работал в комнате, Федя молча занимался своими делами: из грузовика делал «самолет», самолет превращал в «танк», а танк – в «пушку» или «слона». На листах бумаги рисовал истребитель, пушку, мчащийся танк. Сын не мешал отцу работать и никогда не обращался к нему с вопросами. Усидчивости и сосредоточенности малыша завидовали все, кто заходил в комнату, особенно соседние геологи-«партизаны». Они говорили Ивану:

– Ну и сын – весь в тебя!

Феде очень понравилось стихотворение «Кот скорняк»; он часто просил отца снова повторить его. Запомнил, как ругались кот и пес. И вот однажды, когда сосед принес утюг, стоявший в кроватке и готовившийся ко сну Федя вдруг выпалил:

– Ты, братец, прут (плут), ты, братец, вор! Жена твоя воровка!

Сосед опешил, покраснел. Ивану Федоровичу пришлось объяснить, что это – из Маршака.

С марта организовался дальстроевский «деткомбинат», и Федя стал ходить туда в старшую группу, где воспитательницей была Юлия Вениаминовна Филимонова. Дети называли ее Юля Аминовна, а которые старше – Юлия Витаминовна; они любили свою «распитательницу», садик посещали с охотой. В выходные дни там бывали утренники, дети декламировали разученные стихи, водили хороводы.

Вся жизнь в поселке с приездом семей стала более разнообразной, оживленной, особенно среди геологов. Очень деловым, энергичным, интеллектуально развитым человеком оказался новый начальник ГРО – Серафим Васильевич Левченко, прибывший из Москвы. Был он среднего роста, достаточной упитанности, со светло-русыми гладкими волосами и рыжеватыми усиками на холеном лице. Если раньше геологическими вопросами занимались главные геологи, а начальник отдела – только делами административно-хозяйственными, то теперь и то, и другое сосредоточилось в Серафиме Васильевиче. А главный геолог Митрофанов, мужиковатый и флегматичный, практически никакой роли не играл; он отличался лишь тем, что каждый месяц впадал в продолжительные запои, напиваясь до чертиков, до белой горячки, не показываясь при этом на людях.

При управлении в Нексикане возник поэтический кружок; он собирался каждую среду. Геологов в нем не было, только Митя Филиппов, один из холостяков-«партизан», посетил два занятия и то лишь потому, что в кружок записалась Лидия Арм, его симпатия. Доморощенные пииты занялись теорией стихосложения, глубокомысленно выясняя, чем отличается анапест от хорея, амфибрахий от ямба, гекзаметр от дактиля; там звучали слова «ода», «поэмы», «новелла», «сонет» и даже «рубаи». Каждый из участников пытался сказать что-то умное, бесспорное, дискутировали до хрипоты, а затем, устав, читали свои опусы на заданную тему и без таковой. Активной посетительницей кружка стала Софья Лифиренко, которой в камеральный период, как обычно, когда муж находился дома, невольно приходилось соблюдать «пост», неся крест «супружеской верности». Трижды читала Софья свои стихи, и каждый раз кружковцы признавали их незрелыми, нехудожественными, несовременными. Наконец она принесла четвертое стихотворение. Его раскритиковали в пух и прах, а руководитель кружка пожурил, что уважаемая поэтесса, к сожалению, не совершенствует свое мастерство, даже скатилась до примитива. Тогда Софья раскрыла принесенный с собой томик и слово в слово повторила то, что было написано у нее на листке бумаги.

– Так вот, – сказала она, вставая и обводя хулителей насмешливым взглядом своих терновых глаз, – это – Александр Блок! А вы все бездари и дураки!

Захлопнула книжку и демонстративно оставила посрамленных критиканов. Через две недели кружок распался…

Все, кто знал семью Осташко, находили, что это ладная пара, хорошая семья. Да так оно и было на самом деле. Однако не во всем у них находилось согласие, понимание. Он был предан своей геологии, безумно любил свою профессию и тем самым старался быть полезен обществу, стране; в его деятельности главным являлась не зарплата, не деньги, а любимое дело. Уля же, будучи по образованию гидромелиоратором, не могла работать на Колыме в системе Дальстроя по специальности. Да это ее и не волновало; тем более что и в институте киевском она очутилась лишь для того, чтобы получить диплом инженера и хорошо выйти замуж. Ее интересовала только материальная сторона – деньги, к сожалению! А что касалось мужа, то хотела, чтобы был он всегда дома, при ней, и не уезжал на долгие месяцы в горы, в далекие таежные дебри, но при этом получал очень хорошие деньги. Поэтому каждый из них, лишь только речь заходила о личных интересах, о работе, упрекал другого в эгоизме: она – за его геологию, он – за ее меркантильность. А таковая явно обозначилась уже с первых недель женихой работы. Ульяна сразу открыла счет в сберкассе и всю свою зарплату переводила на сберкнижку; затем обратила внимание на то, что получаемую норму хлеба они не съедают, и стала раз в неделю, а то и чаще, продавать хлеб через дневального зэкам; это тоже шло на ее сберкнижку. Семейные расходы обеспечивал муж, причем сюда же входила одежда и обувь для жены. Да и воспитанию сына, как уже упоминалось, основное внимание уделял он, отец, когда, конечно, бывал дома, а не в поле…

В начале июня Иван Осташко представил Левченко свой отчет по Онказанской партии со всеми картографическими приложениям. В отчете он доказал, что россыпей в Чинякинской котловине нет, угля тоже, и тратить средства на дальнейшие поиски – преступно. Доводы были столь убедительны, что всякие геологические исследования в период деятельности Дальстроя больше не проводились…

Однако пройдут годы, не станет больше Дальстроя, а возникшие в конце того же 1945 года районные геологоразведочные управления войдут затем в состав Министерства геологии СССР, появятся новые руководители. И в 1970 году, будучи в служебной командировке, Иван Федорович узнает от главного геолога в Нексикане, что

опять «штурмовали Чиняку» – два сезона подряд проводили самые детальные комплексные работы – с геофизикой, геохимией, глубоким бурением, шурфовкой. Но… ничего нового не обнаружили. И вынуждены были признать: «Да, Осташко был прав!»

А потом у седого Ивана Федоровича появится на столе карта Магаданской области за 1987 год. На ней он увидит: «Заповедник Хинике» – как раз район работ его Онказанской партии. «Наконец-то принято умное решение!» – подумает он. Ибо Чинякинская котловина, убогая полезными ископаемыми, замечательна своим ландшафтом и животным миром: толпами там бродят бурые медведи, много лосей, диких кабанов, оленей, прочих зверей и птиц; в реках и озерах полно всяческой рыбы.

Свою новую, Верхне-Тирехтяхскую партию с необходимыми грузами Осташко отправил в поле еще 4 апреля. Туда поехал прораб-поисковик Лазицкий с промывальщиком Серебряковым и рабочим «дедом Хиба». Это были толковые, добросовестные люди, особенно Иван Викторович и Саша. На машине, затем с помощью трактора и оленей, Лазицкий доставил грузы на место – в устье Арга-Салы, левого притока Тирехтяха, что находился в пятидесяти километрах от нерской автотрассы. Там устроили базу, срубили надежный склад.

Д. С. Голота. Верхне-Тирехтяхская ГРП. *1945 г.*

Иван Федорович выехал из Нексикана 10 июня, но до конца месяца никак не мог переправиться через бушевавшую Неру. Небывалое половодье в правых притоках – Делянкире, Хара-Юряхе, Артыке, бравших начало на высоком плато Улахан-Чистая, шквалом обрушилось на одноименные поселки, стоявшие в устьях этих рек; посносило мосты, размыло трассу. Стоявшая лагерем в долине Артыка Нижне-Тирехтяхская партия Вадима Руцкова, ждавшая спада воды, тоже пострадала: две палатки со всем имуществом унесло в Неру.

Иван временно поселился у него. Они читали только что выпущенные двумя книгами в издательстве «Советская Колыма» роман Сергеева-Ценского «Брусиловский прорыв». Перефразируя два четверостишия из книги, Вадим шутливо обращался к коллеге по поводу предстоящей переправы через Неру:

Говорила твоя матушка,
Когда стал ты вояжировать:
«Будет счастлив мой Иванушка –
Будет реки он форсировать».
И случилось волей божию,
Как сказала твоя матушка:
Реки будто непрохожие
Уж форсирует Иванушка.

Погода была неустойчива. Ходившие в поселок Делянкир сотрудники принесли новость. Там на размытой дороге застряла семитонная «Татра» – эти чешские грузовики недавно появились на Колыме. Шофер с напарником возился у машины, а со стороны Усть-Неры подъехал на черном ЗИЛе Гагкаев – зам. начальника Дальстроя, о зверствах которого Осташко слышал еще на прииске. Он вышел из лимузина и напустился на шофера с матерной бранью за то, что тот загородил дорогу. Шофер ответил тем же. Гагкаев, как обычно, выхватил наган, пытаясь ударить водителя рукояткой в висок. Но шофер, ловко уклонившись, так огрел ретивого начальника ключом по голове, что тот свалился в лужу. Водитель ЗИЛа, глянув на гвардейский значок смельчака, только улыбнулся; он молча помог Гагкаеву влезть на свое место. Через полчаса машины разъехались.

«Торбасное радио» разнесло быстро весть о случившемся по Колымской трассе, и стали поговаривать, что с тех пор Гагкаев присмирел. Да и вообще чувствовалось: скоро дальстроевским бесчинствам наступит конец.

Для закрепления кадров северян правительство издало постановление о возобновлении процентных надбавок и о ряде дополнительных льгот; продолжался завоз молодых женщин с малыми сроками заключения; ехали комсомолки, для которых и в Нексикане уже были построены новые общежития с необходимыми удобствами.

Реорганизовалась геологическая служба Дальстроя. Геоло-

горазведочные отделы выходили из подчинения горнопромышленных управлений, преобразуясь в райГРУ – районные геологоразведочные управления с самостоятельным балансом. На поселковой площади Нексикана напротив клуба уже строилось просторное двухэтажное здание Берелехского райГРУ – с кабинетами для камералок, лабораториями, геолфондами, коллекторскими и прочими службами.

…Получив из Бурухстахского разведрайона четырех рабочих и трех лошадей, с каюром Андреем Казанцевым Осташко решил добираться до своей базы. Байбаков из Нексикана прислал ему коллектора – молодого парня Бориса Матвеева. Договорившись на Артыке с лодочником, Иван Федорович поручил Андрею переправу лошадей через многоводную, еще мутную, широкую Неру. За несколько часов животных благополучно, хоть и не без малых опасностей, переправили, а последним рейсом переехал и сам начальник с людьми и небольшим грузом.

7 июля Осташко послал Матвеева в Нексикан за остальными лошадьми. По возвращении Матвеев передал Осташко письмо от жены.

На базе в общем гурте Казанцев подвел к насыпанному в тазик овсу и «якутов» – мерина Орла и кобылу Лиса, которые раньше и не нюхали овса. Ни мышастый Орел, ни рыжая Лиса и ноздрей не шевельнули, словно перед ними пустую посудину поставили.

– Ты смо-о-три, кол вам в душу… Вы што, вислопузые, вам пирожные, может, на голубой тарелочке поднести? – возмутился конюх-каюр.

Привязал обоих, взял брезентовые мешочки, что для рудных проб, в каждый насыпал пригоршни по три зерна, надел эти торбы лошадям на морды и закрепил за ушами тесемки. Орел дернулся, махнул головой, пригнулся и, наступив на мешочек копытом, сорвал его прочь; овес рассыпался по траве. Вслед проделала то же самое и Лиса. Психанувший Андрей чуть язык не прикусил. Постоял все же, поостыл, стал животных оглаживать, приговаривать нежно: «Глупенькие, дурашки мои беспонятливые…» А сам поводья накоротко натянул, сумку с овсом опять коню приладил и, не дав ему опомниться, как хватит снизу да в пасть ему, в пасть!

Эх, что тут только не стал вытворять Орел! Брыкался и храпел, на дыбы вскидывался, со злости чуть Андрея не тяпнул. Но конюх,

в аккурат, еще раз ухитрился в рот ему корму толкнуть и, сняв торбу, отскочил в сторону. Мерин мотал головой, с отвращением выплевывал набившийся в зубы овес. Он выталкивал его языком, фыркал, чихал, щерился и скрежетал, брезгливо выворачивая при этом верхнюю губу. Дело, однако, было сделано. Растершиеся на зубах зерна все более обнаруживали свой вкус, и оставленный в покое конь мало-помалу, сам того не замечая, исподволь начал жевать и облизываться. Подобным приемом заставил каюр испробовать овса и кобылу, которая отнеслась к этому менее брыкливо, чем ее напарник… Затем операция была повторена, и уже на следующий день Казанцев мог угощать дикарей прямо из тазика. А денька два спустя эти лошадки по утрам сами стали приходить на кормежку, терпеливо ожидая у порожней посудины, и, если вьючник долго не показывался, давали о себе знать призывным ржанием.

Отлиняв, неразлучные трудяги оделись по-летнему: на овсе и сочной зелени выровнялись, совсем справными стали. В полевых горно-таежных условиях эта пара якутских лошадок далеко превосходила остальных «материковских», что завезены были из центральных районов России. Под вьюками ходили они свободно, легко, поднимали почти до ста килограммов каждая; никакие водные преграды их не пугали. Смело пускаясь вплавь, сидели в воде неглубоко, так что уложенный на спине груз оставался сухим…

Работа шла напряженно, геология была интересна. Район этот, где скалистые вершины достигали высоты двух тысяч метров, ранее практически представлял собой «белое пятно». В притоках речки Арга-Салы и верховий Тирехтяха поисковики обнаружили оловянный камень – касситерит.

…В жаркие дни второй половины июля случились две забавные истории, особенно запомнившиеся Ивану Осташко.

Первая касалась его лично и чуть не закончилась трагически. В конце маршрутного похода он увидел, что над громадой Тас-Кыстабыта нависла черная туча; вот-вот должен был разразиться страшный ливень, и ручей, не уместившись в узком русле, преградил бы путь к палатке. Иван спешно стал искать переправу. В одном месте оказалась перекинутая через поток вывороченная с корнем лиственница; ствол ее прогнулся, из-под торчавших сучьев дугой рассыпались сверкающие брызги. Бочком, опираясь на молоток, стал он передвигаться по мокрой лесине, да на самой середине ее – бац! – и поскользнулся. Чует – повис на суку, как полураскрытый

нож перочинный: ноги и голова в воде, а снаружи один зад торчит. Рванулся, дернулся – только дело испортил: рюкзак с ружьем на шею навалился, вниз потянул. А тут на беду и сучок крепкий попался, и штаны его брезентовые – будь они неладны! – не поддаются; так что наш геолог захлебываться уже начал… Да, видать, не суждено еще погибать ему было – сук не выдержал, треснул, слава тебе, господи! Швырнуло Ивана ко дну, поволокло, подбросило, перевернуло, и очутился он на коряжине, на нужном берегу – цел и при всей амуниции. «Вот и „береги себя“», – вспомнил слова из письма жены. Разве узнаешь, где тебя смерть ожидает?!

Другой случай произошел со щенком Валеткой, которого Андрей взял с собой с конбазы. Палатка стояла на ровной зеленой площадке под сенью разросшихся деревьев; внизу среди зарослей у крутого склона струился ручей. День был солнечный и жаркий. Андрей, работавший не только конюхом, но и за повара, принялся разделывать к обеду соленую горбушу. Возле него под кустом кедрового стланика блаженно посапывал Валетка. Вдруг пес шевельнул ноздрями, поднял голову, не спеша встал и подошел к повару.

– Што, лежебока, жрать захотел? – сказал Андрей, бросая вырезанный с мякотью плавник.

Валетка деликатно взял подачку, прилег в сторонке и, прилежно чавкая, быстро с нею справился. Андрей бросил еще, потом снова – всякие обрезки, внутренности, хребет. Так что Валетка налопался до отвала и, кряхтя, снова улегся под кустом… Полежал полежал – встал. Поплелся к ручью. А спуск туда крутой был, сыпучий, метров пять высотой. Долго хлебал Валетка хрустально-чистую горную воду. Напился, возвратился наверх и лег под куст. Вздремнул минутки две, облизнулся, поднялся – и опять на водопой. Обратно влез с трудом и даже на прежнее место не пошел, а расположился вблизи обрыва, тихо вздохнул… Ходил пить и третий раз. Перед четвертым спуском бедный песик долго повизгивал, приноравливался, трогал лапой сыпучую гальку, пятился назад. Наконец решился и кое-как – то юзом, то кувырком – добрался до воды. Пил, пил – пузо, как бочонок, дух не перевести. Задрал он мордашку, посмотрел на крутой откос – ох, как высоко! – и завыл: тоненько, жалостно. Затем присел, поджав хвост, отдохнул, еще раз на воду покосился, хотел хлебнуть – да только тявкнул с досады и медленно, как-то враскорячку, стал подниматься. Насилу вскараб-

кался и почти замертво повалился набок. Живот – горой, хвост откинул, дышит тяжело. А жажда все не отпускает!.. Подполз Валетка к самому краю обрыва, положил морду на лапы, с безысходной тоской на ручей смотрит. А водичка журчит, серебром переливается – прозрачная, прохладная! По ней солнечные зайчики бегают, приятной влагой несет. Глядел он, глядел, даже ухо правое поднял, слушая, как вода плещется. И вдруг громко – с таким ожесточением! – как залает: «Гав, гав!» Подастся чуть вперед, голову то так, то этак наклонит, да все на воду: «Гав, гав-га-авв!» Лаял, лаял, бедняга и незаметно уснул.

С тех пор соленой горбуши терпеть не мог! Казанцев, бывало, покажет ему кусок: «На, Валетка, ешь!» – так он поведет носом, шерсть вздыбит, хвост трубой: «Р-рр-рр!» – зарычит сердито и отвернется, брови насупив.

Осташко потом часто шутил, когда приходилось чего-нибудь отведать: «Буду теперь на воду лаять, как тот Валетка»…

В дождливые немаршрутные дни Иван Федорович перечитывал взятые с собой книги. Многие рассказы читал вслух, для всех сотрудников, и заметил, что рабочие, вчерашние зэки, для которых первым развлечением была картежная игра, слушали его с неотрывным, глубоким вниманием…

В начале сентября Осташко отправил Лазицкого в Нексикан с рапортом о выполненной работе, письмами домой и родителям, дал дополнительные заявки на материалы.

Пока Иван Викторович находился в отъезде, шла переброска оставшихся продуктов, имущества, образцов на стоянку в устье Тирехтяха – на остров возле Неры, напротив поселка Хара-Юрях. Здесь оборудовали большую палатку под жилье, другую – под склад.

Узнали об успешных военных операциях на Дальнем Востоке и полном разгроме Японии: 8 августа Советский Союз объявил ей войну, а 1 сентября советские войска полностью разоружили японскую Квантунскую армию, которая все военные годы угрожала вторжением в СССР. 2 сентября Япония подписала Акт о безоговорочной капитуляции. Это был конец Второй мировой войны. 3 сентября – Праздник Победы над Японией.

В канун военных действий произошло очень важное событие, в первые месяцы оставшееся почти незамеченным: США сбросили атомные бомбы – 6 августа на Хиросиму, 9-го – на Нагасаки.

Возвратившийся из Нексикана Лазицкий отдал материалы и письмо Ивану, после прочтения которого стало очень горько на его душе. За что? Почему? Что не так он делает? Всю ночь он не мог сомкнуть глаз – перед ним стояли строчки письма жены, убивающие его веру в светлое, хорошее:

«…И обидно делается на всю свою жизнь, а вместе с тем и на тебя. Мало, очень мало ты уделяешь мне внимания. Все время нашей общей жизни ты отодвигаешь меня на задний план… а жизнь ведь не стоит на месте, годы летят… иной раз думаю, как бы мне не свихнуться и не сойти с ровной дороги… Хоть на малый отрезок времени плюнь на всю твою геологию, забудь ее. Ничего мне на свете не надо, только быть вместе с тобой… Очень тяжело так жить, не видеть тебя и не иметь от тебя два месяца никакой весточки… Все-таки ты большой эгоист, очень мало ценишь и любишь меня, я у тебя всегда на заднем плане и нужна тебе только для забавы, для твоего отдыха. Другая бы на моем месте не смогла выдержать. Эгоист ты, большой эгоист и ни капельки не ценишь меня. Ты побоялся нам с сыном оставить свою сберкнижку. Почему??? Потому, что мы чужие для тебя, а то все твое, тобою купленное и тобой заработанное. Эх, эгоист, эгоист… Вот и теперь приехал Лазицкий, а ты не мог приехать. У тебя, видишь ли, работы очень много. Не верю и не хочу верить! Почему у других есть время каждую неделю по 2–3 дня быть дома, а тебе за три месяца нельзя пять дней потратить на это? Потому, что другие дорожат семьей, ценят и уважают свою подругу жизни, а ты?.. С моими желаниями, с моими запросами ты совсем не считаешься и не уважаешь их. Я больше тебя мучаюсь и переживаю всю жизнь. И если ты и дальше так будешь поступать со мной, то я за себя не ручаюсь, все может случиться… Брось все, плюнь на все, на всю свою работу, потому что она никуда не убежит, а жизнь проходит, огонь угасает или засветит для другого. Тебе же останется лишь воспоминание и покаяние. Не думай, что тебе наука может все заменить – и жену, и семью. Она тебе всего не заменит, и не раз тогда тебе придется вспомнить и Улю, и сына.

…Я еще не жила не свете и не видела жизни. А поэтому я хочу жить. Для этого и приехала к тебе на Колыму… Во всем виноват ты и только ты… Сыночек очень скучает по тебе и часто тебя вспоминает…»

За что? Боже, боже… И это – за его любовь и заботу о семье, о родной Улечке и дорогом сыночке, за горестные переживания всех долгих лет разлуки… Так кто же из них эгоист?.. Ее беспокоит его сберкнижка – вдруг она пропадет вместе с ним?

Ведь он же оставил ей доверенность на всю свою зарплату, а ей все мало, со своей сберкнижки брать не хочет. Ей плевать на его работу, на его интересы. Ей нужно, чтобы муж возле ее юбки сидел и в то же время денег много получал. А иначе… она, возможно, другого подыщет. Господи! Как это отвратительно…

И все же, думал он, Уля в какой-то мере права, надо поехать к ней хоть на неделю.

Рассчитал людей, сдал остатки продуктов, лошадей, распорядился оборудовать как следует палатку, чтобы при морозах можно было работать, пока не станет Нера, и вышел на трассу. На хозяйстве остались Иван Викторович да Саша с дедом. В ожидании попутной машины он более часа, в сумерках уже, ходил туда и сюда по дороге; горькие думы терзали его душу, сердце сжималось от боли…

…Приехал домой вечером. Федя в одной ночной рубашечке был уже в кроватке – он первым встретил отца. Обвил его шею теплыми своими ручонками, прижался нежной щечкой к лицу, промолвил страстно:

– Я тебя люблю сильно-пресильно, как солнце светит!

И Уля очень обрадовалась – она не ожидала такого скорого приезда. В Нексикане он пробыл десять дней, переделал все хозяйственные дела, заготовил на зиму продуктов.

Докладывал Иван Федорович о результатах работ на Тирехтяхе Байбакову, беседовал с Серафимом Васильевичем, который настоятельно предлагал ему заняться тематическими специальными исследованиями, переходить к научной деятельности.

По возвращении из Нексикана Осташко с Лазицким приступили к Информационной записке, картам, оформлению полевой документации. Когда приближались сумерки, выходил он к берегу реки смотреть, как на Нере идет «сало». Кусты, деревья, сопки были уже в снегу. Иван вспоминал, как в последнем маршруте в начале сентября посматривал на запорошенные снегом горы, а в голове вертелись строчки:

Я вернусь, когда зима
Долины укроет,

Когда крепкого вина
Жена приготовит…

А вместо «крепкого вина» получал ее злые, ядовитые письма. Почему, почему, как в той сказке, что часто рассказывала ему мать, за добро платится злом?! Он понимал, геологи-коллеги неслучайно на его стороне. Ведь Ульяну многие недолюбливали за ее неуравновешенный характер. И жилички саманного дома с ней не дружили…

После 10 октября морозы достигли двадцати, а через неделю – тридцати градусов. Нера окончательно замерзла, так что машина, договоренная на Делянкире, подкатила прямо к палатке. 26 октября Верхне-Тирехтяхская партия прибыла в Нексикан.

Накануне октябрьских праздников Серафим Васильевич Левченко, вернувшийся из командировки в Москву, созвал геологов в своем кабинете и рассказал им об атомной бомбе – все, что удалось узнать ему на специальном секретном семинаре, начиная с открытия нейтрона и кончая взрывами в Хиросиме и Нагасаки. Рассказ его был обстоятелен и интересен.

Из сообщения Левченко стало ясно, что И. В. Курчатов работал над созданием атомной бомбы, С. П. Королев – над средствами ее доставки в любую точку земного шара, а геологам надлежало обеспечить атомную промышленность Советского Союза необходимым сырьем; это требовалось сделать в ближайшие два-три года.

В составе Геологоразведочного управления Дальстроя был создан Пятый отдел, а при райГРУ – Пятые отделения по поискам и разведке месторождений урана. К тому времени ученые-геологи уже знали, что геохимически уран ассоциирует с оловорудной минерализацией и его месторождения надо искать в районе оловоносных гранитных интрузий. Чтобы наметить благоприятные объекты и уже в 1946 году приступить к поискам, все архивные коллекции образцов горных пород и руд в зимний период просматривались под электроскопом на радиоактивность. Перед геологами 5-го отделения при политотделе Чай-Урьинского управления была поставлена задача быстрейшего выполнения заданий по поискам урана.

Через неделю после октябрьских праздников поздним вече-

ром, а точнее – ночью, Иван беседовал с Серафимом Васильевичем в его кабинете. Левченко советовал Ивану немедленно переключаться на научно-исследовательскую работу, перейдя для этого в Магадан, причем рекомендовал пока не ехать в отпуск, а побыть еще два года на Колыме и собрать материал для кандидатской диссертации, с тем чтобы потом совсем отбыть на «материк».

Хоть и разумны были доводы Серафима Васильевича, Осташко возразил: он не может ради своих личных интересов пренебречь чаяниями своего старого отца, пережившего страшные дни военного лихолетья и жаждущего лишь одного – повидаться перед смертью со своим единственным сыном. Левченко согласился с Иваном, пообещал предоставить ему отпуск весной сорок шестого года и ходатайствовать перед руководством Геологоразведочного управления Дальстроя о переводе Осташко в научно-исследовательский отдел.

Ближайшим результатом ночной беседы с Левченко стала поездка Ивана Федоровича в Магадан, о чем Серафим Васильевич предварительно договорился с главным геологом – Борисом Никоновичем Ерофеевым. За время пребывания в командировке в Магадане подробно изучил литературу по атомной энергетике, ознакомился с результатами работ тематических петрографических партий научно-исследовательского отдела за 1945 год.

Находясь в Магадане, навестил Иван и свою однокурсницу Нину Капустку и ее двойняшек-девочек. От Нины Иван узнал, что еще два их однокашника прощаются с Колымой: Сева Коржинский и Вацик Шмыгуновский осенью этого года отбыли на «материк». Оформились как в краткосрочный отпуск, но с намерением поступить в Киеве в аспирантуру, чтоб в Дальстрой больше не возвращаться.

Особенно некрасивая история получилась с Коржинским. Как помнил Осташко, Сева и Петя Лутугин в 1944 году поехали в поле начальниками поисковых партий на кобальт. Тогда, весной, на семинаре геологов в Магадане стало известно, что правительство дало задание – срочно искать кобальтовые месторождения; металл этот был необходим для оборонной промышленности. Первооткрывателю крупного промышленного объекта гарантировались звание Героя Социалистического Труда, Ленинская премия, дача под Москвой, легковая машина; ну, а если месторождение поменьше, то, по крайней мере, – орден Ленина и награда в 25–50 тысяч. И надо же

было случиться: в одном из первых маршрутов Коржинский вместе со своим коллектором наткнулся на розовые высыпки эритрина – вторичного минерала кобальтовых руд; полоса тянулась на три с лишним километра при ширине 20–30 метров. Первые же расчистки показали наличие мощной кобальтосодержащей жилы. Сева, не мешкая, послал коллектора с докладной запиской к начальнику ближайшего разведрайона Израилю Драбкину, чтобы выделил рабочих для канавно-шурфовочных работ. Драбкин не заставил себя долго ждать – он тут же, захватив с собой пять десятков работяг, с палатками, питанием, горным инструментом прибыл сам на месторождение. Он пообещал Коржинскому, что об этом открытии сообщит по рации в Магадан. И сообщил. Но не об открытии Коржинского, а о том, что это он, Драбкин, лично обнаружил кобальтовую руду и приступил к ее разведке. Вскоре и сам очутился в ГРУ, представив самому Цареградскому чертежи, выкопировку с карты и зарисовки, а также богатые рудные пробы. Так что, пока Сева со своей партией трудился все лето в поле, шустрый Изя Драбкин успел оформить и послать в Москву документы на себя. Правда, золотую звезду и дачу получить ему не удалось – еще не были известны точные запасы руды; к тому же по возвращении Коржинского с полевых работ стала проясняться истинная картина событий. Но одураченное Драбкиным магаданское начальство признать свой промах не решилось, так что Изя все же получил орден Ленина (*Израиль Драбкин был награжден орденом Ленина в январе 1943 г. за работу на Теньке. – Ред.*), а Сева – только значок «Отличнику-дальстроевцу» или, как говорили колымчане, «молодца-дальстроевца». Тягаться с обидчиками Коржинский не стал, а потребовал, чтобы немедленно дали ему отпуск – на что начальство быстро согласилось. И когда через два месяца получило из Киева заявление отпускника, чтобы произвели с ним полный расчет и выслали документы, то и это было сделано без промедлений…

Вацлаву же Шмыгуновскому расчета пришлось ждать года полтора. Помог ему Владимир Гаврилович Бондарчук, бывший в то время ректором Киевского университета и членом-корреспондентом Украинской академии наук.

Рассказав историю о Севе, Нина добавила:

– Ой, знаешь, Ваня, Кум и Сеня Марич совсем спились. Сашу Бучагского якобы перевели на Индигирку в Усть-Неру, а Тоня Стриж со своим мужем-прорабом пока в Оротукане.

Ивану удалось попасть к Ерофееву. Он просил главного геолога лишь об одном – об отпуске, и Борис Иванович пошел ему навстречу.

При возвращении из Магадана домой Осташко свой день рождения «провел» в снежном туннеле вместе с пассажирами рейсового автофургона. Бушевавшая трое суток пурга у перевала Дедушкина Лысина так занесла трассу, что пущенные роторные снегоочистители более суток пробивались навстречу друг другу, освобождая из плена застрявшие машины.

Геологи решили Новый год встречать вместе, всем коллективом, с женами и подругами. На вечер собрались в просторном классе недавно открытой школы.

Новогодний вечер геологов проходил очень весело, душой его был начальник райГРУ Серафим Васильевич Левченко. Еще за час до полуночи из дома горнопромышленного управления прибежали жены начальников во главе с женой Арма.

– Там такая скучища! – жаловались они. – Развели дебаты о планах да всяких производственных неурядицах – ни попеть, ни потанцевать. Сидим, как дуры набитые! У вас так хорошо, слова о работе и служебных делах не услышишь.

Когда прогремел по радио последний удар курантов, Левченко, оживленный, безукоризненно-праздничный, поздравил свой коллектив с Новым, первым после войны мирным годом, пожелал счастья в личной жизни, успехов в работе, и веселье покатилось новой волной – песни, танцы под патефон, тосты, анекдоты, смех, шутки.

Но вот опять поднялся из-за стола Серафим Васильевич, попросил внимания.

– Товарищи! Я предлагаю поднять тост за будущего украинского академика – Ивана Федоровича Осташко!

Зал умолк, все взоры обратились на смутившегося Ивана и сидевшую с ним его жену, неожиданно покрасневшую. Затем, через одну-две секунды, воздух всколыхнулся возгласами удивления, похвал, градом вопросительных и одобрительных междометий, кто-то прокричал «Ур-ра!» Многие наперебой стали спрашивать подробности у Левченко и у самого Осташко. Но Серафим Васильевич многозначительно улыбался, а Иван растерянно пожимал плечами.

Уля, у которой от счастливого волнения пробегали по лицу радужные волны, судорожно стискивала руку своего мужа…

1946

ОТПУСК НА «МАТЕРИКЕ»

Зимой Иван Федорович кропотливо обрабатывал материалы своей Верхне-Тирехтяхской партии и писал окончательный отчет; занимался изучением основ английского языка, воспитывал сына. Его сослуживцы знали, что он поедет весной в отпуск вместе с женой и ребенком, но почти никто не верил, что целью отпуска является свидание с родителями. Большинство коллег считали: Осташко едет защищать диссертацию, Осташко намерен поступить в аспирантуру, чтобы там, на «материке», и остаться. Ерофеев сдержал свое слово – в конце апреля дал разрешение отпустить Осташко в отпуск. Остальным геологам отпуск не предоставлялся. Об этом говорили все. И даже Федюшка, часто слышавший от соседей эти разговоры, сказал однажды утром, стоя у кроватки:

– Никишов разрешил одному Осташко отпуск, больше никому не разрешил.

И даже матери грозил, когда был на нее обижен:

– Ты Одокиенко, тебя Никишов не пустит к бабушкам, а мы с папой Осташки, мы поедем.

Федя часто вспоминал о бабушках и дедушке, предвкушая прелесть украинских фруктов и овощей, восторг катания в лодочке по Днепру, которое обещал ему в открытке дедушка. Он говорил маме:

– Если бы ты на нас с папой не сердилась, мы бы твою фамилию продали, и ты тоже была бы Осташко – тогда бы поехала с нами к бабушкам.

…Иван Федорович заканчивал отчет – писал последние главы. Два широких окна просторной комнаты, в которой сидели полевики, выходили на главную улицу поселка. Столы Осташко и Руцкова стояли друг за другом, так что Вадим сидел к Ивану спиной. Однажды он заметил:

– И в поле работали рядом, и тут рядом…

Наступил июнь. Комнаты нового девичьего общежития пустели с каждым днем: прибывшие в минувшую навигацию ком-

сомолки выходили замуж, разъезжались по приискам, закрепляя дальстроевские кадры. Иван сдал свой отчет. Обнаруженный еще в поле, в шлихах, касситерит был им найден также при микроскопических исследованиях и в коренных породах: он рекомендовал поставить в районе поисково-разведочные работы. Дальнейшие разведки подтвердили потом наличие оловорудного месторождения, а одну из вершин у Арга-Салы геологи назвали его именем – «сопка Осташко».

26 июня пришел ответ из Магадана – можно Осташко ехать в отпуск! Левченко дал рекомендательную записку к академику Дмитрию Степановичу Белянкину. Однако записка эта так и останется у Осташко – после отпуска вместе с семьей он вернется на Колыму, проработает здесь еще десять лет. А с Нексиканом, где началась и развернулась его производственно-геологическая деятельность и где прошли трудные годы лихолетья, он простится навсегда – если не считать, что после отпуска он приедет туда за вещами да потом, в 1970 году, по делам служебным…

На базу дальстроевского флота, в порт Находку, прибыли вечером 11 июля. Выгрузились в полдень следующего дня. Железная дорога подходила к самым пирсам, но ни морского, ни железнодорожного вокзалов еще не было.

Получив рейсовые продуктовые карточки и железнодорожные билеты, пассажиры: горняки, геологи, дорожники, шоферы и люди других профессий, вольнонаемные и бывшие заключенные, демобилизованные из войск МВД и уволившиеся вохровцы, мужчины и женщины, взрослые и дети, все самых различных национальностей – погрузились в длинный товарный эшелон для беспересадочного следования в Москву. В каждом вагоне по обе стороны сквозного широкого прохода были устроены сплошные дощатые нары. Люди семьями и группами располагались на полу и на нарах вагона, вплотную друг к другу, сложив себе постели из своего же багажа – тюков, узлов, мешков, ящиков, чемоданов и свертков, прикрыв их старенькими одеялами или верхней одеждой. Головами ложились к торцам вагона, ногами – к проходу. Погода держалась знойная, и когда состав, простоявший сутки под погрузкой, тронулся наконец, взрослые весело загалдели, а Федя, сидевший с родителями на нарах тридцать второго вагона, подпрыгнул и закричал:

– Едем, едем, господа! Ур-ра!

Сначала поезд шел по Приморской железной дороге, проложенной к началу войны среди живописной горной тайги – промеж ильмов, дубов, акаций, кленов, берез, грабов, ив, кедров и прочей густой растительности. На Сучанский перевал эшелон втаскивали два паровоза: передний тянул, задний толкал.

Поезд летел с курьерской скоростью, проскакивал полустанки и подолгу стоял на задворках больших товарных станций в ожидании смены бригады или появления зеленого света. Путь от Тихого океана до Москвы занял двадцать дней… Этот поезд имел номер 501 и, как и другие подобные составы того времени, связывавшие столицу с далекими окраинами страны и имевшие номера пятьсот с лишним, назывался в народе просто: «Пятьсот-веселый». В таких поездах ехали обычно навалом, облепляя подчас даже крыши и буфера вагонов. И бывало в этих поездах «весело»: там обворовывали и пели песни, играли на музыкальных инструментах и в карты, насиловали женщин и просто развратничали, пили водку и разбивали носы, читали книжки и рассказывали анекдоты; иногда даже пускались в ход боевые автоматы, ножи, кортики и финки. Тогда уже вмешивалась военная комендатура с отрядами солдат и наводила порядок…

…Поздним утром, когда поднявшееся солнце жарко лило свет с безоблачного неба, эшелон подходил к небольшой станции Буреинской равнины. Он стал притормаживать, и из широко раздвинувшихся дверей посыпались десятки и сотни колымчан мужского пола; через минуту их было не меньше тысячи. Обгоняя друг друга, они помчались во весь опор по направлению к маленькому базарчику, что протянулся от перрона, в тени дремлющих ив. Алчный взор каждого из них уже издали замечал то аппетитное, что виднелось впереди. Но не только жажда свежего, давно не пробованного, подталкивала бежавших. Время уже близилось к обеду, а они еще не завтракали, хотя после предыдущей станции, где кое-что удалось похлебать на вокзале или перекусить у коммерческого ларька, прошло более суток, и голод давал себя знать. Да и есть хотелось не одним бежавшим – у многих были жены и дети, которые в эти минуты нетерпеливо выглядывали из вагонов в ожидании чего-нибудь вкусненького. И ко всему этому – жажде свежестей, проголодавшимся брюхам и ждущим чадам – добавлялся еще восторг молодости и азарт со-

стязания: кто скорее добежит! Вот те движущие силы, которые управляли несшейся оравой, и наводили ее на цель.

А «цель» была очень малочисленна и робка. Десятка два-три баб-хохлушек уже «подтоптанного» возраста, в крестьянских одеждах: широких юбках, корсетах, кофтах и клетчатых платках с завязанными надо лбом концами – мирно стояли возле своего товара. У их босых заскорузлых ног в огромных плетеных корзинах сидели живые откормленные куры, утки и гуси. Возле корзин на домотканых рушниках были выложены сырые и вареные яйца, подрумяненные куриные тушки, кучки росистых огурчиков, лука и редиски; в крынках стоял домашний варенец, в бутылках и кувшинах – сырое и топленое молоко, в глиняных мисках дымилась отварная картошка; изредка в стеклянных баночках красовалась наливная черешня и душисто пахла малина. Словом, в этом маленьком уголке под тихими ивами было все, к чему стремилось колымское людское племя. Но было очень мало!

В первые минуты подхода эшелона флегматичные и нерасторопные в торговом деле крестьянки спокойно взирали на выскакивавших и бежавших к ним пассажиров. Но при виде увеличивавшейся и все неистовее несшейся массы они стали нерешительно топтаться – то всматриваясь в приближавшиеся фигуры, то поглядывая на свои товары и как будто что-то с натугой прикидывая и соображая. Когда между атакующими и атакуемыми оставалось не более сотни метров, самая высокая голенастая баба в сером платке, со сморщенным, будто печеная картофелина, носом, зорко глядевшая вперед, перепуганно крикнула:

– Ой, лышенько! Та це ж вурки с Колымы!

– Ой, рятуйте, люди добрые! Банди-и-ты! – сразу же завопила другая, накрыв своей просторной исподницей, как шатром, корзину с гусем и двумя курицами.

Началось светопреставление!

Запыхавшиеся покупатели, подбегавшие с протянутыми сторублевками и тридцатками, совали их бабам в руки и за пазуху, уговаривали, упрашивали, хватали первое попавшееся не торгуясь, за любые деньги, которых у многих дальстроевцев куры не клевали. Но орущие, вопящие, взывающие к богу и людям затурканные женщины, никогда в жизни еще не видавшие ничего подобного, попадали на свои корзины и рушники, закрывая их юбками,

кофтами, распластанными телами и растопыренными руками. Одна толстая баба, кувыркнувшись через корзину, угодила физиономией в сырые яйца соседки и болтала задранными кверху ногами; из-под черной юбки мельтешила ее белая льняная сорочка – как флаг капитуляции. В этой кутерьме прыгали с паническим кудахтаньем и били крыльями связанные за ноги куры, орал петух, истерично кричали гуси и надрывно крякали утки. В туче пыли летали перья и пух; желтыми лужицами растекались подавленные яйца. На одной из таких лужиц поскользнулся тучный главбух из таежного прииска, «подновив» свои нежно-кремовые чесучовые брюки. Тут на земле валялись растоптанные огурцы, лук и редиска; алой кровью истекала малина, сочилась бело-розовая мякоть черешни. Струились молочные потоки… И сотни, тысячи ног – в сапогах, ботинках, тапочках и сандалетах – месили все это, топтали, скользили по желто-молочной серой грязи.

Далеко не многим из первых подбежавших северян посчастливилось выхватить какую-нибудь живность или что-то из продуктов, ткнув владелице красную бумажку. Кое-кто из жулья тут же изловчился переправить эти деньги в свой карман; а один долговязый верзила просто, без денег, цапнул гуся и, свернув ему шею, чтоб не разводил панику, сунул под мышку и не спеша пошел к вагонам. Что же касалось базарного женского подразделения, то лишь наиболее смекалистые тетеньки сумели вовремя сдать позиции и организованно отступить за ближайший заборчик на проселочную дорогу, сохранив свои атрибуты. Но большая часть, перепуганная и помятая, потерпела полный саморазгром, понеся большие материальные потери.

Минут через десять суматоха утихла. Часть покупателей побежала в здание вокзала, часть вернулась ни с чем к своим семьям, одиночки шарили глазами по сторонам вокруг, надеясь еще найти что-нибудь съестное. Переполошившиеся, но постепенно приходившие в себя бабы ловили кур, укладывали уток и гусей, подбирали опрокинутые кувшины, крынки, миски и банки, собирали уцелевшие огурцы. К некоторым начал возвращаться дар речи, и они уже пробовали перекинуться парой шутливых словечек… Вдали на путях во главе шестидесятивагонного эшелона пронзительно засвистел паровоз, и рассеявшиеся по территории станции, как муравьи на голой дороге, колымчане поползли к своим гнездам. Среди них был и Осташко, так

ничего и не купивший, но вдоволь насмотревшийся на человеческую трагикомедию.

Поезд загрохотал буферами, заскрежетал крючьями, дернулся два раза и стал набирать скорость.

Следующей станцией часа через полтора была Завитая.

На сей раз обитателям «Пятьсот-веселого» повезло: накупили до отвала и молока, и овощей, и фруктов. И так наелись, что на другой день уже почти никто не бежал за покупками: маялись животами. Теперь только ждали, стиснув зубы, очередной остановки, чтобы облегчить утробу.

Началась дизентерия. Но медперсонал, сопровождавший эшелон, и все, стоявшие на ногах, повели борьбу с эпидемией, снабжая больных, особенно детей, новым чудодейственным в те времена средством – сульфидином. Через неделю вспышка болезни была потушена. Люди стали входить в обычную колею однообразной, нудной и утомительной дорожной жизни, которая еще не раз прерывалась каким-нибудь приключением.

…В тридцать втором вагоне, где ехала семья Осташко, преобладали женщины. Более прыткие молодухи нашли себе кавалеров и устроились с ними на общих постелях. Особенно выделялась одна тридцатидвухлетняя бабонька – сочная, как перезрелый персик. Звали ее Клавой. Ехала она без мужа с двумя мальчиками восьми и пяти лет, да с пятнадцатью полными мешками багажа, три из которых трещали от соленой горбуши. Еще в Находке при погрузке в эшелон Клава подцепила себе дружка – попутчика до самой Москвы, двухметроворослого плечистого детину с медвежьими лапами и бычьей силой. Она звала его сначала Леонтием, а потом, после двух совместных ночей, Леней.

Иван Осташко помещался на верхних нарах и часто лежал головой к проходу, где больше было свежего воздуха и откуда, не слезая, можно было созерцать как внешний, так и внутренний мир.

Ульяна с Федей располагались внизу, чтоб сподручнее было ходить ему на горшок, и где духота одолевала меньше, чем наверху. Федя на остановках гулял с отцом, многим интересовался. Начиная уставать от долгой дороги, спросил:

– Папа, куда же мы все время едем?

– В Черкассы, на Украину.

– А когда же мы в отпуск поедем?

…Вскоре после Иркутска, когда эшелон стоял на маленькой станции, на путях вблизи вагонов учинилась драка. Два «зэкашника» толкнули вохровца, тот дал сдачи, и – пошло! Подскочил еще один из охранников, но и к тем прибавилось двое. Тогда выскочил Леонтий и, засучив рукава, спокойно пробасил:

– Эй, фитили! Кш-ш!

При виде чугунной тяжести волосатых кулачищ «зэкашек» как ветром сдуло! Они быстренько ретировались к своим в конец поезда. Столкновение повторилось в Красноярске. Там снова избили вохровца, который, как и другие, был одет в штатское. Когда на помощь избиваемому подоспели товарищи, и возросшая, как катящийся с горы снежный ком, ватага бандитов смяла и их. Кто-то побежал за военным комендантом. Тот вскоре явился с отделением солдат.

– В чем дело?

Уголовники, таща за шивороты своих противников, кричали, негодуя:

– Вот они, шайка бандюг, хотели нас ограбить! И лагерь их, гадов, не выправил, вырвались с Колымы и здесь грабят!

И бедных вохровцев, теперь превращенных в «бандитов», потащили в комендатуру. Но один из них сумел сунуть свой паспорт под нос коменданту – тот остановился, стал разбираться. И когда наконец понял, что «бандюги» – это люди из охраны, а те, что били, – вышедшие из заключения, было уже поздно: жулье рассеялось в толпах пассажиров, как мальки в омуте.

После Новосибирска задняя часть эшелона совсем опустела, происшествия прекратились; только в Казани утром группа матросиков из Волжской флотилии, ухнув два-три раза, сорвала запоры и с грохотом раздвинула двери перед носом проснувшегося Осташко.

– А ну потеснись, спекулянтское кодло! – и автоматная очередь прошила верхние доски.

Несколько человек ворвались внутрь. Вскрикнули женщины, заплакали дети. Старший из матросов огляделся, посмотрел по углам, потом скомандовал негромко:

– Назад, братва, отставить! Не в ту баржу попали, выгружайся!

И они побежали вдоль состава, а затем в сторону, перепрыгивая через рельсы, встряхивая заплечными мешками.

…Надоевшая дорога опять потянулась в скучном однообразии. Не терпелось: хоть бы скорее Москва! А поезд все шел и шел… Вагон покачивало. Размеренно перестукивались колеса. Поскрипывала дощатая обшивка… «Пятьсот-веселый» подходил к конечному пункту своего назначения…

Посадка на поезд 505-й «Москва–Одесса», через Бахмач, Черкассы, была ужасной. Несмотря на то что вагон был «для пассажиров с детьми», Осташко с немалым усилием протащил жену и маленького сына сквозь неистовавшую толпу. Ему очень помогли ветвистые оленьи рога, которые он вез из Нексикана. Сомкнув их вокруг пояса, Иван обезопасил себя от натиска шумной оравы, выслушав десятки проклятий тех, кто натыкался на роговые отростки…

В тесноте, смраде и духоте, минуя разбитые станции, из которых особенно запомнился вокзал в Брянске, через сутки, днем приехали в свой город – Черкассы, так же пострадавший от войны, как и тысячи других населенных пунктов. Наконец-то они были дома! У родных!..

Отметив день рождения своего отца, которому исполнился уже семьдесят один год, Иван Федорович по окончании всех хозяйственных дел по дому родителей съездил в Киев – повидался с однокашниками, позондировал почву насчет работы или аспирантуры, в общем, побывал в своей родной столице, где прошла его студенческая молодость, где испытал, пережил и любовь, и слезы…

Побывал Осташко и в университете, где встретился с Севой Коржинским. Он состоял в аспирантуре при кафедре полезных ископаемых, вел практические занятия по курсу «Рудные месторождения». Вацику Шмыгуновскому пришлось возвратиться на Яну – ему пригрозили судом, но через год обещали как будто отпустить.

Беседовали долго: было что вспомнить, о чем рассказать. Ведь на Колыме им ни разу не пришлось встретиться. Оказалось, что из бравых летнабов, которым так и не пришлось сражаться в небе, многие погибли на войне: «ротный писарь» Юра Носов, «солдат Швейк» Николай Панченко, «свербиникус» Петя Щербина. А Егор Гузенко, он же «обер-старшина Пузенко», был убит у переправы через Днепр. Алеша Ляшенко был ранен под Киевом, теперь находился где-то в Москве.

Посетил он и других своих однокашников, оставшихся в живых.

Иван понял: в Киеве ему делать нечего! Он ведь даже преддипломную практику не захотел проходить на Украине, а поехал в Сибирь, на Алтай. Его поле деятельности там – на Северо-Востоке, в Дальстрое!..

По окончании десятимесячного отпуска заехали снова к родителям в Черкассы, чтобы забрать Федю и попрощаться с родителями. Не только Иван, но и Ульяна заявила: на Украине сейчас плохо – бедно, голодно; словом, с Дальстроем расставаться пока еще рано. Где бы ни застали ее роды, она готова ехать обратно, хотя перед отпуском категорически заявляла, что в Дальстрой – ни ногой больше…

Иван в Дальстройснабе получил бронь на поезд № 6 «Москва – Владивосток». Ехали двенадцать суток. В вагоне преобладали колымчане. Один, из Сусумана, рассказывал, что Чай-Урьинское управление вошло в состав Западного, Арм там главным инженером; в Нексикане остались геологи и ремонтно-механические мастерские. Пароход «Дальстрой», на котором плыла семья Осташко при отбытии в отпуск, после того рейса взорвался в Находке при погрузке аммонита; позже взорвались спецсклады, при этом снесло транзитный городок. Поговаривали, что тут не обошлось без диверсии…

30 декабря днем все прибывшие колымчане погрузились на борт парохода «Феликс Дзержинский»; затем погрузили заключенных. А 31 декабря в 2 часа ночи Ульяна родила дочь, назвали Татьяной. Отец привел Федю к матери, который, услыхав мяукающий плач, кинулся под койку: «Тут кошка! Где она?» Родители показали ему Танечку, Федя остался очень доволен, говоря, что будет с кем играть теперь.

…Вечером началась качка.

К ВЕРШИНАМ БЫТИЯ

Магадан. Проспект Ленина.
Бывшее Колымское шоссе.
1960-е гг.

1947

ВИЛИГА

Много тяжелых дней пришлось пережить семье Осташко в первый месяц начавшегося года. Неделю они жили на пароходе, переселившись в пустую четырехместную каюту. Жена и сын питались в столовой парохода, а Иван каждый день утром уходил в Магадан, возвращался вечером. Ясная морозная погода вскоре сменилась страшной пургой и штормовым ветром, валившим с ног; с неимоверными усилиями приходилось преодолевать 12-километровый путь. На пароход возвращался очень усталый, голодный…

Валентина Александровича Цареградского Иван дождался, получил его согласие остаться в Магадане. Цареградский наложил резолюцию: Иван Федорович Осташко зачислялся старшим геологом научно-исследовательского отдела ГРУ ДС в петрографическое отделение, а через несколько дней семье Осташко была предоставлена и квартира… Жизнь начала входить в нормальную колею.

…Тем самым пароходным рейсом, которым возвратилась из отпуска семья Осташко, привезли на Колыму двухтысячную партию бывших солдат и младших командиров из армии генерала-предателя Власова. Этим заключенным предстояло здесь пройти «чистилище»; их причастность к измене Родине рассматривали специальные комиссии, и через год-два почти все обвиняемые были освобождены. А пока что их большая часть направлялась на новые рудники. Самые молодые ребята, виновность которых явно не подтверждалась, уже в феврале попали на курсы в Учкомбинат – из них сформировали группы спецпрорабов и спецколлекторов для Пятого отдела – то есть радиометристов в полевые партии по поискам урановых руд.

Два месяца, март и апрель, Осташко читал на курсах лекции по рудным месторождениям и тектонике. Преподавательская работа ему нравилась, он старался доходчиво преподносить молодым слушателям свои мысли. Излагая содержание преподаваемого предмета, часто затрагивал вопросы из области других наук, попутно рассказывал эпизоды из своей геологической практики. Не жалел времени на дополнительные беседы, консультации, иногда задерживаясь в аудитории или в комнате курсантского общежития до часа ночи. Учащиеся были довольны, очень уважали Ивана Федоровича, и многие мечтали попасть в его полевую партию. «У этого можно будет научиться», – говорили они между собой… Среди курсантов, представленных только ребятами, в группе спецколлекторов оказалась одна девушка, Тамара Благодеева, из бывших «указниц» – осужденных за нарушение режима военного времени. Кругленькая, курносая, веснушчатая, словно посыпанный отрубями колобок, она вела себя бойко-вызывающе, претендуя на роль лидера. Получив у Осташко двойку, Благодеева тут же, за партой, стала громко возмущаться и поносить его. Иван Федорович посмотрел на нее, строго потребовал:

– Выйдите из аудитории!

Девушка пыталась огрызнуться, но, не получив поддержки у притихших ребят, вспыхнула и демонстративно пошла к двери, проронив напоследок:

– Вы еще пожалеете об этом.

– Лизюков, – обратился Осташко к старосте группы, – передадите Благодеевой, что пока она публично, здесь же, не извинится передо мной, я не допущу ее на свои лекции.

Два дня Тамара «держала фасон», а на третий, войдя в аудиторию со звонком и остановившись у стола, за которым Осташко раскрывал свою папку, она на глазах сидевших сокурсников дрожащим голосом сквозь слезы попросила:

– Я больше не буду… Разрешите мне присутствовать…

– Разрешаю, садитесь, – серьезно ответил Иван Федорович, приступая к лекции.

После этого вызывающую развязность девушки как рукой сняло! Тамара старалась изо всех сил и оказалась способной ученицей.

Хоть Ульяна и не работала, но в деньгах уже нужды не было; в марте Осташко рассчитался со всеми долгами. Кроме зарплаты

ЛЕОНИД АВЕНИРОВИЧ СНЯТКОВ (1910–1979)

Родился в пос. Голубовские Рудники Днепропетровской области в семье известного геолога А. А. Сняткова. Работу на Колыме начал в 1931 г. в составе Второй Колымской экспедиции Ю. А. Билибина. Открыл золотоносную площадь в бассейне Ат-Юряха, где позднее было разведано крупнейшее месторождение. Один из первооткрывателей Эльгенских бурых углей. В 1937–1938 гг. установил ряд проявлений полезных ископаемых в Омолонском районе.

На протяжении многих лет участвовал в подготовке и издании обзорных геологических карт Северо-Востока. При нем впервые в Дальстрое был применен метод геологического дешифрирования аэрофотоснимков. Работал начальником Центральной экспедиции по составлению сводных геологических карт и карт полезных ископаемых. С 1959 г. – старший научный сотрудник ВСЕГЕИ.

Награжден орденом Ленина.

Именем Л. А. Сняткова названа гора в хребте Сунтар-Хаята (Оймяконский район) и ручей Авенирыч, левый приток Колымы, впадающий против устья Среднекана.

в ГРУ, получал за лекции. Выхлопотал и в июне отправил родителям вызов на приезд в Магадан. Старики с радостью соглашались ехать к нему…

…Ивану Федоровичу предложили возглавить одну из чукотских партий Пятого отдела. Но он туда лететь не рискнул, сославшись на малых детей и слабость жены после родов, и Ерофеев с его доводами согласился. Осташко остановил свой выбор на районе Тумано-Вилиги у побережья залива Шелихова. Там, начиная с 1941 года, работало несколько партий, но четкая геологическая картина отсутствовала. Инициатором постановки здесь специальных петрографических исследований являлся Леонид Авенирович Снятков, руководитель группы сводных карт, неплохой знаток геологии Северо-Востока СССР. Так что, хотя Вилигинская партия формировалась как бы от петрографического отделения, на самом же деле Осташко была предоставлена полная автономия, и отчитывался он непосредственно перед начальником научно-исследовательского отдела Алексеем Петровичем Васьковским.

К маю Иван закончил описание шлифов охотских партий и принялся за изучение фондовых материалов по Тумано-Вилигинскому району, формируя геологическое задание для своей партии вместе со Снятковым. Попутно он штудировал труды

Здание управления «Дальстрой». *1940-е гг.*

академиков Обручева, Ферсмана и различные статьи из геологической периодики.

…Работая в большом четырехэтажном здании Главного управления по строительству Дальнего Севера, где один этаж целиком занимало Геологоразведочное управление, Иван Осташко все больше окунался в гущу внутридальстроевских событий. Оказалось, что в ГРУ существуют две группировки сотрудников: «партия короля» – Цареградского, и партия «кардинала» – Ерофеева. Правда, остро выраженной конфронтации между ними не наблюдалось. Да и количество лиц, входивших в эти группировки, было невелико. Суть же расхождений между «королем» и «кардиналом» состояла в том, что первый благоволил больше к научному уклону, геологам тематических исследований, а второй – к работникам-производственникам, занимавшимся поисками и разведками. К Осташко это непосредственного отношения не имело, ибо уже давно он придерживался того мнения, что наука и практика должны быть увязаны между собой, дополнять и совершенствовать друг друга. «Наука ради науки – это труды без руды!» – любил он повторять.

В разговорах со старыми колымчанами Иван слышал полуанекдотические рассказы, касавшиеся имени Цареградского. После работы полевых партий его экспедиции в бассейне Верхней Индигирки заметно увеличивалась рождаемость среди якутских наслегов, причем ребятишки удивительно походили на русских. Если якутку, мать ребенка, спрашивали: «А кто отец?», то часто получали ответ: «Цареградски!» – имелись в виду, конечно, геологи

экспедиции Валентина Александровича… Когда ему напоминали те эпизоды десятилетней давности, он весело смеялся.

Сам Цареградский рассказал один, более серьезный и притом недавний, случай из его жизни – о том, как вместе с Шаталовым и некоторыми другими ответственными товарищами был у Сталина по поводу реорганизации и укрепления геологоразведочной службы Дальстроя. Дело в том, что дальстроевское руководство основное внимание уделяло горнякам-эксплуатационникам, занятым добычей золота и оловянной руды. Геологи же были где-то на заднем плане. Сметы полевых партий в разведрайоне сильно урезали, обеспеченность рабочей силой не достигала даже пятидесяти процентов. Разведанные запасы золота и руд за годы военных лет сильно сократились – они были выработаны, а для восстановления народного хозяйства требовались новые объекты. Цареградский обратился в правительство с докладной о состоянии дел, настаивая на создании районных геологоразведочных управлений, переводе геологической службы на самостоятельный баланс. Решение, однако, затягивалось; тогда он написал в Политбюро и получил наконец разрешение явиться с докладом вместе со своими помощниками к товарищу Сталину. Материалы готовили на самом высоком научном уровне. Были показаны все месторождения Северо-Востока – различных генетических типов, коренные и россыпные, богатые и бедные. Докладывать Сталину должен был Шаталов – доктор геолого-минералогических наук, человек смелый, обладавший высокой эрудицией и богатым красноречием, чем не отличались ни Цареградский, ни Ерофеев. Евгений Трофимович быстро повесил карту, составленную под его же руководством, и, попросив тридцать минут времени, энергично приступил к докладу. Кратко охарактеризовав геологию изученных районов, он перешел к характеристике месторождений, показывая их на карте. Сталин сидел за столом с трубкой в руке и внимательно слушал. Затем встал, подошел поближе к карте, окинул ее острым взглядом и, не перебивая докладчика, вернулся на свое место. Через минуту в кабинет вошел Поскребышев, Сталин тихо что-то сказал ему, и тот вскоре внес карту, немного меньшую той, по которой докладывал Шаталов; на ней были реки, пути сообщения, населенные пункты и какие-то кружки, квадраты, треугольники с цифрами и датами возле них. Разложив карту перед собой, Сталин поглядывал на нее, когда Шаталов называл очередной объект.

– Мы были поражены невероятной осведомленностью Сталина о наших колымских делах, – продолжал вспоминать Цареградский. – Выслушав Шаталова, он сделал несколько уточнений относительно запасов некоторых россыпей и времени их отработки. Затем рассказал нам историю золотой эпопеи на Чукотке в дооктябрьские годы, а также о быте тунгусов, ламутов, якутов, чукчей и других северных народностей; цитировал по памяти выдержки из книг Тан-Богораза и Серошевского, сосланных за революционную деятельность в конце прошлого века на Колыму и в Якутию. При этом заметил, улыбнувшись, что туруханская ссылка пошла ему на пользу.

– Ровно час пробыли мы в кабинете товарища Сталина. Он был тогда в хорошем настроении, так что наши просьбы и предложения нашли успешное разрешение, – закончил свой рассказ Валентин Александрович.

В дни пребывания группы Цареградского в Москве произошло другое событие, о котором вспоминали участники поездки к Сталину, – смена президента Академии наук СССР. Как известно, первым выборным президентом стал в 1917 году Александр Петрович Карпинский, крупнейший геолог; на этом посту находился он до самой смерти. После него с 1936 года президентом был академик В. Л. Комаров, ботаник. И вот на торжественном обеде в Кремле в честь приезда высокой правительственной делегации иностранной державы Комаров вилкой почесал свою плешь, соскабливая перхоть. Сталин это заметил. На второй же день Комарова заменили более молодым, энергичным и элегантным – академиком-физиком Сергеем Ивановичем Вавиловым.

Вероятно, этот случай, а также появление в Германии и других западноевропейских государствах множества высших советских офицеров и их жен, не блещущих воспитанностью, побудили власти обратить особое внимание военных, да и всей интеллигенции, на правила хорошего тона. Такие правила изучали в кружках, коллективах, вывешивали в библиотеках, аудиториях, коридорах, кабинетах. Волна подобного просветительства захватила и дальстроевцев, среди которых многие имели офицерские звания. В связи с этим ходил анекдот. Жена генерала, разодетая в меха, обращается к доктору: «Профессор, у меня ухи болят». – «Садитесь, генеральша, я вас посмотрю». – «Как вы узнали, что я генеральша?

По мехам?» – «Нет, по ухам», – ответил врач. Появилась также легенда: некоторые генеральские жены являлись на бал с нашитыми на груди соболиными хвостами – по количеству звезд на погонах своего супруга…

Запомнил Осташко и образец «колымской демократии» – как она выглядела в стенах ГУ СДС. В приемной Никишова справа сидел депутатский секретарь, слева – адъютант. Так что с избранием руководителя Дальстроя народным депутатом стало возможным жаловаться ему на дальстроевские непорядки и даже на него самого.

Правда, подобного рода жалоба обычно кончалась прямым отбытием жалобщика в забой, и выходило, что избиратель не мог до конца использовать свои права в условиях такой «демократии».

Зато этой «демократией» безраздельно пользовалась гражданская жена Никишова – начальник магаданских лагерей Гридасова, та самая, что летом 1941 года работала на прииске им. Чкалова. Она организовала большое хозяйство, подчинив себе агробазу и промкомбинат, которые обслуживались дешевой рабочей силой заключенных. Огромная прибыль текла в ее бездонные карманы рекой, на ее тайных банковских счетах уже лежали миллионы.

В конце мая с участием Осташко состоялись выпускные экзамены спецпрорабов и спецколлекторов; из них себе в прорабы он выбрал Леонида Гречаного, а старшим рабочим зачислил Анатолия Алькина. Много было канители при сборах, но 24 июня все лежало у Ивана Федоровича в комнате – продукты, фураж, снаряжение. Днем раньше Гречаный с рабочим Игорцевым отправились в Тахтоямск за получением лошадей, которых надлежало затем пригнать в Пеструю Дресву, а Осташко с Алькиным в начале июля погрузили на теплоход «Советская Латвия» имущество и погрузились сами. Перед отъездом Иван чувствовал себя угнетенно: жену часто хватали приступы малярии и раздражения, периодически болела маленькая дочка. Прощались со слезами, Федя плакал почти навзрыд, зато маленькая дочурка, лежавшая в кроватке, молча улыбалась…

…Выбрав якорь, «Советская Латвия» оставила Ямский залив, направляясь вдоль гористых берегов к бухте Пестрая Дресва – чтобы выгрузить там технику, продовольствие, разное имущество и людей для Омсукчанского комбината, а также груз осташковской

партии. Иван рвался всей душой к своему гранитоидному Вилигинскому массиву. Осуществлялось желание заняться тематическими исследованиями, в чем ему много помог в свое время Серафим Васильевич Левченко. Осташко следовал девизу покойного академика Павлова: факты – это воздух, на котором держатся крылья науки, и нельзя их подчинять своим конъюнктурным интересам.

…В пять часов утра корабль стоял на рейде у Пестрой Дресвы.

Смеркалось. Алькин, забравшись под брезент, спал. Иван дежурил рядом, греясь у печки. Побережье утопало в облаках, бриз все свирепствовал; теплоход сильно покачивало. В три часа облака окрасились багрянцем – всходило солнце. Какой-то рабочий из титовской экспедиции присел к печке погреться.

Закурив, рабочий рассказал о трагедии, случившейся поздней осенью 1942 года в Пестрой Дресве. Сюда из Нагаево пришла самоходная баржа с тремя тысячами заключенных на строительство нового горнорудного комбината и дороги к нему. Погода стояла хмурая, но море было спокойное. Баржа подошла к берегу и только успела пришвартоваться, как налетела страшная туча со снегом, ураганный ветер сорвал судно с причалов – швартовы лопнули как нитки – и понес его в открытое море. Снежная буря неистовствовала двое суток подряд – все люди погибли. Пограничные военные катера нашли только некоторые обломки да обрывки одежды на прибрежных островках Тайгоноса. Тем же ураганом сорвало с берега, выбросив в море, два жилых дома и большой склад с продовольствием, после чего постройки разместили у окраины бухты под защитой скал.

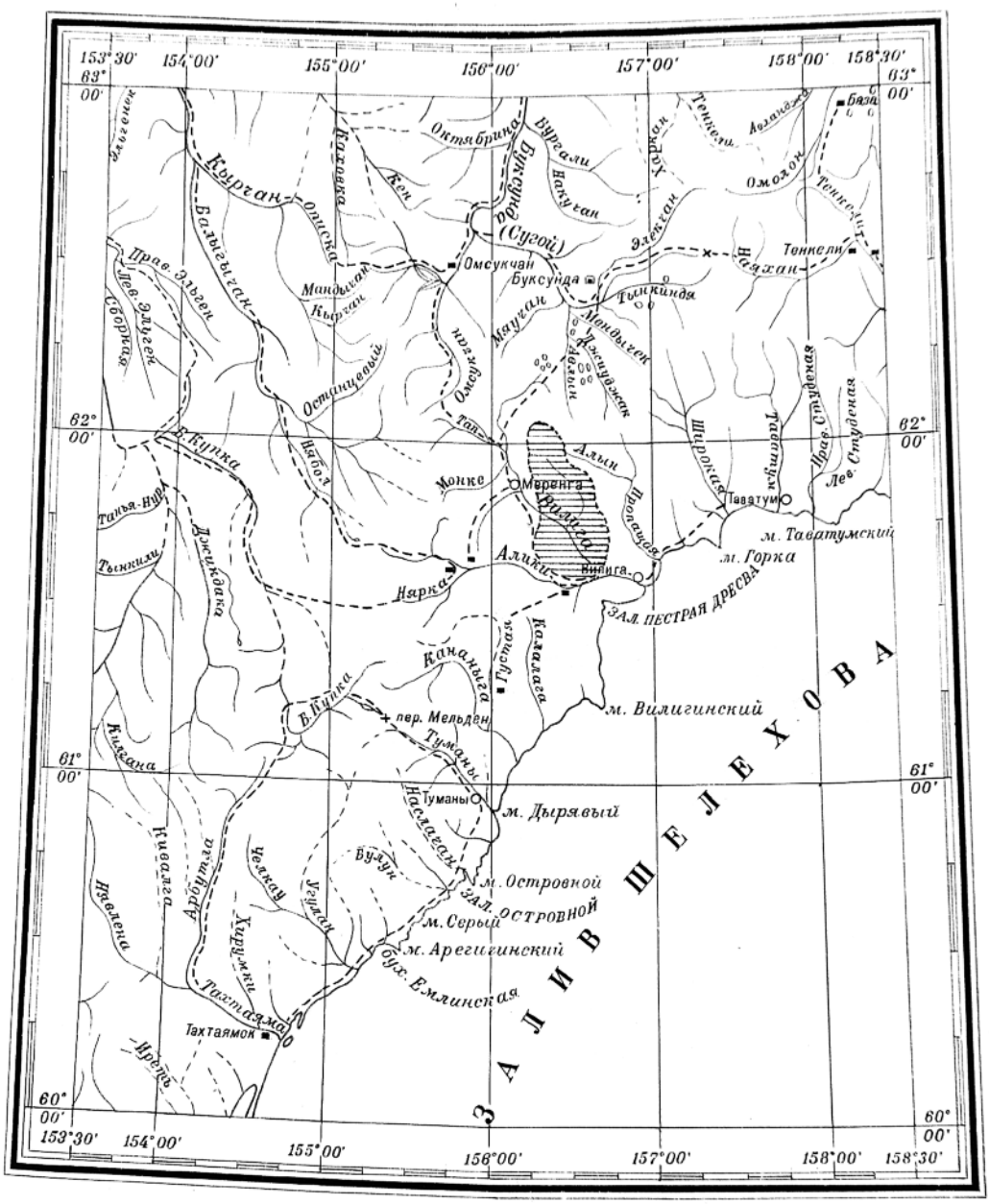
В десять часов утра 13 июля теплоход бросил якорь у входа в северный залив Гижигинской губы в двадцати милях от устья Гижиги. Здесь отливы и приливы достигали десяти метров, так что когда вода отступала, то отлогое морское дно обнажалось, доходя почти до корабля, а потом опять покрывалось наступающим морем до самого горизонта. Выгрузка Пенжинской экспедиции на-

Карта из отчета 1948 г. Д. С. Голоты

КАРТА РАСПОЛОЖЕНИЯ РАЙОНА РАБОТ

ТУМАНО-ВИЛИГИНСКОЙ ПЕТРОГРАФИЧЕСКОЙ ПАРТИИ НИО ГРУДС 1947г.

Масштаб 1:2000000



Район работ Тумано-Вилигинской петрографической партии НИО ГРУДС 1947г.
Начальник партии Голота Д.С.

К отчету Голоты Д.С. 1948 г.

чалась с лошадей. Каждое животное с помощью широкого «полотенца», продетого под животом, поднимали стрелой из трюма теплохода и, пронеся высоко по воздуху, опускали на дно баржи. Лошадь при этом напружинивалась до окаменения, вытянув шею и растопырив ноги; как только она касалась дна, то в страшном испуге забивалась в угол, постепенно приходя в себя. Затем сгружали бочки с бензином, снаряжение, продукты… Работа шла почти сутки. Как только ранним утром с очередным приливом баржа с экспедицией направилась к Гижиге, опустевший корабль повернул обратно к Пестрой Дресве, чтобы продолжить выгрузку. Осташко с имуществом ждал своего часа.

На теплоходе жили два медвежонка – Мишка и Машка, купленные командой у местного охотника; это были братик и сестричка. Шоколадно-бурая шерсть их шелковисто переливалась, и у Мишки вокруг шеи выделялся желто-бурый воротник, а у Машки были кремовая грудь и живот. Они свободно разгуливали по палубе, спускались в трюм, наведывались в жилые каюты, влезали на мачты, бегали по капитанскому мостику. Резвясь, гонялись друг за дружкой, кувыркались по трапам или, став на задние лапы, в обнимку затевали борьбу как заправские борцы. Однажды, когда кок ушел в кладовую за продуктами, медвежата забрались на камбуз. Там у плиты стояла большая кастрюля с тестом для пирогов. Проказники столкнули крышку и опрокинули квашню. Возвратившийся кок увидел, что все уши, морды и лапы непрошеных гостей облиты тестом, а Мишка, пятясь к двери, старается снять лапой очутившуюся у него на голове кастрюлю. В другой раз сорвали со стойки спасательный круг.

Соленой рыбы они не ели, а нашли где-то большую протухшую горбушу и лакомились ею поочередно, соблюдая, видно, свой закон: если один ест, то другой – не лезь! И хоть Машка была слабее, но стоило Мишке хотя бы понюхать рыбину в то время, когда сестрица ее грызла, Машка так налетала на братца, что тот кувырком летел прочь, отбиваясь когтями и зубами, и шерсть с него летела клочьями! В конце концов им надоело возиться с протухшей горбушей, и недоеденный кусок ее остался лежать у фальшборта. Их привлекла новая забава – жестяные баночки из-под мясной тушенки, которые иногда выбрасывали пассажиры. Баночки аппетитно пахли, и мишки с усердием их вылизывали. Только у Машки плохо получалось: мордочка туда не залезает, и

язык до дна не достает. Мишка же садился на пол, прижимал одной лапой баночку к груди, а другую засовывал внутрь; пошоркает, поелозит, вытащит – оближет лапу и снова ее в баночку толкает; так и вымажет все остатки.

Кроме медвежат, на теплоходе проживали еще белые хрюшки. Их откармливал старательный кок, чтобы в столовой не переводились свежие мясные блюда. Свиней держали в загородке на полуюте и, если не штормило, выпускали на палубу погулять. Один раз, когда Мишка, сидя у наружного трапа, извлекал остатки тушенки, к нему подошла взрослая чушка и стала хрюкать, нюхая баночку. Мишка подпрыгнул и ударил хавронью лапой по рылу. Свинья взвизгнула да наутек. Мишка – за ней. Носятся по всей палубе вокруг, от носа до кормы; вот-вот ее мишук догонит и за хвост сцапает! Вдруг навстречу из-за поворота появился ма-а-ленький поросеночек, не больше рукавички. Он протянул к медвежонку свое рыльце с розовеньким пятачком и приветливо захрюкал. Мишка от неожиданности так и сел на полном ходу! А поросеночек к нему: «Рох-рох-ро, рох-рох-ро». Медвежонок назад-назад – испугался, глаза вытаращил, потом ка-ак драпанет по лестнице на палубную надстройку и – на мачту: вмиг на самой верхушке очутился! Поросеночек топчется внизу, хрюкает, удивляется – куда же это новый знакомый запропастился? А Мишка сидит на верхотуре, дрожит, всеми лапами за мачту вцепился. Долго там сидел, пока всех свиней в загородку не загнали; только как стемнело, на палубу спустился. Обошел на цыпочках свиное жилье, пробрался к постели, где уже лежала Машка, и тоже лег спать.

Наблюдая за медвежатами, Иван Федорович и Алькин не раз от души смеялись. В последний день пребывания на теплоходе, когда мишки схватились в борьбе, Осташко сфотографировал их себе на память.

Обросшие и загорелые, ступили полевики на твердую почву Пестрой Дресвы утром 17 числа, снесли с баржи на берег свои грузы, на тракторе подтащили к диспетчерской – начальник эксплуатации обещал дать машину, как только вывезут последних зэков на комбинат. На другой день прибыли Игорцев и Гречаный с лошадьми. Овес на хранение удалось сдать на склад филиала Колымснаба, остальное погрузили на машину и, проехав около тридцати километров, стали лагерем в устье реки

Хаканджи, что впадала слева в Вилигу: они прибыли наконец в свой район. Здесь стояли три домика, в одном из них жили двое из заключенных и один вольный, наблюдавшие за состоянием дороги. Трасса, по которой проехали геологи, была скверная, местность пустынно-неприветливая, тесно стояли высокие щербатые скалы с гнездами прошлогоднего снега; у их подножий встречались стланик и травы, низко полегшие в сторону бухты, куда периодически дули из этой трубы в море ураганные ветры.

Совершив несколько маршрутов, партия откочевала в глубь района, основав базу в десяти километрах от трассы, избегая нападения беглецов, о появлении которых сообщили оперативники. Сюда же на лошадях был перевезен и фуражный овес.

Весь маршрутный сезон до начала октября на базе оставался Алькин – он сторожил имущество и выпекал в полевой печке хлеб. Игорцев работал конюхом-каюром, а Гречаный ходил в маршруты – поначалу с Иваном Федоровичем, а потом и самостоятельно. Игорцев, сорокалетний мужичок, и Анатолий Алькин, курносый парнишка маленького роста, прилежно исполняли порученное дело, но Леонида Гречаного, которому, как и Алькину, шел двадцать пятый год, начальник партии ругал не раз. На курсах он был отличником, как будто увлекался геологией, а вот на практике оказался безалаберным нытиком, неряхой, невнимательным, ленивым; зато жрал за троих – полевой нормы ему никак не хватало.

Чтобы улучшить питание, Осташко несколько раз посылал Игорцева выменивать кету и горбушу у рыбаков за папиросы, а также мясо и жир морзверя; подспорьем служили ягоды, грибы, куропатки. Дважды видели медведей, однако охотиться на них не пришлось.

Еще года четыре назад, пока в Пеструю Дресву не явились люди, начавшие строить дорогу к Омсукчану, в долине Вилиги и по другим соседним речкам медведей бродило гораздо больше. Летом здесь шли на нерест лососевые, и в эту пору сюда к рекам приходили медведи на трапезу. А в конце лета, когда масса отнерестившейся умирающей рыбы, истрепанной, обезображенной, скатывалась обратно вниз и, набившись в заводи и протоки, образовывали смердящие кладбища, на пиршество, кроме медведей, собирались всевозможные звери и птицы. Четвероногие

старались ухватить еще живые рыбины, а пернатые, среди которых преобладали стаи черных ворон, предпочитали кормиться дохлой кетой и горбушей, очищая таким образом реку от разлагавшихся завалов.

С организацией Дальстроя северное побережье Охотского моря покрылось сетью рыбных промыслов, и регулируемый нерест стал предотвращать массовую гибель лососевых рыб.

…Высокие горы с причудливыми скалами, глетчерные цирки и выпаханные ледниками корытообразные долины создавали чарующую красоту того уголка природы, где работала Вилигинская партия.

Минул август, и наступили первые заморозки, снег все чаще стал припудривать горные вершины, пожелтела лиственница, и долинная тайга запестрела ярким разнообразием красок. Со стороны моря наплывали туманы.

В то сентябрьское утро светило солнце, в чистом небе висел бледный серп старого месяца, и морозный иней покрывал землю. Когда Осташко, выйдя в маршрут, поднялся на двести-триста метров, где абсолютная высота достигала целого километра, он увидел нечто завораживающее: перед ним к юго-востоку простиралось ослепительно снежно-белое море, над которым там и сям торчали в виде островов одинокие вершины гор. Долина Хаканджи была «затоплена», и «снежное море» в виде заливов заходило в ее притоки. Это был слой тумана, вступивший из залива Шелихова. Там, под ним, стоял сырой мрак, а здесь, на высоте, ярко сияло солнце с голубого неба, где медленно совершал свой путь старый месяц.

Присев на камень, Иван записал в своем дневнике:

«Пока будут носить меня мои ноги, пока глаза будут узнавать и различать горные породы и минералы, а правая рука уверенно действовать геологическим молотком, я до последнего вздоха буду неустанно трудиться на плодотворном и благодарном поприще геолога-полевика».

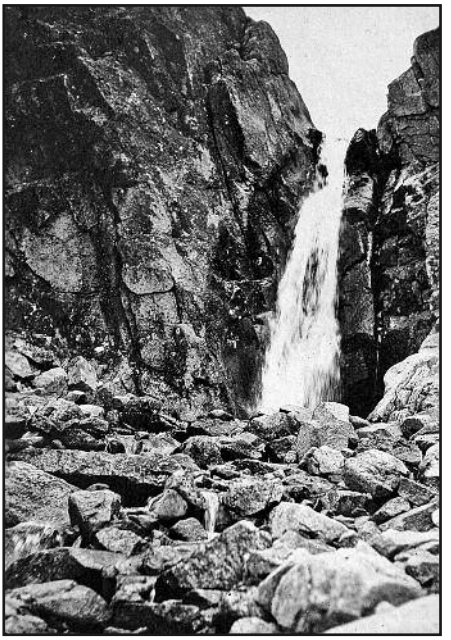
Обследовав скалистое ущелье, сложенное эффузивами андезитов, геологи с усилием преодолели высокий каменистый перевал, где вьюки пришлось перенести на себе, а лошади лишились почти всех подков. Зато до чего же благодатным оказался дальнейший путь по негусто заросшей террасе к следующему перевалу – мягкому, спокойному, приятному. Остановив-

шись на нем и глядя на тот, предыдущий, Иван Федорович воскликнул:

Такие перевальчики –
Оближешь только пальчики!
А тот вон перевал
Всю душу измотал.

Игорцев и Гречаный засмеялись.

Биваком стали в уютном месте на трехметровой террасе у ручья под роскошными кустами ольхи. Разными голосами перекликались кедровки, пересвистывались и стрекотали длиннохвостые суслики. Зверьки выходили из своих норок и приподнимались на задних лапках, чтобы осмотреться; одни грелись на солнышке, другие тотчас принимались за еду. После еды чистили себе мордочку и голову, лизали, мыли и расчесывали свой мех на спине, боках и животе.



Водопад в гранитном ущелье. Фото из отчета Д. С. Голоты о работе Тумано-Вилигинской петрографической партии 1947 г.

Один суслик повадился к палатке таскать овес. Он прогрыз в мешке дырку и, засунув внутрь голову, набирал полные защечные мешки зерен. Затем прыжками убегал к своей норе, освобождался там от содержимого и снова появлялся на мешке за очередной порцией, совершенно не боясь присутствия людей. Осташко установил на штативе возле мешка «Фотокор» и, когда на его писк суслик с любопытством посмотрел, щелкнул затвором. Воришка на это не обратил внимания – опять погрузил голову в мешок…

Когда переезжали с сусликовой долины, едва не случилось несчастье.

Было позднее славное утро. Осташко и Гречаный насилу выкарабкались из глубокой теснины, где пенился и грохотал водопад. Они рассматривали, обрабатывая молотком,

взятые там образцы, этикетировали их, производили записи в полевых книжках. По ту сторону ущелья вдоль гривки водораздела спорой тропотой шагали под вьюками в общей связке три лошади, которых вел Игорцев; позади отдельно шел, прихрамывая, конь Рыжик. Глянув туда, Осташко снова углубился в свои записи, а Гречаный неожиданно вскрикнул, и оба они увидели нечто катастрофическое: Рыжик с вьюками катился под откос! Игорцев неподвижно следил за мелькавшими копытами и полувьюками, словно чего-то ждал. Он не знал и за неровностями склона не мог видеть, что там, куда увлекало Рыжика, разверзлась пропасть. Леонид и его начальник заорали во все горло; вскочив на валун, Осташко стал тыкать рукой вперед и вниз, где ущелье, скрещивая затем кисти высоко над головой. Игорцев наконец понял и со всех ног бросился за конем. А тот все катился. До обрыва уже оставался последний десяток метров; по спине Ивана Федоровича побежал нервный озноб… Вдруг поклажа разлетелась: спасла примитивная мудрость – якутский способ вьючения, который всегда применялся в полевых партиях Ивана Осташко. Вьюки при этом не навешивались на крючья седла, а скреплялись палочкой, конец которой вдевался под луку; когда лошадь падала или кувыркалась, круговой трок сдвигался, палочка выскальзывала и груз распадался. Конь, почувствовав себя свободным, напружился, вскочил на ноги и, растопырившись, словно в землю врос; бока его ходили ходуном. «Хорошо, что подковали вчера!» – воскликнул про себя Осташко, наблюдая, как две вьючные сумы шлепнулись по сторонам, а продолжавшая катиться связка жестяных труб улеглась на встречном бугорке. Подбежавший Игорцев начал оглаживать мерина, затем подошел к обрыву, где в глубине шумел водопад, и, заглянув туда, тотчас отпрянул назад. Иван Федорович и Леонид облегченно улыбнулись. Игорцев собрал груз, навьючил, подвел Рыжика к стоявшим на пригорке лошадям и продолжил свой путь.

…В конце сентября всю неделю горы и долины окутывал плотный сумрачный туман, временами переходивший в морось. Иван занимался текущей камералкой, заканчивал чтение нового двухтомного труда академика Тарле «Крымская война». Двадцать четвертого, в день рождения отца, он оставался на стане один, отправив сотрудников с папиросами к рыбакам. «Где-то и как он, мой старик? Придется ли нам еще увидеться да пожить вместе?.. Как-то в жизни все делается не так, как думается, как хочется… Вот и те-

перь – рассчитывал, что сегодня закончу все полевые работы, а вышло иначе: сижу, прикованный туманом, и жду у моря погоды…»

Вечером следующего дня Игорцев и Гречаный принесли пять свежих и семнадцать соленых горбуш, а для Ивана Федоровича лично рыбаки передали баночку кетовой икры нежного посола и два куска балыка. Свежая икра до того была богата фосфором, что светилась в темноте так, будто в банке находилась матовая электролампочка. Принесли ребята приятную новость: по радио будто было объявлено, что с 1 октября текущего года отменяется карточная система. Игорцев сказал также, что «Советская Латвия» опять привезла в Пеструю Дресву много заключенных для рудников – видимо, взамен освобождавшихся власовцев.

Сентябрь кончился. Повеяло зимой: горностаи, зайцы, куропатки оделись в белое, улетали гуси. Дул сильный холодный северо-западный ветер. Он с яростью врывался в палатку, трепал ее полотнища, гудел в трубе, и выталкиваемый из печки дым выедал глаза. Неслись тучи, сыпался снег, мороз начинал сковывать землю. Геологи перебрались на правый берег Вилиги, заканчивая свои работы. Базу перебросили в устье Хаканджи, к самой автотрассе.

…Узнав на следующий день, что теплоход уже на рейде, Осташко разделил продукты – для Игорцева с Алькиным и для себя с Гречаным, раздал промтовары и на попутной машине поспешил в бухту. Там стояла баржа «Вилига», грузившаяся касситеритом, и геологи добрались на ней до теплохода. На «Советской Латвии» Ивана Федоровича приняли как старого знакомого, разрешили ему вместе с его прорабом и ценным грузом поселиться в шестиметровой каюте. Команда на теплоходе сохранилась прежняя, и мишек уже не было – их продали в магаданский зоопарк.

Осташко и Гречаный в дневное время продолжали заниматься своим делом: составляли, оформляли карты, приводили в порядок зарисовки, геологические дневники и полевые книжки, каталог образцов. Начальник требовал от Леонида безукоризненной чистоплотности в работе – к этому он приучал своего прораба все лето.

Сам Иван Федорович был человеком педантичным и очень аккуратным, унаследовав эти качества от родителей еще с детства. Ни дома, ни в походе не приступал к чтению или письму с грязными руками.

Вся полевая документация Ивана Федоровича отличалась чи-

стотой – этого добивался он и от своих сотрудников. Еще в 1942 году его удивили замечания членов приемочной комиссии – почему в полевых книжках нет раздавленных комаров? Не в палатке ли он вел геологические дневники? Но Осташко отвечал, что делал записи под натянутым на колени накомарником, а если и попадался комар, то он его убивал, соскабливал; и вообще наличие насекомых в книжках считается неряшливостью! Потом его коллектор Николай Чеботаев рассказывал, что прежние начальники велели ему нарочно комаров впускать – для подтверждения: описания велись, мол, на обнажении, а не в жилище.

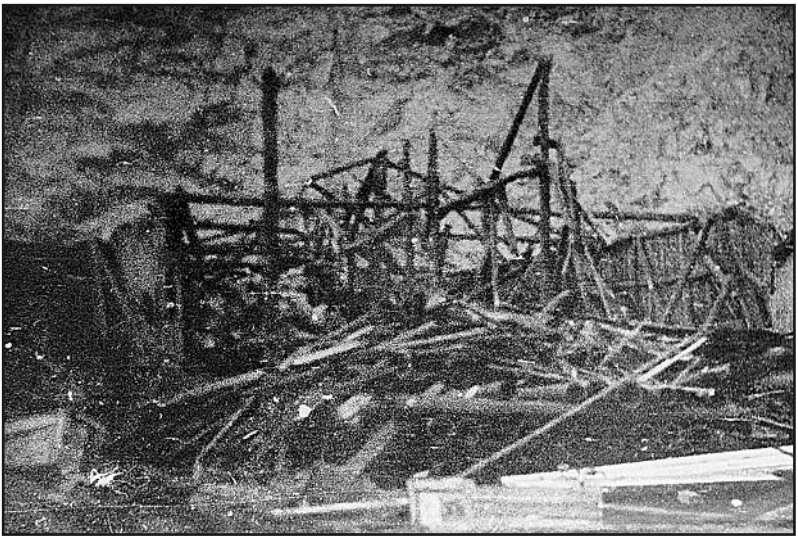
В истекшем сезоне прорабу Гречаному особенно доставалось – Осташко костерил его за неряшливость, за грязные руки и всякие небрежности. Нелегко было Леониду привыкать к требованиям своего начальника – мыть руки перед едой и после, жить в чистоте и аккуратности. Он огрызался, обижался, возмущался, но в конце концов стал человеком! И потом, уехав через год с Колымы, женившись, с благодарностью вспоминал в письмах к Ивану Федоровичу те дни, которые провел с ним в Вилигинской партии.

…За две недели пребывания на теплоходе Иван Федорович успел вместе с прорабом оформить полевые материалы, написал Информационную записку.

Субботним вечером корабль вошел в бухту Нагаева. Над Магаданом висел туман… Наконец-то и дома!..

Через несколько дней Осташко доложил комиссии научно-исследовательского отдела о результатах работ своей тематической партии и получил высокую оценку. Васьковский, а особенно Снятков остались очень довольны.

…В конце ноября произошло трагическое событие: в Нагаевском порту в одночасье взорвались два парохода – «Выборг» и «Генерал Черняховский» (*в действительности событие произошло 19 декабря 1947 г., когда в бухте Нагаева вскоре после возникшего пожара взорвался пароход «Генерал Ватутин», а затем и «Выборг» от сдетонировавших взрывчатых веществ. Погибло 90 человек, более 500 получили ранения. – Ред.*). Осташко и другие полевики, камеральничавшие в большой комнате на четвертом этаже, в начале одиннадцатого утра увидели за перевалом, где находилась бухта, высокий столб белого дыма. А через час раздался огромный взрыв. Направлявшегося в то время к выходу Ивана выбросило через дверь к противоположной стене коридора. В кабинетах Главка



Руины складских помещений на территории Магаданского порта после взрывов пароходов «Генерал Ватутин» и «Выборг». *1947 г.*

и геологического управления высадило большие оконные рамы и швырнуло с площадок на лестницы тяжелые бронзовые бюсты Ленина и Сталина. Почти во всех домах, особенно на возвышенной части города, повышибало окна. В порту было много жертв, горели товарные склады, огонь подбирался к бензоцистернам и хранилищам взрывчатки. По тревоге немедленно были брошены в порт все пожарные подразделения, воинские части; выступивший по радио Никишов призвал население города быть готовым к спасению сосредоточенных в порту запасов продовольствия, промтоваров, техники, горючего и прочих ценностей, обеспечивающих жизнедеятельность Дальстроя.

К вечеру тревогу отменили – пожар в порту удалось ликвидировать, а затем и погасить. Пострадали многие пароходы – у них посрывало мачты, трубы, покорежило палубные надстройки. Могло статься и гораздо хуже, но быстро сориентировался капитан «Феликса Дзержинского»: увидев, что горит «Выборг», и зная, что стоящий рядом во льду «Черняховский» загружен аммонитом, он на всех парах двинул свой пароход к выходу из бухты, а за ним поспешили и другие суда, так что в момент взрыва многие успели отойти на значительное расстояние.

Едва опомнились магаданцы после этой беды, как обруши-

лись новые напасти. 15 декабря утром колымчане неожиданно стали в десять раз беднее: произошла денежная реформа. В обращение поступили новые купюры, старые же можно было обменять на них в течение нескольких дней в соотношении десять к одному. У кого же вклады лежали на сберкнижках, то до трех тысяч сумма оставалась прежней, а что сверх – также уменьшалась в десять раз. Многие люди, особенно нажившиеся нечестным путем, держали деньги в загашниках, часто – зашитые в матрасы и подушки. Некоторые не вынесли разорения и повесились. Плохо пришлось отпускникам, прежде всего тем, кого реформа застала на пароходе, в пути к Находке; большинство из них тут же вернулись потом обратно, чтоб продолжать работу. Семья Ивана Федоровича не пострадала: в сберкассе у них имелось лишь три тысячи, а на руках – рублей полтораста.

Только прошла реформа – жители Магадана остались без воды и электричества, в большинстве домов вышло из строя отопление, в том числе и там, где жил Осташко. Вода, за которой надо было ходить на водокачку, в комнате замерзала. Маленькую Таню то и дело приходилось пеленать в страшном холоде; ужинали при свечах, спали одетыми. Наконец Иван притащил со склада жестяную печку и поставил в комнате, выведя трубу через форточку.

1948

ТЕНЬКА. БУТУГЫЧАГ

...Магадан преображался. Вырастали благоустроенные четырехэтажные дома, возникали новые улицы. Строили пленные японцы. Их не стали завозить в глубь трассы, на прииски и комбинаты, где они не выдержали бы лютых морозов, а рассредоточили по Охотскому побережью. Наиболее крупный японский лагерь находился в Магадане. С пленными обходились хорошо, содержали в теплых бараках, вволю кормили рисом и продуктами моря; они каждое утро побригадно с оркестром выходили на работу, трудились добросовестно, споро. За два года город увеличился почти вдвое, приобрел цивилизованный облик. Его центральная магистраль, ранее именуемая Колымским шоссе, превратилась в проспект Ленина – с мостовой, плиточными тротуарами и шпалерами лиственниц вдоль бордюров.

Состоялся вызов Ивановых стариков лишь в августе 1947 года, но в преддверии осенне-зимнего ненастья ехать они побоялись. Прибыли на «Феликсе Дзержинском» после тяжелого пути в начале июня...

После поля он обрабатывал геологические данные. В Учкомбинате в двух спецгруппах читал лекции: петрографию, полезные ископаемые, геотектонику и полевую геологию – по восемь часов в день. В этом году контингент его слушателей был представлен молодыми договорниками – юношами и девушками, имевшими среднее образование, а то и один-два курса вузовского. Их готовили на техников-операторов по поискам радиоактивных руд. Выпускников же прошлого года, из власовцев, теперь переводили на менее секретные объекты.

На лето этого, 1948-го, года для Ивана Федоровича намечалась тематическая партия в бассейне Индигирки по выяснению генетической связи золотоносности с жильными магматическими образованиями. Подобная тема, имевшая прикладное значение, Осташко устраивала, и он уже начал было к ней готовиться. Однако обстоятельства сложились по-иному.

В результате геолого-радиометрических исследований, про-

веденных полевыми партиями Пятого отдела, на Северо-Востоке наметилось несколько ураноносных районов; для их промышленного освоения и дальнейшего развития поисково-разведочных работ в июне данного года было создано специальное Первое управление. Байбаков, возглавивший в нем геолого-поисковый отдел, обратился к Ивану Федоровичу с предложением взять одну из партий управления – обследовать несколько гранитных массивов в системе верхнего течения Колымы; причем квартира ему гарантировалась. Осташко согласился…

Вместе с Донатом Байбаковым Осташко вошел в просторный кабинет, располагавшийся на втором этаже центральной части деревянного особняка. Из-за стола поднялся невысокий плотный человек лет сорока, в генеральской форме с однозвездными погонами золотого плетения. Смуглое лицо, полные губы, светло-русые, подстриженные бобриком волосы над невысоким лбом, ершистые бровки и остро-внимательный ясный взгляд серо-голубых глаз вызывали к нему чувство симпатии и уважения. Это был начальник Первого управления Павлов.

– Здравствуйте, товарищ Осташко! – Павлов быстро пожал своей мягкой крупной рукой узкую кисть Ивана.

– Здравствуйте, товарищ генерал! – ответил Осташко.

– Называйте меня просто по имени, Василий Павлович меня зовут. Я ведь тоже геолог. Вы что кончали?

– Киевский университет.

– А я – Саратовский… Да вы садитесь, пожалуйста, не обращайте на меня внимания – это у меня такая привычка – ходить во время разговора… Так вот, Иван Федорович, – так, кажется, вас зовут? Согласны вы у нас работать? Донат Ефимович ввел вас, надеюсь, в курс дела? – он глянул на стоявшего здесь же Байбакова.

– Да, Василий Павлович. Иван Федорович готов возглавить Инякано-Севастопольскую партию.

– А, может, мы поставим его начальником экспедиции?

– Это сложная, ответственная партия, – продолжал Байбаков. – Ему придется обследовать шесть гранитных массивов; на некоторых работы уже проводились, но выполнены на низком уровне, исполнители слабо разбирались в петрографии и минералах. А Иван Федорович – высокий специалист в этой области – его заключение сомнению не подвергнется.

– Ну что ж. Ладно. У вас с анкетными данными все в порядке? – обратился Павлов к Ивану. – Репрессированных или за границей никого нет из родственников?

– Нет, из близких, кого я знаю, нет никого.

– Вот и хорошо. Семья у вас большая? Кстати, недавно старики к вам приехали? Насчет квартиры не беспокойтесь. Оформляйтесь, езжайте в поле, а семью вашу мы в ближайшие дни перевезем в новый дом.

Сдав отчет о результатах работ в районе Вилиги, Осташко насовсем рассчитался с Геологоразведочным управлением и в конце июня выехал в Усть-Омчуг, центр Тенькинского горного управления, где формировалась его новая, Инякано-Севастопольская партия, получившая титул по названию двух главных из шести гранитных массивов – Иняканского и Севастопольского. С собой из Магадана он взял двух своих лучших учениц – Валю Керженцеву и Веру Малинину – на должность техников-операторов радиометристов. Прорабом-геологом и подотчетником был Владимир Жуланов, молодой высокий парень, недавно демобилизовавшийся младший лейтенант-артиллерист. Он там, в Усть-Омчуге, под руководством начальства, подготовил все имущество, рабочих и лошадей согласно утвержденному проекту. Так что через три дня партия в полном составе на присланной из Магадана машине отправилась на первый объект – Иняканский массив, устроив свою базу у Валунистого разведрайона.

Валя и Вера закончили курсы геофизиков на «отлично». Обе интересовались геологией, овладели основами радиометрии и новыми приборами. Первой исполнилось двадцать лет, второй – двадцать три. Внешне они были совершенно не похожи, но обе отличались добротой, спокойствием, искренностью, честным отношением к работе. По-разному и непросто сложилась жизнь у каждой из них…

Участки работ Инякано-Севастопольской партии были разбросаны на протяжении трехсот километров; обрабатывать объекты приходилось по-разному: на крупных массивах трудились совместно обоими отрядами, а небольшие гранитные выходы обследовались порознь. Состав отрядов менялся: то Иван Федорович работал с Валей, а Жуланов с Верой, то, наоборот, – прораб с Керженцевой, а начальник с Малининой.

…Этим летом коллектив партии Осташко непредвиденным

образом пополнился симпатичным четвероногим существом, получившим имя Губастик.

В первый рабочий день, в разгар запоздалого половодья, Иван Федорович, выйдя из палатки, спустился по обрыву террасы к руслу Большого Инякана, стал не спеша перебираться на тот берег. То была длинная стрелка, от которой прямо на его глазах начал отделяться небольшой остров. И там, среди зарослей ивняка, он увидел маленького светло-рыжего лосенка; он повернул к человеку свою ослинообразную мордочку и наблюдал. Выбравшись из воды, Осташко осторожно приблизился к кустам, где стоял малыш, но того уже не было. Неожиданное исчезновение крайне его изумило, тем более что островок оказался совсем узок, просматривался насквозь. Шагнув, однако, вперед, он наткнулся прямо на животное: лосенок лежал бездыханный, с закрытыми глазами и чуть высунутым языком. Осташко встал, словно вкопанный, не зная, что предпринять. Вдруг позади раздался лай, и в тот же миг маленький мертвец вскочил на ноги, прыгнул в сторону. Перебираясь через реку, Иван Федорович не заметил, что следом за ним увязалась Лада – своеобразная помесь кавказской и шотландской овчарки, принадлежавшая рабочему-конюху Михаилу Швецову. Это она облаяла лосенка, который ради спасения притворился мертвым. Теперь же, донельзя перепуганный, он стоял на зыбком берегу у самого края и весь дрожал; большие, полные ужаса глаза его, казалось, просили о помощи… Взял Осташко его под брюшко на руки, направился обратно; Лада завертелась, радостно запрыгала вокруг. Брел он очень осторожно, чтобы не попасть под плывшие коряжины. Маленький, прижавшись к нему, лежал с растопыренными вытянутыми ножками, напружинив голову; его торчавшие в стороны уши меланхолически покачивались. Рядом плыла довольная Лада, держа в зубах геологический молоток.

На гладкой, как стол, террасе спиной к реке сидела Вера, эталонировала перед маршрутом прибор. Увидев идущих, она помчалась навстречу.

– Боже ж ты мой, какая прелесть! – всплеснула она руками. – Смешной какой губастик!

И она осторожно потрогала его около ноздрей.

В двух словах рассказав о случившемся, начальник велел покормить лосенка разбавленной сгущенкой, а Михаилу наказал, чтобы вместе с собакой присмотрел за ним. Сам же, не меш-

кая, пустился снова на тот берег, захватив в помощь длинную слегу. И едва перебрел возникший на стрелке пролив, который уже отделил островок от остальной части междуречья, как натолкнулся на лосиху-мать. Очевидно, до паводка еще она угодила между бревнами плавника, сломала передние ноги и не смогла уже выбраться. Мелкое зверье успело перегрызть ей горло, были объедены голова и часть туловища.

Так что оказался найденыш сироткой.

Подходившего вечером к палаткам начальника встретила овчарка, повела его к своему подопечному. Привязанный за шею марлевым жгутом, подобрав под себя ноги, лосенок лежал. Он поднял голову, поглядел на Осташко; большая, несуразно толстая верхняя губа его низко и как-то уныло свисала над нижней.

– О, да ты и вправду Губастик! – воскликнул Иван Федорович.

Малыш почему-то обиженно отвернул морду и вздохнул.

– Это дядя Миша его привязал, – сказала появившаяся Вера. – Боялся, что сбежит… Не сбежит, куда ему, на ножках даже не держится.

– Он хоть поел?

– Утром плохо, под вечер только вот разохотился. Шлепает ртом своим беззубым, облизывается. Потешный!

Сидя на хвойной постели у вьючного ящика, Иван Федорович глядел на разрумянившуюся Веру. Пламя стоявшей на ящике свечи освежало ее лицо, волосы, грудь, и по бязевой стенке палатки двигалась причудливая тень. А она, низенькая, толстенькая, в распахнутой телогрейке, все говорила, рассказывала, махала руками и… напоминала забавного пингвиненка.

Керженцева спала мертвецким сном. Оказалось, в маршруте она упала, пришла с ушибленной ногой и сломавшимся прибором, очень расстроилась и, не поужинав, улеглась в постель.

Минуло три недели, и однажды утром Валентина первая увидела, что Губастик – так его прозвали, упав передними ножками на колени, пощипывает травку.

– Поздравляем, поздравляем! На подножный корм начинаешь переходить? Моло-о-дец!

«Гав, гав!» – подтвердила вертевшаяся тут же Лада.

Эта «кавказская колли», крупная, лохматая, черно-рыжая собака, оказалась чудесной нянькой – ни днем ни ночью она с найденыша глаз не спускала. По ночам или в ненастную погоду ов-

чарка и теленок спали вместе, тесно прижавшись друг к другу. Дружба была у них – водой не разольешь! Хоть ненадолго стоило Ладе отлучиться, волнуется малыш, мякает, глазами ищет.

Быстро подрастал Губастик, совсем на траву перешел, молодые побеги, ягоды – все ему нравилось. Но грибы – и того пуще; надыбает где-нибудь маслят или сыроежек – за уши не оттащить. Не брезговал и сахаром – это уж Вера его приучила: как возвращается из похода, так сладкую жамочку из куртки достает. Он встречать ее потом стал: подходит – сам в карман тычется. Правда, от грибов-то не очень торопился, голову только поднимет и мякнет – это мычание у него такое, чтобы на него внимание обратили. А все же, как Вера позовет: «Губастик, Губастик!» – бежит, шумит, губищей шлепает и – давай по карманам вышаривать.

…Далеко позади Инякан остался, по многим речкам отряды кочевали, добрались и до полноводной Бурхалы, а малый так и жил с ними, не хотел в одиночку по тайге бродить. Швецов как-то похвалился:

– Губастик вьюки уже таскает!

– Да ну? – удивился Осташко.

– Точно. Надысь шел я вон на тот ключ; душно стало, снял ватник, а он рядом хлюпает – кочки как раз, болото. Я и пристроил одежонку ему на спину. Ничего – не боится. Опосля седло пустое поклал из-под Рыжухи, а давеча оклунок вот с мукой присобачил – порядок! Помощничек – будь здоров!

Наступила пора через Бурхалу переправляться. Воды в ней и так полно было, а тут дожди еще прошли… Завьючили лошадок, Михаил и Губастику два спальных мешка приторочил. Да не тут-то было. Сунулся он сперва за лошадьми, а как стало поглубже – и забоялся. Дрожит, глаза таращит, даже губа от страха трясется. Лада, кажется, первая заметила; обернулась: «Гав, гав!» – «Чего, мол, испугался?» А он, наверное, вспомнил паводок тот – стоит, ни с места. Вышел караван на другой берег, конюх-каюр вьюки поправляет, – Губастик все там, на перекате. И овчарка с ним рядом: то ругнет, то его полижет – уговаривает.

– Пошли, Михаил, – говорит начальник, – мешки хоть перетащим, а твой «помощничек» и без нас не пропадет.

Оставили Малинину и Керженцеву с лошадьми, вернулись, взвалили на плечи груз, снесли кое-как. Подходят к девушкам, а они:

– Глядите, глядите! Лада Губастика на буксире тащит!

Смотрят: взяла овчарка его за ухо, плывет, а он, голенастый, рядом – шлеп по воде, шлеп, только брызги летят. На стрежне тоже вплавь пошел, и ничего, не струсил. Так Лада и вывела его на косу.

…Прораб Владимир Жуланов был призван в армию в последний год войны, успев перед этим закончить три курса геологоразведочного техникума. В геологии разбирался слабее, нежели Малинина, а тем более – Керженцева, имевшая уже до Учкомбината год учебы на геофаке. Так что Иван Федорович предоставлял ему возможность больше сосредоточиться на делах хозяйственных. Высокий, тонкий, стройный и подтянутый, он не расставался со своим военным обмундированием – без погон и звездочки на фуражке, очевидно, считая, что форма офицера-артиллериста придает ему привлекательность и солидность. В первые недели Жуланов начал приударять за Верой, потом за Валей, но потерпел фиаско: девушки с насмешкой отнеслись к ухаживаниям незадачливого артиллериста. К тому же обе они все больше проникались уважением к своему начальнику.

В конце августа, отправив Жуланова с Верой на следующий объект, Осташко остался вдвоем с Валей.

– Знаешь, Валя, что я сейчас подумал? Ты должна продолжить учебу – обязательно окончить университет, стать настоящим геологом. Для меня было бы великим счастьем увидеть тебя лет так через десять уже кандидатом наук, ученой.

– Я постараюсь исполнить ваш наказ, Иван Федорович, – тихо сказала она…

Где-то лет через 25 Осташко случайно встретился с Валей в Москве. Она уже стала матерью семейства и кандидатом геолого-минералогических наук. Жила и работала в Ленинграде…

Когда Иван Федорович, оставшись с Керженцевой, отправил Жуланова вместе с Верой Малининой, то прораб решил, что начальник поделил девок: себе взял Валю, а ему на ночь вручил Веру. И, доехав до пустовавшего у дороги старого барака, он велел разгрузиться, отпустил шофера с машиной на базу в разведрайон и уединился с девушкой. Извлек из рюкзака консервы, хлеб и фляжку спирта, предложил Вере вместе с ним поужинать. Она поела хлеба с тушенкой, но от спирта наотрез отказалась и одетая, не снимая обуви, легла на боковой лавке спать, подложив под голову полевую сумку. Тяпнув для куража граммов двести, экс-артиллерист тре-

лью стал рассыпаться перед лежавшей девушкой. Затопил печку, разделся, разложил на широких нарах спальные мешки и пригласил Веру «развьючиться» – свободно, по-человечески лечь в теплую постель. Он говорил о своих серьезных намерениях обзавестить семьей, уверял, что всей глубиной души своей полюбил ее с первого взгляда и готов хоть сейчас предложить ей руку и сердце, соединить с нею судьбу свою на всю жизнь.

– Владимир Степанович, я спать хочу, оставьте меня в покое, – ответила Малинина, поворачиваясь к стенке.

– Что, для Ивана Осташко берегешь себя?! – окрысился задетый за живое Жуланов. – Не надейся! Он себе Валентину оставил, а тебя мне отдал. Так и сказал: Веру вручаю в твое распоряжение.

– Какой же вы негодяй, Жуланов! – повернулась к нему Малинина, презрительно прищурив глаза. – Нет у вас ни капли человеческой порядочности.

– А ты не выпендривайся! Все равно сейчас с невинностью своей простишься!

И, схватив Веру за ворот телогрейки, потащил ее на нары, пытаясь сорвать с нее одежду.

Кроткая тихая девушка внезапно обернулась дикой пантерой. Рванувшись, она сшибла с ног охмелевшего прораба и, схватив свой увесистый геологический молоток, отскочила к задвинутой на щеколду двери.

– Попробуйте хоть пальцем тронуть – завтра же все расскажу Ивану Федоровичу!

Она отодвинула засов и, не выпуская из рук молотка, вышла из барака. Жуланов утер грязной своей рукой вспотевшее лицо, хлебнул еще из фляжки и, не снимая сапог, через несколько минут захрапел.

Возбужденная Вера, быстро скрывшись за ближайшими кустами кедровника, несколько минут прислушивалась; затем, глубоко вздохнув, побрела вдоль шумевшей речки по лесистому берегу. Рассвет застал ее на небольшой поляне среди старых деревьев. Ей невольно вспомнилась старинная песня, которую часто пела ее любимая бабушка, и полился по тайге чистый, проникнутый грустью, бархатный голос. Умывавшаяся на ветке белочка прервала свой утренний туалет; из-за пня выглянула любопытная мордочка горностая; серая кедровка, начавшая было

заводить свои хриплые рулады, вдруг умолкла… Смолкла и Верина песня.

Ни Ивану Федоровичу, ни Вале о случившемся Вера ничего не сказала. Ожидавший взбучки Жуланов целую неделю ходил, словно кот побитый; но грозы не последовало, и он, выбрав удобный момент, извинился перед Малининой, поблагодарил за то, что не пожаловалась начальнику.

Дав задание Керженцевой, Осташко с Верой и Швецовым, который вел навьюченных лошадей, удалился дней на десять на очередной участок работ. В маршруте и в палатке, когда Михаил коней кормил или уходил поохотиться, повеселевшая Вера продолжала вспоминать эпизоды из своей жизни, упомянула и о той ночи, что провела одна в лесу, убежав от пьяного Жуланова.

Ездивший на базу за хлебом Михаил подал начальнику записку.

«Здравствуйте, Иван Федорович! – писала Керженцева. – Работы на Ачче прошли успешно. Оба выхода нашла первым маршрутом, который сделала 4.IX, сразу же по выезде. Пятого погода ухудшилась, но я успела совершить еще один маршрут, который оказался весьма удачен: обнаружила крупные гроздья брусники – урожай знатный!..

Желаю удачи. 9.IX.48.

В. Керженцева».

– Молодчина! – воскликнул Иван Федорович, прочитав записку, где самым важным было упоминание относительно брусники.

Дело в том, что деятельность Первого управления относилась к категории весьма секретной. Слова «уран» и «торий» каждый год заменялись на «асбест», «барит», «альбит», «анорит», «А-Э» и «Б-9» и тому подобные. В текущем сезоне геологи условились, что в случае обнаружения участков с повышенной радиоактивностью письменные и телефонные сообщения о том в управление или внутри партий и экспедиций должны касаться «урожая брусники». Инякано-Севастопольская партия выявила уже несколько «урожайных» объектов, но этот, на ключе Ачча, особенно радовал Осташко: «крупные гроздья», «урожай знатный». Он решил его немедленно исследовать, как только установится благоприятная погода. Однако мажорное настроение омрачилось неприятным происшествием.

Прибывшая Керженцева рассказала, что приехавший десятого сентября в конце дня Жуланов привез из Усть-Омчуга всякие консервы, а также всякие разносолы рыбные, шоколад, спирт и марочные виноградные вина. Пригласил из разведрайона двух заключенных девиц и в новой палатке, натянутой на каркас, устроил с ними кутеж до самого утра. Рабочих заставил прислуживать, наорал на Керженцеву, обозвав ее непристойными словами, выкаблучивался перед девахами, давая им понять, что он в «экспедиции» очень важное лицо, а работа его весьма и чрезвычайно секретная.

Возмущенный до крайности Осташко сразу же отправил Валентину на базу с внушительным предписанием своему распоясавшемуся прорабу:

«Тов. Жуланов.

Категорически запрещаю Вам производить какие-либо операции или получать любые товаро-материальные ценности на имя Инякано-Севастопольской партии, а также отлучаться с территории Валунистого разведрайона без моего ведома…

За совершенные в мое отсутствие пьянки, хулиганство и разглашение закрытых сведений будете отвечать по закону.

Н-к Инякано-Севастопольской партии Первого управления Дальстроя МВД СССР И. Осташко. 13.IX.48».

Струхнувший прораб сразу же помчался в Усть-Омчуг проконсультироваться в бухгалтерии и отделе кадров, однако ничего утешительного для себя не услышал. Вернувшись, он стал беспрекословно исполнять требования своего начальника, который обнаружил, что часть деликатесов, полученных на партию, Жуланов пустил налево.

…Работы шли своим чередом. Вместе с Керженцевой Осташко осмотрел кристаллические выходы на Ачче, обнаружил кварцевые жилки с окислами урана и другими радиоактивными рудопроявлениями, а затем всем коллективом двинулся на последний – Севастопольский – гранитный массив. К середине октября дела закончили.

Сопки снегом покрылись – осень пургами зачастила да ветрами студеными. Громоздкие вещи, коллекции каменные и другие грузы заранее на базу отправили; Жуланов, Керженцева и рабочие тоже там остались. С Севастопольского же последним рейсом увозились геологические документы, приборы, некоторое снаряже-

ние и оставшиеся продукты. Главным героем заключительного этапа полевой деятельности партии оказался Губастик.

Опасаясь, что на трассе или в разведрайоне лосенка могут ухлопать, Осташко решил отшить его, выстрелами припугнул – чтобы в тайге остался. С места двинулись морозным утром, а к полудню маленький трехконный караван двигался уже по чернотропу. На новой стоянке термометр даже ночью не опустился ниже нуля, и на другой день Иван решил пойти по соседней речке маршрутом. Уходя, Вере и Швецову наказал, чтоб держались тропы, а на ночлег спустились в долину второго левого притока. И показал на карте: «Тут вот станете». Вера спрятала карту, огляделась.

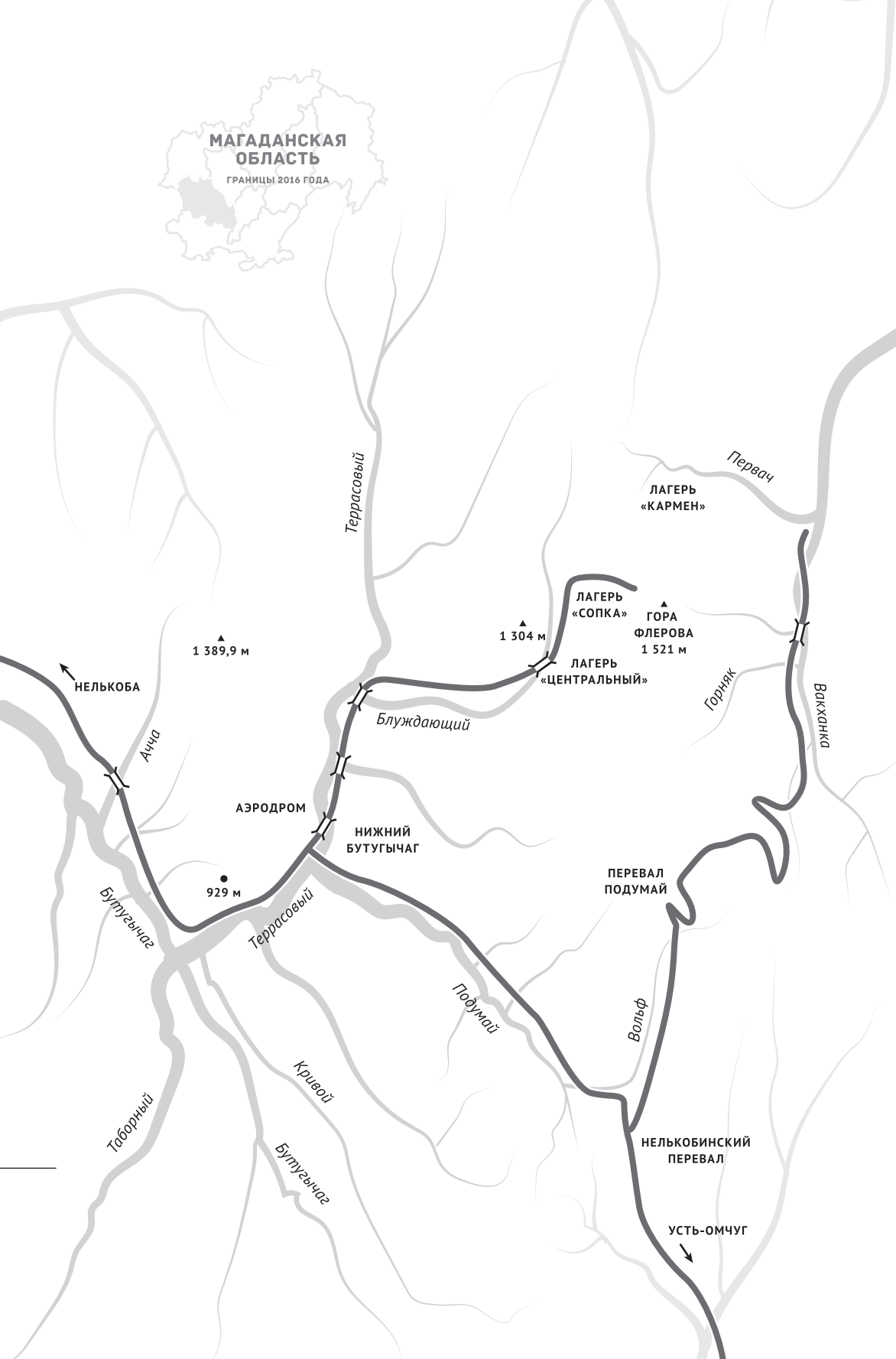
– Неужто не появится? – сказала она, имея в виду Губастика.

– Дай-то бог, – ответил начальник и, кивнув на стоявшую у вьюков Ладу, добавил: – Грустит…

Имя лосенка при овчарке старались не произносить, а то чего доброго, она тут же махнула бы обратно и пригнала его к отряду.

Ивану Федоровичу повезло: на очень интересную минерализованную зону наткнулся. Пока изучал, описывал ее да образцы отколачивал, не заметил, как и короткий день угас. Передохнул он, съел бутерброды да и поспешил к стоянке. Поднялся по второму притоку до самого верха, а жильем и не пахнет. «Вот не было печали! Никак в следующий распадок сиганули?» – с досадой подумал Осташко, тревожно поглядывая на сумрачное небо. И побежал обратно, к основному руслу, надеясь по запаху костра тот приточек учуять, где они стоят. Прошли минуты, совсем темно стало; на руки и лицо ему холодные снежинки упали. Остановился, прислушался – клокочет таинственная речка, а куда течет – никак не понять. Чиркнул спичкой, посветил, сверился по компасу – дальше пробирается. И попадает в чащу непролазную. Запнулся – плюх в воду! Хорошо, что боком да на отмели… Полез в брюки за спичками – батюшки! Коробок-то весь мокрый.

Район поиска урана отрядом Д. С. Голоты в 1948 г.
Зона рудника «Бутугычаг» и ручья Ачча


МАГАДАНСКАЯ ОБЛАСТЬ
ГРАНИЦЫ 2016 ГОДА
Террасовый
Первач
ЛАГЕРЬ «КАРМЕН»
ЛАГЕРЬ «СОПКА»
ГОРА ФЛЕРОВА 1 521 м
1 304 м
ЛАГЕРЬ «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ»
1 389,9 м
НЕЛЬКОБА
Ачча
Блуждающий
Горняк
Вакханка
АЭРОДРОМ
НИЖНИЙ БУТУГЫЧАГ
929 м
Бутугычаг
Террасовый
ПЕРЕВАЛ ПОДУМАЙ
Подумай
Вольф
Кривой
Таборный
Бутугычаг
НЕЛЬКОБИНСКИЙ ПЕРЕВАЛ
УСТЬ-ОМЧУГ

Отряхнулся он, повертелся и вдруг – духом вроде жилым понесло. Стал кричать, свистеть – нет ни ответа, ни привета. Снег только припустил так, словно у ангелов на небесах мешок прорвался! Неуютная перспектива ему представилась, аж мурашки побежали по коже. И так тоскливо стало, такая налегла на него усталость – едва на ногах устоял… Снял рюкзак, присел – решил как-то с мыслями собраться. Чувствует, что до утра, пока не рассветет, ждать придется. Костер вот только развести нечем…

Неожиданно – хруст в кустах. Иван так и подскочил: «Медведь!» – и что было силы свистнуть хотел, припугнуть его. Все же сдержался – звук очень уж знакомым почудился, мычание бы вроде. Так и есть – Губастик! Он, возбужденно сопя, торкался мордой Ивану в лицо, руки, проверял карманы. Выбрались они с Губастиком из чащи, темень раздвинулась, дымком как будто опять запахло – сразу веселее стало! Навьючил Осташко на телка рюкзак с образцами, рядом пошли. Вскоре выстрел послышался, голоса, а еще через минуту, визжа и лая, неслась навстречу Лада. От радости она не знала, что делать: и кувыркалась, и прыгала, и лизалась, да все больше вокруг Губастика. Взволнованная, растопырив по-пингвиньи руки, подбежала Вера; а у жарко трещавшего костра, опершись на ружье, стоял Михаил, поглядывал исподлобья, виновато как-то улыбался.

– Наверно, не туды угодили мы? – робко спросил он.

– Да уж куда там! Не Губастик бы вот – считай, хана!

– Я ж говорила тебе, – стрекотала Вера, обращаясь к Швецову, – что проехали мы то место, в третий приток попали!.. Ой, ну какой же молодец наш Губастик! – повернулась она к животному, шлепая его по шее. – Надо же! А тут ведь и не показывался. Ах ты, мой симпатичненький! Ну как же теперь прогонять его, а?

– Да, наверно, никак. Пускай уж с нами, – согласился Иван Федорович.

…Проснулся он – в немой тишине падают капли: кап-кап… Выглянул из спального мешка – палатка провисла, по скату струйка сочится: кап… кап… Встал Иван, откинул полог – белым-бело на дворе, и валит, валит снег. Деревца, кусты, палатка – все превратилось в пушистые сугробы, холмики, бугорки. По брюхо в снегу лошади бродят, траву копытят – тебенюют. В клубок свернулась Лада, дремлет возле палатки, накрыв морду толстым рыжим

хвостом. Тут же в намете и Губастик – лежит, выставив против ветра свою горбоносую морду, смежив заиндевелые веки…

Последние километры доставались нелегко. Корм копытить стало трудно, овес кончился, лошади слабели. Одна из них по кличке Ласточка упала с грузом – выручил Губастик: часть вещей переложили на него, а часть на Каурке и Рыжухе разместили.

Наконец открылось широкое русло Эликчана. За ним на том берегу лежала автотрасса, откуда доносилось урчание грузовиков. Там же, на возвышении, стояло десятка полтора рубленых построек. Это был поселок Валунистого разведрайона, где находилась и база Инякан-Севастопольской партии. Пока Швецов вторым рейсом перевозил оставшиеся вьюки, Осташко с Верой, переправившись через Эликчан раньше, натащили сухого плавника, на галечной косе костер запалили и стали греться. А Губастик тем временем направился к поселку. Туда он подвигался с робким любопытством – то медленно шагая и вытянув шею, то останавливаясь и поводя ушами. Особенно загадочны были для него гудки автомашин: на каждый сигнал его большие уши тотчас поворачивались вперед, и весь он замирал в напряженном внимании. Потом из-за длинной конюшни выскочил на пойму громадный черный лохматый пес. Следом, лая на разные голоса, высыпала целая свора разномастных собак и вместе с ним понеслась навстречу лосю. Губастик первые секунды оставался неподвижным, но уже в следующий миг он понял, что эти псы, разговором своим так напоминавшие Ладу, бегут к нему совсем не для того, чтобы поиграть. И взвился он вокруг себя, словно вихрь, стрелой прочь полетел, к ближайшей излучине русла. Ах, до чего же гордо, совсем как взрослый, нес он откинутую назад еще безрогую голову, в широком размахе выбрасывая поочередно крепкие стройные ноги! Сначала расстояние между Губастиком и преследователями несколько увеличилось, но черный вожак ускорил галоп и вырвался далеко вперед. Оглянувшись, лось споткнулся, и это еще больше усугубило опасность. Вряд ли успел бы он достигнуть реки, если б за этой сценой, лежа на бугорке, не следила Лада. Заметив, как споткнулся Губастик, она пулей сорвалась с места и бросилась наперерез мчащейся своре. Вот уж когда проснулись в ней бесстрашие, сила и злобность кавказской овчарки! Со всего карьера наскочила она на черного вожака и, ударив его мощной грудью,

сшибла с ног. Пес перекувыркнулся, заорал диким воплем и что есть духу рванул назад. Остальные забияки, поджав вдруг хвосты, тут же описали дугу и кинулись врассыпную кто куда. Прогнав налетчиков подальше, Лада потрусила к стоявшему среди русла Губастику. Он попал в самый зажор, по бока стоял в снежной каше двигавшейся по Эликчану шуги и, чуть вздрагивая, повернув назад голову, глядел на нее. У заберега собака остановилась, позвала громким отрывистым лаем. Губастик потоптался, промычал глуховато и пошел к ней навстречу.

База партии – четыре белые утепленные палатки – располагалась на окраине поселка возле речки в окружении кондовых даурских лиственниц. Палатки стояли в ряд: в первой обитал Осташко, во второй – радиометристы Малинина и Керженцева, в следующей – коллектор-электроскопист Барановский с приборами, а в последней – прораб-завхоз Жуланов и повар Ленивов; здесь же были склад и столовая. Осташко решил до конца октября на базе покамеральничать – пропустить под электроскопом все образцы, подготовить карты, журналы, информационную записку.

Двое рабочих, конюх-повар и лошади были возвращены в разведрайон. Швецов попросил:

– Иван Федорович, такое вот дело. Меня направляют на далекий участок, так я хочу попросить вас: оставьте Ладу у себя. А то она там на шапки да на отбивные пойдет – укокошат ее работяги. Пусть от меня вам память останется.

– Спасибо, Михаил. Постараюсь сберечь собаку. Псина она замечательная, умница!

Так что Лада осталась в партии, а потом в Магадане надолго приживется в семье Осташко. Пока же она сторожила и лагерь геологов, и друга своего – Губастика, который хоть и вертелся больше вблизи палаток, но потихоньку умудрялся сунуть свой любопытный нос и на конебазу, и на пекарню, и даже в парикмахерскую.

Как-то утром начальник Валунистого разведрайона Фрол Кузьмич Кожухов спросил Ивана Федоровича:

– Ваш телок?

– Наш, – улыбнулся Осташко.

– Красавец какой!.. Не боитесь, что его здесь изловят?

– Да, вроде бы, не боюсь – страж надежный, – кивнул он на Ладу, – нянька и опекунша с первых его шагов.

– Говорил мне наш конюх о вчерашнем происшествии – Полкан ступить на левую ногу не может, приболел не на шутку.

Пока геологи камеральничали, Губастик совсем освоился с поселком, всеобщим любимцем стал. Пекарь его хлебом угощал, повара – кашами да супами, конюх сена подкладывал душистого, которое Губастик на пару со старым быком Борькой поедал; лакомился он и овсом из кормушек, куда лошадям насыпали, – те тоже не отвергали его дружбы. Да и псы поселковые, в их числе и Полкан, выказывали молодому лосю свое благоволение. А он себе похаживал с непринужденным видом – гордый такой, что рожки-пенечки пробиваться начали!.. Поселковый конюх с ведома Осташко взялся Губастика к упряжке приучать, чему тот предавался с великодушным спокойствием и охотой. Поначалу от скирды к яслям сено подтаскивал на волокуше, затем стал в санях ходить – со склада на конюшню фуражный овес, а пекарю муку доставлял. Но больше всего в тайге он пропадал – пасся по зарослям обширной долины Эликчана, в горных распадках вокруг поселка бродил. А ночевать приходил в загородку к Борьке-водовозу. Тот поднимал свою беломордую голову с бельмом на правом глазу, откликался сиплым басом.

...Товаро-материальный отчет и раздаточную ведомость, представленные Жулановым, Осташко не утвердил: плутоватый прораб-завхоз расписал на сотрудников ряд дефицитных продуктов, а также сливочное масло, спирт и вино, которые на общий стол не попадали. Он несколько дней околачивался в Усть-Омчуге, но там ему сказали, что раз партия будет камеральничать зиму в Магадане, то и отчитываться ему придется там, в управлении. Жуланов попросил разрешения отправиться в Магадан. Начальник партии, приняв на свой подотчет оставшиеся ценности, отпустил его, и через несколько дней в Валунистый приехал Донат Ефимович Байбаков. Он выяснил состояние дел в партии, получил от Осташко информацию о результатах полевых работ, потом спросил насчет Жуланова – что он собой представляет как человек и специалист. Осташко рассказал все, как было.

– Так я и предполагал. Вот сволочь! – воскликнул Байбаков. – Понимаешь, он на тебя телегу катит: распускает слухи, что ты все лето со своими девчатами развратничал, выпивал, от него требовал доставки всяких деликатесов, а теперь, мол, не хочешь принять расходы на себя, отказываешься визировать ведомо-

сти… Да еще якобы ты тут в поселке фотографию открыл, с заключенными якшаешься. Мерзавец! Его за ту болтовню с лагерными девками следует к суду привлечь! Ишь, все грехи на тебя решил свалить. А грувские сплетницы, небось, твоей Ульяне тоже мозги запудривают… Кстати, ты поинтересуйся копиями фактур. Мне в бухгалтерии сказали, что, кроме тех, которые он приложил к отчету, из Усть-Омчуга прислали и другие, и на порядочные суммы.

Поговорив немного на другие темы, Байбаков спросил:

– Тебе когда машину присылать?

– Тридцатого, не позже, – ответил Осташко.

За сутки от отъезда из Валунистого геологи по традиции устроили вечер «Прощание с полем». После веселой трапезы Иван Федорович, провожая девушек к их палатке, сказал, смеясь:

– Вот, милые мои! Оказывается, как растрезвонил наш незабвенный Владимир Степанович, я с вами только тем и занимался, что пил да прелюбодействовал.

– Что-о?! – сверкнула округлившимися глазами Валентина.

– Да, об этом мне Байбаков рассказал.

– Я же говорила тебе, Валя, что он на все способен.

– Да как он смеет, подонок! – не унималась Керженцева.

– Сморчок несчастный! Нет, этого так оставлять нельзя.

– Ну-ну, вы только, девушки, не расстраивайтесь. К чистому грязь не пристанет. А он свое получит. Идите спать – завтра день сборов.

Обдумывая предстоящие дела, Осташко долго еще слышал доносившиеся из соседней палатки девичьи голоса: обе они бурно обсуждали неожиданную для себя дурную весть.

Когда пришла из управления за осташковцами машина, Кожухов опять спросил:

– Как же с Губастиком решили, неужто с собой повезете?

– Да что вы, Фрол Кузьмич, – ответил Осташко. – Ему, я думаю, и у вас тут неплохо будет. Только уж вы его не обижайте.

– Добро. Желаю вам благополучия.

Ранним морозным утром, бабахая выхлопными газами, загруженная трехтонка тронулась с лагерной площадки, выбралась на основную трассу. Промеж заиндевелых лиственниц на прогалине стоял Губастик. Глядя на сидевших в кузове людей и Ладу, которую на поводке держал Барановский, он радостно и в то же

время с каким-то удивлением мотнул головой. Шофер притормозил, из кабины мячиком выпрыгнула Вера; подбежала к лосю, обхватила его за храп ладошками, истово поцеловала. Он засопел, переступил с ноги на ногу, и толстая бархатная губа его стала печально вздрагивать. Лада, приподняв уши, нетерпеливо заерзала, заскулила и, натягивая поводок, протяжно завыла. Расстроившись, чуть не плача, Вера полезла назад в кабину. Машина тронулась. Оглаживая, прижимая к себе собаку, Иван долго глядел на оставшегося Губастика. Тот вышел на самую дорогу, вытянул шею и, наверное, жалобно мычал уехавшим вослед.

…Генерал Павлов не терпел лжи, наушничества, подхалимства, склок, резонно полагая, что это ведет к саморазложению коллектива, наносит страшный вред любому делу, которое коллектив решает. От руководителей всех рангов требовал незамедлительно пресекать любые негативные проявления в самом их зародыше. Сам он подробно вникал в деятельность различных подразделений своего многолюдного хозяйства, уделяя первостепенное внимание созданию производственных комбинатов, располагавшихся в крайних точках огромнейшей территории региона, и решая неотложные вопросы на местах; помнил фамилии, имена почти всех инженерно-технических работников, знал об их деловых качествах, их семьях, домашних нуждах.

Когда Байбаков рассказал Павлову о Жуланове, тот решил сразу же разобраться в этой кляузе лично. Сначала побеседовал с Малининой и Керженцевой, немало удивив обеих тем, что назвал их по имени, знал, что обе они комсомолки, отличницы учебы, добросовестные работницы. Затем отдельно вызвал Жуланова, а следом и Осташко. Очутившись на очной ставке со своим непосредственным начальником в присутствии генерала, наглый прораб сбавил пыл, стал юлить, менять свои утверждения.

– Что-то вы крутите, товарищ Жуланов, – прервал его Павлов.

– Я не крутю, товарищ генерал.

Павлов поморщился, спросил:

– Где вы учились?

– В геологоразведочном техникуме.

– Классику нужно читать, товарищ Жуланов! С грамотностью у вас туговато.

– А я читаю. И Ленина, и Сталина читал.

Павлов и Осташко переглянулись, весело засмеялись. Но генерал, снова став серьезным, заключил:

– Так вот, Жуланов, для работы в нашем управлении вы не подходите. После праздников мы откомандируем вас в отдел кадров Дальстроя; разумеется, необходимо будет рассчитаться с бухгалтерией. Все, можете быть свободным.

Затем Василий Павлович справился о здоровье и самочувствии Ивановых родителей, жены, детей; спросил, не нуждается ли в чем его семья.

– Вы, Иван Федорович, не стесняйтесь. В случае каких затруднений обращайтесь прямо ко мне, – сказал генерал, подавая на прощанье руку.

…В одном из новых четырехэтажных домов по Портовой улице, почти рядом с Центральным парком культуры и отдыха, Осташко получил обещанную генералом Павловым хорошую трехкомнатную квартиру на первом этаже.

Отец и мать постепенно освоились с новой обстановкой, и Ульяна Степановна, передав на попечение свекрови маленькую Таню, устроилась на работу в отдел россыпных разведок ГРУ. Федю она первого сентября повела в первый класс Первой магаданской школы.

Взрослел сын, подрастала дочка…

…Ульяна Осташко получила в своем профкоме два пригласительных билета на предновогодний вечер-бал, организованный для сотрудников Главного, Политического и Геологоразведочного управлений Дальстроя, с их женами и мужьями. Вечер проходил в большом зале столовой Главка. Богато сервированные на четыре персоны столики изобиловали всевозможными напитками и закусками. Нарядно одетые участники вечера сияли во всем своем великолепии. Жена Ивана Федоровича была в темно-вишневом панбархатном платье с креп-жоржетовой чайной розой на груди, а сам он явился в новой офицерской форме с серебристо-белыми погонами старшего лейтенанта инженерно-технической службы; звание это ему присвоили еще в июне. Военная форма Ивану очень шла, и милая двадцатилетняя официанточка, обслуживавшая этот сектор, не раз споткнулась, заглядевшись на кудрявого тридцатидвухлетнего красавца.

В красном углу зала восседала дальстроевская элита во главе с самим начальником Дальстроя лейтенантом Никишовым. На

Улица Портовая. Дом, в котором жила семья Д. С. Голоты. *Фото середины 1950-х гг.*

сей раз Иван Федорович был в штатском. Выпил он изрядно и под занавес провозгласил тост за дружный дальстроевский коллектив, с которым провел самые трудные годы, поздравил всех с наступающим Новым годом. Не допив свой бокал шампанского, поднял его вверх и со словами «На счастье!» хватил об пол! Хрустальные капли с дребезжащим звоном рассыпались вокруг стола, покрытого бархатом. Экзальтированные дамы и некоторые из близких сослуживцев тут же последовали примеру своего шефа. Пошатнувшись, «батя», грозный хозяин Дальстроя истекших лет, грузно опустился в кресло. Послышались всполошенные голоса: «Ивану Федоровичу плохо», «Врача!», «Скорее врача!» Его вывели на свежий воздух, сопроводили домой…

Это был закат никишовского всемогущества.

Прислуга в красном уголке подметала валявшиеся осколки, официантки ставили на столы новые фужеры. Вечер – торжественный, веселый – продолжался.

1949

ПЕРЕМЕНЫ. СЕКРЕТ СОПКИ «929»

Все три послевоенных сезона план золотодобычи по Дальстрою не выполнялся: период кулака и нагана, угрозы упечь в забой, время жесточайшей цензуры и беззакония ушли вместе с окончанием войны. Поехавшие в отпуск люди добрались до Кремля, правительства, самого Сталина. Былые заслуги видного чекиста пошатнулись, спасло его только то, что золото, добываемое любой ценой в военные годы, страна получала в огромных количествах. Теперь же старые методы управления не годились. Никишова пришлось освободить от занимаемой должности с выходом в отставку. Его колымскую жену, начальницу Магаданских лагерей, авантюристку-миллионершу Гридасову отдали под суд; были арестованы некоторые заместители «бати». На место же Никишова назначили нового энергичного генерал-майора Ивана Григорьевича Петренко – того самого, что под именем Батманова был выведен в нашумевшем романе Василия Ажаева «Далеко от Москвы». За десять дней Петренко принял от заместителя Никишова все огромнейшее хозяйство. Осмотрел он и каменные склады под взрывчатку, появившиеся в бухте Гертнера после трагедии со взлетевшими на воздух двумя пароходами в порту Нагаево. Говорили, что приналег этот генерал плечом на склад – стена и упала. Тогда он схватил огромнейшую дубину, раскромсал сляпанные на фу-фу складские помещения и приказал в две недели построить новые.

Один за другим прибывали в Нагаевский порт суда с грузами для горняков. Разнообразные продукты, папиросы, добротная обувь, одежда, всевозможные ткани, хозяйственные товары – потоками хлынуло все это в тайгу – на прииски, рудники, разведочные участки. Были повышены оклады, увеличены тарифные ставки. Трудовой люд расправил плечи, воспрянул духом – закипела работа. И государственный план по всем показателям Дальстрой – впервые после войны – выполнил, причем досрочно!

Жизнь в стране непрерывно улучшалась, каждые полгода, начиная с сорок шестого, цены понижались на десять-двадцать

процентов. Рос достаток и в Осташковской семье. Да только вот душевного покоя в доме не было…

Два характера, две натуры, будто и похожие между собой, но в то же время несовместимые, неуживчивые: жена и мать Ивановы. Как он страдал из-за них, не раз вспоминая слова своего любимого Тараса Шевченко:

Где есть в семье согласье,
Где мир и тишина –
Счастливые там люди,
Блаженна сторона.

А между женой и матерью согласия не было. Обе они были нервными, обидчивыми и долго помнили оскорбления, наносимые друг другу. Только Ульяна закипала желчной злостью, а мать – кисла, считая себя самой несчастной в мире.

Мать, готовившая на всех еду, убиравшая квартиру, редко угождала невестке, а когда плакала от ее попреков, то впадала в еще большую немилость.

Иван всячески старался гасить вспышки гнева и обиды, возникавшие в семье, а старик выдерживал при этом настороженный нейтралитет.

…Осташко обрабатывал собранный в поле материал и писал отчет по Инякано-Севастопольской партии.

Как и раньше, продолжал Иван Федорович преподавать в Учкомбинате, а также стал учиться сам, поступив на исторический факультет вечернего Университета марксизма-ленинизма. Обучение было двухгодичным. Оно давало не только углубленные знания по истории советского государства, но и возможность без аспирантуры защитить диссертацию, о чем Осташко уже серьезно подумывал.

А между тем кончилась весна, наступал новый полевой сезон. Следуя принципу «ищи руду вблизи руды», Первое управление сконцентрировало поисково-разведочные работы в районах деятельности трех горнопромышленных урановых комбинатов; по каждому району создавалась полевая экспедиция в составе нескольких геологических партий. Начальником Центральной экспедиции, охватывавшей перспективные участки близ оловоуранового комбината «Бутугычаг», назначили Ивана

Федоровича Осташко; планировались три партии и один аэрорадиометрический отряд с самолетом «По-2».

При формировании экспедиции Керженцева попросила Ивана Федоровича отпустить ее – она решила поехать с партией Антона Щепинова на Чукотку. Осташко задерживать Валентину не стал. Малинину же он намеревался включить в состав одной из своих партий; того же хотела и сама Вера.

Малинину назначили в гидрогеологическую партию Лапшинова, направленную на изучение возможной радиоактивности горячих источников курорта «Талая».

База Центральной экспедиции располагалась в тесной межгорной долине речки Вакханки, куда от Тенькинской автотрассы вела скудная каменистая дорога через перевал Подумай. Перевал этот, сам по себе спокойный и ровный, был знаменит тем, что с него начинался опасный спуск в мрачную глубокую долину по многочисленным серпантинам крутого шестисотметрового голого склона. Впервые Иван Федорович очутился здесь, когда ехал с сотрудниками и грузом к месту своего базирования. Шофер остановил машину и, обойдя вокруг нее, постучал носком сапога по всем скатам.

– Вот это и есть перевал Подумай, – кивнул он куда-то вниз.

Осташко вылез из кабины. Бледный свет июньской ночи мягко освещал гладкую площадку перевала и дальние контуры неведомого ущелья. Иван сделал несколько шагов – у его ног чернела бездна.

– Я боюсь… – прошептала женщина-минералог, стоявшая в кузове. – Лучше я слезу…

Остальные четыре человека – двое мужчин и две девушки – молча вглядывались в немую пустоту. Осташко велел всем сойти с машины. Шофер, держа дверцу кабины полуоткрытой, тронулся на первой скорости… У подножия склона на последней извилине дороги люди снова уселись на свои места; трехтонка побежала бодрее и минут через двадцать остановилась возле двух стареньких домишек, в которых когда-то жили геологоразведчики. Теперь здесь обосновалась база Центральной экспедиции с продовольственно-вещевым складом, бочками горючего, минералого-радиометрической лабораторией. У домиков стояли палатки поисково-разведочных партий Павлюченко и Басиладзе, которые обрабаты-

Вид с вершины перевала Подумай в сторону долины реки Вакханки. Справа видна тонкая линия спускающейся дороги. *Фото 2015 г.*

вали восточные склоны Бутугычагского массива; тут же находилась и общая столовая.

Летный отряд базировался на другом участке, в начале дорожной ветки к руднику, где имелось подходящее аэродромное поле; от базы по горам туда было около двенадцати километров. Что же касалось третьей партии, руководимой Яковом Слемзиным, то три ее отряда вели работы на различных массивах, разбросанных в сотне-другой километров от центрального участка.

Обеспеченность экспедиции во всех отношениях была превосходной, набор продуктов питания отличался богатым разнообразием – от свежих овощей до шоколада.

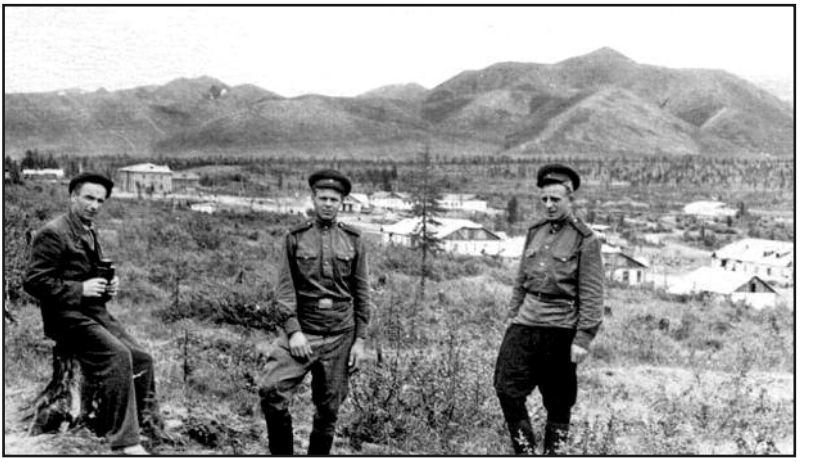
...Третьего июля на рассвете Ивана Осташко разбудил человек, посланный начальником летного отряда Кононовым с запиской: имелись важные сведения. Быстро одевшись, не завтракая и не беспокоя спавших сотрудников, начальник экспедиции махнул напрямик через горы и к семи утра уже был у аэрорадиометристов. Кононов и геолог-наблюдатель Васильев рассказали, что позавчера при заходе на посадку со случайно

не выключенным прибором самописцы зафиксировали большую гамма-аномалию; она пришлась над сопкой «929», что в двух километрах от взлетной полосы. После обеда в тот же день облет повторили – получили то же самое. Ночью прошел дождь, но утром (это было вчера) светило солнце. Отправляясь на Эсчанский массив, пролетали над сопочкой, но аномалия не подтвердилась, а когда возвращались обратно – она фиксировалась снова. В чем тут дело, они понять не могут.

Позавтракав вместе с ребятами, Иван Федорович со своим портативным радиометром ПР-7 отправился на загадочную сопку, велев Кононову и Васильеву до и после полудня пролететь над ней несколько раз на высотах от пятидесяти до трехсот метров. Вечером они снова собрались вместе: полученные данные загадку усугубили. Аномальное «облако» оказалось в интервале высоты над сопкой 100-150 метров; ниже и выше гамма-счетчики вели себя спокойно. На самой сопке, сложенной глинистыми сланцами, Осташко тоже повышенной активности не обнаружил – фон был нормальный. Однако он обратил внимание на многочисленные тектонические «шрамы» в виде длинных осыпавшихся рвов – явные следы трещинных нарушений. К тому же, вспомнил Иван еще, что северо-западнее этой сопки находился ключ Ачча, в котором он с Керженцевой выявил радиоактивные прожилки. Обдумывая и сопоставляя все факты, Осташко приходил к мысли, что надо бы на этих «шламах» провести замеры воздуха на присутствие радона. Да только как замерить? Пока что таких приборов управление не имело.

Доложить же о загадочной аномалии он был обязан. И с рудника, связавшись непосредственно с Павловым, сообщил условным текстом о случившемся. Последний прислал комиссию во главе с Донатом Байбаковым. Вывод комиссии был прост, как облупившееся яйцо: никакой аномалии нет и быть не может! С тем «ученые» управления и отбыли.

А на другой день после отбытия «ученой комиссии» к Ивану Федоровичу прибыла по разнарядке из Москвы молодая специалистка – для проведения опытных работ по теме, связанной с ураном. Тема ставилась по указанию Министерства геологии СССР, но поскольку «ученые мужи» управления не верили в эффективность методов при поисках урановых руд, то спущенная тема полгода пролежала в сейфе начальника геофизического



Поселок Нижний Бутугычаг в районе аэродрома, с которого с самолета «По-2» отрядом Д. С. Голоты велись аэрорадиометрические исследования в районе Бутугычага

отдела управления Федорчука. Однако генерал Павлов напомнил о ней. Посылая молодую специалистку в Центральную экспедицию, Байбаков в записке просил Осташко оказать содействие в разработке темы.

И Осташко стал содействовать. Вместе с молодой специалисткой «разработали» прибор для улавливания газа – радона, который позволял четко фиксировать «аномалию» не только в рудном теле, но и в почвенном воздухе над ним. Результат оказался великолепен: где-то рядом неглубоко должна находиться урановая руда.

И Осташко решил взяться за атомную физику.

Но тут нагрянула правительственная комиссия, сопровождаемая начальником Первого управления. Прибыла она и на Бутугычаг; Осташко был вызван тоже. Он доложил о предварительных результатах работ своей экспедиции, назвал перспективные объекты. О злополучной же сопке умышленно умолчал, поскольку однозначного мнения пока не имел. По распоряжению Павлова ему срочно, в течение трех суток, надлежало представить для комиссии обстоятельную информационную записку. Затем начались оперативные посещения партий и отрядов, разные текущие дела, так что сопка «929» до окончания полевых работ была оставлена в покое.

…В последних числах сентября Осташко получил от Якова

Слемзина записку: «Приезжайте, на Мяундже много брусники». Гранитный массив оказался действительно «урожайным». Разведка, произведенная по предложению Ивана Федоровича, дала великолепные результаты.

На комбинате Осташко узнал сенсационную новость: 29 августа в Советском Союзе взорвана атомная бомба! Американская монополия на ядерное «новое оружие колоссальной разрушительной силы», которым похвастался Сталину на Потсдамской конференции Трумэн, приказала долго жить. Курчатов успешно справился с порученным заданием! Не подкачали и работники Первого управления Дальстроя, руководимые Василием Павловичем Павловым. Горняки и обогатители Бутугычагского комбината в сентябре выдали первые тонны уранового концентрата.

…Центральная экспедиция закончила полевые работы.

Все партии и отряды по распоряжению Осташко перевозились в одно место. У взлетной площадки за несколько дней выстроился внушительный белый палаточный городок. Последним перебазировался сюда со складом и стан начальника экспедиции. Провожая накануне машину с лабораторным оборудованием, Осташко велел шоферу как можно быстрее возвратиться обратно, ибо поджимало время. Вася вернулся, но уже в сумерки. Валил снег, и ждать до утра было крайне рискованно: перевал Подумай мог уже не пропустить. Быстро погрузив бочки с горючим и оставшееся имущество, тронулись в последний путь с Вахканки. Натужно гудел мотор; из-под колес скатывались камни, машина переваливалась с боку на бок, часто буксовала. Лучи фар выхватывали из темноты едва улавливаемый след бугристо-каменной заснеженной колеи. Невыносимо уставший, находившийся несколько суток почти без сна и отдыха, разомлевший в кабине от перегретого мотора, Иван Осташко уснул…

Пробудился он из-за непривычной тишины. Брезжил рассвет. Ветровое стекло было залеплено снегом. Слева, откинувшись на спинку сиденья, храпел Вася Миков. Иван потянулся к ручке полуоткрытой дверки и чуть не вывалился из кабины: трехтонка, застряв на огромном валуне, висела над пропастью. Мотор был уже совсем холодным. Иван разбудил шофера, и они осторожно выбрались наружу. До перевала оставалась только

одна серпантина…

Через некоторое время их встретили Павлюченко и Басиладзе, шедшие из палаточного городка со своими людьми на помощь.

В неуютные дни, когда все падал и падал снег, лагерь экспедиции жил своей тихой деловой жизнью. Но в один прекрасный полдень серая пелена небосвода разорвалась на клочья лохматых облаков и через синие продушины выглянуло солнце. Наступила ясная чудесная погода, и геологический табор зашумел, загомонил. Играла гитара, слышались залихватские переборы баяна, смех и пение. Кто-то из молодежи предложил конкурс-выставку маршрутных брюк.

На вьючной веревке, протянутой между двумя осыпавшимися лиственницами, веселые участники конкурса развесили то, что в начале полевого сезона именовалось спецбрюками. Теперь эти атрибуты маршрутного обмундирования, выцветшие и изорванные, прожженные, залатанные и снова прожженные, давно уже утратили свой истинный облик. Разве только по верхней части от пояса до колен можно было догадаться, что все-таки это висели-красовались остатки определенного вида одежды. Да и сами участники и в то же время жюри затеянного развлечения мало походили на интеллигентных представителей цивилизованного мира.

После всестороннего критического осмотра вывешенных экспонатов и беспристрастной индивидуальной оценки каждого из них все пришли к единодушному мнению: первый приз заслуживают брюки-реликты Лехи Дымокурова. Когда-то темно-синяя прочная полуводонепроницаемая ткань превратилась в жалкое тряпье непонятного цвета. Вместо штанин болталась тощая бахрома. На месте пуговиц лохматились дырки; в одну из них на поясе был продет и завязан мертвым узлом обрывок манильской веревки, которая с помощью широкой петли закрепляла брюки в нужном положении. Прежних карманов и в помине не было – теперь там оказались мешочки, вшитые суровыми нитками и шпагатом: один красный сатиновый, что для образцов, а другой брезентовый – для рудных проб. Выше колен зияли обуглившиеся отверстия разного калибра, кое-как затянутые рыболовной делью. Что же касается задней части, то это был натуральный фейерверк! Заплата на заплате и заплатой по-

гоняет! На одной половинке красовался лоскут из серого крапивного мешка, на другой – из желтого флагдука, а вокруг роились разноцветные латки всех размеров и форм, кое-как пришитые всевозможными нитками. Все было страшно замусолено, в костровых подпалинах, золе и грязи, пятнах кедровой смолы и травяной зелени. Многие заплаты по краям оборвались и болтались вместе с нитками.

Каждый из созерцателей вертел-рассматривал Лехины брюки и так и сяк, и все приходили к одному: да, ничего не скажешь – не штаны, а шик-модерн, первого приза им не миновать!

Владелец этой достопримечательности полулежал на потнике сушившегося седла и, подперев кулаком щеку, меланхолически покусывал какую-то былинку. Иногда его серые в белесых ресницах глаза застенчиво посматривали то на товарищей, то на свои чудо-сапоги, которые, как и висевшие брюки, тоже заслуживали особой оценки…

Дымокуров не был новичком среди геологов. Лет десять тому назад еще семнадцатилетним парнем начал он работать в полевых партиях. Сначала маршрутным рабочим, а потом, закончив при Учкомбинате курсы, стал техником-геологом. Говорили, что он воспитывался в детдоме; затем бежал оттуда, спутался с шайкой воришек и вскоре угодил в трудколонию для несовершеннолетних. Отбыв наказание, подался в Якутию на лесоразработки, и там судьба свела его с геологами-поисковиками. В своем геологическом коллективе Леха держался несколько уединенно, в спорах жаркого участия не принимал, и вывести его из себя было куда труднее, чем сдвинуть с места заупрямившегося осла. На его добродушном овальном лице с толстыми губами свешивался породистый нос, напоминавший вынутую из кипятка сардельку, а над оттопыренными ушами громоздилась лохматая шевелюра, будто изуродованная ураганом старая копна соломы. В отличие от большинства своих коллег, любивших летом отпускать дикие бороды и усы, Леха брился тщательно и регулярно. Этому, возможно, способствовал огненно-рыжий цвет пробивавшейся у него щетины, что часто вызывало колкие шутки со стороны некоторых насмешников. Куртки и брюки носил он пятьдесят четвертого размера, но так как рост для него требовался седьмой, а на спецскладах больше

четвертого не было, то рукава едва закрывали его локти, а штанины спускались лишь немного ниже колен. Еще хуже обстояло дело с обувью. Готовых сапог сорок седьмого размера достать было негде, и Дымокуров получал со склада юфть, шил себе сапоги на заказ. В целях же экономии, чтобы хоть как-нибудь дотянуть до конца сезона, он каждый раз перед маршрутом оклеивал и бинтовал их широким лейкопластырем или изоляционной лентой; так за лето расходовалось до двух десятков этого рем-материала.

Вот и теперь Лехины сапоги были перебинтованы вкривь и вкось, причем из-под новых наклеек торчали грязные обрывки старого лейкопластыря и кожи.

– Разрешите, товарищи полевики, вручить победителю приз! – пробасил председатель жюри Виктор Гембицкий, заросший, как медведь, начальник Аччинского отряда. – На, Леха, получай!

И под взрыв аплодисментов он преподнес смущенно поднявшемуся Дымокурову кружку спирта и баночку паюсной икры.

Леха взял, неуклюже поклонился и, покосив глазом на сидевшего подле него паренька, шепнул:

– Пошли, Дима, гужанемся!

Дима Сергеев был единственным и неразлучным другом Лехи. Об их дружбе в Индигирском управлении, где раньше они работали, знали все сотрудники.

Маленького роста, плоско-круглолицый, со слегка раскосыми глазами и пылающе-румяными щеками, Дима против Лехи выглядел совсем коротышкой. Их иногда называли Пат и Паташон, хотя эти клички не особенно им подходили… Жизненные коллизии Димы Сергеева не намного отличались от Лехиных. Сын якутки и русского, он появился на свет случайно, волей жестокого рока. Бедная мать его, с детских лет пасшая оленей своего дядюшки, была обесчещена беглым каторжником в таежной глуши. Дядюшка выгнал «распутную» племянницу-сироту, и ее приютили у себя якуты из соседнего стойбища, где она и произвела на свет младенца, названного впоследствии Димой Сергеевым. Унаследовав здоровье отца и безропотную душу матери, мальчик рос полуголодным, но крепким оборвышем, будучи предоставлен самому себе. Мать вскоре бросила его и вы-

шла замуж за камчадала, промышлявшего охотой на пушного зверя. За Димино воспитание сначала взялся председатель наслега, а потом, обнаружив глубокий интерес мальчугана к книгам, его устроили в школу-интернат, где он и получил семилетнее образование. Проработав два лета с геологами, Дима заинтересовался полезными ископаемыми, научился отмывать шлихи и описывать горные выработки. Его направили в магаданский Учкомбинат – там он и сдружился с Лехой Дымокуровым.

По обоюдной просьбе их обычно зачисляли в одну партию; спали они в одной палатке, рядом, камеральничали за одним столом. Словом, друзья были истые, крепкие! Но однажды – это было года за два до описанного «конкурса» – между ними незримо пробежала черная кошка. Обрабатывая полевой материал, они поспорили по поводу границы между отложениями двух геологических формаций, и Дима в запале обозвал Леху упрямым оленем. Дымокуров побагровел – и Диме: «Ты налим!» – да еще из-за стола поддразнил, накрыв кисть левой руки ладонью правой и пошевелив торчащими в разные стороны большими пальцами, словно плавниками. Дима ужасно побледнел и неожиданно выскочил из комнаты. Ребята решили, что за ружьем, говорят:

– Леха, прячься, а то убьет!

– Да я его!.. – закряхтел Дымокуров, еще более багровея.

К удивлению всех, вошел милиционер, и Леху из камералки – прямо к судье. Судья был местным жителем, якутом, к делу отнесся с пристрастием: Дымокурову «за оскорбление личности» припаяли десять суток. Дело в том, что для якутов-оленеводов и охотников, не занимавшихся рыбной ловлей, кличка «налим» слыла очень оскорбительной: ведь эта склизкая широкоротая «тварь» сидела в грязном иле и жрала, как утверждали почтенные старики, дохлятину да человечью мертвечину. И немудрено, что Дима обиделся на товарища неслыханно, а судья, не разобравшись как следует, взял земляка под защиту.

Но не прошло двух дней, как Диму замучила совесть – ему стало неловко перед другом, который таскал бревна и пилил их на дрова для котельной вместе с пьяницами-забулдыгами. Он попросил судью, чтобы Леху выпустили. Однако когда милиционер объявил Дымокурову о снятии с него наказания, Леха не

обрадовался. Он вошел в камеральную комнату и, приподняв Диму за шкирку, как нагадившего котенка, сказал укоризненно:

– Эх, Ди-и-ма! Все равно ты рыба, но не скажу, какая…

Опустил его на стул и сел работать.

Так оказались они недругами. И при выезде в поле работать вместе категорически отказались. Начальство просьбу их уважило, но получилось, что поисковые партии, в которых очутились Дима и Леха, должны были охватить смежные территории; их базы располагались в десяти-двенадцати километрах одна от другой. Товарищи все лето не виделись, хотя чувствовалось, как сильно они скучают друг о друге. И вот в осеннее ненастье, в конце сезона, Сергеев, ушедший задокументировать последние канавы и захвативший с собой «тозовку», неожиданно исчез. Обе партии организовали поиски всеми людьми, однако разразилась такая пурга, что пришлось вернуться в палатки. При этом обнаружилась и пропажа Дымокурова… Лишь на седьмой день, когда по солнечному небу катились барашки высоких облаков, и разбившиеся на звенья полевики продолжали искать пропавших товарищей, на базу соседней партии приполз Леха. Совершенно обессилевший, заросший грязно-рыжей щетиной, весь в лохмотьях, он приволок чуть теплившегося и до неузнаваемости изуродованного Диму. Оказалось, что, охотясь за горным козлом, Сергеев упал в глубокий ледниковый кар и сильно разбился.

Прошло четыре месяца. Подобно тому, как поднимается после дождя задавленный копытом подорожник, стал на ноги и неудачливый Дима-охотник. Он выписался из поселковой больницы, к нему постепенно возвратился молодой румянец. В роковые минуты Леха не отходил от больничной койки спасенного. Но о том, где он нашел и как спас, рассказывать не любил. На расспросы же начальства отвечал тягуче-односложно, словно резину жевал:

– Где нашел? – переспрашивал он, грызя ноготь безымянного пальца. – В тайге, за Ирги-Тассом… Ну – как спас? Вы же видели: обыкновенно. Притащил, да и все… Почему Сергеев там очутился? Откуда мне знать. Он и сам не знает. Наверно, в тумане заблудился. В конце концов, разве не все равно? Факт, что живой, вот и все…

Добиться еще чего-либо от него было невозможно.

С тех пор маленький Дима и огромный Леха уже больше не

разлучались.

…Такую вот историю рассказал в тот вечер, после «конкурса», Ивану Осташко прораб его экспедиции, начальник отряда Гембицкий. Он до этого года работал на Индигирке, где о Лехе Дымокурове и Диме Сергееве ходили целые легенды.

Приведя в порядок собранные материалы, партии и отряды Центральной экспедиции уезжали в Магадан. Там по инициативе начальника геолого-поискового отдела Байбакова начался двухнедельный семинар для инженерно-технических работников-полевиков Первого управления. Он затрагивал весь комплекс поисковых работ. Иван Федорович провел восьмичасовые занятия по теме: «Некоторые вопросы исследования магматических образований». Сдал Информационную записку о результатах полевой деятельности подразделений своей экспедиции.

…После окончания промывочного сезона стали наполняться и магазины Магадана. Росло изобилие; во всех уголках территории Дальстроя люди вольнонаемные начинали жить в довольствии и благополучии; улучшался быт заключенных, смягчался их лагерный режим, шли массовые досрочные освобождения.

Приятное впечатление осталось у Ивана и Ульяны после предпраздничного вечера пятого ноября, когда в городском ресторане собрался почти весь коллектив Первого управления во главе с начальником Павловым. Как-то тепло, дружно, почти по-семейному прошел он и запомнился надолго…

После страшного домашнего скандала Ульяна, кажется, обрела спокойную жизнь: ежедневно, придя с работы и поужинав, укладывалась в мягкую постель и читала беллетристику. Всеми домашними и хозяйственными делами занимались мать и отец Ивана; полную уборку квартиры два раза в неделю производила приходившая из лагеря домработница. По выходным с детьми занимался Иван Федорович – ходил с ними в кино, в парк, в кружки. В общем, в отношении Ульяны Степановны бог исправил свою ошибку, когда, «пустив на свет ее барыней, забыл денег дать»; теперь она стала барыней при деньгах!

А скандал, случившийся сразу после того, как прибыл с поля Иван Федорович, произошел опять-таки по инициативе жены – не «угодила» ей свекровь. Войдя в раж после принятия двухсот граммов чистого спирта, потеряв чувство меры, набросилась на

старую женщину чуть ли не с кулаками. Старик попытался заступиться за свою жену, так Ульяна обратила весь свой гнев с бранью и на него. Услышав такое, Иван схватил жену в охапку, швырнул в комнату, захлопнул дверь. Но, даже находясь за дверью, Ульяна не унималась, пытаясь высунуться наружу.

Перепуганный Федя забился в угол. Держась за него, громко плакала дочка. Ивана трясло, как в лихорадке…

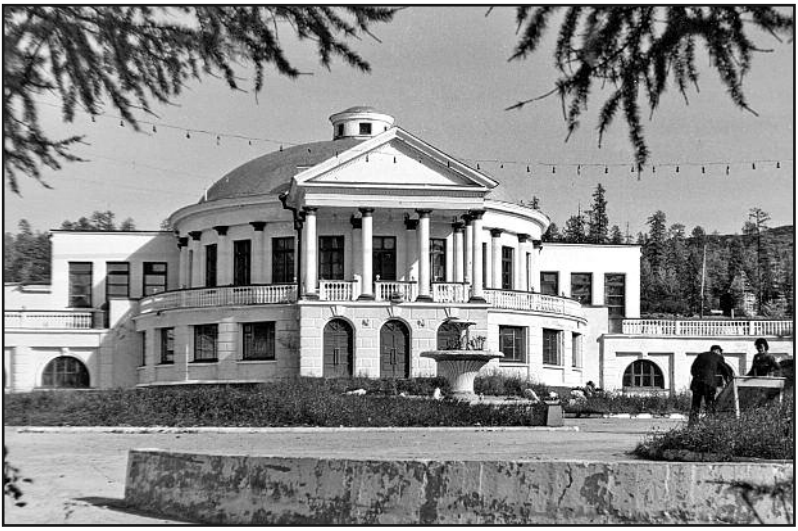
Утром стороны пришли к решению: старикам нужно уезжать из Магадана. Наступило хрупкое затишье…

…Жила в квартире Осташко кошка Мурка – серая, с белыми пятнами. Прошлой осенью, будучи малым котенком, сама приблудилась. Была она аккуратна, спокойна и очень умна; охотно играла с Таней. Однажды соблазнилась нерпичьим салом, уж больно оно свежей рыбой пахло! Съела кусочек, а потом – двое суток отмывалась! Моется, моется – час-другой; устанет и задремлет. Очнется – чувствует: все еще пахнет. И снова умывается. После этого сало Мурка десятой дорогой обходила!..

Искусно ловила крыс. Но в норе за плитой в закутке жила очень хитрая и осторожная большая крыса, тонко чувствовавшая кошачий дух. Мурка, сидя сбоку у норы, караулила ее и день, и два. Но крыса не выходила: подберется к устью, пошевелит носом и – назад. Видя такое дело, кошка перебралась на край плиты, стала наблюдать за норой сверху. Наконец лукавая хищница, нюхая воздух, осторожно высунулась наружу на две трети своей длины и в тот же миг была схвачена когтями молниеносно спрыгнувшей Мурки. Крысища пятилась назад, втаскивая за собой кошку, но та, вцепившись крепко двумя лапами ей за шиворот, упираясь в пол когтями задних лап, злобно урча, тащила зверя со всей силой своей кошачьей ярости к себе, вперед. В конце концов Мурка одолела – обе завертелись клубком, в котором отчаянный писк сливался с грозным урчанием. Пустив в работу острые зубы и когти почти всех четырех ног, кошка через минуту покончила с ненавистной крысой, которая истекала кровью. Отдохнув, победительница принялась за трапезу.

Всю сцену сражения Таня, испуганно отбежав в Федину комнату, наблюдала с начала до конца и затем поочередно рассказывала бабушке, матери, отцу, дедушке, Феде:

– Кыса пысцит, пысцит, а Мука ей кутэ, кутэ, – мотала кулачками Таня, зажмуривая глаза: она изображала, как пищала



Курорт «Горячие Ключи», пос. Талая. *1950-е гг.*

пакостная тварь, когда ее крутила-мотала храбрая кошка.

Мурка боялась выходить на улицу, а чужих кошек и собак в квартиру не допускала – моментально налетала с внезапным ожесточением, кусая их и царапая. Но тесно, любовно дружила с овчаркой Ладой. Их первая встреча произошла осенью сорок восьмого, когда Осташко, приехав с поля, привез собаку домой. Лада прошлась по квартире, обнюхивая все уголки, знакомясь с новой обстановкой. Недавно появившаяся маленькая Мурка при виде новой гостьи изгибала спину дугой, а хвост вопросительным знаком, пятясь под стол и угрожающе шипя. Однако собачья доброта, ласковые взгляды умной собаки скоро покорили сердце котенка, и уже на третьи сутки оба мирно ели из одной миски, спали на матрасике, постеленном в передней: кошечка, свернувшись клубочком, устраивалась у теплого мягкого живота Лады, которая по-матерински лизала ее, прикрывала лапой. А когда овчарка возвращалась с прогулки вместе с Таней и бабушкой, Мурка встречала свою покровительницу у порога радостным мурлыканьем. На Мурку нельзя было ни топать, ни кричать – Лада сразу начинала волноваться, облаивала обидчика.

Став взрослой, кошка обнаружила естественную потребность общения с котами. А так как на улицу она не выходила,

приходилось доставлять ей кота Ваську, жившего у знакомой в соседнем доме. Но через год знакомая уехала совсем из Магадана, кота Васьки не стало. Долго мяукала Мурка и, не утерпев, выскочила на двор, да так и не вернулась. От предыдущего окота остался ее смышленый сын, которого в семье Осташко назвали Барсиком.

В конце ноября Иван Федорович поехал в санаторий «Горячие Ключи» колымского курорта «Талая». Управленческий врач, проводившая еженедельную диспансеризацию работников, связанных с радиоактивностью, обнаружила у Осташко функциональное расстройство нервной системы (было от чего!); кроме того, резко обострился пояснично-крестцовый радикулит – когда с моря наплывал на город туман, его скрючивало в три погибели. Врач предписала немедленное санаторное лечение.

Ехать надо было до 256-го километра Колымской трассы, откуда к курортному поселку шла ветка длиной тридцать один километр. Санаторий открыли в 1940 году у горячего источника сероводородно-радоновых вод, обнаруженного проезжим купцом сто лет назад. При выходе на поверхность вода имела температуру девяносто восемь градусов, а в глубине – более трехсот. Вытекая в речку, она не давала ей замерзнуть даже в самые лютые морозы на протяжении нескольких километров. Поэтому речка получила название Талой; это был левый приток Среднекана, вливавшегося в реку Колыму справа. А уже по имени речки получил название и курортный поселок; санаторий назвали «Горячие Ключи». Санаторий, поселок и богатое тепличное хозяйство обогревались водой источника. Иван был приятно удивлен, когда в светлой большой санаторной столовой увидел на столах в эту трескуче-морозную пору вазы, полные чудесных свежих овощей – огурцов, помидоров, лука, редиски; не переводились также огурчики маринованные и белая квашеная капуста с брусникой…

1950

ИНЖЕНЕР-КАПИТАН

Три крупнейших горнорудных комбината Первого управления с вступившими в строй обогатительными фабриками с каждым месяцем увеличивали свою мощность, выдавая тысячи тонн уранового концентрата. Генерал Павлов редко находился в своем кабинете в новом большом кирпичном здании, куда перешло управление. Он занимался делами непосредственно на промышленных объектах, расположенных в крайних точках огромной территории Северо-Востока. Василий Павлович помнил и о сопке «929», открытой экспедицией Осташко.

Подлечившись на Талой, Иван Федорович приступил вплотную к разгадке необычной аномалии по заданию Павлова.

Свои соображения по сопке он изложил в докладной записке и вместе с графиками поведения гамма-облака на разных высотах и в разную погоду, а также картами альфа-съемок на тектонических разломах сопки передал лично генералу. Доводы Осташко вели к рекомендации: ставить разведку с глубоким бурением; из доводов же его противников – «ученого трио» – следовало: не ставить. К тому же тут рьяно выступили против и разведчики вместе с главным геологом – довольно хлопотным представлялось им это дело.

Собрав все материалы «про эт контра», то есть «за и против», начальник Управления отбыл в Москву. Возвратившись через месяц, он снова всех собрал и ознакомил с теми материалами, которые проштудировал в специальных научных фондах. Противники Ивана Федоровича были посрамлены, а главному геологу вменялось в обязанность немедленно, к весне, ставить разведку!..

Однако ни к весне пятидесятого, ни в последующие годы никаких разведок на сопке «929» не ставили – о ней вспомнят потом, лет через десять, геологи другого поколения, которые удачно подтвердят предвидения Осташко о наличии урана. А пока, начиная с лета, дела в Первом управлении стали направляться не по благоприятному руслу.

В связи с новой вспышкой гонения на евреев, ярко проявившейся в так называемом деле кремлевских врачей, представителей этой нации стали убирать с ответственных постов и секретных объектов. Главного геолога Первого управления Ляски и начальника Петрографо-минералогического отдела Апельцина к концу года тоже отстранят: одного переведут начальником второстепенного подразделения в Геологоразведочное управление Дальстроя, а другого – во ВНИИ-1. Вновь же назначенный главный геолог будет больше озабочен вопросами личного характера, чем делами производственными; к тому же случится большое горе: начальника управления Павлова с острым приступом болезни печени срочно отправят самолетом в Москву, и больше он уже не вернется…

Необычно сложился этот год и для Ивана Осташко. Из-за нового обострения радикулита выехать в поле не довелось, пришлось остаться в Магадане, перейдя на должность старшего инженера-минералога. По семейным обстоятельствам его отпуск откладывался. Но не это его огорчало: мучительно тяжело было оставаться дома. Его, как волка в лес, тянуло в поле, в маршруты по горам, влекла палаточная жизнь, ночи у костра, новые открытия, волнения, заботы – словом, кипучая полнокровная деятельность. Сидя у окна за микроскопом и описывая шлифы чукотских поисковых партий, он с грустью, готовый завыть от тоски, поглядывал на проплешины сопок, окружавших город, следя за тем, как эти сопки освобождаются от снега, одеваются в летние одежды.

Все же постепенно, мало-помалу, он втянулся, свыкся с новым положением и каждый день недели старался прожить с максимальной полезной нагрузкой…

Лучевая болезнь… О ней уже много тогда слышали, знали, что она практически неизлечима, пока что от нее погибли и гибнут тысячи японцев в связи со взрывами атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки; знали, что ученые-биофизики, медики ведущих государств мира – США, Англии, Франции, Советского Союза и особенно Японии – усиленно ищут средства защиты от радиации и способы излечения пораженных ею людей. Многие знали и о том, что первым человеком, умершим от лучевой болезни, была знаменитая физик-химик Склодовская-Кюри, посвятившая себя изучению радиоактивности. В связи с опас-

ностью чрезмерного облучения в системе Первого управления вводились соответствующие профилактические мероприятия, прежде всего на рудниках и в лабораториях. В кабинете, где работал Осташко, петрографы и минералоги вместе с лаборантами анализировали, определяли, описывали горные породы, руды, урансодержащие минералы. Рядом с Иваном стояла высокая колонка с эталонной коллекцией саксонских чрезвычайно радиоактивных руд. Все сотрудники: четыре инженера и два лаборанта – получали бесплатное спецпитание и каждый рабочий день литр молока. Медицинское обследование проходили раз в неделю.

Характерно, что среди геологов, минералогов, геофизиков, обогатителей, химиков, то есть среди работников, причастных к наиболее опасным видам исследования, царил дух энтузиазма, подвижничества, даже самопожертвования! А жертвы уже появлялись: заболел лучевой болезнью геолог одной из чукотских партий. Тем не менее это не вызвало ни колебаний, ни опасений. Ивановы коллеги отличались особой жизнерадостностью, которой завидовали служащие неопасных профессий – плановики, экономисты, бухгалтеры, хозяйственники-строители, транспортники и им подобные, считавшие работников лабораторий чуть ли не смертниками. Во время обеда из комнаты-спецстоловой всегда доносился оживленный говор и веселый смех, вызываемый шутками и анекдотами. Закоперщиком в этом деле был недавний выпускник Иркутского горно-металлургического института Георгий Гладышев, сыпавший анекдотами, как из рога изобилия. Раз, не успев сесть за стол, он провозгласил:

– Товарищи, хотите, новый анекдот расскажу?! Вчера только услышал.

– Ну-ну, давай! Валяй.

– Так вот. На уроке русского языка в четвертом классе учительница объявила: «Сейчас, дети, вы напишете сочинение на любую тему, но чтобы в нем была определенная мораль». Ученики приступили к делу. Не приступил только один мальчик – Толя Иванов. Он окинул товарищей скучающим взглядом, зевнул и задремал. Когда до конца урока оставалось не более десяти минут, сосед по парте толкнул его: «Толик, урок кончается. Напиши же хоть что-нибудь». Иванов почесал ручкой затылок,

придвинул листок бумаги и стал писать. Вместе со звонком сдал свою работу. На третий день учительница принесла в класс проверенные сочинения. «Прочитала, дети, я все ваши работы, – сказала она. – Большинство из них – хорошие, с ясно выраженной моралью. Некоторые сочинения слабые. А вот Иванов… – она с презрительной ухмылкой посмотрела в его сторону. – Этот Иванов меня просто ошеломил! Я не знаю, хотел ли ты, Иванов, меня оскорбить или посмеяться над всем классом…» – «А что, что? – загудели возбужденные ученики, – что он такое написал? Прочитайте, Марья Павловна!» – «Вот слушайте: „Лиса и Воробей“. Так назвал свой рассказ Иванов. „Однажды зимой летел Воробей. Замерз и упал на дорогу. По дороге шла Корова. Она сделала раз, два, три и накрыла Воробья навозом. Воробей отогрелся, высунул наружу голову и весело зачирикал. Мимо бежала Лиса. Она вытащила Воробья из навоза, обтерла его и съела…“ Ну, вот это и все сочинение», – заключила учительница, снова насмешливо взглянув на невозмутимого Иванова.

Класс захохотал, удивлялся и возмущался: все признали, что за такое сочинение даже единицы много! А учительница с издевкой спросила: «И какая, Иванов, мораль заключается в твоем досточтимом труде?» Мальчик встал и спокойно ответил: «В моем рассказе заключена не одна мораль, а целых три». «О-о-о?!» – воскликнула Марья Павловна, и глаза всего класса устремились на Толю. «Первая мораль, – продолжал Иванов, – не всякий тот враг, кто на тебя накакает; вторая – не всякий тот друг, кто тебя из дерьма вытаскивает; и третья – если уж сидишь в дерьме, то нечего чирикать». Пораженные ученики молчали. Учительница стояла как в столбняке, забыв закрыть раскрывшийся от изумления рот.

Иван Федорович получил повышение в чине: ему присвоили звание инженер-капитана. Старик-отец гордился сыном. Подходя к вешалке, останавливал взгляд на серебристо-белых погонах:

– Мне это особенно приятно, что ты, Ваня, у меня не просто капитан, а инженер-капитан! – делал он ударение на первом слове.

В этом году в семье торжественно отметили его семидесятипятилетие. Отец выглядел неплохо. Его знал весь Магадан. Люди, особенно военные, относились к нему с почтением, что

весьма льстило старику. Художник Пархоменко написал маслом его портрет, послав «Старика» на Всесоюзную выставку. Другой, писанный карандашом, подарил Федору Кононовичу – сын завел его в рамку, повесил в комнате. Он бодро, активно участвовал в майских и октябрьских демонстрациях, первым являлся на избирательный участок при выборах в местные Советы, выборах народных судей и в Верховный Совет СССР. Его фотографировали, о нем писала «Советская Колыма», дальстроевское радио передавало его интервью с корреспондентом.

Забавный эпизод произошел 12 марта того года при выборах в Верховный Совет. Одна старушка из соседнего подъезда уже на предыдущих выборах пыталась явиться первой на голосование, однако старик Осташко каждый раз оставлял ее с носом. Старушка вошла в раж и среди соседок поклялась, что на сей раз уж обязательно обставит «старого дьявола» – явится к участку в три часа ночи! Дед это пронюхал и пришел на участок (через улицу) еще с вечера. Сказал, что боится дома проспать и попросил разрешения переночевать на диване в одной из комнат. Ему разрешили. И когда в шесть утра распахнулись двери избирательного участка, и боевая старушка торжественно первой вошла в помещение, «старый дьявол» ехидно показал ей язык.

– Тьфу! Чтоб ты пропал! – разразилась неудачница. – Ты что, на метле через трубу сюда прилетел, что ли?!

Празднование годовщины Октября торжественно отметили в ГРУ, где на вечере выступали известные певцы – Козин, Виноградов; их в составе концертной бригады заключенных привозили из пригородного совхоза «Дукча». Артистов кормили сытно ужином, зал им бурно аплодировал. Цареградский потом ходатайствовал о сокращении им срока.

1951

2-й ОТПУСК

Осташко с женой и детьми отправлялся в 10-месячный отпуск на «материк». На время отпуска его старики остаются на месте и к ним для помощи подселяется сотрудник Ивана. По приезде на Украину дети остаются у матери жены в Черкассах, причем Федя будет заканчивать учебный год, поскольку в отпуск уезжали в марте. А Иван с Ульяной, погостив недельки две, начинают путешествовать по Украине и России…

В Москве их захватила невероятная жара – до 36 градусов! В Дальстройснабе получили курортные путевки: на август – в Новый Афон для него, на сентябрь – в Гагру для обоих. Были в Мавзолее В. И. Ленина, в театрах Вахтангова, Малом, Советской Армии; Большой театр находился на гастролях; посетили Третьяковскую галерею, восхищались шедеврами классической русской живописи. Немалое впечатление произвели монументальные полотна Ильи Репина: «Крестный ход в Курской губернии», «Царевна Софья», «Иван Грозный и сын его Иван» – эта картина была повреждена душевнобольным маньяком, который с криком «Довольно крови!» бросился на нее с ножом; реставрировал холст сам Репин. Запомнились картины Василия Сурикова «Утро стрелецкой казни», «Меншиков в Березове» и особенно «Боярыня Морозова». А полотном Александра Иванова «Явление Христа народу» были поражены неописуемо – полчаса сидели перед этим, во всю стену, изумительным произведением искусства. Им казалось, что и Христос, и Иоанн Креститель, улыбающийся раб, «выходящие из воды», вся толпа народа на берегу Иордана – в сочетании с реалистическим пленэром – настоящее, живое, осязаемое.

Во время путешествий Осташко встречался со своими бывшими однокашниками, разбросанными по всему Союзу. К концу отпуска заехали в Черкассы, где решили оставить дочку у матери жены – климат Колымы очень плохо отозвался на здоровье Танечки, она часто болела. А здесь девочка посвежела, поправилась, на щечках заиграл румянец, и она вся ожила, стала веселой и задорной…

1952

ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ. ЧАУН-ЧУКОТКА

В конце минувшего года, когда Осташко с семьей был в отпуске, четыре отдела Первого управления – геофизический, петрографо-минералогический, химико-аналитический и обогатительный – объединили в Центральную научно-исследовательскую лабораторию (ЦНИЛ). Инженер-капитан Иван Федорович Осташко, работавший до отпуска в петрографо-минералогическом отделе, теперь, в конце ноября, занял пост его начальника; временно после увольнения Ф. Р. Апельцина эту обязанность исполнял старший инженер-минералог Георгий Гладышев. Приняв отдел, Осташко укрепил и реорганизовал его: избавился от бездельниц и склочниц, пополнил новыми добросовестными сотрудниками, образовал два отделения – аналитическое, или заказных работ, и геолого-тематическое, то есть научно-исследовательское. Первое поручил Гладышеву, второе возглавил сам. В отделе у него работали двадцать два инженерно-технических работника. Кроме того, под его методическое руководство передали «спецбюро» – шесть крупных сибирских геологов, ученых и производственников из числа большой группы репрессированных в 1949 году. Осужденным инкриминировались преступления, подпадавшие под параграфы ст. 58 УК РСФСР, в основном – разглашение или же сокрытие запасов стратегического минерального сырья. Большинству присудили по десять лет исправительно-трудовых лагерей, с использованием по специальности в Дальстрое, Енисейстрое, в Норильске, Мончегорске, Воркуте… В Магадан прислали 12 человек, из них шестерых оставили во ВНИИ-1, а шестерых – в Первом управлении, передав их поначалу в распоряжение геолога рудника «Бутугычаг». Там для них построили отдельный домик, где они жили и работали вне зоны, имели дневального; управление обеспечивало их необходимой аппаратурой, реактивами, справочными руководствами. Вообще-то, эти спецы были затребованы и отобраны

главным геологом управления Луговым, сменившим уволенного Ляски.

Сергей Филиппович Лугов до этого возглавлял в Геологоразведочном управлении Дальстроя рудный отдел; он успел там защититься на кандидата и, целясь в докторантуру, наметил свои далеко идущие планы: использовать крупных специалистов, ученых для написания своей докторской диссертации. Пока что им предложили разработать тематику комплексного изучения Бутугычагского уранового месторождения. Бригадиром этого спецбюро назначили член-корра Академии наук, профессора Шахова, под руководством которого группа и приступила к работе. В начале января Лугов навестил спецов, чтобы ознакомиться с их деятельностью. Спецы, прежде всего их бригадир Шахов, заметили слабую компетентность главного геолога в петрографии и минералогии, стали, что называется, пускать ему пыль в глаза: жаловались на плохую оптику микроскопов и бинокулярных луп, нехватку реактивов, справочных пособий и тому подобное. И, как следствие, невозможность качественного, в сжатые сроки, выполнения научных работ по месторождению. Лугов почувствовал душок саботажа, своими сомнениями поделился с Осташко.

Д. С. Голота.
1952 г.

– Иван Федорович, – сказал он под конец беседы, – я попрошу вас съездить туда и во всем разобраться. Берите мою «Победу», захватите с собой микроскоп, который они требуют… Я думаю, что это спецбюро методически должно входить в ваш отдел и подчиняться непосредственно вам.

Осташко, не мешкая, отправился на Бутугычаг, имея на руках утвержденное главным геологом задание: подробно ознакомиться с деятельностью сотрудников спецбюро; выявить возможности проведения ими комплексных работ по районам деятельности двух других комбинатов; определить качества их дело-

вой квалификации индивидуально каждого; в письменном заключении изложить личные соображения насчет возможности и порядка привлечения сотрудников спецбюро к работам в петрографо-минералогическом отделе ЦНИЛ Первого управления.

Спецы прибывшего инженер-капитана встретили настороженно, исподволь прощупывая его с разных сторон геологической осведомленности. Шахов попытался повторить приемы, примененные к Лугову, но Осташко, разбиравшийся во всех вопросах не хуже ученых, поставил профессора на место, разоблачая необоснованность его претензий. Тот понял, что имеет дело не с пигалицей от науки, а птицей крупного полета, начал юлить, изворачиваться, а затем извиняться за свое «неправильное поведение». Каждый из этих деятелей высоко оценил научные качества, всестороннюю эрудированность Ивана Федоровича – причем не только в геологических вопросах. Спецбюро признало его авторитет, ученые и практики прониклись к нему неподдельным уважением.

Вопреки установившимся стереотипам, Осташко не стал предлагать сотрудникам брать индивидуальные соцобязательства или заключать договоры по соцсоревнованию, а просто требовал от всех добросовестного, квалифицированного исполнения своих обязанностей. Приборы, лабораторное оборудование закреплялось персонально за каждым работником, который брал его на соцсохранность. От традиционных политзанятий, проводившихся во всех подразделениях по вторникам в последний час рабочего времени, Иван Федорович в своем отделе отказался. Вместо этого был составлен рекомендательный список литературы – сочинения классиков марксизма-ленинизма, некоторых видных историков, классиков-беллетристов. Каждый из сотрудников выбирал из списка то, что его интересовало, прочитывал, конспектировал и на просветительском часе рассказывал своим коллегам. Так люди приобщались к подлинной классике, расширяя свой общеобразовательный кругозор.

Сам Осташко, сдавший экзамен за первый курс в пятидесятом году, продолжал учебу на втором курсе вечернего Университета марксизма-ленинизма; вел преподавание геологических дисциплин в Учкомбинате…

Дома же повторилась старая история – опять ссора жены со свекровью. Родители так и не смогли найти себе подходящее жилье в городе, чтобы жить отдельно от сына и его жены. После

этой ссоры отец сказал Ивану, что решили они с матерью уехать на Украину. Он просил сына помочь им деньгами на покупку хотя бы небольшого домика. Иван перед сном рассказал жене о просьбе отца.

– Ну и пусть едут к чертовой матери! Пусть едут! Мне они не нужны! Квартиру убрать да в магазин сходить – домработница справится. Я и так из-за них сколько крови себе попортила!

– А мне, а им – не попортила?

– Неблагодарные они! Такие же, как и ты! Только о своей шкуре думаете.

– Это как же? За то, что детей наших выходили? Федю в оккупацию молоком кормили, от смерти спасали. Таньку тоже растили.

– Я их не просила молоко носить! А Таня и без них бы выросла.

– Какая же ты все-таки! – в сердцах воскликнул Иван.

Уснуть ему в ту ночь не пришлось…

Первого апреля сын проводил своих старичков в аэропорт, отправил самолетом на «материк». «Вытолкнул бедных», – подумал сквозь слезы…

Иван слал родителям письма, помогал деньгами. В ответах мать писала: «…прости, сын, за обиду. Мы виноваты, что поехали к вам в Магадан – зло это идет еще из Черкасс, а в Магадане усилилось». Отец добавлял: «Живу благодаря тебе, сын мой, – спасибо, что беспокоишься…»

В Чаунском районе Чукотки, хорошо изученном, на сравнительно не очень обширной территории имелось семь гранитоидных массивов: один промышленно-оловоносный, но без урана – Певекский; промышленно-ураноносный, но без олова – Северный*; два непромышленно-ураноносные и оловоносные – Янранайский и Пырканайянский; и три «пустых» – Лоотайпынский, Инрогинайский и Шелагский. Здесь, в этом районе, и предложил Иван Федорович провести тематические петрографо-минералогические

* На базе уранового месторождения был образован комбинат № 3, который находился в 72 километрах северо-восточнее Певека. В него входили рудник производительностью 40 тысяч тонн руды в год и гидрометаллургический завод мощностью 120 тонн руды в сутки. Общая численность работников, включая зэков, доходила до 5 000 человек. Комбинат работал с 1948 по 1956 г.

исследования с применением естественно-шлихового сбора акцессориев – для всестороннего их количественного, кристалломорфологического и химического анализа, как поисковых критериев на уран, да отчасти и на олово.

Подобных исследований до того времени нигде в мире не проводилось.

Он составил проект работ, представил его Лугову. Сергей Филиппович, собиравший для своей докторской диссертации материалы по олову Чукотки, проект одобрил, намереваясь использовать результаты осташковских исследований для себя, особенно – по Певекскому массиву, где шла добыча касситерита. Туда, на Чукотку, он переправил и сотрудников спецбюро. Иван Федорович был назначен начальником Чукотской комплексной экспедиции, в состав которой входили его тематическая Гранитная партия и Северная партия из спецов, базировавшаяся на одном из рудников горнопромышленного комбината.

Тихим солнечным утром 10 июня Гранитная партия в составе семи работников петрографо-минералогического отдела со снаряжением вылетела в Певек. Шли над облаками через Нижний Сеймчан, Зырянку, Среднеколымск. Затем облачность кончилась – внизу простиралась безбрежная Нижне-Колымская низменность с бесчисленным количеством небольших озер, многие из которых были целиком или частично заторфованы. По широко разлившейся Колыме двигалась масса льдин. Певек не принял – там разыгрался «южак», сели в Крестах на узкой полосе строившегося аэродрома, приютившегося у береговых скал пятидесятиметровой террасы.

Туманным утром, взлетев над плывущими льдинами, «Ли-2» взял курс на Певек. Под крылом самолета в разрывах облаков виднелся пустынный заснеженный мелкосопочник, затем – тундряная болотистая низменность, а вдали поднимались убеленные массивы Верхне-Анюйского хребта. Затем неожиданно возникла еще не вскрывшаяся Чаунская губа с проталинами, горы восточного ее берега, дымившие трубы Певека и стоявшие на рейде суда; промелькнул под фюзеляжем остров Большой Роутан, и самолет, развернувшись, приземлился на галеничково-песчаной косе у самого берега. Это был аэродром Апапельхин, находившийся против устья реки того же названия. Бушевавший накануне «южак» взломал у берегов морской лед, на чистой воде плавали одинокие

льдины. Шевелились тучи, моросил дождик. Иван Осташко, сверяясь с картой, узнавал объекты своих предстоящих исследований. До Певека было семнадцать километров, связь – только по рации, дорога отсутствовала – тракторы и автомашины ползали прямо по тундре и в дождливую погоду вязли. Оставив людей с кладью в помещении отдела грузоперевозок, он пешком отправился в поселок за транспортом.

Поселок Певек был большой, шумный, грязный; с лужами, строительным мусором. В Чаун-Чукотском горнопромышленном управлении и в райГРУ Ивана Федоровича встретили хорошо, тут же послали трактор на аэродром, и к утру следующего дня вся Гранитная партия устроилась в Певеке для последующей подготовки к полевым работам. Здесь солнце за горизонт не садилось, оно только опускалось над морем на ночь, как бывает в умеренных широтах в шесть-семь часов утра, и опять поднималось к зениту – световой день продолжался целые сутки. На горах во многих местах белели остатки снега. Погода часто менялась – то стояла благодатная теплынь, то наступало промозглое ненастье, то дул ураганный южный, юго-восточный ветер – «южак», срывавший с земли пыль и камешки, валивший с ног людей, обрывавший провода…

В состав Гранитной партии, представлявшей основу Чукотской комплексной экспедиции, входили старший инженер-геолог Евгений Скворцов, три техника-геолога, молодые женщины (Зоя Фомина, Светлана Кольцова, Ирина Ермакова), промывальщик Фрол Хренов. Помощником Ивана Федоровича по экспедиции, подотчетным лицом и формальным начальником Северной партии, состоявшей из спецбюро, был Василий Липатов. Поручив ему хозяйственные дела – получение продуктов, материалов, горючего, промывочных лотков и прочего, – Осташко отправился в поселок Северный, где на Первом руднике обитали его сибирские геологи во главе с профессором Шаховым, чтобы выяснить состояние дел и дать им задание по комплексному изучению разрабатываемого уранового месторождения. Он обошел окрестности поселка, рудников, побывал на станах двух полевых партий; в их составе работали женщины и туда наведывались зэки с недобрыми намерениями. В одном случае «паломников» задержали оперативники, в другом – сотрудники партии встретили их ружейными залпами. Иван Федорович решил, что ни на руднике, ни рядом с ним базу устраивать не будет: местность неуютная, об-

становка неспокойная. Он прошелся по водоразделу, с горной вершины осмотрел пустую долину ручья Ясного, левого притока Апапельхина – на границе Северного и Пырканайянского гранитных массивов. Как и все долины, она была голая, но достаточно широкая, с укромным уголком на повороте – там и наметил Осташко обосновать полевую базу.

Но прежде чем выезжать туда, за четыре маршрутных дня обработал оловоносный Певекский массив, у которого с одной стороны находился оловянный рудник «Валькумей», с другой – поселок Певек.

В эти дни к пирсам подошли три парохода, приведенных ледоколами. В трюмах одного из них находилось около трех тысяч заключенных – уголовников с большими сроками, которых привезли для работы в рудниках и на приисках. Зэки взбунтовались, выходить отказались. Три дня их уговаривало высокое лагерное начальство, в трюм пытался спуститься сам генерал, но чуть было не оказался заложником. Тогда был пущен горячий пар – бунтовщиков стали «выкуривать». У люков стояли охранники с автоматами. Преступники проходили по одному, холодное оружие бросали в сторону. На палубе и в трюмах осталось множество самодельных тесаков, ножей, заточек, всяких железин и булыжников. Два больших временных палаточных лагеря с высокими колючими проволочными ограждениями и охранными вышками были устроены на голой пустынной местности за Певекской горой, откуда лагерников развозили по горным предприятиям. Пятерых ребят из наиболее благонадежных Осташко отобрал в свою партию.

...Трехосные, со всеми ведущими, высокобортные машины ЗИС-151, доверху загруженные, поздним вечером начала июля оставили поселок Певек. Моросил дождик, мгла окутывала землю. Иван Осташко с Зоей Фоминой ехали в кабине головной машины, в которой находилось продовольствие и снаряжение; наверху сидел Хренов с ружьем. На второй, груженной досками, рейками, жестяными печками, оленьими шкурами и личными вещами, ехали рабочие, а в кабине – Скворцов и Ермакова. Последней, замыкающей, шла машина с углем и двумя бочками керосина; в ее кабине были Липатов и Кольцова. Начальник экспедиции и его помощник имели оружие.

Натужно гудел мотор, сновали по ветровым стеклам «дворники», и по бокам просветленных полукружий текли, словно слезы

по щекам, водяные струйки. Серая лента полотна гравийной дороги убегала под колеса. С обеих сторон тянулся окропленный влагой зеленый ковер тундры, мелькали соцветия маков; низко ползли со стороны моря косматые тучи. Ивана ломила усталость. Встряхнув русой шевелюрой, он высунулся наружу. Тяжело, как откормленные гуси, шествовали, держа интервал, остальные две машины; едва заметной волной вздувалась между ними трасса. «Подтаивает…» В его памяти мелькнул прошлогодний случай, о котором рассказывали в Певеке: где-то в этих местах утонул в образовавшемся плывуне экскаватор вместе со стрелой…

Сделав изгиб, дорога устремилась на север. Осташко сдвинул манжетку гимнастерки – часы показывали десять минут первого. Была пройдена половина пути. На повороте из кабины ему помахал Скворцов. «Не спит. Молодец!» – подумал Иван и стал припоминать эпизоды из его биографии.

Инженеру-геологу Скворцову недавно исполнилось тридцать два, а выглядел он почти старцем. Причиной тому была якобы его благоверная, которую он так любил, что чуть ли не молился на нее. А она, когда Евгений уехал в поле, упорхнула с другим, взяв с собой обоих детишек, а заодно и прихватив все вещички. След супруги вскоре обнаружился: в бухгалтерию на его имя пришел исполнительный лист. И Скворцов начал пить. Четыре года запоя превратили его в развалину: руки дрожали, глаза блуждали испуганно, а шею и лицо бороздили глубокие черные морщины. Иногда он, отрываясь от микроскопа, хватал в воздухе перед собой одному лишь ему видимых чертиков и, проворно скручивая им под столом головы, бросал на пол себе под ноги… Как знаток редких минералов, Скворцов года два назад попал в лабораторию управления, и Осташко довольно близко с ним познакомился. Впечатление он первое время производил довольно неприятное: замкнутый, молчалив, опустившийся – инженер этот казался потерянным навек алкоголиком. Но, к удивлению сотрудников, в нем обнаружился человек доброты необыкновенной, а спиртное он обходил, как кот горячую кашу. О жене своей и детях инженер никогда не упоминал, хотя думал, наверное, о них постоянно. Молодые лаборантки, зачисленные теперь в Гранитную партию на должность техников-геологов, частенько подтрунивали над Скворцовым, выслеживая его расправу с «бесенятами», но он не обижался, только глубже замыкался в себе, как улитка в раковине.

Более других была невоздержанна на язык Зоя Фомина. Щупленькая, угловатая, с чуть заметной грудью и коротко обрезанными светлыми волосами, она больше походила на деревенского мальчугана, чем на замужнюю женщину, мать трехлетнего ребенка. Ира Ермакова тоже была замужем. Она и будущий муж ее учились на курсах, где преподавал Иван Федорович; там они и познакомились. Третья женщина, Светлана Кольцова, тоже будучи замужем, насколько это было известно Осташко, была молчаливой и тихой. Особых подробностей о ней Осташко не знал…

У второго мостика машины остановились. Осташко вылез из кабины, объяснил шоферам и своим людям ситуацию. Головной ЗИС-151 свернул на целину долинной террасы. Иван шел впереди, выбирая подходящие проходы. Массивные колеса изворачивались промеж огромных валунов, со скрежетом преодолевали ребристые пороги; захлебываясь моторами, медленно двигались один за другим тяжеловесные грузовики. Мимо проплывали откосы осыпей, серые утесы, темные заросли кустарников; местами терраса поднималась, и у обрывов вырисовывалось извилистое русло бормочущего ручья. Меж облаками в просветах возникали и снова исчезали сумрачные вершины, показывался снег… Осилив семикилометровое расстояние, машины развернулись на небольшой площадке, покрытой седым лишайником. Полевики живо их разгрузили, и пустой транспорт ушел на рудник за концентратом. Выгруженное имущество накрыли брезентом, на один из разборных деревянных каркасов натянули самую большую палатку, втащили туда оленьи спальные мешки и первым делом улеглись спать.

Проснулся Иван Федорович оттого, что стало душно. Он осторожно выбрался из палатки. В чистой лазури сияло солнце, золотом обливало пустынные склоны гор, убогую зелень долины; русло на перекате вспыхивало искрами. Осташко поднялся на террасу. Перед ним лежала уютная долина верхнего течения Ясного; вдоль его русла виднелись травяные полянки, у крутого склона кучились зелено-буроватые холмики и каменистые бугры. Туда, за полтора километра от места выгрузки, перетащили геологи все свое хозяйство и, укрывшись за гранитными холмами, разбили базовый лагерь из четырех палаток.

Иван Осташко снова очутился в своей родной стихии. Это была его последняя полевая экспедиция на Крайнем Северо-Востоке Советского Союза – апогей его геологической деятельности.

…Сонно опустилось за выступом отрога поблекшее солнце, облив оранжевым светом черные, с белыми квадратами бязевых окошек, домики-палатки. На бугристые подножья склонов легли вечерние тени, и у позолотившейся макушки выщербленной сопки сверкнул намет прошлогоднего снега. С севера, где за отлогим истоком Ясного разверзалось ущелье неприступного кара, ползли по матово-синему небу белесые перышки… А утром хлопьями повалил снег, взыграла метелица; камни задымились, и колючая засвистела пурга. Вьюга бушевала, гомозилась, билась о стенки палаток, нагромождала на скаты крыш сугробы, трепала у входных прорех оленьи шкуры. В самой середине лета разлютовалась зима!.. Пробуйствовав трое суток, она неожиданно сменилась теплом. Мрак стал рассеиваться, ползучий туман превратился в клубящиеся облака, а они подымались выше, выше и, взмыв над вершинами хребтов, улетали обратно на север – в Ледовитый океан. В безоблачном небе опять сияло огромное солнце, озаряло ослепительными лучами пушистые снега. Среди серебряной парчи вьющейся дорожкой темнел ручей Ясный, воды его мутились и набухали. Геологи сгребали с палаток снег, выколачивали развешанные шкуры. Незаметно вечерело. Опять чувствовался холод; наступавшая ночь обещала быть морозной.

– Эх, согреться бы! Работать ведь невозможно – чернила мерзнут! – хлопая себя по бокам поверх телогрейки, прозрачно намекнул Фрол Хренов.

Окинув взглядом поеживавшихся товарищей, Осташко дал согласие. Фрол крякнул, потер восторженно руки. Зоя одобрительно шмыгнула носом, и все заулыбались; Скворцов и тот ухмыльнулся в куцый воротник своего ватника. Работа закипела! Хренов и Липатов взялись сооружать пиршественный стол. Из березничка наломали веников, полянку промели и, призвав на помощь рабочих, прикатили здоровенные камни, сдвинули их, гладкими боками кверху, накрыли простыней – вместо скатерти. Вокруг стола этого поставлены были валуны поменьше – семь сидений, по количеству магаданских работников. Рабочие обособились в своей палатке. Женщины и рабочий-повар Рамиз Абдуллаев возились на кухне и у костра: пекли оладьи, нарезали копченую колбасу, соленую горбушу и селедку, вскрывали овощные и рыбные консервы, жарили с луком свиную тушенку, гото-

вили гречневую кашу-концентрат. Скворцов, как только затеялась возня, потянул начальника в сторону.

– Иван Федорович, – молвил он смущенно, – разрешите мне ликерчик приготовить, хотя бы чайный… Все-таки у нас женщины, неудобно вроде спирт голый им подавать.

– Что ж, я не против.

Инженер захватил две кастрюли, ложку, ситцевый лоскут, спирт, сахар, горсть байхового чая да щепку корицы и скрылся за скальным бугром. Когда через некоторое время подошел к нему Иван Федорович, Скворцов, помешивая ложкой приготовленный напиток, пояснил:

– Хорошо бы на отваре чернослива или шиповника сделать да настояться с корицей дать суток трое, тогда никакого бы запаха сивушного не осталось. Ликерчик такой легко идет, чисто тебе наливочка!

– Послушайте, Евгений Степанович, вы же спиртного, кажется, и в рот теперь не берете, а так рассказываете смачно…

Он покраснел, опустил голову. С тихой грустью ответил:

– Извините. Просто далекие дни счастливые вспомнил…

И отвернулся, часто заморгав ресницами. Но тут же поправился:

– Теперь и в самом деле я непьющий. А пил страшно… Кружками… неразведенный. Как не сгорел только, удивляюсь.

Осташко поспешил к палаткам. Там уже кончали сервировать роскошный стол. В эмалированных синих мисках и просто во вскрытых банках стояли обильные закуски, а посредине красовался живой букет желтых рододендронов, красных маков и нежно-зеленых веточек ивы; 7 пустых кружек стояли наготове.

– Ну как, порядок? – косовато сощурив свои серо-зеленоватые глаза, кивнул на стол Хренов.

Его блинообразное смуглое лицо сияло широкой улыбкой, на небольшом с горбинкой носу блестели капельки пота. Он считал себя, видно, главным закоперщиком пирушки и самодовольно потирал руки. Остальные были радостно возбуждены, на их щеках играл румянец; некоторые даже поскидывали с себя телогрейки.

– О, да вы согрелись уже! – глядя на них, воскликнул Иван Федорович.

Липатов и Хренов недоуменно переглянулись, а Фомина, вдруг насупившись, буркнула себе под нос:

– Вроде, не от чего было греться-то…

– Ну, раз не было, так будет!

Вынутая начальником из кармана походная фляжка со спиртом стала возле кружек; другую, со своим ликером, водрузил подоспевший Евгений Степанович. Пятьсот граммов получили работяги. Им Рамиз тоже подал закуски.

Напиток, что сварил Скворцов, для молодых сотрудниц оказался полной неожиданностью и всем им очень понравился. Евгений Степанович расцвел: морщины на его лице разгладились, глаза блестели; тонкие, всегда бледные губы свежо порозовели, и в уголках их затрепетала счастливая улыбка. Он виновато глянул на начальника, сказал тихо:

– Девушки, если не возражаете, я сегодня тоже немного с вами выпью – символически?

И плеснул себе на дно кружки с наперсток ликера. Компания одобрительно зашумела, взметнулись походные сосуды, и Фрол многозначительно провозгласил:

– За здоровье непьющего!

Пели песни, плясали, рассказывали анекдоты. Дружный хохот то и дело взрывал тишину светлой безмолвной ночи, наводя страх на притаившихся мелких обитателей каменного царства. Еще пили чай – со сгущенкой, конфетами, печеньем.

– У нас в институте, в Москве, такой анекдот ходил, – вспомнил Василий Липатов. – Умер Шостакович. Попал на тот свет – решил в рай отправиться. Пришел, стучится в двери рая. Архангел спрашивает: «Кто?» – «Это я, Шостакович, композитор». – «Нет у меня мест, – отвечает архангел, – иди в ад, там места есть». Поплелся унылый композитор в ад. Вдруг по пути встречает Остапа Бендера. «Здорово! Ты куда?» – спрашивает Бендер. – «В ад». – «Да ты погоди. Почему же?» – «В раю мест нет». – «Ладно, как-нибудь устроим. Пошли ко мне». Дома Остап Бендер нашел большой старый чемодан, поместил туда Шостаковича и пошел к раю. Стучится. «Кто там?» – спрашивает архангел. «Чайковский у вас проживает?» – «Это какой, композитор?» – «Да». – «У нас». – «Тогда откройте, пожалуйста, я вот его барахло принес». И швырнул чемодан в приоткрывшуюся дверь.

– Ну, тогда и я вам расскажу два маленьких анекдотика, – сказал улыбавшийся Евгений Степанович. – В тбилисском зоопарке гид объясняет туристам: «Пэрэд вамы нылский кракадыл. Очэн

балшой! От голова до хвоста восэм мэтров, от хвоста до головы – четырэ мэтрам». «Так не бывает», – скептически возразил кто-то из публики. – «Зачэм нэ бываэт? От Пасхы до Рождэства восэм мэсяцев, от Рождэства до Пасхы четырэ мэсяца. Бывает!»

– А вот другой, – продолжал Скворцов. – Устав бродить по лесу, вышла лиса на опушку к железной дороге и легла на насыпь против солнышка отдохнуть; для удобства хвост на рельсы положила. Прошел поезд, отрезал лисице хвост. Глянула она – нет хвоста! И сказала, сокрушенно вздохнув: «Ну, прямо нигде ничего и положить нельзя!»

– А мне можно? – подняла руку Светлана.

– Обязательно даже! Слушаем тебя! – воскликнули друзья.

– Ну слушайте. Армянин, плохо говоривший по-русски, попросил у официанта ресторана: «Мнэ подайте жариный спленка». Официант не понял. «Спленка, спленка» – повторил армянин, подкрепляя жестами свою просьбу. «А что это такое?» – переспрашивает официант. «Ну ты курица знаешь?» – «Знаю», – отвечает официант. – «А пэтух знаешь?» – «Знаю». – «Ну, так это их рэбенок». – «А-а-а!» – сразу догадался официант и быстренько пошел на кухню заказывать посетителю жареного цыпленка.

…Брызнул утренний луч поднимавшегося солнца. Уже почти все спали, кроме Светы, Зои и Ивана Федоровича. Они втроем выбежали на поляну, стали играть в снежки, дурачиться. Зоя толкнула начальника на Кольцову. Увидев, что Светлана падает спиной на камень и может ушибить позвоночник, он обхватил ее и принял удар на кисть своей левой руки… Обе женщины поняли, что сделали ему больно, виновато утихли, пошли спать. А он, потирая ушибленную руку, прошелся вниз по террасе, присел на каменную гряду – обдумывал план предстоящих дел. Прозрачное небо ласкало взор, колыхались под свежим ветерком былинки, ярко освещенные гранитные склоны освобождались от последних клочков выпавшего снега, и лишь в седловинах да на северных отрогах он лежал еще толстым слоем. С упоением посвистывали евражки, по валунам вдоль русла порхала, покачивая длинным хвостом, вездесущая трясогузка.

Рука у Ивана опухла и сильно болела.

…Погода установилась. Отряд Василия Липатова отправился на рудник, где находились ученые, а отряды Осташко и Скворцова, нагрузившись запасами продовольствия, двинулись

через три перевала в верховья речки Эргувеем, чтобы оттуда охватить маршрутами Пырканайянский и Лоотайпынский массивы. На базе оставался Рамиз Абдуллаев, которому начальник оставил свое двуствольное ружье.

Интересный живой мир открывался с каждым днем в этой, казалось бы, пустынной, богом забытой стране. На лужайках цвели цветы, вдоль русел тянулись курчавые заросли карликовой березы, ивы, ольхи, слышался тонкий голосок невидимых пичужек; в теплые дни после дождей прямо на открытых полянах пестрели красные, белые, желтые и сине-зеленые вогнутые шляпки сыроежек, иногда попадались подберезовички – маленькие, тугие. Раз как-то среди каменных россыпей на столообразной вершине, где была зелень и лужицы воды, геологи встретили целый выводок рябеньких куропаток. Людей они не боялись и продолжали спокойно пастись.

Но забавнее всего было наблюдать за северными пищухами и горностаями, которые в горах обитали повсеместно. С первыми лучами солнца пищухи, эти маленькие и юркие темно-бурые зверьки, бесхвостые, с закругленными ушками, вылезали из своих подкаменных жилищ; каждый зверек садился на собственном «крылечке», приподнимался на задних лапках, прижав передние к груди, и принимался петь: «Цеввф! Цеввф!» – звонко, резко, отрывисто. При каждом таком возгласе он слегка вытягивал короткую шею, вскидывал кверху щекастую, с усами, мордочку и закрывал глаза. Одним словом – старался! Иной раз, когда полевики тихо сидели где-нибудь на горе или на уступе склона и занимались своим делом, певцы рассаживались около них полукругом, в самозабвении демонстрируя свое искусство. Но стоило кому-то резко повернуться, взмахнуть рукой, как вся команда, дружно свистнув, мигом исчезала с арены – каждый певец в свой дворец! Человечье движение они принимали, очевидно, за тень крыла, а хищная птица для них – первый враг, хотя охотились за пищухами и наземные хищники тоже… Горностаи встречались реже, чем пищухи. Летом они были в каштаново-коричневой накидке с нежно-желтым подбоем; кончик хвоста, как и зимой, оставался черным. Не стесняясь людского присутствия, горностаи смело шныряли промеж камней, гонялись друг за дружкой, учиняли драки. Если геологи трапезничали, они лакомились остатками колбасы, рыбными косточками или крошками хлеба. Случалось,

что какой-нибудь нахал метким прыжком выхватывал прямо из руки целый кусок и, отскочив в сторону, тут же без зазрения совести принимался его уплетать.

А однажды в конце дня Осташко услыхал собачий лай. Он насторожился: «Чужие пожаловали!», ибо в его партии собаки не было. Затаившись, долго всматривался в гряды холмов, заросшие ерником, но заметить ничего не мог; стояла тишь. И только двинулся – залаяло снова; прибавил шагу – брех участился. Затем к одному голосу присоединился другой: неспешное глуховатое взлаивание. Тогда он догадался, что не собаки это, а, вероятно, песцы, с которыми до тех пор встречаться ему не приходилось. Иван перешел поток, поискал, однако никаких признаков звериного жилья не обнаружил… Спустя некоторое время, когда взобрался по сухой лощине вверх, неожиданно у него из-под ног выскочил копытный лемминг – рыжевато-крапчатый зверек с куцым хвостиком и черной полоской вдоль спины. Он чем-то напоминал не то мышь, не то маленького хомячка – разглядеть толком не удалось, ибо зверек враз шмыгнул под ближайший камень. Там оказалось его жилище – приплюснутое гнездо из травы; отверстие было снизу, и к нему вел вырытый в земле ход. От гнезда в разных направлениях вились многочисленные тропинки – в места кормежки, поросшие травой, дриадой, мхом и брусничником. По одной из таких тропинок, видно, обитатель гнезда сбежал раньше, чем его мог разглядеть чужой глаз.

С утеса виднелась вдали автотрасса с проползшим, как жучок, грузовиком, расстилалась пестрым ковром равнина тундры. На поляне внизу сочно зеленели злаки и осоки, полыхали алые маки, желтели лютики и одуванчики, цвели смолевка, пушица. И вокруг, в нетронуто-суровой обнаженности вековых гор, таилась первозданная красота заполярной природы.

«Хорошо-то как! – шептали его губы. – Благодарю тебя, судьба, что определила ты мне стезю геолога!»

Чукотка с ее природой и те научные исследования, которые здесь проводил Иван Осташко (а они представляли высший смысл его геологического призвания), вдохновляли, захватывали, помогая забывать семейные невзгоды и те неприятности, что возникали в процессе работы.

Экспедиция этого года была трудной как в физическом отношении, так и в морально-психологическом. При передвижении

внутри района от одного гранитного массива к другому грузы приходилось переносить на себе – ни конного, ни оленьего вьючного транспорта не было, а на собачьих нартовых упряжках летом поклажу не увезти; по тундре проходили, и то с трудом, лишь гусеничные трактора, но их не хватало. Погода изматывала чрезмерным непостоянством, одолевали туманы, холодная морось; они возникали неожиданно, в любое время суток, как только северный ветер подгонял к берегам льды Восточно-Сибирского моря; приходилось постоянно носить в своем рюкзаке теплую компактную одежду. Евгений Скворцов оказался неважным полевиком – очень трусливым. Хотя, быть может, эта трусость и предотвратила возможные напасти, грозившие молодым сотрудницам со стороны преступного мира: за ними, особенно за Кольцовой, усиленно охотились зэки и недавно освободившиеся типы. Свои рабочие, которых Осташко взял в лагерь, тоже, за исключением двоих, не радовали трудолюбием, да могли бы и подлость совершить. Но они побаивались начальника, инженер-капитана Осташко, военная форма которого смущала не только их, но и тех, со стороны, что следили за базой экспедиции. Больше всего смущало то, что они не знали, где, каким образом прячет начальник свой пистолет. Абдуллаев с товарищами всячески пытался разузнать об этом, допытываясь у Хренова и Фоминой, но те загадочно помалкивали. На самом же деле никакого личного оружия у Осташко не было – он считал, что вполне достаточно того, охотничьего, что обычно выдавалось полевикам.

Недалеко от базы Гранитной партии, на 60-м километре автотрассы за мостом через Апапельхин находилась дорожная командировка и при ней – отдельный лагерный пункт (ОЛП); оттуда под видом сборщиков ягод или грибов и стали проникать непрошеные гости. После нескольких маршрутов с подбазы на Эргувееме Осташко отправил Хренова, Кольцову и рабочего за продуктами на Ясный. Когда они с грузом уже поднимались на террасу, Фрол заметил, что внизу к провожавшему их Абдуллаеву подошли двое, и Ремиз как будто подает знак. Хренов с двустволкой побежал туда. Один из пришельцев быстро ушел, а другой пытался кинуться на Фрола с ножом. Фрол выстрелил в землю, потребовал положить документы на камень и отойти. Незнакомец положил; оказался неким Васильевым, недавно освободившимся, взрывником; с ним приходил какой-то лагерник. «Бегом, без оглядки!» –

скомандовал Хренов, когда возвратил, положив обратно на камень, удостоверение. Взрывник побежал. Абдуллаев не сказал ничего. Через два дня на базу вместе со взрывником пришли шесть человек; четверо были с ружьями. Они искали Хренова. Взяли у Рамиза заряженные патроны, оставив ему пустые гильзы. Трое, из них два зэка с оружием, пришли на Эргувеем, но там находился только рабочий – остальные люди были в дальних трехсуточных маршрутах. Пока «гости» ожидали возвращения полевиков, их накрыли бойцы-оперативники и отправили к оперуполномоченному в Певек.

Скворцов очень боялся беглых заключенных. Раз он был послан за хлебом на 60-й километр. Ближе к вечеру находившийся в палатке Осташко услышал испуганно-взволнованные оклики.

– Иван Федорович! Иван Федорович!

Тот вышел из палатки:

– Что?

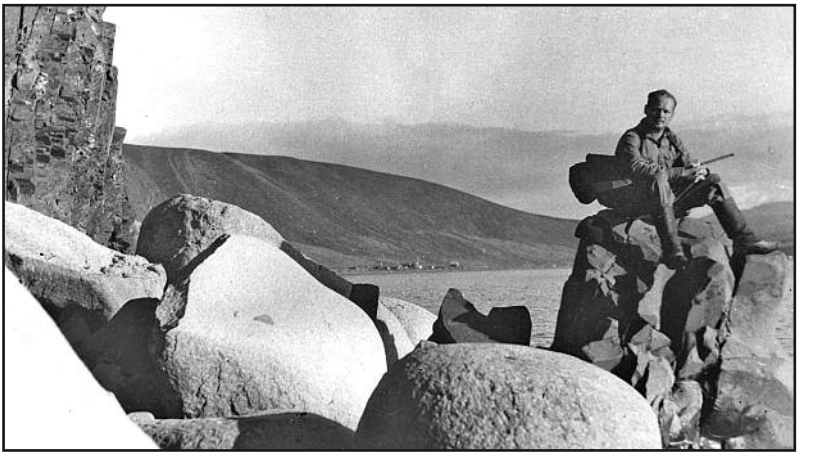
– За мной два рысака гонятся, – отвечал до смерти перетрусивший инженер, обливаясь потом.

Оказалось, что его с самого поселка преследовали два бойца, приняв за зэка; он же думал, что это гонятся лагерники.

В первых числах августа Гранитная партия работы на юго-восточном участке закончила – Пырканайянский и Лоотайпынский массивы были исследованы; Липатов со спецами продолжал маршруты по Северному массиву. Предстояло еще охватить три объекта в северо-западной части района – гранитные массивы Инрогинайский, Янранайский, Шелагский. Все сотрудники во главе со Скворцовым стали перебрасывать туда необходимые запасы грузов. Осташко же должен был решить дела в Певеке. Светлану Кольцову от себя не отпускал – слишком много недобрых глаз зарилось на эту симпатичную статную женщину. Опасения подтверждались. И Осташко хотелось поскорее уйти из Ясного, перекочевать подальше от трассы, лагпунктов, рудников.

Перед поездкой в Певек ему сообщили, что на Северный прибыл Лугов, хочет с ним встретиться. Осташко с рассветом отправился туда, чтобы вернуться пораньше – Кольцова на базе оставалась одна. Главный геолог еще спал. Иван поговорил с Ириной Ермаковой. Жила она на руднике, помогала работникам спецбюро….

Лугов спросил, как идут дела; его заинтересовали новые данные, полученные Иваном Федоровичем по Певекскому массиву,



Д. С. Голота. Чукотка, Чаунская губа, мыс Шелагский. *1952 г.*

где находилось оловянное месторождение, и он просил провести добавочные исследования в районе рудника «Валькумей». Иван понял, что это нужно было лично для главного геолога.

Сергей Филиппович передал письмо от Ульяны Степановны. Жена хвалилась, что ей присвоили горняцкое звание, и она уже сшила себе форму. Две комнаты – где жили старики и Федину, напротив кухни – сдала внаймы девушкам-сотрудницам. «Я решила – нам и одной комнаты хватит, а за те две мне платят пятьсот рублей в месяц, такие деньги на дороге не валяются», – читал Иван в письме. «Сколько же жадности! Все ей мало… Выжила бедных стариков, чтоб скорей квартирантов пустить…», – думал Иван, возвращаясь через перевал на свою базу.

Неожиданно громкий выстрел прервал его мысли. Он был уже в трехстах метрах от стана и увидел, как от палаток убегали вниз по долине три черные фигуры. Вложив два пальца в рот, Осташко пронзительно свистнул и бросился вперед.

Со склада вышла с ружьем бледная как мел с глазами, полными ужаса, Светлана Кольцова, судорожно рыдая.

Осташко быстро перезарядил двустволку, погнался за негодяями, пугнул дуплетным залпом. Вернувшись, успокоил Кольцову и тотчас изготовил таблицы с надписями: «Запретная зона», «Стой – стреляю!» Вместе с красными флажками выставил их вокруг базы. Светлана рассказала, что как раз стирала в ручье,

стала развешивать и увидела этих троих, бывших уже совсем близко. Она вбежала на склад и оттуда выстрелила. От сильной отдачи у нее теперь ныло ушибленное плечо…

Первая новая подбаза, как велел своему инженеру-геологу начальник партии, была устроена в долине Гыргычана, у подножья Инрогинайского массива. Но трусливый Скворцов, боясь себя обнаружить, палатку не поставил, а попрятал продукты и прочее хозяйство по кустам возле русла, так что хлынувший после дождя водоток многое растащил, попортил. Двое рабочих начали бузить: отказывались нести груз, грозились поджечь палатку, чем еще больше напугали Евгения Степановича. Явившийся Осташко тут же их уволил, в сопровождении Хренова отправил обратно в лагерь. Бездельники двое суток шлялись по трассе, заходили на базу, а при подъезде к Певеку соскочили с машины и заявили, что в лагерь не пойдут, будут возвращаться в партию. И смекнувший Фрол сдал их на оперпост.

…Резиновые подошвы изношенных сапог, цепляясь за шершавую поверхность гранита, размеренно переступали с глыбы на глыбу. С каждым шагом все шире раскрывался горизонт, позади оставалась извилистая спина горного отрога. Оглянувшись, Осташко чуть не упал и остановился передохнуть. В десяти шагах поспешно карабкался Фрол Хренов, далеко внизу чернела фигурка Зои Фоминой. Сухой напористый ветер загонял комаров под камни. Над побуревшим покрывалом безбрежной тундры бродили рассыпавшейся отарой белорунные облачка, невдалеке блестел морской залив, и за грядами сопок во мгле чуть проступали отдельные гольцы Северного массива.

– Фу-у! – Хренов сдвинул на затылок обвитую накомарником фуражку. – Закурить, что ли?

На плоский камень поставил канистру с керосином, положил лоток, развьючился и, сев поудобнее, расстегнул ворот взмокшей рубахи; бронзово-коричневое круглое лицо его с небольшим горбатым носом дымилось горячим паром. Шатаясь, подошла Фомина. Пот заливал ей глаза, рот был приоткрыт, и на потрескавшихся губах темнели пятнышки засохшей крови.

– Не с руки Макару коров доить? – сощурившись, ехидно подмигнул ей промывальщик.

Она сверкнула глазами на осклабившегося Фрола, а затем и на своего начальника; переводя дух, сказала сердито:

– Несетесь, как олени!

– А ты газу до отказу, скорости все сразу и – дуй до горы! – еще шире раздвинул в усмешке щербатый рот Хренов.

– Молчи, зануда, у самого вон язык через плечо.

Наконец осерчав, засопела, надулась и вместе с грузом повалилась она набок.

Отдохнув, достигли вершины Инрогинайского интрузива – Медвежье Логово, хаотическое нагромождение полуразвалившихся колонн, башен, накренившихся химер. За Логовом, в развалах гранита, была широкая площадь, и дальше – бездна: там в глубине кипели среди острых скал белопенные буруны студеного моря… Ночевали у скальных руин, без палатки, в спальных мешках. Здесь ни воды, ни горючей смолистой кассиопы не было. Коекак сырым мхом растопили в кастрюле снег, набившийся в щели, и этой задымленной водой утоляли жажду. Под покровом черного ночного неба, усеянного звездами, отсюда, словно с крыши мира, созерцали они далекое зарево Певекского порта, ближние огни рудничного поселка Восточный, ползущие светлячки автомашин, силуэты аэродрома Апапельхин.

Утром с северной оконечности Инрогиная Осташко увидел лежавший как на ладони поселок оловянного прииска «Куйвыеем» и вспомнил, что там в 1949 году летом стояла партия Шепинова, где Валентина Керженцева, разочаровавшись в своем начальнике, прострелила себе руку, чтобы уйти из партии. За Куйвыеемом, за Чукотским побережьем, простиралась бескрайняя синь Восточно-Сибирского моря, только далеко-далеко на горизонте обозначались белые пятнышки одиноких льдин, среди которых плоским айсбергом выступал остров Врангеля. И это синее море, и гористые берега, и голубое безоблачное небо с ясным солнцем напомнили ему курорты Кавказа и Крыма, Черное море того прошлого отпускного лета – обильного, беззаботного и, как казалось, счастливого…

Закончив длинный маршрут по Инрогинаю, отряд Ивана Федоровича спустился в долину Иочана, чтобы отсюда, пересекая гористую громаду Янранайского массива, достичь крайнего северо-западного участка – мыса Шелагского. Отряду Скворцова предписывалось исследовать восточные пределы гранитной янранайской интрузии, а ее западную часть намеревался охватить Осташко на обратном пути с Шелагского.

Сгибаясь под тяжестью набитых рюкзаков, с привьючками

двух спальных мешков и палаточки, неся в руках палаточные стойки, горючее, молотки и промывочные лотки, Иван Осташко, Зоя Фомина, Фрол Хренов и Рамиз Абдуллаев начали подъем к первой горе, карабкаясь с одной солифлюкционной террасы на другую.

К исходу четвертых суток на плоской горе Высокой в центре массива их приковало жуткое ненастье. Волком бродячим завыла вьюга, и понеслись-закружились бураны снежные да туманы непроглядные. Бешеные порывы леденящего ветра сбивали с ног, шныряли колючими комьями, трепали маленькую брезентовую палатку, которую пришлось огородить булыжной стенкой и сделать каменную пристройку для уборной. Заготовили копну кассиопы четырехгранной, подстелили ее и под спальные мешки – про запас, если бы совсем завалило снегом. Этот горючий кустарник, полыхавший жарким пламенем даже под снежным ветром, позволял вскипятить чай, сварить горячую пищу.

Погода буйствовала целую неделю и еще три дня…

Недалеко от Высокой в истоках речки Янранай находился разведочный район: там же стояли две полевые партии – Фролова, бывшего ученика Ивана Федоровича по Учкомбинату, и Мамаева. Как только немного распогоживалось, в разведрайон Фрол и Рамиз ходили за хлебом и соляркой для разжигания костра, туда отнесли собранные образцы и шлиховые пробы. Выяснилось, что Скворцов не стал лагерем в том распадке, где предлагал ему Осташко, а сдал все на склад Фролову, ночуя в одной из партий; Светлану же устроил в доме начальника разведрайона Михаила Андреевича Кострицына.

Протоптанной дорожкой Осташко не раз поднимался на водораздельный холм и глядел на стену клубившегося тумана – ждал у моря погоды.

…После полудня из-под туч выкатилось хмурое солнце, и перед геологами распахнулся свинцово-синий простор Чаунской губы; там и сям пенились бегущие гребешки волн, далеко на горизонте вздрагивала тонкая полоска острова Айон. Длинным полукругом уходил на север пустынный каменистый берег, виднелись избушки крошечного поселка и за ними, круто сворачивая к западу, тянулся горный отрог, накрытый клубившимся туманом. То был мыс Шелагский. Под вечер геологи спустились к бухте. Зеленоватые волны с легким шорохом набегали

на галечниковую отмель. От берега к горизонту, где на темно-синюю выпуклость садилось пурпурное светило, струилась, играя бликами, пунцово-золотистая дорожка.

– Ну как, окунемся? – лукаво предложил Хренов и сунул в набегавшую волну руку, но тут же, выдернув ее, притворно добавил: – Мм-да, как бы не ошпариться…

Он нагнулся опять, поднял плоский голыш, размахнулся: – Эх! Шиб – не дошиб, попал – да мимо!

Пущенный камушек запрыгал в рое искрящихся брызг вдоль солнечной дорожки. В сторонке насупленно смотрела на Хренова Зоя, поправляя лямки рюкзака, Рамиз отдыхал сидя. Осташко стоял на галечном берегу, поглощенный закатом. Справа на горизонте возник дымок. Он быстро вырастал, клубился, двигался встречь солнцу; вслед за ним стали появляться – сначала верхушки мачт, затем труба, палубные надстройки, и через минуту весь пароход со стелющимся шлейфом дыма вырезался черным силуэтом на бледно-розовом небе. Силуэт пересек огромный диск заходящего солнца и, постепенно погружаясь, скрылся за окоемом… Диск начал сплющиваться, желтеть, коснулся водной глади и вместе с неожиданно возникшей под ним огненной пирамидой расплавился без остатка. Золотистая дорожка угасла.

Отряд обосновался в широкой отлогой долине. Брезентовая палаточка, распяленная на двух посохах, стояла среди сухой прогалины, сливаясь с окружающей тундрой. В сторонке среди болотных кочек журчал невидимый ручей, с едва заметной седловины тянуло холодной сыростью моря. В той стороне, где дремал чукотский поселок, светилось зарево костра, лениво брехали собаки. Из-за сумрачного увала поднималась заспанная, словно чем-то недовольная, луна.

Утром на берегу бухты Осташко с техником-геологом и промывальщиком направились к дальнему мысу – горе Эныткин. Со стороны поселка навстречу шла чукчанка-охотница. Она была в штанах и куртке из оленьих шкур шерстью наружу, в расшитых бисером торбасах. Из-под узорчатого мехового чепца выбивались просаленные колечки смоляно-черных волос, медью поблескивали в ушах обручи-серьги, на шее болтались амулеты: зубы, когти и клювы всевозможных хищных зверей и птиц. Поверх непомерно раздавшейся нерпичьей котомки лежал за плечами старый охотничий карабин, его ремень был закинут за шею. В одной руке, кост-

лявой и узловатой, чукчанка держала железный прутик-багор, а другая, левая, свободно свисала вниз. Ее бронзовое, иссеченное морщинами скуластое лицо, приплюснуто-загнутый над выступающими челюстями нос, широкий обветренный рот, кустистые выгоревшие брови, острый взгляд темно-карих раскосых глаз и зажатая в пожелтевших зубах трубка с прямым длинным чубуком придавали северянке свирепо-неприступный вид индейца-воина из романов Майна Рида. Пристально всматриваясь в зыбкую поверхность моря, охотница прошествовала мимо, не обратив на геологов-пришельцев никакого внимания.

Затем повстречался безусый чукча – тоже в меховых одеждах, но без головного убора и босой; подвернутые штанины обнажали сухие икры посиневших ног. На левой, согнутой в локте руке держал он собранную кольцом бечевку с деревянной тяжелой грушей на конце, в которой торчали железные острые крючья. Раскрутив правой рукой снаряд, чукча запустил его далеко в волны и стал быстрыми движениями выбирать линь, одновременно накидывая кольца на полусогнутую другую руку. Хренов и Фомина с любопытством следили за его занятием. Однако кроме брыжей морской капусты на вытащенной закидушке ничего не оказалось.

– Чего ловишь? – спросил Фрол.

– Окунь… – ответил чукча, хитровато прищурив глаза.

– Слышь, окуня морского имает, – пояснил, обращаясь к Зое, Хренов.

– Ну да? – усомнилась Фомина, – Он тебе наговорит…

Чукча смутился.

– Во-он тот окунь, ныряй который, – кивнул он в море и снова послал со свистом орудие лова во всплывшую цель. То оказалось бревно плавника. На сей раз один из крючьев цепко вонзился в его поблескивающий бок, и ловец споро подтащил бревно к берегу. Из такого плавника приморские жители строили себе домики и яранги, делали каркасы лодок, нарты, примитивную мебель и всякие прочие принадлежности быта.

А вот и первые жилища. Против крайних яранг лежит на высоких козлах кверху днищем длинная и легкая байдара, обтянутая тонко выделанной кожей моржа; ее может нести на себе один человек, вмещает же она с десяток промысловиков вместе с добычей. На гальке рядом играют босоногие дети, промеж них вертятся два пса – черно-белый гладкошерстный, с разодран-

ным ухом, и черный лохматый, с рыжим пятном на груди и лихо закрученным хвостом. Недалеко сидит девочка. У ее босых ног, прикрытых ветхой юбчонкой, лежит большой белый пес и важно поглядывает в сторону детей и собак.

– Твой кобель? – кивнул на него Фрол.

Девочка не поняла.

– Пес-то, говорю, твой?

– А-а, собачка… – девочка улыбнулась. – Не-е, бригадира; вожаком у него служит. Бригадир, однако, в стадо уехал, на Чаун, Иван ничего не работай – каникулы.

И девочка дробненько, словно рассыпался горох по стеклу, засмеялась.

– Запечатлеть бы на память? – вопросительно глянул Хренов на Ивана Федоровича и кивнул на байдару.

– А чего же, давайте.

Зажав под мышкой свой промывочный лоток и подбоченившись, Фрол стал у козел; на самый верх проворно влезла Зоя, свесила ноги. Осташко принялся устанавливать на штативе облупившийся «Фотокор». Дети перестали играть. Мальчуган лет пяти в залоснившейся надвинутой на глаза шапчонке, матерчатых штанишках и нательной распашонке из оленьей замши подошел к самой треноге, растопырил узкие глазки с подпухлыми веками и уставился прямо в объектив. Другой, поменьше, словно ежик, стоял не шевелясь, обняв черно-белого пса за шею; он глядел то на Ивана Федоровича, то на Зою, беспрестанно шмыгая носом. От рыжегрудой черной лайки отделился и стал робко подходить третий малыш – круглоголовый, в нерпичьей курточке, без штанишек; лет ему было не больше двух. Остальные мальчики и девочки стеснительно толпились близ яранги, где стоял у двери старик – с седой жиденькой бородкой, в глубокой с обвислыми полями фетровой шляпе – и флегматично посасывал трубку-носогрейку. Наблюдавшая сверху Зоя кликнула:

– Эй, комашня, а ну сюда, ко мне!

Пошершавелое, доселе угрюмое лицо ее зарумянилось, мило затрепетали ноздри задорного носика, обветренные губы улыбались.

– Ну, кто поживее, бегом! – протягивала она зовущие руки.

Дети переглядывались. Самый смелый, что в замшевой распашонке, шагнул нерешительно вперед, иные, хлопая густыми

ресницами, посматривали на старика – видно, не понимали русской речи. Седой чукча сказал что-то, и вся орава тут же с буйным шумом кинулась к Зое наверх. Чумазые, голопузые, косматые, они, сопя и кряхтя, карабкались по козлам со всех сторон, будто евражки – спешили занять местечко получше рядом с ласковой тетенькой в пилотском шлеме. Девочки радостно жались к ней щечками, обнимали; мальчишки, важно сосредоточившись, напряженно глядели на аппарат. Фрол пригласил старика, подошли две женщины. Иван уселся рядом со стариком… Экспозиция получилась премилейшая!

В поселке Шелагском обитали оленеводы, охотники, промысловики-зверобои. В ту пору, однако, стада паслись где-то в южной тундре, время охоты на пушного зверя еще не наступило, ездовые лайки слонялись не у дел, и селение казалось бездеятельным, неживым. Кроме коренных чукчей, были и русские – работники Заготпушнины, заведующий магазином Полярторга, пекарь, сотрудники гидрометеостанции, но немного, несколько человек. Своеобразную достопримечательность представляла собой новая двустворчатая уборная. Блистающая гладко струганым тесом и украшенная наличниками, она торжественно возвышалась над обрывом оврага в самом центре, будучи обращенной к резному крыльцу колхозной конторы. Самым забавным было то, что на обеих дверцах висели замки. Хренов узнал от поселкового пекаря, что сие произведение сооружено по личной инициативе председателя охотничьего колхоза как эмблема цивилизации и предназначалось только для гостей из вышестоящих инстанций… Недавно появилось и электричество – по воле некоего Петрусева, который был и заведующим факторией, и заведующим магазином, и начальником склада, и главным монтером-электриком, и хозяином пекарни, и культработником… Но прежде всего он был проходимцем и негодяем! Он нагло обсчитывал колхозников, а дефицитные промтовары и продовольствие, что предназначались в обмен на пушнину, пускал налево по спекулятивным ценам, держа связь с Певеком.

Рядом с новым существовал в низовьях речушки и старый Шелагский, где в грязи и копоти от нерпичьего жира, которым освещались, обогревались яранги, жили колхозники-охотники. Но и они благоустраивались: строилась большая баня, была почти готова «Красная яранга» – изба-читальня, намечалось строительство новых деревянных жилищ…

В поход на Шелагский отряд взял с собой только самое необходимое. Основной едой были копченая колбаса «Московская», галеты «Весенний поход» и чай с сахаром. Изготовленная специально для районов Крайнего Севера колбаса та могла храниться годами, не боясь ни жары, ни мороза. Правда, в первое время геологи ее не оценили. Твердая, с намертво присохшей кожицей, она не поддавалась самым крепким зубам, и ее прозвали «самшитовой» – есть такое дерево на Кавказе, его и нож не берет! Но Рамиз Абдуллаев умел ее приготовить, и «самшитовая» колбаса превратилась в великолепный питательный деликатес. Он цеплял ее на шпагат, конец которого привязывал к кусту или камню, бросал в речку, а сам принимался оттачивать нож. Вытащив колбасу из воды, легко снимал отмокшую кожицу и начинал нарезать на опрокинутом лотке, которым Фрол отмывал шлихи; росла пушистая горка тонких, как папиросная бумага, колбасных листиков. Это нежное лакомство так и таяло во рту, а свежезаваренный сладкий чай с хрустящей галетой делали его еще более аппетитным. На Шелагский такой колбасы захватили штук семь-восемь палок.

Возвращаясь домой после первого маршрута, полевики еще издали увидели Ивана. Пес лежал на кочках неподалеку от палатки и молча смотрел на них, не отрывая морды от протянутых лап; в тени возле палатки, ничем не прикрытая, возвышалась кучка колбас.

– Рамиз, Рамиз! – встревоженно позвал Фрол и кинулся туда. Взглянув, пересчитал и удивился: – Будто вся… ты смотри, что за кобель – колбас не ест.

Абдуллаева, который оставался на хозяйстве, дома не оказалось. Он пришел лишь к закату, принеся в тазике выстиранное сухое белье.

– Зачем ушел?! – напустился на него Иван Федорович. – Вокруг собаки голодные бродят, а ты палатку оставил, даже колбасу не убрал.

– Ах-вай-вай! Вы не знаете, что это за золотой пес! – воскликнул Рамиз, не обращая внимания на строгий тон начальника. – Понимаете, встало солнышко, я колбасу из палатки вынес, в тенечек уложил. Думал воду греть, бельишко стирать, да вспомнил, что в речке полоскать нельзя – вы же председателю колхоза обещали. Что делать? Пошел в поселок, про колбасу забыл, только на берегу вспомнил. Бегу обратно со всех ног, земли

под собой не чую, вижу – псы стороной навстречу плетутся. «Ай-вай-вай, думаю, возьми вас шайтан, все слопали, разбойники!» Подбегаю – Иван у колбас стоит, шерсть дыбом, зубами щелкает. Два кобеля от него пятятся, а один, худой, большеголовый, атаковать целится. Иван к-а-к даст ему грудью в лопатку, тот – кувырк! и тоже наутек… Ах, какой пес! Пришлось угостить, что поделаешь… Поел он, лег в сторонке, на колбасу – ноль внимания. Ну, думаю, порядок! Собрал я бельишко, приказал: «Сторожи, Иван!» – и снова в поселок. Так вот в бане все и постирал, – показал он рукой на тазик.

– Ну-ну, – недоверчиво проворчал Фрол, шуруя костер. – Смотри, Рамиз.

– Что смотри, что смотри! – взорвался Абдуллаев. – Ты сам смотри, башка баранья.

Он взял замоченный колбасный батон, сел рядом с Иваном и, сняв кожицу, стал резать. Нарезал немного, оставил на лотке, своим кивнул: пошли, мол, в палатку. Они спрятались и стали наблюдать. Некоторое время Иван лежал все так же – с полным безразличием, положив голову на лапы, словно дремал. Но безжалостный ветерок вдувал ему прямо в ноздри соблазнительный запах колбасы, и коричневая пуговка его носа начинала вздрагивать. Иван сначала отвернулся, затем встал, перешел на другое место и снова с глубоким вздохом лег. По его узким брылам стекала слюна, в горле перекатывались судорожные глотки.

Стоявшая возле Ивана Федоровича Зоя изумленно качнула головой:

– И в сказке такое не придумаешь…

– Ну, видишь? – толкнул Рамиз Хренова в бок, выходя из палатки. Собрал колбасные очистки, позвал пса: – На! Ешь, дорогой, за мое здоровье!

Иван степенно подошел, не торопясь слизал все начисто с ладони, потянулся и пошел к ручью.

– Вот это псина! – восхищался Фрол целый вечер. Однако, ложась спать, колбасу все-таки внес в палатку…

Утром, нагрузившись пробами, образцами и своим походным имуществом, снялись с лагеря. Со стороны моря низко неслись лохмотья туч – холодные, колючие; цеплялись за голую тундру, сеяли снегом и ледяной крупкой. Отряд двинулся в обратный путь – на Янранай. С геологами шел и белый пес Иван.

На третьем переходе они очутились в небольшом ущелье. Неожиданно у Осташко из-под ног выскочил заяц-беляк; он перепрыгнул через русло, поскакал по уступам на утес и сел.

– Эх, пальнуть бы в него, да беда – ружья не взяли. – Фрол почесал за ухом. – Давайте, сбегаю? Я шибко.

Оставив рюкзак с лотком, он побежал к палатке. Начальник велел передать Абдуллаеву, чтобы сразу же шел в разведрайон, пока ведро. Рамиз должен был отнести собранные пробы и каменный материал, а также помочь Скворцову, если понадобится, упаковать коллекции. Евгению Степановичу Осташко написал, когда они вернутся.

Минут через сорок запыхавшийся, веселый, явился с малопулькой Фрол. Длинноухий, казавшийся снежным комом, сидел все там же, ожидая смерти. Иван в полудреме не спускал с него глаз. Осташко положил ствол на упор и стал целиться; пес приподнялся, навострил уши. Но выстрелить не пришлось: заяц, словно пружиной подброшенный, боком взлетел вверх, сиганул на макушку утеса и был таков! Вместо него показалась лисьеподобная седенькая мордочка с короткими ушами, две точки глаз внимательно смотрели на людей.

– Ой, кто это? – спросила Зоя.

Осташко замешкался, и зверь, оказавшийся песцом, поспешил скрыться.

– Ух, черт! – хватил в сердцах шапкой оземь Хренов. – Таких два воротника сбежали!

Зоя покатывалась со смеху.

Сонливо-безоблачный угасал день. Уставшие геологи возвращались по соседнему логу. Вдруг впереди метрах в двухстах снова появился откуда-то взявшийся песец. Пушистый, дымчато-белый, с толстым опущенным хвостом он лениво трюхал вдоль косогора и время от времени поворачивал к людям на ходу свою небольшую симпатичную мордашку: взглянет с любопытством и – дальше. Фрол придержал насторожившегося Ивана, и Осташко, крадучись, пустился за зверем. Но тот оглянулся, прыгнул за кустик и – как сквозь землю провалился! Ходили геологи, искали, пес под каждый камень совался – и все без толку. Быстро темнело, искать дальше не было смысла.

– Завтра все равно найду! – кипятился Хренов; он не мог успокоиться, что за каких-то полдня отряд постигли три неудачи.

Еле преодолев хребтик, друзья спускались к стоянке. Ночь была лунная, звездная; слабо светилась большая дуга северного сияния. В соседнем логу жутко, отвратительно завыли, заскулили песцы, слышалось тревожное, нудное подвывание…

Иван первым учуял недоброе: шерсть вздыбилась на нем гребнем, хвост упруго разогнулся. Перед жилищем он остановился, всхрапнул и глухо зарычал. Палатка полевиков болталась лохмотьями, внутри был погром: рюкзаки растерзаны, продукты и одежда перемешаны с землей; торчали из спальных мешков клоки оленьей шерсти. На валявшейся алюминиевой кастрюле и деревянных стойках виднелись вмятины от острых зубов. Фрол растерянно почесал затылок:

– Вот, не к добру зверье там бесновалось.

– Боюсь я, – призналась Зоя. – Не загрыз бы кто ночью.

Сказать правду, было не по себе и Ивану Федоровичу, да изнемогшие ноги не держали его уже, браться ему ни за что не хотелось. Найдя в одном рюкзаке буханку хлеба и банку рыбных консервов, товарищи кое-как поужинали, влезли в истерзанные кукули и мертвецки уснули.

К рассвету крепко подморозило. «Дни погожие кончаются, – раздумывал Осташко, – а тут неизвестный разбойник столько хлопот задал. Придется в Шелагский за продуктами идти, палатку чинить надо… Эх, не было печали…» В маршрут с одним Хреновым пришлось отправиться; Фоминой велено было порядок навести. Ей за телохранителя Иван остался. Но как только начальник с промывальщиком за поворотом скрылись, сзади донесся крик. Выскочили они на пригорок и что было духу помчались обратно. Возле палатки, истошно вопя, бегала Зоя. Она размахивала пустым рюкзаком и кастрюлей, кидалась то вперед, то отскакивала назад, поуськивала Ивана и старалась от него не отходить. Но и пес, видно, трусил; он наступал и отступал вместе с хозяйкой, заливался свирепым лаем, оскаливал клыки и отбивался лапой от… наседавшего песца. Зверь был не из молодых, как следует еще не вылинявший; буровато-седая шерсть топорщилась на острой спине его, клочьями обвисала на впалых боках; по земле таскался свалявшийся хвост. Булькающий хрип, чередуясь с коротким взвизгиванием, вырывался из раскрытой пасти, по окровавленным губам скатывалась пузыристая пена, и воспаленные мутные глаза блуждали бессмысленно по сторонам. Он ничего не видел уже и не

понимал, одни лишь непроизвольные движения управляли его измученным организмом. Несчастный то вертелся волчком, то вскакивал, словно ужаленный, грыз в исступлении землю, хватал мох и камешки, кувыркался, дергался выгибаясь, бросался на Зою с Иваном и на палатку, сипел, брызгал слюной. Когда Осташко с Хреновым подбежали – первый потрясая молотком, второй – совком и лотком, налетчик вдруг завизжал страшно и покатился прочь. Однако тут же взвился свечой и, опрокинувшись навзничь, забился в судорогах. Остекленевшие глаза его выкатились из орбит, из-под посиневшего высунутого языка текла смешанная с грязью кровавая пена. Минуты через две он скончался.

«Бешеный!» – убеждение это стояло в сознании каждого. «Хорошо, не покусал хоть, – пытался успокоить себя Осташко. – Слюна вот только… Вчерашний погром – его ведь работа. И в логу не зря накануне тревога поднялась – бешеный туда от нас, видно, подался».

Срезали начальник с Фролом несколько тальниковых прутьев, уволокли труп подальше, в рытвину, завалили камнями. Палатку на новое место перенесли, подмели рассыпанные продукты, в костре их сожгли. А когда мужчины после похода домой притащились, то застали полный порядок: рюкзаки, полотенца, чехлы от спальных мешков были перестираны, посуда выскоблена до блеска, палатка аккуратно залатана. Но боязнь заболеть бешенством угнетала, давила всех камнем. Хренов, правда, виду не подавал, шутить пытался, Зоя молчала, а Ивану Федоровичу и сказать было нечего: за все в ответе быть ему приходилось – и за людей, и за работу. Срочно послал он промывальщика в поселок; с ним ушел и Иван. Вернулся Хренов через сутки, один – без собаки.

И на горку
тра-та-та,
И под горку
тра-та-та,
Развеселого Егорку
Не забуду никогда! –

залихватски напевал он, подходя к палатке. Он притащил хлеба и продуктов, спирт раздобыл. Начальник сразу же протер каж-

дому руки, лицо и губы: утопающий, как известно, за соломинку хватается.

– Да вы не переживайте, Иван Федорович, все в порядке будет, – весело говорил Фрол, у которого зрачки к переносице сдвинулись: видно, он успел себе и нутро продезинфицировать. Оказывается, поселковый фельдшер-ветеринар, давно работавший на Шелагском, выслушав рассказ Хренова о случившемся, заверил его, что бояться нечего: песец был не бешеный, а дикующий – больной вирусным арктическим энцефалитом; бешенство же среди животного мира тундры пока еще нигде зафиксировано не было. Об этом старик фельдшер даже в записочке Ивану Федоровичу написал.

В приятном настроении все трое провели они вечер, распив за ужином оставшиеся сто граммов. И проспали затем чуть ли не до обеда. Но маршрут, хоть и короткий, совершили.

Незабываемый закат был в тот день. От самой земли во всю небесную высь дугой выстроились во множестве рядов розовато-беленькие барашки; они постепенно алели, наливались румянцем, и вскоре по чистой лазури рассыпались гирлянды пышных роз. Видимость стала необычайной: остров Айон, находившийся в шестидесяти километрах, и все противолежащие берега Чаунской губы – низменные и гористые – лежали как на ладони. Летя на юг, протяжно кричали в вышине первые станицы гусей. Осташко долго провожал их взглядом, долго смотрел на эту чудесную вечернюю зарю и думал о том, что и человеческая судьба столь изменчива, как и погода: то налетят вихрем беды, то вдруг тернии невзгод сменятся блаженной дорогой роз, удач и радостей… Между тем, небо становилось синим, темнело; зоревые розы багровели, делались вишнево-красными и, незаметно бледнея, приобретали светло-сиреневые тона, теряли окраску. Под густо-синим покровом ночи одна лишь тонкая линия тускло светилась над горизонтом…

Они собрались в последний переход, рассчитывая быть к вечеру в разведрайоне, где стояла разведочная партия Фролова. Моросил дождик. Осташко послал вперед Абдуллаева и Хренова, чтоб приготовили ночлег и ужин. Вечерело, маршрут подходил к концу. Зоя невесело пела:

Проходи стороной – не скажу ни слова,
А уйдешь, дорогой, – затоскую снова…

Стан партии Фролова – шесть палаток на каркасах – располагался на голом месте среди камней в полукилометре от поселочка. Осташко и Фомину никто не встретил; их черная большая палатка стояла рядом с фроловской пустая. Появился Фролов, предложил Ивану Федоровичу одну из своих палаток, где жил завхоз, уехавший пока в Певек, – с двумя койками, столиком, печкой и закрывающимися на крючок дверями.

Проснулся он в шесть утра, умылся в ручье, поднял Рамиза, чтоб готовил завтрак. Он еще с вечера распорядился – всем выходить в маршрут не позже полдевятого. Как и всегда, Скворцову дал задание полегче – тот должен был выйти со Светланой и Рамизом; себе же, с Зоей и Хреновым, путь наметил в три раза длиннее – около 25 километров. Маршрут был закончен удачно, домой вернулись в сумерки. Все были заняты делом, обустраивали свой стан на новом, уютном месте. Таскали камни для растяжек, ставили палатки; Зоя заготовляла кассиопу для постелей, Рамиз готовил ужин…

Погода стояла хорошая, и Осташко решил идти на базу маршрутами, чтобы по пути захватить западную часть северного массива, а если удастся, то и двинуться на его восточную окраину.

Скворцов и Фомина с геологическими материалами и некоторым имуществом отправились на тракторе в Певек. Там они должны были провести дополнительные исследования на Валькумее, о чем просил Лугов, а затем вернуться на базу. А Осташко с Хреновым, Кольцовой и Абдуллаевым продолжали полевые работы.

В рабочие дни Рамиз оставался дома, остальные ходили по горам, припудренным снежком, с замерзшими лужицами. Дни быстро уменьшались, возвращаться к стоянке приходилось ночью. Заключительный маршрут оказался трудным, насилу одолели. Не доходя до палаток, плюхнулись на травянистый откос. Лежали молча, запрокинув головы к небу, где, не мигая, зажглись одинокие яркие звезды. С верховий долины потягивал знойкий ветерок.

– Глядите, глядите! – вскочил Хренов, испуганно указывая на восток.

Там, из-за темных руин Медвежьего Логова, восходил голубовато-белый свет. Он дрожал, собирался в пучки, брызгал цветными лучами, перекатывался радужной волной. Волна эта затрепетала, завертелась, взметнулась красочным фейерверком в

зените, и гигантский с длинной бахромой занавес повис от горизонта к горизонту; стал подергиваться, извиваться, переливаться – горел всеми оттенками спектра. В калейдоскопической пляске по всему небу полыхали, затухали, вспыхивали вращающиеся спирали, движущиеся столбы, плоеные ленты, сказочные разноцветные вихри.

Восхищенная Светлана то и дело всплескивала руками:

– Ну надо же, Иван Федорович! Ой, надо же!..

Разинув рот, как зачарованный, смотрел Фрол.

Минут через десять-двенадцать северное сияние начало меркнуть, угасать. Исподволь таяла розовая полоска, сопровождая путников до самого стана. Шедший рядом со Светланой Иван Федорович сказал:

– Говорят, что северное сияние – предзнаменование судьбы…

Полевой сезон закончен. Все магаданцы – сотрудники Чукотской экспедиции – собрались опять вместе на своей базе в долине ручья Ясного. Рабочих с ними уже нет – они возвратились в свою зону продолжать отбывание срока. После оживленного ужина повеселевший Скворцов вдруг обратился к своему начальнику:

– Пройдемся, Иван Федорович, немного. Ночь-то какая дивная!

Они вышли из палатки. В звездном небе висела полная луна, обливая холодным светом бело-серебристые склоны застывших гор. Под ногами похрустывал снежок.

– Что-то я замечаю, у вас, Евгений Степанович, вроде настроение поднялось? – нарушил тишину Осташко.

– Да, знаете… – замялся тот, – я все лето находился в неприятном напряжении. Боюсь заключенных. Хоть наши ребята, за исключением тех духариков, что вы в августе отправили, в общем, и неплохие были, все равно их присутствие меня настораживало.

– Я давно хотел спросить, откуда у вас такая трусость? Вы и геолог уже со стажем, и в поисковых партиях работали… Хотя бы и тех же зэков. Чего их бояться? Среди них самих много несчастных. Вот и неприятности с Кольцовой – это же ваша вина: зачем вы ее от себя отпустили?

– Неужели вам, Иван Федорович, непонятно? – вспылил Скворцов. – Там же кругом – мерзавцы, преступный мир! В лю-

бой момент могли бы ее изнасиловать, да и меня пристукнуть им ничего не стоило, если бы помешать вздумал.

Он помолчал.

– А что касается моей трусости… Это давняя история. Жуткая… Когда-то еще юношей работал я коллектором на Алдане, стояли мы тогда недалеко от торной дороги беглых каторжников – дороги на Невер. Было начало лета. Молодой геолог, я и Ваня Перепелкин – такой милый голубоглазый парнишка, чалдон, втроем ушли с палаткой дней на десять речушку одну ошлиховать; продуктов, конечно, захватили, ружьишко. В маршруты обычно мы ходили с геологом, а Ваня на хозяйстве оставался, рискованно было палатку без присмотра оставлять. Возвращаемся однажды вечером – третьего июня это было, на всю жизнь запомнил это число! – веселые оба, песни поем: день тот удачным оказался, золото большое нашли. За лесочком солнце садилось, благодать кругом. Выходим на поляну – вот и палатка на виду. Дымка только не видать что-то: обычно в это время Ваня ужин варил, а сейчас – не видно. И кедровка на лесине орет. На нее-то мы поначалу и внимания не обратили, они всегда, казалось нам, зазря орут; а вышло, что и не зазря… Я шагу прибавил, несусь первым, частушку во всю глотку наяриваю, а из палатки никто не показывается, тихо. Полог поднял – Ваня в постели, одеяло на голову натянуто. «Дрыхаешь, чертяка!» – кричу, да одеяло с него – рраз! Сдернул… и – о, ужас…

Скворцов запнулся на этом слове, словно комок у него в горле застрял.

– Ужас… – опять повторил он. – Череп размозжен… лицо, изголовье – все мозгами кровавыми забрызгано, рот искривлен, из угла его струйка черная сочится, и на щеке – яблоко глазное; прилепилось и лежит, как шар бильярдный, а зрачок – прямо на меня уставился… В общем, – продолжал Евгений Степанович после долгой паузы, – я тогда упал, потерял сознание, да отчасти и рассудок. Молод был, впечатлителен… Геолог меня водой отливал, еле в чувство привел… Беглецы каторжные убили нашего Ванюшку, вот кто. Сонного убили, валуном сквозь палатку, по голове. Взяли консервы, галеты, топор. Ружье с нами было – не расставался с ним геолог… И с тех пор в тайге мне страшно. Многие годы спать в палатке боялся. Потом забылось помалу. Я женился – дети, заботы, работал на руднике, приисках, при управлении. Ну, а когда семьи не стало, ко-

гда запил, стал мне снова являться тот глаз Ванин, выбитый… Словом, в каждом зэке убийца мерещится.

– Да, невеселая история, – сказал Осташко. – Подобные случаи мне знакомы. В верховьях Колымы и Индигирки сам с беглецами сталкивался. Ну а здесь и беглецов нет, а обстановка неспокойная. Не рад, что женщин взял в экспедицию. Но где было мужчин взять? Кроме вас да Липатова, никого в отделе и нет. Гладышев еще – но его надо было вместо себя оставить… Слава богу, вроде все обошлось.

– Я тоже того мнения, Иван Федорович. Потому и настроение поднялось.

Светившая луна незаметно скатилась по косогору и скрылась за седловиной. Сияли крупные звезды. В северной части небосклона играли сполохи.

…Словно убегая вперед, тянется по безбрежной равнине заснеженной тундры темная полоса дороги. Далеко остались позади гряды снежно-вершинных гор, исхоженных геологами Гранитной тематической партии; они едва заметны в белесо-сероватой мгле. Осташко поглядывает из кабины на пустынно-белый простор, на исчезающие во мраке гранитные массивы и вспоминает ночной рейс своей партии в начале лета, благоухающую тундру, превратности полевой скитальческой жизни. Все миновало, все теперь позади, как те заснеженные горы… А что ждет его там, в Магадане? Он почувствовал, что очень соскучился по семье, по дому.

…Тугой бас пароходного гудка эхом стелется по склону горы, где у подножья раскинулся Певек. Морской великан, тот самый, что виднелся у Шелагского при заходящем солнце, нагруженный рудным концентратом, шкурами и мороженными тушами морского зверя, отчаливает от пирсов, набирает скорость. Пенится за кормой след, носятся с криком чайки. Осташко стоит у причала, прощается с северным морем. Ветерок рябит у мола гладь тихую, вдали в тусклом свете поблескивают волны… После обеда, на специальном совещании, он докладывает управленческому начальству из Магадана о предварительных результатах полевых работ своей экспедиции. Выступают сотрудники спецбюро; профессор Шахов дает заключение о промышленной перспективности Северного месторождения…

В ожидании отлета в Магадан геологи-осташковцы вместе с грузом помещались в двух комнатушках недостроенной сборно-деревянной гостиницы для приезжих; спали в своих кукулях на полу. Разгулявшийся «южак» продувал домик насквозь, снежная пыль носилась повсюду, оседала на полу, подоконниках, постелях. Иван Федорович при свече заканчивал этюды о геологе – властелине гор и исследователе недр земных. Дописывал последние строчки:

«Геолог… Он идет, где не ступала нога человека – через реки и хребты, тайгу и буреломы, болота и снега; через сыпучие пески и раскаленные скалы, тропические дебри и холодную тундру; через пропасти и ледяные вершины. Идет в зной и стужу, под дождем и ветром, днем и ночью. Его жалят гнус и комары, пугают змеи и дикие звери… Но он идет – все вперед и вперед! Он – раскрывающий недра, пробуждающий спящие земли и несущий жизнь в тундру, тайгу и пустыни!»

…Василий Липатов доложил, что трактор с санями подойдет завтра в одиннадцать утра, рейс самолета – в семнадцать тридцать; грузы все упакованы, кроме постелей. Пора спать…

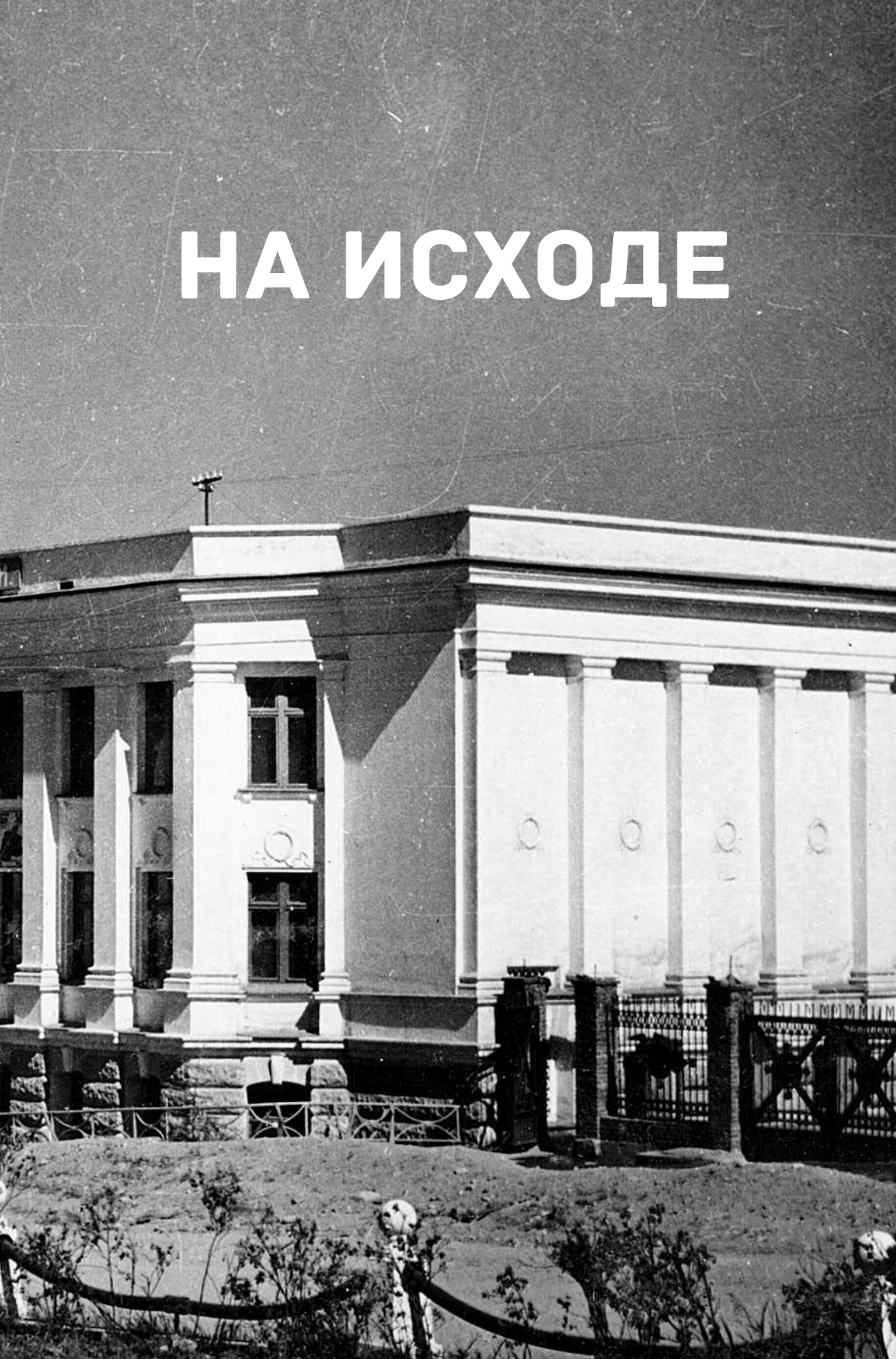
…Сегодня ветер как будто стих. Отрывисто и печально вскрикивают в небе дикие гуси – последний косяк их покидает Чукотку. Ивану Осташко вспоминается другой их лет – когда после Шелагского спешил он к Янранайскому разведрайону; вспомнились и гирлянды роз над закатом, раздумья о судьбах человеческих. Сейчас, стоя здесь в последний раз на берегу, он думал о том, что значение его исследований в Чаунском районе неоспоримо. Работа будет иметь важное прикладное значение.

Он почти достиг вершин своего бытия.

Но чувствовал, что под этой вершиной незримо разверзается страшная пропасть…

Здание Магаданского горно-геологического техникума со стороны улицы Парковой.
1960-е гг.

НА ИСХОДЕ



1953

РАЗВОД

…Иван сказал жене: «С тобой я жить не буду, останусь только ради детей». И ушел в комнатушку, где когда-то спал его отец, а потом – Федя. Ульяна приходила ночью – то прося ласки, то торгуясь насчет сына: «Будешь платить мне за Федю две тысячи в месяц – можешь забирать его себе». Наконец решила ехать в Черкассы. Весь январь отправляла матери посылки с драгоценностями и нарядами, раздала соседкам кое-что из вещей, захватила с собой сына – чтобы больше алиментов получать, как призналась квартирантке, и улетела.

Иван стоял на краю летного поля и молча смотрел вслед самолету. Рев моторов отдавался в его ушах металлическим звоном, и казалось, что пропеллеры ввинчиваются в сердце. Оно больно сжалось в груди, и горючие слезы крупными каплями покатились по щекам. Выше, дальше улетал самолет, взяв курс на Хабаровск. А он все провожал его взглядом, глотая горькие слезы, пока силуэт не скрылся за сопкой… Осташко знал: для него – уже навсегда… Светило солнце, дул резкий февральский ветер.

Федя, обещавший писать отцу, сразу же по приезде в Черкассы написал письмо, оказавшееся первым и последним…

…Вернувшийся с летного поля Осташко сидел в своей рабочей комнате один. В здании стояла тишина. Он ее не замечал, погрузившись в небытие. «Стоит ли теперь жить на свете? – спрашивал он сам себя, обводя отсутствующим взглядом комнату. – Да. Надо жить!.. Жизнь дана с непременным условием – защищать ее до последней минуты». Дети. Что ж дети? Она сделает все, чтобы они навсегда потеряли отца! Сделает подло, ли-

цемерно – на это она способна. Иван не замечал многого того, что видели и замечали соседи, коллеги… Не потому ли не спал он длинными январскими ночами, ворочаясь на узкой Фединой кровати, решаясь на роковой шаг?.. Но дети уже подросли – Феде пошел двенадцатый, Тане – седьмой. Он, Иван Осташко, постарается сделать так, чтобы не очернить мать в глазах своих детей…

Да! Надо жить! Ведь он все-таки нужен другим – родителям, студентам, коллегам – кому передает свой опыт, знания; да и для державы своей должен честно трудиться. Надо взять себя в руки – написать геологический отчет, провести выпускные экзамены в Учкомбинате. С каким уважением, любовью относятся к нему его ученики – будущие специалисты; как приятно встречаться с теми, кто обучался у него в минувшие годы. С какой гордостью рассказывали они о том, как в практической работе не раз утирали нос вузовским выпускникам! Вот стоит у него в столе шкатулка работы палехских мастеров с выгравированной надписью: «Преподавателю Осташко И. Ф. от группы «6» Учкомбината за отличное преподавание».

Разве это не награда за его старания? А грамоты, благодарности, медаль «За доблестный труд»…

Нет! Жить надо! Что же касается Ульяны – пора сжигать мосты. Конечно, она сразу восстановит детей против него… Ну что ж, время все расставит по своим местам.

Он решил подать на развод. Через три дня понес объявление в редакцию «Советской Колымы» (*обязательная процедура в случае развода в те годы. – Ред.*). О, боже! Как же мучительно давался ему этот позорный, как он считал, шаг! Он шел туда в полузабытье, словно на эшафот! Ему казалось, что всякий встречный осуждающе, с презрением смотрит ему вслед, что секретарь редакции со злым укором бросит: «Что, другую нашли, помоложе? Детей, небось, бросаете?» Однако такого не случилось – такие объявления газета публиковала каждый день десятками.

В ожидании публикации выслал на имя жены две тысячи. Перед глазами у него стояли Таня и Федя, сжималось от боли сердце.

В Учкомбинате приходило облегчение – там его ценили и учащиеся, и администрация. К нему в управление пришли старосты двух групп техников-операторов и от их имени стали про-

сить прийти на выпускной вечер. Очень трудно ему было, но отказать не мог. Сославшись на большую занятость, Иван Федорович согласился прийти только на официальную часть. Там он сказал своим ученикам напутственное слово:

– Дорогие товарищи! Вы вступаете на новое поприще вашей молодой жизни – поприще нелегкое, но интересное и очень важное для народного хозяйства нашей страны.

Что бы хотелось мне сказать вам?

Прежде всего – будьте мужественны! Никогда не опускайте рук перед трудностями. А трудности вы встретите как природно-физические, так и научно-технические. При встрече с трудностями разумно, без излишней торопливости обдумайте создавшееся положение и только тогда уверенно принимайте необходимое решение. Ухарство, залихватство, так называемое псевдогеройство гоните прочь из своей жизни! Когда одному капитану корабля задали вопрос: в чем состоит геройство? – он ответил: «Героизм состоит в том, чтобы точно, при всех обстоятельствах, выполнять свои обязанности». При выборе места для палатки, при переправе через реку, перед отправкой в длинный маршрут – всегда все обдумайте, взвесьте, обсудите, чтобы вы не стали жертвой непредвиденных обстоятельств, жертвой случая.

Второе. Будьте бдительны! Ни на минуту не забывайте характера вашей работы, ее особой важности. Сторонитесь дружбы и товарищества, возникающих при первой пьянке. Всегда держите язык на замке относительно существа вашей работы.

Третье, что я хотел бы пожелать вам, – будьте наблюдательны в вашей жизни и вашей работе. В своей практической деятельности, особенно в полевых исследованиях, вы встретите много интересного и ценного, но только лишь при условии, что будете наблюдательны и внимательны. Это сделает вашу работу живой, увлекательной и поможет вам обнаружить, найти многие ценные месторождения, так необходимые нашей стране!

И наконец о стремлении к цели. Говорят, плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, и я думаю, что плох будет тот из вас, кто не будет стремиться стать технически грамотным геологом, хорошим специалистом своего дела.

От всей души желаю вам, товарищи, плодотворной работы на благо нашей Отчизны, нашего советского народа! И ваши ус-

пехи в работе будут лучшей благодарностью нам, вашим преподавателям. В добрый путь!

Долго не смолкал шквал аплодисментов, заполнивший небольшой зал, а он стоял перед ликующими юными лицами, и от счастья капали из его глаз скупые мужские слезы. Кто-то из ребят крикнул: «Качать нашего Ивана Федоровича!» И не успел он опомниться, как десятки сильных ухватистых рук подбросили его высоко вверх, легко подхватили и – снова, снова. Он взлетал, словно на мягких пружинах. А в мозгу стучало: «Стоит жить! Следует жить!»

…Отчет был закончен 10 ноября. Он представлял собой серьезный научный труд – почти готовую докторскую диссертацию. Иван Осташко впервые в геологической практике разработал надежные и простые поисковые критерии на уран и олово. Установил, что по наличию в шлихах определенного вида кристаллов циркона и анатаза можно судить о перспективности изучаемых объектов; причем для этого не требовалось дополнительных затрат на специальные исследования – все устанавливалось попутно, при обычных геолого-съемочных и поисковых работах*.

* 3 декабря была образована Магаданская область; в ее состав вошел Чукотский национальный округ. Центром области стал город Магадан. Газета «Советская Колыма» стала именоваться «Магаданской правдой». Начальником Первого управления назначили бывшего главного инженера управления – Павла Комарова. Объемы геолого-поисковых и разведочных работ по управлению начали резко сокращаться.

1954

КАДРОВЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

После разоблачения и расстрела Берия дела осужденных спецов-геологов пересматривались, их отозвали из управления. Но Сергей Филиппович Лугов, что надо ему было, успел заполучить от них, равно как и из научного труда Ивана Осташко. Он составил для министерства записку насчет проделанных поисково-разведочных работ на уран и уже приготовился отбыть в столичную докторантуру. Однако из Москвы ответили: прежде чем покидать Дальстрой, необходимо представить подробное геолого-экономическое заключение по урановосности всего Северо-Востока. И Лугов, сокративший к тому времени значительное число геологов, давший было согласие и на увольнение Осташко, неожиданно распорядился оставить его в управлении. Учтя нанесенные Ивану Федоровичу обиды и зная его крутой нрав, главный геолог действовал осторожно и заискивающе: то исподволь подсовывал ему на заключение проекты интересных тематических исследований, то уговаривал: «Мы будем ходатайствовать о защите вами диссертации, но и вы нам помогите, в последний раз, – возьмите любую экспедицию, какую пожелаете!».

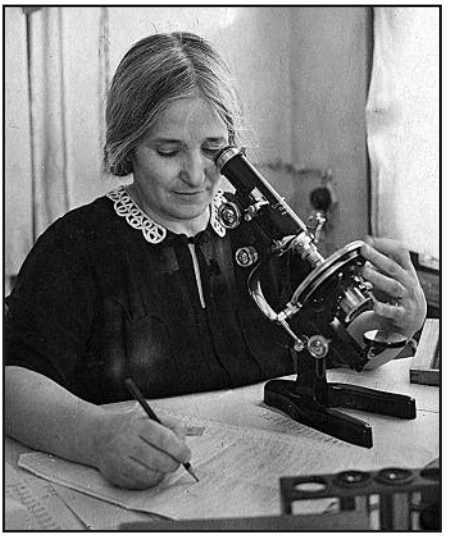
Только как ни заманчивы были предложения, Иван Осташко отказался от них. Резко обострившееся функциональное расстройство нервной системы после семейной трагедии – начали трястись руки, стала замедленной речь, и стоило ему возбудиться, занервничать, – лицо дергалось, он заикался, – давало о себе знать, и, помня предупреждение врача Грановской – может последовать паралич, – рисковать не стал, а решил взять отпуск, чтобы оформить и защитить диссертацию. Но разозлившийся Лугов в ходатайстве отказал и дал указание его должность старшего инженера сократить. Так что в отпуск приходилось Ивану идти с февраля, на три месяца раньше положенного срока; о диссертации же и думать было нечего…

За время нахождения Осташко в отпуске в Первом управлении произошли крупные сокращения. Уехал Борис Иванович Вронский с супругой – совсем рассчитались с Дальстроем. Дол-

жен был скоро уехать и Лугов. Он от министра получил строгий выговор за использование заключенных спецсотрудников в своих корыстных целях. Отдел, где работал Осташко, был преобразован в петрографо-минералогическую лабораторию. В отделе кадров Ивану Федоровичу предлагали возглавить лабораторию или же принять экспедицию, но он отказался.

Теперь над ним не довлело офицерское звание: в августе всех дальстроевских офицеров инженерно-технического состава демобилизовали, отменили также и горняцкие звания. Он волен был устраиваться на работу по собственному выбору или даже вовсе рассчитаться с Дальстроем, как то уже сделали многие старые колымчане.

На работу он устроился в начале сентября – в Учкомбинат преподавателем физики, химии и горного дела.



В. М. Вронская. *Нексикан. 1950-е гг.*

ВАРСЕНИК МЕСРОПОВНА ВРОНСКАЯ (1902–2004)

Родилась в селе Давалу в Армении в семье школьного учителя. Участвовала в Гражданской войне. В 1921 г. в селе Михайловка (ныне – Железногорск) Курской области восстанавливала работу средней школы. Вышла замуж за Б. И. Вронского. В 1923 г. уехала вместе с мужем в Москву и поступила на геологическое отделение Московского университета.

В 1931 г. в качестве коллектора уехала с Б. И. Вронским на Колыму в составе Второй Колымской экспедиции. В 1938–1940 гг. – петрограф Берелехского райГРУ, в 1941–1946 гг. – петрограф Янского райГРУ, затем – Охотской экспедиции. В 1948–1950 гг. заведовала петрографической лабораторией в пос. Нексикан ЗПГУ. В 1959–1961 гг. заведовала петрографической лабораторией в Сеймчанской КГР экспедиции (пос. Сеймчан) Северо-Восточного территориального геологического управления.

В годы жизни на Крайнем Севере организовывала семинары и индивидуальные занятия по петрографии, кристаллографии, минералогии, постоянно занималась организацией учебы и досуга детей.

В честь 100-летия Варсеник Месроповны магаданские путешественники-креведы назвали ее именем перевал (1 850 м) в хребте Чьорге (южные отроги хребта Черского). Перевал Варсеник соединяет верховья реки Мылги и ручья Кварцевый в бассейне реки Берелех.

1955–1956

ГОРНО-ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕХНИКУМ. ПОКИДАЯ КОЛЫМУ

…Во втором выпуске литературно-художественного альманаха «На Севере Дальнем», издаваемого Магаданским книгоиздательством, были опубликованы рассказы Осташко «Гагары» и «Щука-исполин»…

Иван Федорович вошел в светлую аудиторию нового учебного корпуса. Вся группа дружно встала.

– Здравствуйте, товарищи!

Глубокий единый вздох, и:

– Здравствуйте, товарищ старший преподаватель!

– Садитесь.

При этом один из студентов в четвертом ряду у окна как-то мешковато опустился на свое место.

На столе лежал журнал 2-й группы геофизиков третьего курса. Осташко начал перекличку, внимательно всматриваясь в каждого поднимавшегося студента. Когда была названа фамилия Маркелов, лениво привстал тот самый худощавый блондин у окна; взгляд его избегал сверлящих глаз преподавателя. Закончив перекличку, Осташко спросил:

– Кто староста группы?

– Я, – поднялся коренастый парень спокойного вида.

– Почему у вас пьяный на лекции?

Староста замялся. Аудитория настороженно замерла.

– Прошу удалить, иначе я лекцию не начну.

Староста обратился к Маркелову, чтобы вышел, но тот отрицательно мотнул головой. Кто-то из первых рядов тихо сказал:

– Да пусть сидит, он мешать не будет.

– Здесь не вытрезвиловка, – заметил Иван Федорович, и – к Маркелову: – Я жду.

Тот не реагировал. Осташко взял свою папку и со словами «Тогда я уйду» оставил аудиторию. Завуча Ефремова уведомил: пока не удалят пьяного, занятия не начнутся.

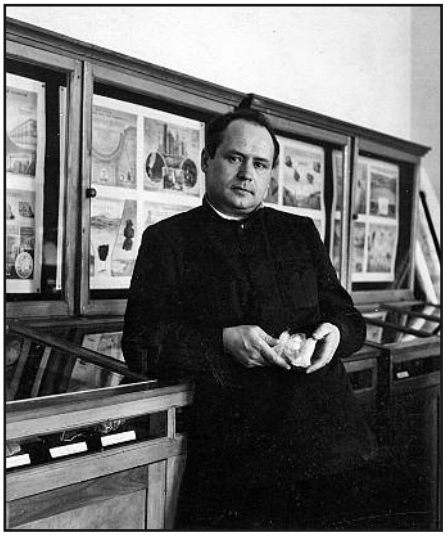
– Эк, черт! – ругнулся Ефремов. – Это опять вторая группа? Неуправляемая! Распустили ее наши преподаватели, на все смотрят сквозь пальцы. А там такие сорвиголовы, что без крепкой узды не обойтись. В первом семестре три классных руководителя сменились. Ни женщина, ни мужчины не могли с ними справиться. Я хочу просить вас, Иван Федорович, взять этих соловьев-разбойников под свое попечение.

– Ладно… – согласился Осташко. – А пока уберите этого Маркелова.

Так началась работа Ивана Федоровича во вновь созданном Магаданском горно-геологическом техникуме, куда он был зачислен на должность старшего преподавателя геологических дисциплин. Он вел петрографию, полевую геологию, методы разведки и свой основной предмет – полезные ископаемые. Читая этот курс, он на географической карте накалывал разные кружочки и треугольники, отмечая местоположение месторождения того или иного полезного ископаемого; требовал, чтобы учащиеся переносили отмеченные пункты себе на контурные карты, что облегчало им усвоение предмета.

Как по полезным ископаемым, так и по другим дисциплинам занятие начиналось с опроса по пройденному материалу – всему, а не только того, что был на предыдущей лекции. Таким образом, учащийся каждый раз повторял все пройденное и мог потом сдавать экзамен без специальной подготовки, а тем более – зубрежки. После опроса Осташко излагал новый материал, демонстрируя образцы, схемы, разрезы, делая беглые зарисовки на доске; при этом учащиеся внимательно слушали, ничего не записывая. Затем он диктовал подробный конспект, ибо необходимых учебников не было – для специализированных средних учебных заведений их не существовало вообще.

Через несколько дней Ивану Федоровичу стало ясно, что и 1-я группа геофизиков мало отличается от второй – обе были набраны на «материке», в Хабаровском и Приморском краях. Этим студентам установили повышенную стипендию, да столько же высылали им родители, так что многие ребята пустились на стезю «красивой жизни». Ухарски подвернув собранные гармошкой голенища и напустив на лоб густую шевелюру, они залихватски выписывали кренделя на танцах в клубе, нагло приставали к девчатам, пугали их взрывами капсюлей. В техникум поступали жалобы, и разби-



Д. С. Голота. Горно-геологический техникум, Магадан. *1956 г.*

раться в них приходилось Ивану Федоровичу, поскольку под свое попечение он взял обе группы сразу. Осташко стал часто наведываться в клуб и в общежитие, не давая спуску разгулявшимся молодцам.

Но прежде всего он требовал от учащихся знаний, усвоения преподаваемых предметов. Наиболее сложным представлялся курс полезных ископаемых: студентам надо уже было знать минералогию и петрографию, хорошо ориентироваться в географии, а этих знаний они не получили, ибо преподаватели, ранее читавшие данные предметы, с легкостью награждали пятерками, знаний же не давали и на тройку. Словом, требовательный Осташко уже при первых опросах выставил в журнале двойки половине группе – как первой, так и второй. Двоечники пошли жаловаться на него директору, однако поддержки не получили. Иван Федорович комсомольцев пропесочил на бюро, а прочим пообещал, что обо всем напишет их родителям, и показал конверты с адресами, выписанными из личных дел. Последнее подействовало отрезвляюще! Соловьи-разбойники попритихли, взялись за ум. Обе группы в конце учебного года вышли по успеваемости и поведению на первое место. А злополучный Маркелов стал отличным студентом, проникшись к Ивану Федоровичу глубочайшим уважением.

…В июле Осташко было предложено провести с первокурсниками двухнедельную учебную геологическую практику. Обычно подобная практика проводилась в районе Магадана – «без отрыва» от общежитий и студенческой столовой; она была далека от той обстановки, в которой приходилось работать геологу-поисковику и разведчику – в таежных и тундровых дебрях Северо-Востока. Поэтому он решил провести ее по-полевому, с выездом за пределы Магадана на 82-й километр, в бассейн речки Палатки. Накануне отъезда рассказал практикантам об

особенностях полевого быта, о сущности геологических исследований, порядке проведения практики; предупредил их о необходимости соблюдать строжайшую дисциплину. Группа была разделена на три отряда со старшинами во главе. Из числа студентов был выделен завхоз группы.

Получив геологические молотки, компасы, лупы, палатки и некоторую с трудом добытую посуду (жестяных печек с трубами и постельных принадлежностей в техникуме не оказалось), выехали к месту назначения. По пути в поселке купили нужное количество продуктов. В подходящем месте на берегу речки приступили к устройству полевого стана: один отряд рубил жерди и ставил палатки, второй заготавливал топливо и ломал ветки для постелей, третий занялся устройством очага из камней для варки пищи, чисткой и мытьем посуды, приготовлением ужина. Дальнейший порядок был таков: ежедневно старшины назначали по одному человеку из отряда для дежурства. Эти трое вставали на два часа раньше остальных и, получив от завхоза дневной рацион продуктов, готовили завтрак. Когда завтрак был готов, производилась общая побудка, все умывались, ели, а затем вместе с преподавателем уходили в двенадцати-четырнадцатичасовой маршрут, взяв с собой необходимое снаряжение и бутерброды. Пока группа находилась в маршруте, дежурные сторожили палатки и готовили ужин, который, как и завтрак, всегда состоял из трех блюд. В один из немаршрутных дней соорудили в обрыве терраски близ русла печку. Из поселка принесли в баночке кислого теста, завели опару и к ночи получили первую выпечку белого хлеба, который оказался гораздо вкуснее того, что брали в поселковом магазине.

Иван Федорович отказался от существовавшей установки оценки знаний практикантов лишь на основании предоставляемого учащимся после практики отчета. Основным было непосредственное наблюдение за каждым студентом на месте, в поле.

Иван Федорович создал в техникуме геологический кабинет. Там были учебные и музейные образцы – штуфы минералов и горных пород с этикетками и каталогами к ним; коллекции шлифов и аншлифов; рабочие коллекции по курсам минералогии, петрографии, полезных ископаемых; графические наглядные пособия по общей и исторической геологии, полевой геологии, поискам и разведке полезных ископаемых, рудным ме-

Колымские геологи у входа в Магаданский горно-геологический техникум. 2-й слева – С. Д. Раковский, 3-й – Е. Т. Шаталов. *1957 г.*

сторождениям, минералогии и петрографии, гидрогеологии. Приобрел он микроскопы, организовал петрографический кружок и сам проводил занятия по микроскопии в выходные дни.

Техникумовский геологический кабинет и его заведующий – ведущий преподаватель геологических дисциплин, широко известный геолог Дальстроя Иван Федорович Осташко все больше привлекали внимание учителей обеих магаданских школ. В кабинет потянулись экскурсии школьников…

Пурги, снежные заносы, морозы лютые свирепствовали до середины декабря. Колымская трасса утопала в снегах, а в самом Магадане дворы и старые домишки были завалены сугробами. И вдруг с Японского моря нагрянул мощный теплый циклон, охвативший всю Магаданскую область вместе с Чукоткой. Три дня подряд лил дождь, свистел ветер; температура поднялась до семи градусов выше нуля. Громадные толщи снега и льда расплывались озерами топкой жижи. Автодорога совсем вышла из строя, в городе стало невозможно пройти, поплывшие сугробы ползли в подвалы и подъезды зданий…

…В том же декабре после циклона в Магадан из отпуска вер-

нулась Ульяна с детьми и матерью. В Черкассах она продала ветхий дом, принадлежавший ее матери, и забрала ее к себе, расположившись в той самой квартире, которую получил в 1948 году Иван Осташко от Первого управления. Ульяна Степановна решила окопаться в Магадане надолго, чтоб выслужить большую пенсию, а мать ей понадобилась вместо прислуги: все-таки не чужой человек в доме, да и расходов меньше – не надо деньги в Черкассы высылать… Иван дважды встретился на улице с бывшей своей тещей, она молча проходила мимо… А Ульяну и детей не видел ни разу…

Из Москвы в Магаданский техникум пришли на отзыв учебные программы, составленные научно-методическим кабинетом Управления учебными заведениями для геологоразведочных техникумов Министерства цветной металлургии. Иван Федорович на все, касающееся геологических дисциплин, написал обстоятельные рецензии, а программу «Полезные ископаемые» забраковал, дав свои тезисные наметки. Ему из методкабинета сразу прислали договор, и он составил новую программу по курсу, которая и была принята для всех геологоразведочных техникумов министерства.

…Осташко был требователен. Если учащийся твердо знал преподаваемый материал, он ставил ему четверку, а для пятерки, то есть отличной оценки, сверх программы следовало читать дополнительную литературу, касающуюся предмета. Так что отличников у Ивана Федоровича в техникуме были единицы – это в течение учебного года; зато на выпускных экзаменах их число значительно умножалось.

Приезжавшие на экзаменационную сессию заочники являлись к Осташко с робостью. Но он не очень строго относился к старательным ученикам, зато не щадил тех, которые, переписав фондовый отчет или план разведки, представляли как свой курсовой проект. Таких он быстро разоблачал и определял им новое задание. А тут еще, кроме периферийных, появились заочницы местные – из Геологоразведочного управления Дальстроя. Там началась переаттестация инженерно-технических работников, многие из которых не имели даже среднетехнического образования. Теперь им потребовались дипломы. Сдавать же основные предметы и представлять дипломный проект им приходилось Ивану Федоровичу. И тут находила коса на камень: тем нужен был диплом, а он требовал знаний. От нерадивых на него пошли жа-

лобы. Жаловались главному геологу Геологоразведочного управления и директору техникума Виноградову. Особенно рьяно старались две дамы из рудного отдела, Михайлова и Капранова, чтоб «аморального Осташко, бросившего своих детей», убрали из техникума. Главный геолог управления не считал нужным отвечать на подобные кляузы, а Виноградов побаивался. Он, бывший инженер-геолог ГРУ, утвержденный обкомом партии на должность директора техникума, плохо разбирался в учебном процессе и раболепно следовал инструкциям министерского методкабинета. Требуя от преподавателей, согласно инструкции, поурочные планы, издал приказ: без планов к лекциям не допускать!

– Что, мне делать больше нечего?! – возразил Осташко. – Главное – научить! А как – это каждый преподаватель решает по-своему. Важны не «планы», а как преподается материал, как он усваивается студентами, какие получаются результаты.

Боясь потерять свой пост, Виноградов в угоду склочницам на педсовете в конце февраля решил как следует пропесочить Ивана Осташко. Он, дескать, мнимый специалист, не силен в методах разведки и минералогии, перерасходовал по 20 часов в первом семестре, приписал себе лишний час, груб с заочниками, и чтение лекций для него – лишь средство заработать деньги!

На другой день утром Осташко подал заявление об уходе.

В углу на заявлении Виноградов написал, что отпустить не может, так как некем его заменить, а главное – он является высококвалифицированным, опытным преподавателем, без которого техникум обойтись не может. Возвращая Ивану заявление со своей резолюцией, он стал извиняться за вчерашнее, оправдываясь, что вынужден был так выступить, ибо на него поступили в высшие инстанции кляузы, что он потакает Осташко – тому, мол, самому аморальному типу, который бросил детей и о котором писала «Магаданская правда».

– Поймите, Иван Федорович, мое положение, – как-то жалобно произнес Виноградов, – ведь они уже настрочили на меня донос и в горком, и руководству Дальстроя… Но вас все равно я не могу отпустить…

– Хорошо, – согласился Осташко. – Мне жаль моих воспитанников, я должен довести до конца свои лекции. Но дальше все равно здесь не останусь!

Придя к своим часам во вторую смену, Осташко застал обе

группы геофизиков, которых он по-прежнему именовал «соловьями-разбойниками», в приемной директора.

– Что случилось? – обратился он к своим воспитанникам.

– Это правда, Иван Федорович, что вас хотят уволить? Мы сейчас пойдем к Виноградову и заявим, что, если вас уволят, мы все уйдем немедленно из техникума. Вы наш преподаватель, и никого другого мы не хотим. Вы один должны нам дочитать предметы до конца!

Учащиеся волновались, наперебой высказывая эти слова.

– Успокойтесь, ребята, никто меня не увольняет.

– Но вчера же на педсовете Виноградов чернил вас как ни попадя!

– Он сегодня передо мной извинился. Пока я не закончу программы по курсам методики разведки и полезных ископаемых, я не уйду из техникума. У меня же, кроме вас, еще три группы геологов.

И Осташко, дочитав лекции, подал через месяц новое заявление: чтобы ему с 3 мая предоставили отпуск с последующим увольнением.

…Окончательно решив расстаться с Северо-Востоком, которому посвятил полтора десятка лет своей творческой жизни, Осташко на прощание в свободные от работы часы бродил по Магадану и чаще всего – направляясь через парк, мимо Дома пионеров, улице Портовой, где жили его дети. Он проходил под окнами бывшей своей квартиры, надеясь увидеть родную Танечку, но ни разу так ее и не увидел…

По Портовой улице Иван доходил до бухты и подолгу стоял на высоком берегу, оглядывая гладь залива; прибрежные поселки, портовые сооружения, суда, стоявшие у пирсов, окрестные сопки, и грустные воспоминания стискивали ему сердце. По этой вот дороге из порта в город он ходил под натиском пурги в те тяжелые дни января сорок седьмого года, когда Ульяна с новорожденной Таней и пятилетним Федей сидела в пароходной каюте, пребывая в неопределенном ожидании… А вон там, у горы Каменный Венец, гулял он с сыном и женой летом пятидесятого – когда жили всей семьей, со стариками, при полном довольствии…

…Вспомнив недавний разговор с коллегой, Иван про себя отметил: до чего же Ульяна тщеславна! Хоть она и настроила де-

1-й корпус Магаданского горно-геологического техникума на перекрестке проспекта Ленина и улицы Пролетарской, в котором в 30–40-е гг. размещался погранотряд, а затем горный техникум. *Фото 2014 г.*

тей против него, хоть и стремится вытравить из их душ родные чувства к отцу, но фамилии не меняет. Ибо о нем по всей Колыме идет добрая слава, его уже печатают не только магаданские газеты и журналы, но и центральные московские издания. В верховьях Тирехтяха, где он работал в сорок пятом году, существует гора его имени – Сопка Осташко, названная геологами при разведке оловорудного месторождения, открытого тогда Иваном Федоровичем. И когда ее спрашивают: «Это не в честь вашего мужа?», она с приятностью подтверждает: «Да»…

Всю зиму и весну пятьдесят шестого года Осташко активно предавался педагогической, научно-производственной и литературной деятельности. Он был утвержден членом геологоразведочной секции научно-технического совета ВНИИ-1, в работе которой принимал энергичное участие. Его приглашали на литературные вечера и читательские конференции, проводимые Магаданским книжным издательством, литературным объединением и областной библиотекой им. А. С. Пушкина. Ему поручили редактирование повести писателя А. И. Семенова «Берег

надежды». Как член литературного объединения, он стал участником первого областного совещания молодых писателей.

3 мая Иван Федорович Осташко проснулся «вольным» человеком: он был уже отпускником с последующим увольнением – с 12 октября того же пятьдесят шестого года.

И он приступил к сборам. Но прежде всего подготовил для газеты обещанный материал. «Магаданская правда» напечатала большой его очерк «На родных просторах. Из записок отпускника», занявший оба подвала всего газетного разворота.

По просьбе редакции Осташко написал, а газета опубликовала объемную статью «Ближе к производственным условиям» – о геологической практике учащихся первого курса техникума прошлым летом. В заключительных абзацах статьи говорилось: «И вот в этом году, будучи уже в отпуске, я узнал, что очередной первый курс геологов опять проходил свою учебную практику возле Магадана – в виде экскурсий или так называемых учебно-показательных маршрутов…

А ведь Магаданский горно-геологический техникум – хорошо благоустроенное учебное заведение, и находится он в хороших условиях, позволяющих проводить практическое обучение студентов всех специальностей, в том числе и геологической. Районы Палатки или Хасына – очень удобные для проведения как учебной геологической практики (после первого курса), так и практики геолого-съемочной и буровой (после второго года обучения). Пора создать свою учебно-производственную базу, чтобы практическое обучение проводилось в такой обстановке, с какой будущие геологи столкнутся на производстве»…

В конце пятьдесят пятого года прекратило свое существование Первое управление. За семь лет его интенсивной деятельности на Северо-Востоке возникла мощная ураносырьевая база, и началось строительство Билибинской атомной электростанции у Малого Анюя на Чукотке, недалеко от тех мест, где работала в 1952 году экспедиция Ивана Осташко. Теперь поиски радиоактивных руд велись геофизическими спецотрядами в составе обычных геологических партий. И тут значительную пользу приносили поисковые критерии, разработанные Иваном Федоровичем на базе исследования акцессорных минералов при изучении гранитоидных массивов Чаун-Чукотского района. Он выступал с

докладами на эту тему, проводил специальные лекции среди геологов ВНИИ-1 и Геологоразведочного управления.

Как только ликвидировалось Первое управление, Сергей Филиппович Лугов сразу же перебазировался в Москву – во Всесоюзный институт минерального сырья (ВИМС) Министерства геологии, где года через три защитил докторскую диссертацию, а потом возглавил геологический отдел. В своих статьях, касавшихся Чукотки, он упоминал работу Ивана Федоровича Осташко.

Старые дальстроевские работники уезжали с Колымы, менялся людской контингент. Теперь вместо массовых завозов заключенных для дальнейшего освоения Крайнего Северо-Востока стала прибывать комсомольская молодежь. По призыву Коммунистической партии первая группа молодых москвичей, 850 человек, прибыла на пароходе «Иван Кулибин». Их ждали на приисках и рудниках, заводах и стройках, автобазах и в совхозах. На смену старым и уехавшим явилось «племя младое, незнакомое».

Уезжал Осташко с Колымы одним из последних своих однокурсников, прибывших в Дальстрой в августе сорок первого года. Недавно уехали на «материк» Сергей Шевчук, Сеня Марич, Петр Лутугин; скончался от алкоголя Алеша Ковальчук, по кличке Кум-Сука. С отъездом Ивана оставался один только его однокашник – в Янской экспедиции Саша Бучагский, открывший крупное оловорудное месторождение в кряже Полоусном.

Пятнадцать лет работы Ивана Осташко в Дальстрое – это начало и расцвет его геологического творчества. За годы пребывания на Северо-Востоке он близко и глубоко познакомился с его природой, животным и растительным миром, узнал быт северных народов, прошел большую школу жизни. Здесь обнаружились недюжинные педагогические его способности, началась скромная литературная деятельность.

Но в личной его судьбе произошла катастрофа. Он оставил мысли о диссертации. Надо было искать новую житейскую гавань…

Восьмого июля 1956 года Иван на самолете навсегда покинул Колыму…

Москва.
1992 г.

В долине Верхнего Иннача. Фото из отчета Д. С. Голоты о работе Тумано-Вилигинской петрографической партии 1947 г.

ГЕОЛОГИЧЕСКИМИ ТРОПАМИ

АВТОБИОГРАФИЯ

ДЕТСТВО. ОТРОЧЕСТВО. ЮНОСТЬ
1916–1936

Родился я на Полтавщине в 1916 году в крестьянской семье, ребенком жил в степном украинском хуторе, отроком – в совхозе, с которым надолго родители мои связали свою судьбу; любил собирать полевые цветы, знал многие растения и, когда окончил семилетку, намеревался стать ученым-ботаником. Но однажды попал на фильм «Долина горючих скал», где молодой геолог какой-то южноамериканской страны, преследуемый англичанами-колонизаторами, раненый, успел застолбить нефтеносную площадь на благо своего угнетенного народа. Это определило мой выбор: я решил тоже быть геологом, чтобы открывать полезные ископаемые для своей Родины. Тогда, в начале тридцатых, после трех лет сильной засухи в срединных областях Украины свирепствовал голод, и я подался на рабочий Донбасс, где снабжение было лучше. Устроился на книжной базе контролером, поступил на вечерний рабфак при Донецком горном институте и через три года уже стал студентом геологического отделения Киевского госуниверситета.

УНИВЕРСИТЕТ
1936–1941

На третьем курсе определилась моя приверженность к петрографии, особенно процессам магматизма, контактового метаморфизма, а затем и магмотектогенеза – как определяющего фактора рудообразования. Долгими вечерами просиживал я в

Автобиография Д. С. Голоты дается в сокращении.

петрографическом кабинете за микроскопом, изучая шлифы изверженных пород и минералов из богатейших кранцевских коллекций и сборов отечественных геологов. Активно работал в научном кружке, написал и прочел перед студентами доклад о проблеме генезиса магмы. Редактировал факультетскую стенгазету «Рог цератозавра».

Предкурсовую практику, согласно своему выбору, проходил в Горном Алтае – в Белокурихинской геологоразведочной партии на вольфрам. На основании обильного, лично собранного каменного материала, его кропотливой лабораторной обработки, сопровождавшейся тщательным штудированием специальной литературы, я представил на Ученый совет факультета свою курсовую работу «О генезисе Осинового месторождения вольфрама на Северном Алтае». При ее защите получил оценку «сверхотлично», а также первую университетскую премию – научную командировку за границу. К сожалению, реализовать премию не пришлось: началась Отечественная война. Судьба же самой работы сложилась так. Профессор минералогии М. К. Шматько, официально считавшийся моим дипломным руководителем, оставил ее у себя и, читая студентам свои лекции – как в эвакуации, так и после, по изгнании оккупантов из Киева, демонстрировал мой научный труд как образцовый. Об этом рассказала в 1951 году после смерти М. К. Шматько моя однокашница, работавшая у него ассистентом, и торжественно вручила мне – в полной сохранности – мою работу.

…Последний госэкзамен сдавался 26 июня – под вой сирен и гул разрывов немецких авиабомб. А 2 июля поздним вечером поезд увозил меня и еще девятерых сокурсников-геологов из Киева в Москву – предстоял далекий путь в Магадан.

ДАЛЬСТРОЙ НКВД–МВД–МЦМ СССР 1941–1956

…В марте 41-го к нам на факультет прибыл из Москвы представитель Дальстроя для вербовки геологов-выпускников на Колыму – как упрощенно назывался Северо-Восток. Отборочная комиссия без всяких уговоров получила большее число кандидатов, чем требовалось, – недостатка в истовых подвижниках

Геологическая партия на маршруте. *1940-е гг.*

не было… Пройдя строгую медицинскую комиссию и мандатную комиссию в Управлении НКВД, в Дальстрой направлялись десять человек. Нам выдали подъемные, пропуск, удостоверения и сняли с воинского учета – мы уже до начала войны числились за Наркоматом внутренних дел.

…31 июля приползли к Тихому океану. На дальстроевском пароходе «Феликс Дзержинский» в ночь под 7 августа вышли из Владивостока, а утром 12 пришвартовались к пирсам бухты Нагаева.

Неделю пробыли в Магадане и, получив назначения, разъехались кто куда. Я в качестве прораба-геолога направлялся в Чай-Урьинское горнопромышленное управление. Его геологоразведочный отдел размещался пока еще в большой палатке в строящемся поселке Нексикан у реки Берелех.

…Молодость, жажда познания неизвестного и стремление к практической деятельности создавали тот запал энергии, который вел меня вперед. Омрачалось тем, что шла война, старики-родители мои и жена с новорожденным сыном, он родился 24 июня 1941 года, остались на Украине; почти три года ни я о них, ни они обо мне никаких сведений не имели – жили одной надеждой…

…22 августа прибыл в Нексикан. Но полевой сезон уже кончался, прорабы-геологи не требовались, и меня направили участковым геологом на прииск им. Чкалова – самый крупный не

только в Чай-Урьинской долине, но, пожалуй, и во всем Дальстрое с его десятью крупнейшими управлениями, охватившими территорию от Лены до восточных морей и от Амура до Ледовитого океана.

Прииск им. Чкалова давал до ста тонн крупного, почти сплошь самородкового золота за промывочный сезон – с апреля по октябрь. На нем я проработал со 2 августа 1941 года по 2 марта 1942 года, числясь горным мастером по опробованию, но, будучи на самом деле геологом пятого участка, нес геологический контроль за правильностью вскрытия и отработки золотоносных полигонов.

На прииске работало более двух тысяч заключенных; в ту суровую зиму, когда морозы держались от –60 до –70 градусов, они, бедные, гибли как мухи. Да и нам, «вольняшкам», приходилось нелегко. В десятиметровой клетушке рубленого барака нас было трое – все молодые специалисты, прибывшие одним и тем же рейсом. Зимой спали одетые – в теплом белье, ватных брюках, полушубках и валенках, в шапках-ушанках; стоявшая посреди комнатушки жестяная печка позволяла лишь кое-как вскипятить чайник. Ни дров, ни угля нам не давали, приходилось добывать за полпайки хлеба вязанку мерзлой ольхи или лиственницы, которую разносили заключенные после работы. Так что если на улице, за стенами, было шестьдесят градусов ниже нуля, то внутри – не выше минус сорока; к утру шапка примерзала к стенке, а голова покрывалась инеем…

В университете приисковую геологию не преподавали и с разработкой россыпей не знакомили. Приходилось все постигать на практике, подкрепляя знания недавно изданным руководством Ю. А. Билибина «Основы геологии россыпей».

…При вскрыше торфов геолог должен был следить, чтобы золото не попадало в отвал. На моем участке мощность торфов колебалась в пределах 3–4 метров, а песков – около 0,3–0,6 метра.

Пока еще шла промывка песков, мне приходилось контролировать достаточность их отработки: по инструкции золота не должно было оставаться более 6 граммов на тонну породы. В моем распоряжении имелись два-три промывальщика, а подчинялся я непосредственно старшему геологу прииска. Полигоны отрабатывались по принципу: «хапнуть» пески побогаче,

чтоб скорее «дать высокий план», и вскрывать следующий, соседний полигон, переваливая с него торфа на уже отработанный, хотя там и оставались еще достаточно высокие содержания. Без моего акта завалка не разрешалась, я же строго следовал инструкции, требуя зачищать площадь до коренного основания. Из-за этого начинались трения с начальником участка.

Когда похолодало и промывочные приборы замерли, работы на прииске сосредоточились на вскрыше торфов: проходились шурфы, в камеры которых закладывалась взрывчатка, и полигон взрывался – обычно «на рыхление», то есть горная масса от взрыва только разрыхлялась и затем вывозилась в отвал коробами или удалялась с помощью экскаватора; но иногда, с разрешения управленческого начальства, полигон взрывался «на выброс», что требовало больших затрат аммонита. При этом все торфа сразу летели в отвал. Задача участкового геолога при вскрытии полигона состояла в том, чтобы над песками оставалась защитная торфяная «рубашка» толщиной не более 10 сантиметров; если она была 10-сантиметровая или, тем более, нулевая, то это считалось работой высшего класса – чему я и стремился следовать. Однако достигать такого результата было очень трудно, ибо проходчики-заключенные, ослабевшие от голода и холода, еле шевелились, требуемую норму проходки в вечной мерзлоте выполнить не могли, особенно когда шурф превышал трехметровую глубину, и дело стопорилось. От невыполнения суточного, а затем и месячного плана страдали работяги, плохо приходилось горному мастеру и прочему техперсоналу, испытывал неприятности начальник участка, и так – вплоть до главного инженера, начальника прииска и т. д. и т. п. А все – из-за участкового геолога, который требует посадить шурф на пески и без подписи которого на складе ВВ (*взрывчатых веществ. – Ред.*) аммонит выдан не будет, торфа останутся невскрытыми. Так что в то время участковый геолог на прииске – «заноза», «враг номер один». Если же он, поддавшись нажиму, оставит «рубашку» толстой, что неизменно при открытии промывочного сезона потребует для ее снятия больших дополнительных затрат, то будет сам наказан: арестован и направлен в забой, а то и «пущен в расход»! На «Чкалове» был при мне случай: геолог 2-го участка, попав впросак, покончил с собой…

В конце марта 1942 года я был переведен в полевую партию, началась моя основная деятельность геолога-поисковика с

глубоким изучением петрологии, тектогенеза, металлогении, геохимии…

В те годы, когда карт не было, – их потом создавало Аэрогеодезическое управление Дальстроя – вместе с геологом в отряде работал и топограф; производилась глазомерная съемка методом засечек с помощью буссоли Стефана, высотные отметки определялись барометром-анероидом. Съемку же гидросети при шлиховом опробовании вел прораб-поисковик буссолью Шмалькальдера.

Так работала в 1942 году и Хастахская геолого-поисковая партия, в которой я состоял прорабом-геологом, возглавляя один из геологических отрядов; другой геолотряд вел сам начальник партии Иван Семенович Лорви, ленинградец, финн по национальности; поисковым отрядом руководил практик Сергей Фролов. Мы вели работы в истоках Индигирки. Кроме небольшой полиметаллической жилы, других рудопроявлений обнаружить не удалось, геологическое же строение района изучено было досконально…

В 1943 году я – в составе Чинякинской партии (начальником был А. С. Галун), что охватывала бассейн Адыгалаха и нижнего течения и Иняки, позже – Хинике, притоков Аян-Уряха, являющегося одним из истоков Колымы. В системе Чиняки обнаруживалось золото, пропущенное поисковиками, работавшими годом раньше…

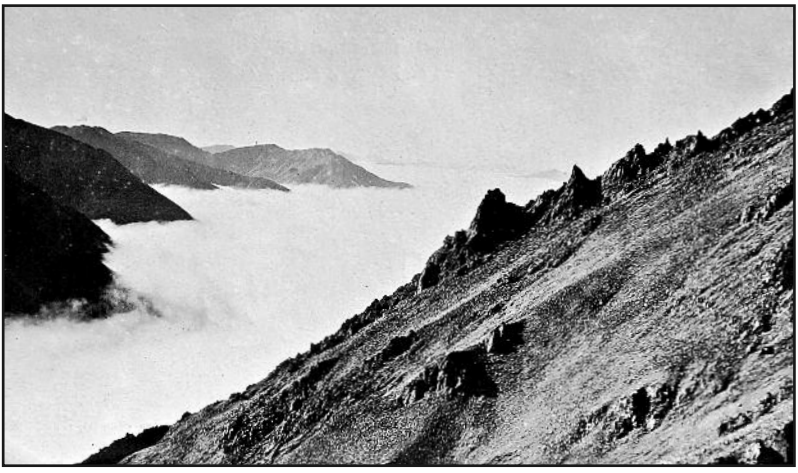


Фото из геологического отчета о работе Тумано-Вилигинской петрографической партии Д. С. Голоты 1947 г. Подпись под фотографией: «Туман, нахлынувший с моря. Справа – останцы эвпорфировых делленитов».

Но особой загадкой являлась знаменитая Чинякинская котловина в среднем течении реки, около 40 километров в диаметре, заполненная флювиогляциальными отложениями мощностью до 40–50 метров. С юга-востока она граничит с водоразделом, по ту сторону которого в долине Арга-Юряха – богатое золото; там уже был ряд приисков, из которых им. Марины Расковой – самый крупный. «Отцы» дальстроевской геологии рассудили: раз есть золото по одну сторону водораздела, значит должно быть и по другую – то есть в долине Чиняки. А когда в ее притоках – по Азиалу, Капитану, Онказану – и в самом деле в 1939 г. Х. И. Калугин выявил слабую металлоносность, туда год за годом стали посылать поисковые партии и отряды. Вот и в зиму 1943/44 года опять работал шурфовочный отряд, надеявшийся найти богатые погребенные россыпи – но таковых не находили.

На следующий сезон, в 1944 году, была создана Онказанская геолого-геоморфологическая поисковая партия под моим началом; в ее состав входил дополнительно буровой отряд с комплектом «Эмпайр». Конечно, ни самое тщательное шлиховое опробование, ни буровые работы ничего промышленного не подцепили. Но я занялся самим водоразделом – исследовал его не в 100, а в 25 000 масштабе, причем прихватил и «чужие» – противоположные склоны. Оказалось, что ручьи, впадающие в Арга-Юрях, врезаны куда глубже, чем те, что текут в Чиняку, и там полно уже вскрытых эрозией мощных кварцевых кил с видимым золотом. Все объяснилось просто: базис эрозии системы Арга-Юряха гораздо ниже, чем и Чиняки, и размывающая сила его водотоков значительно большая – они уже вскрыли золотоносные кварцевые жилы, давшие богатые россыпи; а водотоки Чинякинской котловины только начали эродировать водораздел и до жил еще не добрались.

Таким образом, я в своем отчете 1945 года по работе Онказанской партии 1944 года доказал, что россыпей в Чинякинской котловине нет и тратить средства на дальнейшие поиски – преступно. Мои доводы были убедительны… Теперь в этом районе заповедник «Хинике», это как раз район работ моей Онказанской партии, – умное решение…

Сдав геологический отчет и составив новый проект – Верхне-Тирехтяхской геолого-поисковой партии, я опять выехал в поле. Это был район левобережья реки Неры, правого притока Инди-

гирки, захватывающий и Нельканскую цепь хребта Сарычева, бывшего Тас-Кыстабыта. По Арга-Сале, верхнему притоку Тирехтяха, был обнаружен касситерит. Дальнейшие разведки других геологов подтвердили наличие оловорудного месторождения, а одна из сопок была названа моим именем, Сопка Голоты, о чем я узнал лишь в 1973 году во время одной из служебных моих командировок в районы Крайнего Севера.

В 1946 году при возвращении из отпуска с «материка» вместе с семьей, которая прибыла в Нексикан еще летом 1944 года, на пароходе «Феликс Дзержинский» в Японском море 31 декабря родилась дочь Наташа… В зимнюю стужу с новорожденной и пятилетним сыном ехать по Колымской трассе до Нексикана было в то время почти невозможно; меня оставили в Магадане, в ГРУ ДС – в должности старшего геолога научно-исследовательского отдела, которым руководил Алексей Петрович Васьковский; я числился в петрографическом отделении Е. К. Устиева.

В 1946 году награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

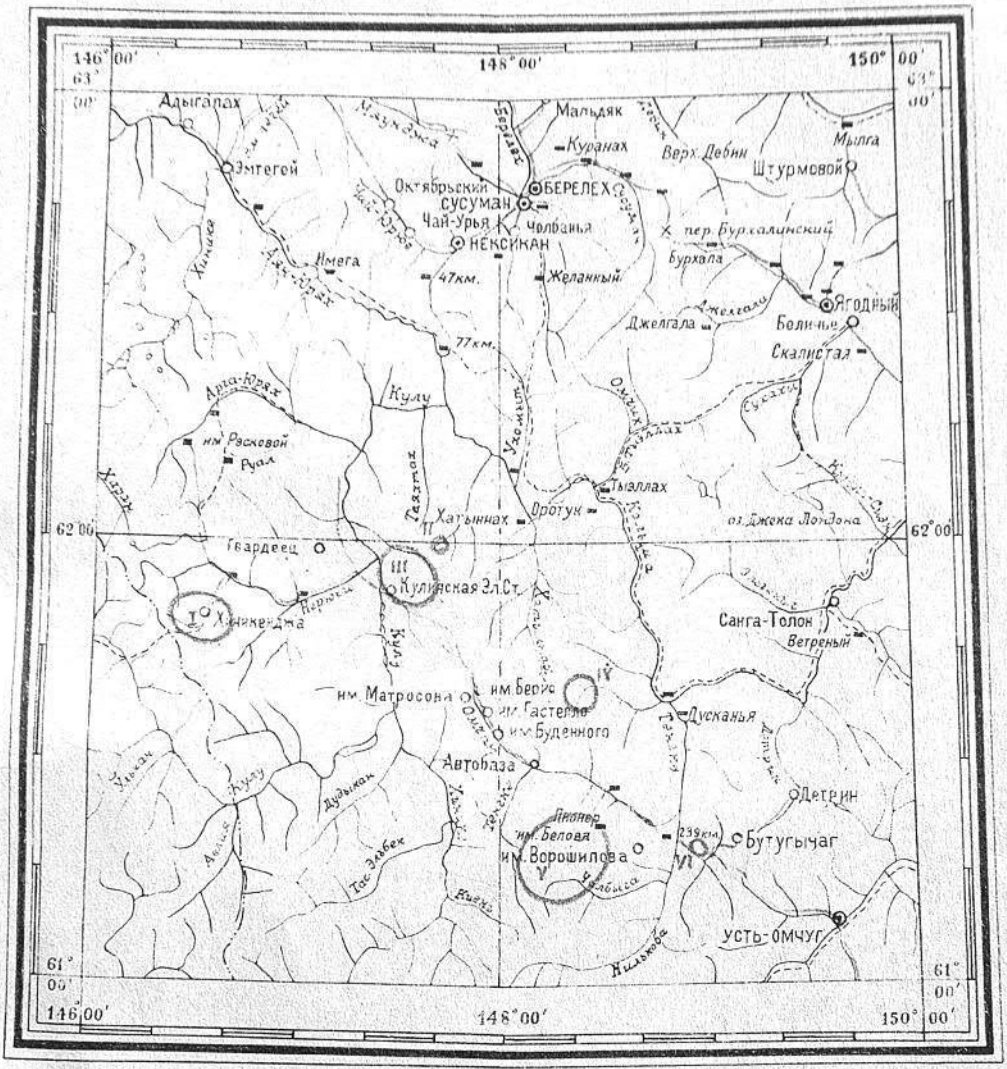
Новая, 1947 года Тумано-Вилигинская партия, руководимая мною, носила тематический характер – следовало уточнить природу гранитоидов и эффузивов района реки Вилиги, впадающей в Гижигинскую губу залива Шелихова, что и было успешно решено.

Еще с 1943 года моя деятельность в Дальстрое переключилась на поиски урановых руд… Геологическая служба Дальстроя, как и прочих ведомств, активно включилась в процесс создания своей, советской, атомной бомбы; необходимо было обеспечить атомную промышленность урановым сырьем. Так как имелись данные, что урановая минерализация геохимически тяготеет к оловоносным гранитам, прежде всего стали просматриваться под электроскопом все архивные и текущие сборы образцов горных пород и руд тех районов, где обнаруживался касситерит. Таким образом, к началу полевого сезона 1946 года были выделены гранитные массивы с повышенной радиоактивностью – туда и направились первые поисковые партии вновь созданного Пятого

Карта из отчета 1949 г. Д. С. Голоты
участков работ по поиску урана Инякано-Севастопольской партии

КАРТА МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ УЧАСТКОВ РАБОТ
Инякано-Севастопольской партии

Масштаб 1:2000000



УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Участки работ Инякано-Севастопольской партии.

I Район Хиникенджинского массива.

II Район „штока" руч. Промежуточного.

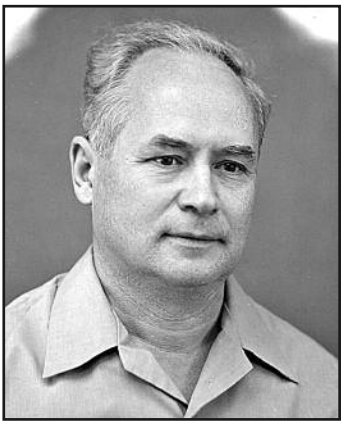
III Район Западно-Нечинского массива.

IV Район штоков рч. Б. Инякан.

V Район Севастопольского массива.

VI Район „штока" руч. Ачча.

К отчету Д.С. Голоты 1949 г.



Д. С. Голота. 58 лет.
Ейск, сентябрь 1974 г.

отдела. Исследования 1946–1947 годов дали превосходные результаты – на Северо-Востоке определились три промышленно-перспективных района: в междуречьи Меры и Рассохи, на правобережье Колымы близ реки Теньки и в Западной Чукотке. Там возникли соответствующие горнопромышленные комбинаты, а 5-й отдел к 1948 году был преобразован в I управление с мощной научно-технической базой и лучшими инженерно-геологическими кадрами. Государство стало получать из Дальстроя, кроме золота и олова, и урановый концентрат. Открывались новые месторождения, росли запасы радиоактивных руд… В августе 1949 года в СССР была взорвана первая атомная бомба…

В 1948 году меня назначили начальником Инякано-Севастопольской (по названию гранитных массивов) поисковой партии; теперь важнейшей составной частью, кроме геологического отряда, был отряд радиометрический; в партии работали два техника-оператора с приборами «ПР-5» и «БИРГ», я ходил с ручным «ПР-7», только появившимся. Обследовали пять оловоносных массивов, но они оказались малоперспективными…

В этом же году прибыли мои родители из Черкасс; я получил хорошую трехкомнатную квартиру в новом четырехэтажном доме на улице Портовой. Мне было присвоено звание старшего техника-лейтенанта внутренних войск (в 1944 году в Дальстрое были введены ношение военной формы и воинские звания).

В 1949 году я получил новое назначение: начальника Центральной комплексной экспедиции в районе оловорудного и уранового комбината «Бутугычаг». В составе экспедиции – несколько полевых партий и отрядов, в числе которых и отряд аэрорадиометрический с самолетом «По-2». Этот отряд случайно обнаружил сильную гамма-аномалию над сопкой «929», о чем мне тотчас сообщили… В это время мне в помощь был придан начинающий специалист, направленный для проведения опытных работ по теме «Возможности применения эманационной съемки в условиях вечной мерзлоты». Эта съемка в подобных условиях как раз отвергалась советскими китами-учеными; но начальник I управ-

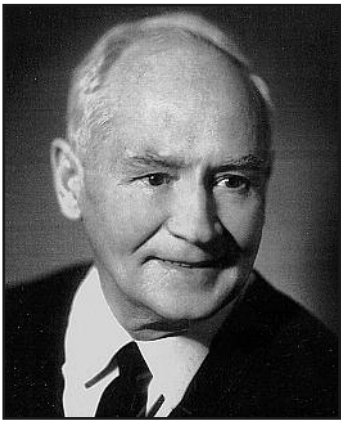
ления генерал-майор Василий Павлович Павлов (*не путать с Карпом Александровичем Павловым – начальником Главного управления строительства Дальнего Севера «Дальстрой» с декабря 1937 года по октябрь 1939 года – Ред.*), сам по образованию геолог, изучив материалы канадских и американских исследователей, с этим не согласился и настоял на постановке опытных наблюдений… Результат работ оказался великолепен… где-то должна была находиться урановая руда…

Павлов созвал представительное совещание, пригласив оппонентов, меня и моих аэрорадиометристов, а также главного геолога управления вместе с начальниками рудного и поискового отделов. Выслушав стороны, он приказал каждому из нас, то есть мне и моим оппонентам, дать письменное обоснование своих доводов. Мои доводы вели к рекомендации: ставить разведку с глубоким бурением; из доводов противников следовало: не ставить! Их поддерживали главный геолог и разведчики.

Довольно хлопотным казалось им это дело. Собрав все наши записки, начальник управления отбыл в Москву. Возвратясь через месяц, он снова нас собрал и ознакомил с теми материалами, которые проштудировал в специальных научных центрах… Главному геологу вменялось в обязанность немедленно, к весне, ставить разведку!.. В связи с целым рядом обстоятельств: болезнью Павлова и отбытием его в Москву, моей болезнью, переводом главного геолога в ГРУ ДС и преобразованиями в I управлении – об аномалии сопки «929» забыли.

Мне присвоили очередное звание – инженер-капитан, я в должности инженера-минералога оказался в петрографо-минералогическом отделе.

В конце 1951 года, вернувшись из отпуска, я возглавил петрографо-минералогический отдел во вновь созданной Центральной научно-исследовательской лаборатории управления (ЦНИЛ); прежний начальник этого отдела Ф. Р. Апельцин, как и главный геолог, был из Первого управления отозван. Новый главный геолог – Сергей Филиппович Лугов, собиравший материалы по олову Чукотки, решил использовать мой опыт для пополнения своего научного багажа. Он в 1952 году предложил мне должность начальника Чукотской комплексной экспедиции со специальным окладом. В состав экспедиции входили моя тематическая Гранитная партия и спецбюро из профессоров и



Д. С. Голота. 71 год.
Москва, 1987 г.

крупных геологов Сибири, репрессированных в 1949 году. Спецы работали на руднике, а я с небольшим отрядом исследовал гранитоидные массивы: промышленно-оловоносный, но без урана, Певекский; промышленно-урановоносный, но без олова, Северный; непромышленно-урановоносные и оловоносные – Янранайский и Пырканайянский; «пустые» – Инрогинайский, Лоотайпынский и Шелагский…

Работа на Чаун-Чукотке – это апогей моей геологической деятельности! А написанный научный отчет – готовая докторская диссертация. Это и хотел в своих целях использовать С. Ф. Лугов…

Сдав отчет, ранней весной 1954 года поехал в отпуск, а затем два года проработал старшим преподавателем геологических дисциплин в Учебном комбинате Дальстроя и в Магаданском горно-геологическом техникуме. Вел там петрографический кружок, организовал музей горных пород, составил программу по курсу «Месторождения полезных ископаемых» для техникумов Министерства цветной металлургии, в системе которого находился тогда и Дальстрой. Внештатным преподавателем Учкомбината был я все годы нахождения в Магадане, начиная с 47-го. В 1955–1956 годах состоял членом Ученого совета ВНИИ-1.

В эти же годы сотрудничал с Магаданским книжным издательством, печатался в «Магаданской правде» и сборнике «Пионерское лето»; в альманахе «На Севере Дальнем» были помещены мои художественные рассказы «Щука-исполин» и «Гагары», причем первый ранее напечатал журнал «Знание – сила»…

В июне 1956 года я отправился в последний «колымский» отпуск – с последующим увольнением из Дальстроя – после 15 лет работы в нем. Нужно было опекать моих стариков-родителей, которые уехали из Магадана в 1952 году.

Работа в Дальстрое – это начало и расцвет моего геологического творчества…

После увольнения из Дальстроя я работал в 1956–1966 годах в Краснодарской геологической экспедиции; в 1966–1967 го-

дах – в Закарпатской геологической экспедиции; в 1967–1968 годах – во Всесоюзном институте минерального сырья – ВИМС Мингео СССР; в 1968–1972 годах – в Центральном геофизическом тресте Мингео РСФСР, геохимической группе Спецревизионной партии.

С 1 февраля 1972 года как проработавший более 15 лет в районах Крайнего Севера ушел на пенсию «по старости». Написал ряд статей для научных журналов…

О непростых годах, проведенных на Севере, я ничуть не жалею. Лучшая для меня награда – добрая память моих учеников и соратников. Обо мне написано в книге «Помните их имена» – о геологах-первопроходцах Северо-Востока, изданной в Магадане. Есть на геологических картах сопка Голоты.

И хотя не изданы многие задуманные мною статьи и книги, но все, что было изучено, открыто, описано, рекомендовано, осталось в моих геологических отчетах, хранящихся и в геологических фондах, и в Центральном геологическом фонде в Москве.

Как когда-то в горах Кавказа, я снова готов воскликнуть: «Господи, спасибо тебе, что ты сделал меня геологом!»

1 марта 1992 г.
Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

Под псевдонимом Иван Осташко 5

Лихолетье 13
В преддверии 15
1941. Киев – Колыма – Чай-Урья 17
1942. В истоках Индигирки 71
1943. На Аян-Юряхе 123
1944. У подножия Харана. Арга-Юрях 146
1945. Нексикан. Лето 1945 года 187
1946. Отпуск на «материке» 203

К вершинам бытия 212
1947. Вилига 215
1948. Тенька. Бутугычаг 234
1949. Перемены. Секрет сопки «929» 254
1950. Инженер-капитан 270
1951. 2-й отпуск 275
1952. Последняя экспедиция. Чаун-Чукотка 276

На исходе 313
1953. Развод 315
1954. Кадровые перемены 319
1955–1956. Горно-геологический техникум. Покидая Колыму 321

Геологическими тропами. Автобиография 333

Весенняя заброска
экспедиционных грузов.
Фото 1932 г.

Валентина Акимовна Голота выражает сердечную благодарность всем, кто принял участие в подготовке этой книги:

Владимиру Христову,
Евгению Афанасьеву,
Тамаре Веркиной,
Сергею Вознесенскому,
Юрию Войтеховскому,
Никите Вронскому,
Инне Грибановой,
Анатолию Грищенко,
Павлу Жданову,
Ирине Жулановой,
Сергею Ефимову,
Александру и Наталье Ивановым,
Светлане Исаевой,
Александру Навасардову,
Андрею Осипову,
Светлане Симоновой,
Василию Сердюку,
Валентину Солопову,
Евгению Сычеву,
Элле Усталковой
и Анастасии Якубек

Даниил Сергеевич Голота

НА ПЛАНЕТЕ «ДАЛЬСТРОЙ»

Колымская хроника жизни очевидца.
1941–1956 гг.

Редактор:
Павел Жданов

Оригинал-макет, верстка:
Андрей Осипов

Корректор:
Алексей Гарипов

Фоторафии:
Павел Жданов и Андрей Осипов

В книге использованы фотографии
из семейных архивов Голоты, Вронских и Морозик,
архива издательства «Охотник» и экспозиции
Тенькинского историко-краеведческого зала поселка Усть-Омчуг

При подготовке книги использованы материалы
Магаданского областного архива,
Магаданского филиала ФБУ «ТФГИ по ДФО»

Подписано в печать 20.04.2016. Формат 155×235 мм.
Гарнитура PT Serif
Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Издательство «Охотник»
685000, г. Магадан, ул. Пролетарская, 11, офис 402.
Телефоны: +7 (4132) 63-18-15, 66-50-06,
эл. почта: oxotnik@online.magadan.su
info@hunterpress.ru
www.hunterpress.ru

Отпечатано в типографии «Любавич»,
194044, г. Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, 9